

РУССКАЯ ОИВАИДА

НА

СЪВЕРЪ.

С. П. Ъ.

Въ типографіи III Отд. Собственной Е. П. В. Канцеляріи.

1 8 5 5.

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 24-го дня 1834 года.

Цензоръ, Московской Духовной Академіи Инспекторъ,
Архимандритъ Серій.

456870

2014142198

801-15
1205

ВЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРСТВУ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

ЕЛЕНЕ ПАВЛОВНЕ.

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ посвящаетъ

Андрей Муравьевъ.

Нѣсколько пустынныхъ цвѣтовъ, собранныхъ мною не на дальнемъ Востокѣ, но вблизи насъ на Сѣверѣ, въ предѣлахъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, какъ бы въ родной нашей Ошавдѣ и Палестинѣ, дерзаю я, быть можетъ неискусной рукою, разсыпать предъ стопами ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА. Не слишкомъ ли смѣло мое желаніе, чтобы эти скромныя фіалки, процвѣтнія и забытыя въ своихъ пустынныхъ дѣбряхъ, нашли себѣ смиренный пріютъ въ Велико-Княжескихъ палатахъ?—Но вотъ и другое теплое желаніе, внушаемое сердцу, чувствомъ глубокой благодар-

ности, за то Высокое и милостивое вниманіе, котораго неоднократно удостоивался, хотя и безъ сознанія своей заслуги: лики Святыхъ, коихъ пустынные подвиги, терпѣнія и любви, соплетены здѣсь какъ бы въ одинъ благоухающій вѣнокъ, молитвою своею и благимъ примромъ, да укрѣпятъ Васъ къ безропотному нествію по терніямъ жизни, доколь не изсякнетъ всякое горе временной разлуки, въ одной неразлучной радости на лонѣ Христа!

ВСТУПЛЕНІЕ.

Тихо, отрадно мирное Останкино, въ объемъ его прохладныхъ рощей, которыя отовсюду вьютъ роскошнымъ опахаломъ своихъ липъ и сосенъ, освѣжая для него знойные часы полудня. Еще очаровательнѣе оно, при яркихъ краскахъ утренней зари, когда голубымъ зеркаломъ разстилается обширный прудъ, въ темной окривъ прибрежной дубравы, предъ величественными храмомъ и палатами, или когда, въ поздній часъ вечера, багровое солнце, спускаясь за лѣтъ, послѣдними лучами румянить куполь Графскаго дома и семь крестовыхъ главъ высокой церкви временъ Патріаршихъ. Въ виду первопрестольной столицы и Троицкой до-

роги, не далеко отъ любимаго гульбища Московскаго, Марьиной рощи и Сокольниковъ, особенно свѣжестію дышетъ это пріятное место, зеленый изумрудъ въ видѣ окрестныхъ селъ Бьлокаменной, мирный уголокъ, гдѣ можно отдохнуть на прохла-дѣ отъ ея заботливаго шума.

Понятно сердцу, почему вельможи Русскіе, Черкасскіе и Шереметевы, искали себѣ тутъ ти-хаго пристанища, близъ города и на перепутьи въ лавру. Не безъ громкихъ однако воспомина-нійъ место сіе, по видимому созданное толь-ко для беззаботнаго отдыха. Здѣсь по соседству, въ селѣ Алексѣевскомъ, жилали Цари; еще неда-вно знаменитый исторіографъ нашъ засталъ тамъ скромный дворецъ Алексія Михайловича, близъ хра-ма, имъ сооруженнаго, въ честь Ангела своего, чело-вѣка Божія, и въ память явленія Тихвинской иконы Богоматери. Еще красуется доселѣ велико-льпный храмъ сей, съ своей высокою папертью, достойный имѣть ктиторомъ Царя; но уже смирен-ное жилище основателя замѣнено усадьбою свя-щеннослужителей, и для нихъ зрѣютъ яблони, бывшихъ садовъ, которые, быть можетъ, на-садилъ державною рукою самъ кроткій Алексій, «тишайшій» въ полномъ смыслѣ сего Царскаго ти-тула. Здѣсь любилъ онъ тѣшиться иногда соко-линою охотою въ дремучихъ лѣсахъ, опоясав-шихъ съ этой стороны его столицу, и звонкіе ро-га ловчихъ оглашали всю окрестность. Отсель, сложивъ величіе Царское, не разъ странствовали

онъ смиреннымъ богомольцемъ, со всемъ своимъ семействомъ, въ лавру Сергіеву, просить ходатай-ства преподобнаго въ тяжкія годины своей держа-вы, или благодарить его за радости семейныя и отечественныя.

Церковь села Останкина, во имя Святыя Тро-ицы, сооружена, за полтора вѣка, бывшими вла-дѣльцами Князьями Черкасскими, коимъ наследо-вовалъ сынъ фельдмаршала, второй Графъ Шере-метевъ. Двухъярусная, съ крытыми восходами и дву-мя приделами въ паперти, ее опоясавшей, она воз-вышается во всемъ великолѣпнѣй тогдашняго зодче-ства, полу-Византійскаго, полу-Готическаго, которое можетъ собственно называться Русскимъ, и носить отпечатокъ первыхъ временъ Царствующаго Дома Романовыхъ; храмъ сей былъ освященъ едва ли не самимъ Адрианомъ, послѣднимъ Патріархомъ. Ца-ри жаловали бояръ своихъ, и не редко посеща-ли ихъ здѣсь, какъ ближайшихъ соседей села Алек-сѣевскаго. Въ обширномъ саду Останкина есть ке-дровая роща и, на ея краю, одинокій маститый кедръ, старецъ доживающій уже второе столѣтіе; подъ тѣнью его любилъ, по мѣстному преданію, отдыхать великій Петръ. Такой же кедръ показы-ваютъ въ селѣ Коломенскомъ, близъ уничтоженна-го дворца Царя Алексія Михайловича. Наши Дер-жавные любили сихъ величавыхъ пришельцевъ Ли-вана, напоминавшихъ имъ библейскія сказанія и приточную славу Соломона, котораго мудрости са-ми искали подражать, во дни земнаго своего цар-

ства, чая небеснаго. — Домъ Останкина, хотя и деревянный, свидетельствует о прежнем великокопичи бояр наших, которыхъ еще одинъ светлый образецъ тако доживаетъ старческіе годы, посреди общей любви и уваженія, въ подмосковномъ селе своемъ Влахерскомъ, гдѣ также посещаютъ его Державные. Вся сіи роскошныя палаты созданы были не для житья, а только для празднествъ, покойнымъ Графомъ Шереметевымъ, отнемавшимъ владѣльца, на мѣсть стараго дома Князей Черкасскихъ, и обращены имъ въ музей мраморомъ и картинамъ. Тутъ принималъ онъ Царственныхъ Гостей, посреди всей роскоши тогдашняго боярскаго быта, и давалъ великокопичные праздники, по случаю двухъ коронацій Императоровъ Павла и Александра. Рассказываютъ, что Благословенный замѣтилъ радушному хозяину одинъ только недостатокъ его роскошныхъ палатъ: то, что изъ нихъ не видно Москвы; — на слѣдующій праздникъ, пригласивъ Августѣйшаго Гостя на балконъ, Графъ показалъ ему, сквозь новую широкую просѣку Марининой рощи, бывший златоглавый столпъ Ивана великаго. Такъ усердно старался вельможи наши угождать, даже и въ малыхъ предметахъ, Вычаннымъ Посетителямъ, которые удостоивали ихъ своимъ присутствіемъ.

Скромный, небольшой домикъ, бывшаго владѣльца сей великокопичи дачи и ста сорока тысячъ душъ крестьянъ, пристроенъ былъ къ главному зданію, со стороны церкви, и уже теперь не существуетъ. Онъ

былъ разобрать по ветхости, потому что съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, Останкино перестало быть обитаемо своими Графами и, въ цѣломъ домѣ, нѣтъ для самихъ хозяевъ ни одной жилой комнаты: тамъ одинъ лишь залы и галереи, оживленные только вазами древнихъ и новѣйшихъ художниковъ. Есть тутъ и подземныя сокровища Геркуланума; одна изъ статуй, богини здравія, обрѣтенная въ Афинахъ, украшала некогда загородную Римскую виллу Кесаря Адриана, прежде нежели перешла въ подмосковную Русскаго вельможи, и была бы достойна Ватикана. Последній праздникъ Останкина, въ честь его Царственныхъ посѣтителей, данъ былъ родственникамъ Графа, въ 1830 году, Великому Князю Михаилу Павловичу; еще однажды оживился тогда, на краткій вечеръ, опустившія палаты давно забытымъ веселіемъ ихъ минувшихъ дней.

Цветущій садъ съ обширнымъ паркомъ, досель служить, въ праздничные дни, однимъ изъ гуляницъ для Московскаго общества, какъ будто отсутствующій хозяинъ заочно созываетъ къ себѣ невѣдомыхъ гостей, подъ развѣстную тѣнь вѣковыхъ кедровъ и липовыхъ благовошныхъ аллеѣ. Но если бывають по временамъ оживлены вечера Останкина, на утро водворяется опять та же глубокая тишина въ его безмолвныхъ дубравахъ; онъ оглашается только пѣніемъ раннихъ птицъ и невольно манятъ на прогулку въ свое прохладное приволье. Отъ времени до времени, въ урочные часы, слы-

шесть шумъ и пронзительный свистъ быстро паровоза, несущагося мимо Останкина; далеко за нимъ клубится, поверхъ роши, облако дыма и потому все опять затихаетъ. Желательно было бы, чтобы, на краю парка, опять наполнились водою многочисленные пруды, которые ополсывали всю обширную усадьбу и составляли одно изъ лучшихъ ея украшеній, тѣмъ болѣе что садъ и домъ не изменили прежней своей славы.

Но вотъ одно сладкое впечатлѣніе Останкина, которымъ особенно утѣшается сердце, накануне торжества церковныхъ первопрестольной столицы: это всеобщій звонъ колоколовъ, когда все они, сливаясь въ одинъ серебрястый гулъ, гармонически вторятъ густому, отеческому гласу Ивана великаго, возбуждающаго ихъ съ высоты Кремля; — сквозя проску роши широко несется, по тихому вечернему воздуху, многоглагольный звонъ сей въ мирное Останкино, невольно извлекаетъ слезы и потрясая душу, воспоминаніями великихъ событий Церкви и отечества!

Здѣсь, въ тихомъ уединеніи, гдѣ неожиданно нашелъ я себя лѣтній приютъ, подлѣ гостеприимнымъ кровомъ радушнаго владѣльца, здѣсь предпринимаю описаніе родной нашей Оиванды, которую только что посетить въ предѣлахъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ. Едва ли кому она известна изъ людей свѣтскихъ, а многіе однако же слышали о Оивандѣ Египетской и читали, въ патерикахъ Греческихъ, о подвигахъ великихъ отцевъ, прослѣвавшихъ къ суровыхъ пустынямъ Скитской и Палестинской. Но кто знаетъ этотъ нашъ, чудный міръ иноческій, ни мало не уступающій Восточному, который внезапно у насъ самихъ развился, въ исходѣ XIV столѣтія и, въ продолженіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ, одушевилъ непроходимыя дебри и лѣсистыя болота роднаго Сѣвера? На пространство болѣе 500 верстъ, отъ лавры до Бѣлоозера и далѣе, это была какъ бы одна сплошная область иноческая, усаженная скитами и пустынями отшельниковъ, гдѣ уже мірскіе люди какъ бы вынуждены были, вслѣдъ за ними, селиться и составлять свои обитательные грады тамъ, гдѣ прежде обособились одинъ лишь кельин. Преподобный Сергій стоитъ во главѣ всѣхъ, на южномъ краю сей чудной области и посылаетъ внутрь ея своихъ учениковъ и собесѣдниковъ, а преподобный Кириллъ, на другомъ ея краю, пріемлетъ новыхъ

пришельцев и расселять обители окресть себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Блага моря и на острова Соловецкіе. Оба они, как два светила, поставлены на тверди инокской, чтобы свѣтить міру духовному, но большее свѣтло Сергія.

Прежде нежели приступить къ описанію тѣхъ обителей, которыя успѣлъ я посетить на дорогѣ, изъ лавры въ Кирилловѣ, и коснуться житія ихъ основателей, любопытно, можетъ быть, окинуть однимъ былымъ взоромъ всю сію северную Оиванду. Слѣдуетъ начертать себя въ мысляхъ, какъ бы на планѣ, таинственный путь святыхъ подвижниковъ нашихъ, все глубже внутрь дикаго Сѣвера, чтобы такимъ образомъ имѣть передъ собою родословное дерево ихъ обителей, которыя постепенно возникали отъ благословеннаго корня Сергіева. — Уроженецъ Ростова, преподобный оставилъ свою родину, чтобы поселиться въ лѣсахъ Радонежскихъ, ближе къ Москвѣ, и вотъ большая часть пустынныхъ чадъ его, съ избыткомъ возвращаетъ святительской каведрѣ Ростова духовную утрату отца великаго старца. Прежде всего являются тамъ его собеседники, и какъ сладостно звучитъ сердцу умилительное сіе наименованіе! — Это собственно не ученики Сергіева, но сверстники его по времени и духовной жизни, хотя и не равные ему подвигами: всѣ, болѣе или меньше, отъ него заимствовали инокское свое образованіе, потому что не въ мѣру назпалась благодать Божія на сего

избранника, и онъ, смиренно стараясь быть ниже другихъ, невольно превозмогалъ всѣхъ обиліемъ духовныхъ своихъ дарований, которыя такъ высоко и, можно сказать, одиноко поставили его надъ ликомъ инокствующихъ своего вѣка и послѣдующихъ.

Изъ первыхъ собеседниковъ Сергіевыхъ является преподобный Димитрій, основатель обители Прилуцкой, близъ самой Вологды, только что возникшей; сей великій угодникъ Божій, другъ и совѣтникъ не только Сергіевъ, но и Великаго Князя Донскаго, сдѣлался съ тѣхъ поръ теплымъ предстателемъ своего города, который привыкъ, отъ самой колыбели, прибѣгать къ его молитвенному покрову. Въ то же время другой собеседникъ отшельника Радонежскаго, преподобный Стефанъ, рѣшился оставить свою пустынь на Махрѣ, по соседству его возникавшей лавры, чтобы водвориться къ северовостоку отъ Вологды, на рѣкѣ Обиежъ; но онъ былъ вынужденъ, по зову княжескому, возвратиться на Махру и оставить по себѣ двухъ учениковъ, Григорія и Кассіана, прославившихъ Обиежскими, по имени рѣки; тамъ мученически скончались оба подъ мечемъ Татарскимъ.

Еще одинъ собеседникъ Сергіевъ, ему сомянный, поселился, не доходя Вологды на рѣкѣ Нурмѣ, отъ которой принялъ названіе Нуромскаго Сергія, въ отлчіе отъ Радонежскаго, и вдоль ея пустынныхъ береговъ, одна за другою, начали процвѣтати обители. Многія уже изъ нихъ опустыли, въ томъ числѣ и основанная самимъ Сергіевъ; но еще досе-

ль цвѣтеть благочестіемъ, скромная обитель ученика его, преподобнаго Павла, прозваннаго Обнорскимъ отъ того, что такъ называлась вся окрестная волость по рѣкѣ Обнору, приемлющей въ себя Нуру.

Вотъ и еще болѣе великій подвижникъ, равноапостольный но также изъ присныхъ Радонежскаго, стремится къ северу, не съ тѣмъ уже чтобы пустыножительствовать, но дабы просвятить дальнюю Пермь учениемъ свангельскимъ. Стефанъ, родомъ изъ Великаго Устюга, приемлетъ постриженіе и духовное образование въ Ростовской обители святаго Григорія Богослова, изобрѣтаетъ тамъ грамоту для знакомаго ему съ дѣтства языка Зырянъ, еще косившихъ во тѣмъ язычествѣ, и переводитъ на оный богослужебныя книги. Съ посохомъ странника и съ второю Апостола, идетъ онъ проповѣдывать слово Божіе на устье Выми и Вычегды, и въ верхъ по теченію сихъ рѣкъ, подымается его проповѣдь въ дикую Пермь. Онъ сокрушаетъ идоловъ, смиряетъ волхвовъ языческихъ и покоряетъ цѣлыя народы свѣту Христову, потомъ идетъ въ Москву просить Епископа новопроевщенному краю, и самъ, по праву, туда возвращается первымъ Епископомъ. Три обители созидаетъ онъ на устьяхъ Выми, Вычегды и Сысоли, и въ первой основываетъ свою святительскую каведру; обители сін, и посель Стефана, растроганиють Христианство по всему северу Перми, ревностно его иноковъ и последовавшихъ за нимъ святителей, Герасима, Питирима, Юны; изъ

нихъ два первые мученически положили души свои за паству. Начало же апостольства Стефанова и пустыножительства трехъ собесѣдниковъ Сергія, относится къ второй половинѣ XIV вѣка, столь извѣстнаго для иночества.

Въ исходѣ того же вѣка встають два новые пустынныхъ жителя, Кириллъ и Оерапонтъ, восниганные къ подвигамъ иночества въ обители Симоновской, можно сказать, подъ сѣнію преподобнаго Сергія, ибо ея основателемъ былъ онъ самъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Феодоромъ. Оба они, Кириллъ и Оерапонтъ, послѣдую небесному гласу, идуть, вдали отъ столицы, искать самага дикаго уединенія, какое только могли найти для удовлетворенія своей духовной жажды, и обрѣтають себя наконецъ пристанище въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, за пять сотъ поприщъ отъ Москвы, но и въ такой глухой пустынь искали они еще одиночества. Оерапонтъ основался на живописномъ озерѣ, которому далъ свое имя, и въ послѣдствіи былъ отозванъ, противъ желанія, Княземъ Можайскимъ на свою родину, чтобы тамъ основать новую обитель Лужецкую; стадо же, собранное на дальнемъ северѣ, поручилъ ученику своему, преподобному Мартиніану. Но святой Кириллъ утвердился прочною стопою въ пещерѣ уединеннаго холма, на берегу другаго болѣе мрачнаго озера и, отъ предѣловъ Бѣлозерскихъ заимствовалъ свое названіе, самъ оживилъ весь сінъ пустынные края, множествомъ иночествующихъ, ибо его лавра послужила глав-

ным разсадиномъ всѣхъ почти обителѣй, не только въ окрестности, но и на поморіи, по примѣру Сергіевой.

Прежде однако нежели ученики и собесѣдники Сергіеви, погрузились во глубину Сѣвера, болѣе нежели за сто лѣтъ, образовалась уже на каменномъ острову Кубенскаго озера, въ предѣлахъ Вологодскихъ, своя знаменитая обитель, Спасо-каменная, по имени храма и острова, и сдѣлалась матерью многихъ другихъ въ окрестности озера. Удѣльный Князь Глѣбъ Бѣлозерскій, плывя по озеру, бурною занесенъ былъ на сей каменный островъ, и съ изумленіемъ обрѣлъ тамъ долголѣтнихъ отшельниковъ, давно уже спасавшихся отъ міра и людей. Онъ соорудилъ для нихъ церковь, во имя преображенія Спасава, по данному имъ обиту въ день спасенія своего отъ бури, и, избравъ изъ среды ихъ настоятеля, утвердилъ обитель. Діонисій пришелъ въ Аонскій, во дни Великаго Князя Донскаго, привелъ ее въ цвѣтущее состояніе и когда взомель самъ на каедру Ростовскую, вместо его заступилъ блаженный Кассіанъ, уже изъ иноковъ новой лавры Кирилловой, ученикъ его и достойный подражатель. При немъ Спасо-каменный монастырь пустилъ широкія вѣтви въ окрестные предѣлы. Не вѣтви обидано было юношѣ Кизію Заозерскому, который искалъ безмолвія въ сей обители подлѣ имени Іоасафа, что какъ онъ принесъ въ жертву Богу земное свое достояніе, такъ и Господь духовно ему возратить оное, исполнивъ, ради его подвига, всю

его бывшую область келліями иноковъ, которые будутъ прославлять Бога пустыннымъ житіемъ.

Еще при жизни блаженныхъ Іоасафа и Кассіана, и при святительствѣ Діонисія Ростовскаго, исходить два великіе аввы изъ Спасо-каменнаго, Александръ и Діонисій. Александръ идетъ сперва, за семьдесятъ поприщъ отъ озера, въ пустынную дѣбрь, на рѣку Сяньжему, потомъ приближается къ роднымъ его берегамъ на устьѣ рѣчки Кушты, и тамъ обрѣтши давняго пустышника, преподобнаго Евонмія, мыслится съ нимъ жительствомъ; онъ уступаетъ ему дальнюю Сяньжему и водворяется на Кушту, отъ которой заимствуетъ свое новое названіе, а Евонмію съ ученикомъ своимъ Харитоніемъ, именуются съ тѣхъ поръ Сяньжемскими; такимъ образомъ, славою своихъ отшельниковъ, незабвенны сдѣлались въ памяти народнои, невѣстныя дотолѣ потоки и урочища. Кто бы въдалъ Кунту и Сяньжему, Глушцу и Комелу, Пурму и Обнору, и столько другихъ ничтожныхъ рѣчекъ, если бы ихъ неизнаменовали своимъ келліями святыя угодники Божіи? Нѣсколько прежде преподобнаго Александра, въ самыхъ первыхъ годахъ XV вѣка, вышель изъ Спасо-каменнаго великій Діонисій, который соорудилъ одну за другою нѣсколько обителей, сперва на краю озера, на такъ называемой Святой Лукѣ, потомъ же нѣсколько далѣе двѣ мужескихъ и одну женскую, въ непроходимыхъ дѣбряхъ на рѣчкѣ Глушницѣ, которая самымъ именемъ выражаетъ, какая тутъ была до него глушь. Тамъ, основавшись въ

Покровской своей лавры, онъ съдѣлалъ отцемъ иночествующихъ всехъ окрестныхъ предѣловъ, какъ некогда великіе Савва и Евоній въ Палестинѣ или нашъ великій Сергій. Изъ лавры Діонисіевой развѣтвляются множество малыхъ и большихъ обителей, чрезъ его избранныхъ учениковъ, по его лавра господствуетъ надъ всеми и служитъ для нихъ образцемъ.

На святой Лукъ оставляетъ онъ перваго собрата своего Нахомія и, съ безмянными для потомства учениками, посылаетъ чудную икону своего иже, ибо самъ былъ искусный живописецъ, для основанія пустыни Семгородной, которая прославилась съ тѣхъ поръ знаменіями отъ сей иконы. Женская обитель, во имя Свяителя Ростовскаго Леонтія, возникла въ то же время близъ лавры Діонисіевой, которую при немъ и послѣ его жизни прославили, святостию жизни, ученики его, Макарій, Тарасій и Феодосій. Амфилохій, другъ его и келейникъ, созидаетъ еще подлѣ его лавры обитель Сосновецкую, гдѣ завѣщаетъ погребсти себя Діонисію. Преподобный Григорій, рода боярскаго, приходитъ изъ Ростова предать себя на учене великому аввъ и, по его совету, созидаетъ себѣ обитель Лопотову на рѣкѣ Пельшмѣ, а не далеко отъ нее, другой ученикъ Діонисіевъ, Филиппъ, водворяется на скромномъ ручьѣ Рабанѣ, впадающемъ въ великую Сухону. Это еще современники Діонисіевы, по лавра его не престаеи и послѣ него источатъ иночествующихъ въ дальніе и ближніе

предѣлы, ибо, около ста лѣтъ послѣ Діонисія, преподобный Стефанъ Озерскій основываетъ обитель Никольскую, на пустынномъ озерѣ въ предѣлахъ Грязовецкихъ; около того же времени устроены тамъ еще двѣ пустыни Перцова и Печенгская, преподобными Авксентіемъ и Онуфриемъ, Авраміемъ и Коприемъ; они все были постриженниками лавры Діонисіевой, хотя ихъ обители приписаны въ послѣдствіи ко вновь возсіявшему, по ихъ содействию, монастырю преподобнаго Корилія Комельскаго, который уже происходилъ прямо отъ святаго Кирилла Бѣлозерскаго.

Возвратился къ его великой лаврѣ и по возможности изчислилъ ея духовныя отрасли. Говорить ли о преподобномъ Савватіи, который, зачерпнувъ чистую струю иночества на Бѣломъ озерѣ, положилъ основаніе великой лаврѣ Соловецкой на пустынныхъ островахъ Бѣлаго моря, и тѣмъ просвѣтилъ все поморіе? Или о преподобномъ Александрѣ Ошвенскомъ и другихъ подвижникахъ, изшедшихъ изъ Кириллова къ северу, чтобы населить пустыни Олонекій? — Новгородъ, съ своей стороны и въ свое время, распространялъ также духовное просвѣщеніе по дальнему Северу, чрезъ сооруженіе обителей, но онъ происходилъ совершенно отъ другой семьи иноческой, а не отъ Сергія или Кирилла. Здѣсь же были соблюдаемъ свой пресметанный порядокъ или духовное родословіе обителей, если только можно такъ выразиться, и отъ большихъ лавръ, подобно Кирилло-

вой, Глушицкой, а въ послѣдствіи Комельской, образовались другія меньшія обители, какъ бы малыя созвѣздія, сосредоточенныя около главныхъ звѣздъ на тверди небесной; ихъ основатели, земные Ангелы, и небесные челоѡвѣки, какъ бы обратили самую твердь земную въ небесную, подвигами своими, превосходящими земное.

Вотъ и великое свѣтило житія созерцательнаго, преподобный Нилъ Сорскій, рода боярскаго, долго странствовавшій по святымъ мѣстамъ Востока, приноситъ свои духовныя правила со святой горы Афонской, и возвратясь въ Кирилловъ, гдѣ положилъ начало иночеству, основываетъ въ-недалекъ свою убогую Сорскую пустынь. Ученикъ его и собесѣдникъ Иннокентій, послѣ кончины блаженнаго учителя, удалился къ югу въ лѣса Комельскіе, гдѣ уже процвѣтали обители Нуромская и Обнорская, и тамъ подлѣ нихъ основался; начальникъ же Оерапонтова монастыря, также вышедшій изъ Кириллова, преподобный Мартиніанъ, основалъ близъ себя еще новую обитель Воже-озерскую. Уже многія изъ сихъ обителей не существуютъ, упраздненныя въ послѣдствіи, по недостатку иночествующихъ и самой пустыни для ихъ подвига, ибо все мало по малу заселилось окрестъ; но еще сами основатели доселѣ почіютъ подлѣ спудомъ, въ уединенныхъ церквахъ ихъ бывшихъ обителей, и доселѣ притекаютъ къ нимъ въ бѣдахъ обуреваемые жители, какъ бы къ своимъ ближайшимъ заступникамъ.

Еще одинъ великій авва или отецъ иночествую-

щихъ, подобно Кириллу и Діонісію, является въ исходе XV вѣка, въ южныхъ предѣлахъ Вологодскихъ, также изъ лавры Кирилловой. — Преподобный Корнилій водворяется въ волости Комельской, на той же рѣкѣ Нурмѣ. Въ свою очередь его новал обитель заимствуетъ свое названіе отъ окружающихъ ее лѣсовъ и служитъ обильнымъ разсадникомъ иночества во все теченіе XVI вѣка; но это уже послѣдняя лавра, имѣвшая столь жизненное вліяніе, въ свое время, на окрестную пустынь. До семи обителей возникло изъ лавры великаго Діонісія и столько же изъ Корнеліевой, которая съ нею равнялась въ иноческой славы. Первый превосходитъ отъ него преподобный Кириллъ Новоозерскій, водворившійся на новомъ озерѣ и нынѣ еще привлекающій къ себѣ болѣе молитвенниковъ, нежели самъ Кириллъ Бѣлоозерскій, отъ котораго отстоитъ за семьдесятъ поприщъ. Въ тѣхъ же предѣлахъ поселяется и другой ученикъ Корнеліевъ Филиппъ Прабскій, котораго малая обитель еще доселѣ существуетъ, когда уже упразднены Новоозерская преподобнаго Продіона, Соѣгинская Симеона и Шунгорская Давида, также его учениковъ. Геннадій, бывшій келейникомъ Корнелія, испрашиваетъ у своего старца Сурскую пустынь, въ которую любилъ онъ удалиться изъ своего монастыря, избѣгая многолюдства, и доселѣ дѣлаетъ сіа Геннадіева пустынь. И послѣ блаженной кончины Корнелія, иноками его лавры, Лонгиномъ и Симеономъ, основана была Коряжская обитель, которая также пусты-

ла отъ себя вѣтви, ибо два ея инока, Христофоръ и Леонидъ, составили себѣ особые монастыри. Не далеко отъ преподобнаго Корнелія, въ непроходимыхъ дебряхъ, основалъ свою обитель, доселѣ существующую, еще нѣкто изъ лавры Сергіевой, бывшій ея игуменъ Арсеній, прозванный также Комельскимъ, и въ то же время, то есть около половины XVI вѣка, Феодосій, воспринятый подъ епіскопію святаго Димитрія Прилуцкаго, созидаетъ свою дальнюю обитель за двести верстъ къ сѣверу отъ Вологды: сими двумя заключается, можно сказать, духовное потомство преподобнаго Сергія, собственно основателей новыхъ обителей, которые, происходя прямо отъ него или его собеседниковъ, имѣли столь жизненное вліяніе на пустыни Вологодскія.

Наступило время, когда не столько убогіе отшельники, сколько уже люди облеченные властію гражданскою или церковною, стали продолжать, въ тѣхъ же краяхъ, благодѣтельное начало пустынножителей, распространяя просвѣщеніе духовное чрезъ водвореніе новыхъ обителей. Вскоръ возникъ Сольвычегодскій великолѣпный монастырь и нѣсколько другихъ, которые соорудили именитые люди Строгоновы, взявшіе подъ свою крѣпкую руку весь сѣверъ Перми до предѣловъ Сибирскихъ; иноки же, населившіе ихъ новыми обителями, въ исходе XVI и половинѣ XVII вѣка, были вызваны изъ тѣхъ монастырей, которые водрузилъ Святитель Стефанъ, Апостолъ Перми. Отъ времени до времени устраи-

лись, въ предѣлахъ Вологодскихъ, еще новыя пустыни, какъ-то: Заоникіевская преподобнаго Юсифа, и Бѣлавинская, преподобнаго Марка, но уже нельзя слѣдить за ихъ родословною нитью и какъ бы изясляла, отъ самаго обліянія плодовъ своихъ, та богатая почва иночества, которая произвела въ теченіи трехъ вѣковъ столь великое число подвижниковъ.

Такъ нѣкогда было въ Египтѣ, такъ и въ Палестинѣ: въ свое время распустился каждый пустынный вѣтвь и въ свое время поблѣкъ, созрѣвалъ плодъ и опадалъ листъ, но по мѣрѣ того какъ оскудѣвало одно мѣсто, изобиловало другое великими угодниками Божиими, дабы и то не лишлось мзды своей. Отрадно однако идти по тѣмъ слѣдамъ, гдѣ спасались нѣкогда великіе отцы нашихъ пустынь; назидательно знакомиться съ ними, хотя и послѣ ихъ блаженной кончины, когда даже запустѣли отчасти самыя мѣста ихъ подвига, дабы облагодухать себя духовно ароматомъ священныхъ воспоминаній, которыя они по себѣ оставили въ пустынь, и памятью благолѣпнаго ихъ житія: — такъ исходящій изъ муроварной храмины, по словамъ великаго Златоуста, невольно уноситъ на своихъ одеждахъ запахъ благовоиной масти и облагодухаетъ ею другихъ!

ОБИТЕЛЬ КОМЕЛЬСКАЯ.

Святая лавра, столько раз и всегда съ новымъ утѣшеніемъ посѣждаемая мною, скромный Переяславль, еще доселѣ Залѣскій по своей мѣстности, и древній Ростовъ, исполненный святости, и все-львій Ярославль, красующійся храмами на берегахъ родной Волги, еще однажды пахнули въ сердце путника чѣмъ-то истинно русскимъ, невыразимо пріятнымъ, которымъ дышетъ вся сія чудная Ярославская дорога. Это путь молитвы и торговли, гдѣ текутъ сокровища временныя, подъ свѣцію вѣчныхъ непоколебимыхъ сокровищъ вся Русь; ея Ангелы хранители, почивая тѣлесами въ среброкованныхъ своихъ ракахъ, духовно бодрствуютъ по сему пути, отъ обители до обители и отъ города до города, какъ бы на священной стражѣ богомольной стези.

На сей разъ я направился дальше къ северу, въ льенные предѣлы Вологды, которая лежала на пути царственныхъ богомольцевъ нашихъ въ Кирилловъ; она служила иногда и мѣстомъ заоченія Князей Русскихъ и сохранила свой мрачный характеръ. Самая дорога къ ней носить тотъ же отпечатокъ и хотя довольно богата селеніями, однако не встрѣчается на ней уже техъ роскошныхъ селъ Ярославскихъ, которыми унизаны Волжскіе берега и южная часть губерніи; по мѣрѣ удаленія отъ великой рѣки грустинѣ становится природа.

Я ѣхалъ, поклониться святымъ отшельникамъ Вологодскимъ, въ ихъ пустынныхъ обителяхъ, но еще не зналъ какъ и куда пролегаютъ дорога въ уединенныя ихъ жилища, отстраненныя отъ путей человеческихъ? И вотъ, при самомъ въѣздѣ въ ихъ предѣлы, меня встрѣтило совершенно нечаянное о нихъ свидѣніе, тамъ гдѣ вовсе не могъ его ожидать, какъ бы духовное привѣтствіе отъ лица тѣхъ, которыхъ жаждалъ посѣтить. Содержатель первой станціи Вологодской, человекъ весьма благоговѣйный, предложилъ мнѣ нѣсколько различныхъ кружекъ для пожертвованія въ сосѣдніе монастыри. Я началъ распрашивать его о Корнилевѣ, лежавшемъ на моей дорогѣ, и въ тоже время, услышавъ названіе Павла Обнорскаго, пожелалъ знать далеко-ли и сія обитель?

«На десятой верстѣ отсюда, сказалъ онъ, вы увидите у самой дороги часовню, на рѣкѣ Пуря»,

а тамъ въ сторону не болѣе четырехъ верстъ до монастыря. Если вамъ угодно, я прикажу туда васъ завезти; — посѣтите преподобнаго, вы останетесь довольны настоятелемъ, отцемъ А . . . ъ; служба тамъ благозвучная, хотя весьма нуждается обитель; старецъ же весьма добрый и гостепріимный.» Время и погода не позволяли мнѣ на сей разъ воспользоваться радужнымъ приглашеніемъ, и я отложилъ посѣщеніе Обнорской обители до обратнаго пути, но съ любопытствомъ распросилъ благочестиваго хозяина о мѣстности прочихъ монастырей. — «Далеко-ли Сергій Нуромскій отъ Павла Обнорскаго?» — «Не болѣе четырехъ верстъ внизъ по той же рѣкѣ, но монастырь уже упраздненъ, а церковь приходская заслуживаетъ вниманія; Игуменъ охотно васъ туда съездетъ и самъ будетъ сопутствовать.» — «А гдѣ пустынь Иннокентіева?» спросилъ я. «Вы говорите о собесѣдникѣ преподобнаго Никола Сорскаго, отвѣчалъ онъ, но и та упразднена, и тамъ подъ-спудомъ также въ приходской церкви, почиваютъ мощи основателя, какъ и Сергіевы въ Нуромской церкви. Это будетъ подалее, верстъ за пятьдесятъ отъ Павла Обнорскаго, но направленно къ монастырю преподобнаго Арсенія Комельскаго; но туда вамъ теперь не дорога, потому-что мѣста непроходимы отъ болотъ; удобнѣе будетъ проѣхать изъ города Грязовца, или съ послѣдней станціи до Вологды, если вздумаете посѣтить монастырь Арсеніевъ, и тогда еще встрѣтите на дорогѣ одну упраздненную пустынь Перцову, гдѣ также

есть подъ спудомъ мощи основателей преподобныхъ. Авксентія и Онуфрія.»

Я наумился познанию духовному сего простодушнаго челоука и его благоговѣйной любви къ угодникамъ Божиимъ, которыхъ поименовалъ и просилъ посѣтить какъ-бы своихъ присныхъ: такова действительно таинственная ихъ связь съ тѣми, которые искренно привязаны къ ихъ памяти и призываютъ къ себѣ на помощь, какъ своихъ заступниковъ. Чувство это можетъ быть непонятно людямъ свѣтскимъ, не ищущимъ подобнаго общенія, но простое око смотритъ иначе, и смиреніе добраго хозяина станціи напомнило мнѣ слова евангельскія: «Въ той часѣ возрадовася духомъ Исусъ и рече: исповѣдуются Отче, Господи небесе и земли, яко угадъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ; ей Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ тобою.» (Луки X, 21.).

Такимъ образомъ, по милости опытнаго смотрителя, я уже нѣсколько могъ составить себѣ въ мысляхъ топографію обителей пустынныхъ, до самой Вологды, чтобы посѣтить наиболее любопытныя. На десятой верстѣ, переехавъ рѣку Нурму, украшенную столькими обителями, я увидѣлъ у самаго моста, удивленную часовню и взомель въ нее поклониться, какъ бы заочно, преподобному Павлу Обнорскому. Кроткій ликъ его встрѣтилъ меня тамъ, въ сонмѣ прочихъ пустынно-жителей, по сторонамъ распятаго Господа, ради коего столько подвиза-

лись; въ свиткѣ, который держалъ онъ, начертано было несколько отеческихъ изреченій о любви, и памятно мнѣ осталось это слово въ пустынной часовнѣ: «о если-бы вы выдали всю силу любви!» Такое краткое напоминаніе въ пустынь, особенно было умилительно для сердца и краснорѣчивѣе многихъ витійственныхъ рѣчей. Въ дверяхъ часовни увидѣлъ я и знаменіе сей любви, отдаленныхъ отшельниковъ къ проходившимъ мимо ихъ жилища: тамъ стояло ведро, со свежою водою и почерпаломъ, для утоленія жажды въ знойный день; я вспомнилъ опять евангельское слово: «иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студеныя воды, во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своел.» (Матв. X, 42).

Солнце уже садилось, когда прѣѣхавъ десять верстъ, увидѣлъ я при дорогѣ другую часовню преподобнаго Корнилія Комельскаго, и въ лѣво за версту отъ большой дороги, многоглавую его обитель, обнесенную стѣнами и башнями. Не смотря на позднее время и непогоду, повернулъ я въ монастырь, чтобы поклониться преподобному, котораго пустынное жилище первое меня встрѣчало на пути. Надобно было переѣхать опять рѣку Нурму, подъ самую стѣну монастыря, который стоитъ на возвышенномъ берегу, въ мѣсть довольно дикомъ, но пріятномъ, ибо тутъ другая рѣчка впадаетъ въ Нурму, близъ угловой башни. Замѣчательно и то, что въ несколькихъ саженьяхъ отъ ограды, есть минеральный источникъ желѣзныхъ водъ, которымъ пользуются окрестные жители.

Еще открыты были святые врата и я просилъ монашествующихъ отпереть мнѣ лѣтній соборъ, гдѣ почиваетъ подъ спудомъ великій чудотворецъ Комельскій. Древній храмъ, во имя Введенія Богоматери, основанъ вскорѣ послѣ преподобнаго, и теперь расширяется по усердію настоятеля, который хотѣлъ устроить, изъ двухъ тѣсныхъ приделовъ, одну просторную церковь во имя святаго Корнилія; теперь его надгробная рака станетъ въ арку между главнымъ соборомъ и симъ новымъ приделомъ. Я устремился къ священному гробу великаго подвижника и съ усердіемъ поклонился благовѣщному его ливку, начертанному на гробовой доскѣ.

Но кто былъ Корнилій? — Онъ принадлежалъ къ отрасли инопечской не преподобнаго Сергія, но Кирилла, какъ постриженикъ его Бѣлозерской обители, и былъ, можно сказать, третьимъ и уже послѣднимъ родоначальникомъ инопчества въ предѣлахъ Вологодскихъ, ибо его лавра сдѣлалась разсадникомъ другихъ обителей гораздо позднѣе Дюнсисевой и Спасо-каменной. Ростовъ, сія общая колыбель великихъ мужей нашей Церкви, отечество преподобнаго Сергія, послужилъ также землею родиною и для святаго Корнилія, который происходилъ отъ богатыхъ и благородныхъ родителей, не чуждыхъ двору великокняжескому. Дядя его Лукіанъ, послѣдовать за Великою Киягинею Марією, супругою Темнаго,

изъ Ярославля въ Москву, и взялъ съ собою племянника; когда же, по влеченію къ иночеству, удался въ обитель Бѣлозерскую, онъ и туда привелъ двѣнадцати-лѣтняго Корнилія. Съ такого юнаго возраста начало въ немъ развиваться стремленіе къ созерцательной жизни, которую осуществилъ какъ одинъ изъ лучшихъ ея образцовъ, когда достигъ въ мѣру возраста Христова.

Кто не знаетъ Кирилловскихъ хлѣбней? спрашиваетъ писатель житія его, чтобы тѣмъ выразить всю трудность подвиговъ, на которые онъ обрекъ себя въ юношескихъ лѣтахъ. Корнилію не только исполнять въ нихъ то, что и одному усердному работнику трудно было выполнить, но охотно принималъ на себя и урокъ менѣе усердныхъ; сверхъ того носилъ на себя тяжкія вериги и занимался въ свободныя минуты списываніемъ книгъ, которыхъ много послѣ него осталось въ обители Кирилловой. Таковъ былъ сей великій труженникъ, такимъ и остался до конечнаго изнеможенія силъ тѣлесныхъ, уже въ глубокой старости. На краткое время возвратился онъ на родину свою въ Ростовъ, чтобы тамъ убѣдить меньшаго брата идти также въ монашество, и потомъ, следуя совету Лѣтвичника, вдаль себя странничеству, ради пользы душевной.

Прежде направился онъ въ великій Новгородъ, процвѣтавшій въ то время обителями иноческими, и не малое время провелъ тамъ у мудраго Архіепископа Геннадія, который умѣлъ оценить его вы-

сокую добродѣтель. Святитель хотѣлъ сподобить Корнилія священства, но онъ уклонился такой почетомъ, не почитая себя достойнымъ духовной степеня, и удался въ пустыню, не далеко отъ города; Владыка посылалъ ему туда все потребное для пищи, часто призывая его для совѣта и самъ однажды почтилъ его посвященіемъ. Но когда разнеслась молва о пустынножъ его подвижъ и начали къ нему отовсюду стекаться, любитель безмолвія бѣжалъ въ предѣлы Тверскіе, въ пустынь Савватіеву; смущаемый и тамъ многолюдствомъ, удался въ окрестности Вологды, въ Комельскій лѣсъ, гдѣ все еще было пусто и не проходимо болотныя дебри. Это уже было при державѣ Великаго Князя Іоанна Васильевича и при святительствѣ Митрополита Симона, и такъ какъ Корнилію случилось однажды, ради некоторыхъ потребъ, посетить Москву, — Митрополитъ, много слышавшій о его духовной жизни, на время его удержалъ при себѣ и рукоположилъ во іерей, хотя и вопреки его желанія.

Возвратясь въ свою любимую пустыню, гдѣ поставилъ себя одинокою хижину въ дремучемъ лѣсу, долго тамъ безмолствовалъ Корнилію, въ совершенномъ уединеніи, и много пострадалъ отъ искушеній бисовскихъ и отъ нападенія злыхъ челоуковъ, которые хотѣли вытѣснить его изъ дикаго прѣстанища; но старецъ укрывался молитвами противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Начальникъ разбойниковъ, грозившій умертвить его, если не оставитъ его лѣсной области, самъ скоро по-

гибъ злою смертію; другіе же хищники, думавшіе обрести у него большое имущество, унесли съ собою только одинъ его книги, но и ихъ принуждены были возвратити святому отшельнику, потому что всю ночь блуждали по лѣсу и на разсвѣтъ очутились опять около пустынной его келліи. Послѣ всѣхъ сихъ испытаній, мало по малу, стала собираться къ нему братія и, съ помощію, ихъ соорудилъ онъ деревянную церковь, во имя Введенія Божіей Матери, уже на девятнадцатомъ году послѣ своего пришествія въ Комельскій лѣсъ и на шестидесятомъ своего возраста: какъ поздно дозволилъ онъ себѣ сіе духовное утѣшеніе!

Вмѣстѣ съ другими онъ трудился, расчищая вокругъ лѣсъ и распахивая нивы, чтобы собравшейся къ нему братіи иноческой, можно было питаться трудами рукъ своихъ. Но и тутъ не было ему недостатка въ искушеніяхъ. Однажды шелъ онъ по лѣсу, въ слѣдъ за братіею, и на него обрушилось дерево, мимо котораго прошли всѣ благополучно. Едва возсталъ отъ тяжелой болѣзни послѣ его удара, какъ опять упалъ съ кручи въ страшную стремнину, такъ что отчаявался въ его жизни, но Господь сохранилъ его для новыхъ подвиговъ. И нравственные искушенія его постигали: не разъ подвергался онъ клеветамъ за свою праведную жизнь и клеветы сіи доходили даже въ слухъ Державнаго, какъ будто отшельникъ отнимаетъ чужую собственность въ своей непроходимой дѣбри; однако кротость и терпѣніе его преодолевали все, и Великій Князь Василій Іоан-

новичъ исполнился глубокаго уваженія къ старцу, о которомъ много слышалъ.

Умножилось число братіи и Корнилій долженъ былъ распространити церковь, заботясь наипаче о ихъ душевномъ спасеніи, какъ добрый отецъ о чадахъ и пастырь объ овцахъ. Господь вселилъ разумъ художественный въ некоторыхъ изъ числа братства, какъ никогда въ сыновъ Израилевыхъ при построеніи скинии въ пустыни: одни ризали кресты, другіе писали иконы или занимались строеніемъ храма, и такъ, съ помощію Божіею, была воздвигнута сія новая церковь во имя Введенія. Потомъ построилъ онъ и другую трапезную, во имя великаго Аитонія, начальника пустынно-жителей Египетскихъ, и около сихъ церквей поставилъ келліи и ограду, такъ что обѣ церкви находилъ посрединѣ монастыря, какъ бы смотрѣли вокругъ себя на жительства братіи. Онъ учредилъ для церковнаго порядка екслюсіарха и келаря для внѣшнихъ потребъ, распредѣливъ порядокъ утреннихъ и вечернихъ службъ, и самъ часто обходилъ келліи ночью, чтобы наблюдать за братіею. Если находилъ учениковъ своихъ на молитвѣ, утѣшался духомъ; если же заставалъ ихъ бесѣдующими, послѣ вечерней службы, давалъ имъ знать о своемъ приходе, слегка ударяя въ окно, чтобы возвратились къ должному порядку.

Господь прославилъ его духомъ прозорливости и даромъ исцѣленій еще при жизни. За версту отъ обители поставилъ онъ часовню и крестъ, дабы

проходящие могли оставлять свою милостыню, не заходя в монастырь, и многие получали здравие, призывая заочно молитвы преподобного в его часовни. Приставленный тут брат начал употреблять во зло вручаемую ему милостыню; но пред лицом всей братии последовало обличение святотатству: когда иконы, один за другим, подходили для получения антидора к своему настоятелю и прикладывались сперва к иконе Богоматери, святотатец не был допущен, невидимою силою, до честной иконы, и припавши к ногам старца, исповдал пред всеми грех свой. Однажды брат, наблюдавший за печением хлеба, не почитая нужным спросить предварительно благословения старца; прозорливый Корнилий, обличив его, велел выбросить все хлеба на дорогу, дабы уразумела братия как важно в каждом деле благословение отеческое.

Нашлись однако между братиею, два недоброжелателя старцу, которые даже покусились на его жизнь. Будучи сами назначены приставами за полевыми работами, они ожидали преподобного у моста, при выходе из обители, чтобы совершить адский свой замысел. Рано утром вышел Корнилий, один по обычаю; проходя мостъ через реку Нурму, сотворил он молитву и спокойно продолжал путь свой в поле; злоумышленникам же показалось, будто много людей его провожают; отъ страха притаились они под мостомъ. Тоже явление повторилось и на обратномъ его пути, а

между темъ они сами видели, что старецъ ходилъ совершенно одинъ въ поле по работамъ, и не было при немъ спутниковъ, какіе имъ мечтались. Объятые ужасомъ и обличаемые совѣстью, уразумѣли они, что самъ Господь охраняетъ своего угошника, и со слезами покаянія, припавши къ ногамъ его, просили себя исходатайствовать прощенье отъ Бога; незлобивый старецъ все простилъ имъ великодушно и ни въ чемъ не отличилъ ихъ въ послѣдствіи, отъ прочей братіи.

Когда случалось ему въ поученіяхъ напоминать, чтобы воздерживались отъ нѣкоторыхъ пороковъ, никого не обличалъ онъ по имени, а говорилъ только какъ бы о себѣ одномъ; естъ же кто приходилъ къ нему добровольно приносить покаяніе, то съ кротостію возлагалъ на него зптимію для облегченія совѣсти. Милостыню раздавалъ онъ обильную пищимъ, и деньгами и хлебомъ. Случилось въ день храмоваго праздника, великаго Антонія, оскуднѣе хлеба въ обители, ибо Господь хотѣлъ испытать веру вѣрнаго своего раба. Не зная что раздавать множеству убогихъ, собравшихся еще наканунѣ, преподобный сотворилъ теплую молитву предъ Господомъ, дабы далъ пищу боящимся его, и на разсвѣтъ пришелъ посланный отъ Великаго Князя Василія Іоанновича, съ царскою милостынею въ обитель, которою съ избыткомъ насытился весь народъ.

Милосердіе и въра его просіали и во время тяжкаго голода, посѣтившаго предѣлы Вологодскіе.

Запасы монастырскіе открыты были для всех приходивших, хотя и высокою цною приобретались хлѣбъ; младенцы, которыхъ бросали сами родители подъ стѣнами обители, принимаемы были для прокормленія въ богодѣльню, на дворѣ монастырскомъ, ибо такова была общая забота старца. Случалось, что некоторые изъ убогихъ, по два и по три раза принимали себя милостивно изъ рукъ его, въ ущербъ другимъ, и приставники замѣчали о томъ старцу, но онъ не велѣлъ ихъ отгонять и безъ различія всемъ подавалъ. Вечеромъ, въ праздникъ святаго Антонія, когда послѣ соборной службы и обычнаго правила, прислалъ онъ немного отдохнуть въ своей келліи, — въ тонкомъ сивъ предсталъ ему самъ великій отшельникъ Египетскій и велѣлъ за собою слѣдовать. Святотѣльный мужъ вывелъ его на просторную поле, на которомъ трудами лежали просфоры и калачи, и сказалъ: «вотъ твое подаваніе нищимъ, собери его къ себѣ въ помы одежды» и когда сталъ собирать, отъ избытка посыпались они изъ поля. Тутъ онъ проснулся и, съ радостными слезами, подивился видѣнію; посему заповѣдалъ, при жизни своей и послѣ смерти, не оставлять щедрого подаванія нищимъ.

Примѣняясь къ древнимъ отеческимъ правиламъ, Корнилій распределялъ съ подробностію все службы церковныя и работы монастырскія, дабы никто не оставался празднымъ, но при всякомъ рукодѣіи винушалъ постоянно имѣть на устахъ молитву Иисусову. Всехъ научалъ онъ, и своихъ и приходив-

щихъ, жить по правиламъ святыхъ отецъ, во всемъ покоряться волѣ настоятеля, и молитвенно совершать подвигъ послушанія во все теченіе жизни. Чемъ болѣе умножалось стадо его духовное, тѣмъ болѣе усугублялъ онъ бдѣніе и постъ. Преподобный начерталъ для своей обители особенный уставъ о церковномъ благочиніи и соборной молитвѣ, трапезѣ, пищѣ и одеждѣ, о нестяжаніи, постоянномъ безмолвіи и трезвеніи мыслей, во избѣжаніе праздныхъ бесѣдъ, растлывающихъ нравы. Строго заповѣдалъ онъ братіи, чтобы никогда не были нарушаемы сии правила, и должно полагать, что совершенство устава общецѣлительнаго послужило къ тому, что столько другихъ обителей возникли, одна за другой, изъ спасительной ограды Корниліевой, потому что опытные ученики его, въ свою очередь, сдѣлались наставниками соборной ими братіи, въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Устроивъ такимъ образомъ все нужное для жительства иноческаго въ обители у себя, созвалъ онъ учениковъ своихъ и поставилъ надъ ними двѣнадцать, изъ ихъ среды, которымъ вручилъ наблюденіе порядка монастырскаго, себѣ же просилъ отпущенія у всей братіи, дабы опять могъ безмолвствовать въ уединеніи. Съ плачемъ молилъ весь блаженнаго старца, не оставлять сырымъ дѣтей своихъ, но онъ утѣшалъ ихъ, говоря: «что если и разстанется съ ними тѣлесно, душею же всегда съ ними будетъ» и, взявъ съ собою несколько учениковъ, удалился за семьдесятъ верстъ въ дре-

мучій зьств, на пустыннѣе Сурское озеро, близъ рѣчки Костромы, гдѣ началъ опять съ усердіемъ наединѣ работать Господу. Напрасно оставшіеся въ обители братья посылали къ старцу умолять его о возвращеніи; непреклоннымъ остался онъ въ дикомъ своемъ уединеніи.

Случилось, въ ту же зиму, Великому Князю Василію Іоанновичу идти на богомолье, въ Кирилловъ монастырь, вмѣстѣ съ Княгинею своею Еленою, молить великаго чудотворца о дарованіи имъ сына, въ наследіе державнаго рода Руссійскаго. Мимходомъ зашелъ онъ въ обитель Корниліеву и спрашивалъ братію: «почему оставилъ ихъ блаженный учитель? по любви ли къ благочестію, или ради какого либо пестроенія домашняго?» Братія отвѣчали, что Корнилій удалился на безмолвіе, ради Христовой любви, и со слезами молили державнаго, понудить отца ихъ къ нимъ возвратиться, ибо не могли терпѣть долѣе такого духовнаго лишненія. Тронулся Великій Князь ихъ мольбами и послалъ отъ себя парочнаго въ пустыню Корниліеву, повелѣть ему возвратиться въ свой монастырь и тамъ ожидать обратнаго его прихода изъ Кириллова; самъ же продолжалъ молебный путь свой. Между тѣмъ преподобный, во княжескомъ величіи, пришелъ изъ пустыни въ свой монастырь и, взявъ съ собою трехъ братіи, встрѣтилъ Государя въ Вологдѣ.

Обрадовался державный прішествію старца и много съ нимъ побесѣдовалъ о душеполезныхъ пред-

метахъ, просилъ умолять Господа и пречистую его Матерь, дабы ему даровано было чадородіе. Онъ отпустилъ прежде себя преподобнаго въ монастырь, и вскоре за нимъ послѣдовалъ, чтобы тамъ упрости не оставлять братію, которую собралъ со многими трудомъ. Но блаженный старецъ умолялъ Великаго Князя, ради дряхлости своей и немощи, отпустить его въ пустыню, чтобы тамъ только плакать о грѣхахъ своихъ. Князь же, зная многотрудное житіе Корнилія, изъ уваженія къ старцу, положилъ во всемъ быть на волю его и, съ обильною милостынею, отпустилъ на Сурское озеро; даже и туда велѣлъ онъ отпекать ему на пропитаніе хлѣбъ оброчный, а въ монастырь далъ отъ себя вклада пятьдесятъ рублей и приказалъ церковь деревянную Антонія великаго, вмѣстѣ съ трапезною, обить досками.

Преподобный возвратился въ свою пустыню; тамъ замыслилъ соорудить себе малую церковь и пошелъ, съ однимъ ученикомъ, въ Москву, просить о томъ Самодержца и Митрополита всея Руси. Въ то время родился державному сыну и наследникъ, нареченный во святомъ крещеніи, Іоанномъ, и радостію исполнилось отеческое сердце: онъ пошелъ въ лавру преподобнаго Сергія, помолиться великому чудотворцу и благодарить Бога за дарованную милость; тутъ встрѣтилъ его преподобный Корнилій. Съ великою почестью принялъ старца Великій Князь, и предпослалъ въ столицу, чтобы тамъ благословилъ его Княгиню, а самъ,

возвратясь въ царствующій градъ, осыпалъ щедротами Корнилія и часто призывалъ его къ себѣ на трапезу, для духовной бесѣды, посылая къ нему и на домъ все потребное для пищи, но Корнилія тайно раздавалъ это убогимъ.

Старецъ просилъ Князя о дозволеніи соорудить церковь въ пустынь, но державный, помня моленіе братіи Комельской, не согласился, и понуждалъ Корнилія возвратиться въ прежній монастырь. Тяжкимъ показалось это любителю безмолвія, который искалъ только уклониться отъ житейской мольбы; онъ скрылся отъ Великаго Князя у одного христоролюбиваго челоуька; но когда услышалъ, что державный ищетъ его по всему городу, удалился въ Сергіеву лавру, гдѣ съ любовію принять былъ настоятелемъ и братією. Вѣсть о томъ дошла до Великаго Князя и когда самъ онъ посетилъ лавру, на праздникъ Богоявленія Господня, опять понуждалъ старца возвратиться въ свой монастырь, ибо не подобало такому великому святильнику скрываться подъ спудомъ.

При столь успешномъ настояніи долженъ былъ повиноваться Корнилія, а между тѣмъ Великій Князь послалъ нарочнаго въ его обитель, вызвать оттуда несколько изъ его учениковъ, чтобы они сами умолили старца идти съ собою въ монастырь. Согласился наконецъ Корнилія, и съ ними вмѣстѣ предсталъ предъ лице Государя, просить себѣ отпущенія. Обрадовался державный его послушанію и сказалъ: «слышалъ я, отче, что съ тѣхъ поръ какъ

основался монастырь твой, не имѣешь ты ни сѣль, ни деревень; проси что тебѣ нужно и все тебѣ дамъ.» Но Корнилія ничего не хотѣлъ себѣ просить, а только желалъ, чтобы ему приписали нѣскольکو земли съ лѣсомъ, около монастыря, которую уже воздѣлалъ въ потъ лица, своими руками, такъ какъ это былъ единственный хлѣбъ для его обители; на все съ любовію согласился Великій Князь и присоединилъ еще къ тому много угодій и деревень для обители; онъ укрѣпилъ грамотами, чтобы ни кто изъ будущихъ поселенцевъ на сей землѣ не былъ обязываемъ какими либо податями или пошлинами, и такъ отпустилъ его съ миромъ, давъ ему на дорогу обильную милостыню. Великая радость была въ обители Комельской, при возвращеніи желаннаго старца; вся братія встрѣтила его, какъ Ангела Божія, со крестами за оградой; каждый искалъ припасть къ ногамъ его или прикоснуться къ его одеждѣ, и старецъ самъ, съ отеческою любовію, всехъ обнималъ и благославлялъ.

Во время отсутствія преподобнаго Корнилія въ пустынь Сурской, братія, по его благословенію, избрали себѣ игуменомъ Кассіана, но когда возвратился старецъ, не посягъ болѣе Кассіанъ начальствовать предъ лицемъ его и пребывалъ у него въ совершенномъ послушаніи; Корнилія же предпринялъ опять прежніе свои труды, очищеніе лѣса и воздѣланіе нивъ, дабы иноки его не только сами яли свой хлѣбъ, но и другихъ питали. Случилось однажды во время работы, когда братія отды-

хала въ полдень, а самъ онъ собиравъ въ лѣсу очищенный имъ хворостъ, внезапное пламя его объяло и старецъ едва не погибъ въ огонь, но Божіимъ посященіемъ поднялся сильный вѣтеръ и очистилъ ему широкую дорогу изъ среды огня. Преподобный, разбудивъ братію, повѣдалъ ей о совершившемся чудѣ и, образомъ чувствннаго огня, напомнилъ, чтобы старались избѣгать вѣчнаго.

Такъ, при каждомъ особенномъ случаѣ, назидая онъ братію поучительнымъ словомъ, внушая наипаче не имѣть ни въ чемъ своей воли, но во всемъ хранить смиреннудріе и молитвенно ожидать смертнаго часа, въ непрестанныхъ трудахъ и совершенномъ отчужденіи всего мірскаго, ибо, по словамъ Апостола, нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ (Римл. 8, 18). Онъ строго заповѣдалъ, чтобы никто не смѣлъ называть чего либо своимъ, и не позволялъ даже въ келлію выносить нищу изъ трапезы, кромѣ какъ болящимъ; за трапезою же должны были все сидѣть въ глубокомъ молчаніи, и во всякое время, хранить очи свои отъ неподобающаго зрѣнія, и уши отъ всего вреднаго для слуха, а языкъ отъ празднословія, дабы не дать за то отвѣта. Сердце, внушая онъ, охранять умною молитвою отъ помысловъ нечистыхъ и наипаче избѣгать пьянства, которое порождаетъ всякую злобу и соблазномъ погубляетъ души. Нарушителей общецѣлебнаго устава, строго по-

ведывали выгонять изъ обители, дабы другимъ не подавали опаснаго примѣра, а тѣмъ изъ иноковъ, которые повиновались отеческимъ заповѣдямъ, жили въ братолюбіи между собою, общались не только временныя блага, процвѣтаніемъ ихъ обители, но и будущую награду, за совершеніе ихъ подвига.

Самъ блаженный старецъ, не устранился ни отъ какихъ трудовъ и первый всегда являлся на церковную службу; для всехъ онъ былъ все, по слову Апостола, печальнымъ утѣшеніе и нищимъ одежда, больнымъ исцѣлитель, и грѣшникамъ учитель покаянія. Втайнѣ подавая убогимъ, дабы не осудила братія его излишней щедрости, любилъ онъ одѣваться въ убогія ризы. Однажды инокъ, по имени Закхей, пришелъ къ нему въ мантии, связанной изъ лыковъ, и просилъ, чтобы велѣлъ переменить ее на лучшую; Коринлій, снявъ съ себя мантию, отдалъ Закхею, а лыковую надѣлъ на себя и еще долго ее носилъ. Однако приближеніе старости и недуги тѣлесныя, при непрестанномъ умноженіи братіи, которыхъ уже не въ силахъ былъ поучать, заставили его снова пожелать любимаго своего безмолвія, дабы въ тишинѣ размышлять о часѣ смертномъ. Преподобный отошелъ въ Кирилловъ монастырь, на мѣсто своего постриженія, и принятый тамъ съ любовью игуменомъ, затворился въ келлію, надѣясь окончить въ ней духовный свой подвигъ.

Но Господь иначе о немъ промыслилъ, дабы не лишился Комельская обитель сокровища его

мощей. Оставленные имъ ученики, послали къ нему пять изъ старѣйшихъ братій умолять его, чтобы опять къ нимъ возвратился; но видя его непреклоннымъ, просили о томъ игумена и старецъ Кирилловскихъ, и не могъ на сей разъ блаженный Корнилій презреть такое общее моленіе. Онъ потребовалъ однако, отъ учениковъ своихъ, чтобы до его возвращенія поставили у себя игумена на его мѣсто, и указалъ на благоговѣйнаго мужа Лаврентія, увѣряя, что безъ того къ нимъ не возвратится. Братія едва могла убѣдить Лаврентія, принять на себя начальственную должность, и съ нимъ вмѣстѣ отправились въ Кирилловъ, чтобы привести съ собою старца. Возвратившись, онъ утвердилъ ихъ выборъ, а самъ затворился въ келію, не помышляя больше ни о чемъ земномъ, и ожидая только разрѣшенія тѣлеснаго.

Но ему судено было еще однажды оставить обитель, уже не по доброй воли, но по причинѣ набѣговъ Татаръ, которые разорали всю окрестность; иноки и миряне покидали свои жилища и бѣжали въ лѣса. Братія пришли возвестить о томъ преподобному; «сотворимъ человеческое, сказалъ онъ; бѣжимъ и мы, да не вмѣнится намъ въ гордость; если побѣдимъ здѣсь Татаръ, то не побѣдимъ тишецавія, ибо никому не должно добровольно повергаться въ опасность.» Такимъ образомъ, вмѣстѣ со всею братією, уклонился онъ въ предѣлы Бѣлозерскіе, моля Господа и пречистую его Матерь, о сохраненіи своей обители и о тишинѣ всего міра.

Татары, разорившіе много окрестныхъ обителей, устремились на Корниліеву, но она показалась имъ издали неприступною крѣпостію, окруженною множествомъ войска, и они бѣжали, пораженные страхомъ; старецъ же съ братією возвратился въ свое жительство.

Даръ исцѣленія дасть былъ преподобному еще при жизни, и многие получали отъ него врачеваніе своихъ недуговъ. Одинъ изъ иноковъ, по имени Іовъ, пришелъ къ нему, когда стоялъ на вечернемъ правилѣ, и показалъ ему руку свою, сильно уязвленную; старецъ взглянулъ только на рану и сотворилъ молитву, и рука въ ту же минуту исцѣлилась. Другой иннокъ, посланный Корниліемъ на работу, принесенъ былъ въ монастырь едва живой, будучи израненъ разбойниками; преподобный велѣлъ позвать священника, чтобы постричь его; самъ же постылъ его прежде прихода пресвитера, коснулся только перстомъ его раны, и болящій всталъ совершенно здоровымъ.

При старцѣ Корниліѣ, уже въ последнее время его жизни, служилъ ученикъ его, благоговѣйный юноша Геннадій, который съ дѣтскихъ лѣтъ посягнулъ себя иноческой жизни и преуспѣвалъ во всякомъ подвигѣ, но не довольствуясь строгимъ правиломъ монастырскимъ, желалъ еще безмолвствовать наединѣ. Видя старца своего, изнемогающаго отъ болѣзни, онъ припалъ къ ногамъ его и просилъ, чтобы позволилъ ему, по окончаніи его жизни, пребывать въ той Сурской пустынѣ, гдѣ самъ

временно подвизался. Сперва не соглашался Корнилий, не почитая его, как незнавшего грамоты, способным устроить сію пустынь, но потом, ради крайняго смиренія, благословилъ на сей подвигъ; онъ даже обещалъ ему прославленіе избраннаго имъ мѣста, что исполнилось въ послѣдствіи, ибо пустынь Геннадіева процвѣла его молитвами.

Чувствуя приближеніе кончины, и уже отрывившись отъ міра, непрестаннымъ созерцаніемъ божественной славы, преподобный призывалъ къ себѣ игумена съ братією, и еще однажды заповѣдалъ имъ, чтобы твердо сохраняли данный имъ уставъ, для спасенія душъ своихъ, со страхомъ и вниманіемъ, исполняя всю божественную службу, и не забывая нищихъ, ради его памяти.

Въ четвертую недѣлю по Пасхѣ, крайне изнемогающій, велѣлъ еще однажды вести себя въ церковь, чтобы приобщиться святыхъ таинъ, и опять возлегъ на свой болѣзненный одръ. Братія непрестанно его окружала, скорбя о предстоящей разлукѣ, но старецъ утѣшалъ ихъ, говоря, что Лаврентій заступитъ его мѣсто, и просилъ только чтобы жили между собою въ мирѣ. Вся приходили со слезами просить послѣдняго его благословенія, и всѣхъ съ любовію благословлялъ онъ, прося у каждаго себѣ молитвы и прощенія. На послѣдокъ велѣлъ прочесть акакистъ Господу Иисусу и Богоматери; самъ онъ, поднявшись съ ложа, взялъ кадильницу, онѣмаломъ окадилъ святыя иконы и предстоявшихъ, и опять простершись на одръ,

такъ тихо предалъ душу свою Богу, что никто не замѣтилъ, какъ отлетѣла отъ устъ его послѣдняя молитва; лице его было светло; казалося онъ не умеръ, а только спитъ. Ударилъ къ утрени воскресной; игуменъ и братія понесли съ честію тѣло отца своего въ церковь и со слезами совершили воскресную службу; на другой же день, при чрезвычайномъ стеченіи народа, погребли многотрудное тѣло его, близъ созданнаго имъ храма, мая въ 19 день 1537 года. Сорока одного года, пришелъ Корнилій на мѣсто сіе и столько же лѣтъ пребылъ на ономъ, обративъ пустыню въ чудную обитель. Вскорѣ послѣ его кончины начали истекать исцеленія отъ его гроба, надъ которымъ бываемые наппаче получали облегченіе отъ тяжкаго своего недуга; игуменъ же Лаврентій, еще десять лѣтъ послѣ своего старца, охранялъ въ мирѣ собранную имъ паству и, вмѣстѣ съ бывшимъ игуменомъ Кассіаномъ, избралъ себѣ послѣднее пристанище близъ гроба блаженнаго своего учителя.

Чтобы ближе познакомиться съ духомъ и характеромъ святаго Корнилія, надобно прочесть его предисловіе къ уставу общежительному, данному имъ своей обители; оно исполнено смиренномудрія и дышетъ простотою первыхъ временъ Христіанства.

«Благоволеніемъ Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и спосвѣщеніемъ его пречистыя Матери, написалъ я для себя душеполезное сіе писаніе и для присныхъ моихъ братій о Господѣ, которые мнѣ единоправны. Я васъ именую братією,

а не учениками, ибо одинъ у насъ есть учитель, Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, давшій намъ божественное писаніе, и по немъ святые Апостолы и преподобные отцы, научавшіе и доселѣ поучающіе человѣческой родъ. Всѣ они сами прежде дѣлали благое и потомъ уже иныхъ научали, а такъ какъ я не былъ доселѣ дѣлателемъ ни единого блага, то, покрайней мѣрѣ, изложу божественное писаніе для техъ, которые хотятъ спастися.

Писаніе говоритъ, что мы здѣсь пришельцы и пресельники (Ев. XI, 13), послѣ же смерти ожидаетъ насъ вѣчная жизнь; или въ радости или въ мукѣ, обрѣтаться будемъ, судя потому какъ воздастъ Господь каждому по его дѣламъ. Посему подобаетъ намъ наипаче заботиться о той жизни, что послѣ нашей смерти, и я доколѣ еще живъ, предаю писаніе сіе братіи моей, о Господѣ, о моемъ и для ихъ спасенія, возбуждая совѣсть ихъ къ лучшему, дабы сохранили себя отъ нерадѣній и дурной жизни, и отъ людей мудрствующихъ одно плотское, которые по лѣности впали въ сѣти общаго намъ врага.

Много мірекихъ людей приходятъ къ намъ, желая постриженія; я же, хотя и грѣшенъ, неразуменъ и немощенъ душею, однако пріемлю и постригаю приходившихъ ко мнѣ. Стекаются также и некоторые братія изъ другихъ монастырей, желая житьельствовать съ нами; и сихъ пріемлю, хотя вовсе не желаю начальствовать, лишь бы всѣмъ намъ, малымъ и великимъ, сохранивъ заповѣди Бо-

жии и преданія Св. отецъ, и жить въ совершенномъ согласіи, не извиняясь тѣмъ, будто бы невозможно нынѣ слѣдовать по стопамъ святыхъ отецъ. Если мы и немощны, довольно уже и того, что хотимъ послѣдовать, хотя и не можемъ съ ними сравниться. Не желающіе соблюдать сего устава, пусть перестанутъ докучать моему окаянству, ибо не я прихожу къ нимъ, чтобы у нихъ начальствовать. Если и у насъ живущіе не стараются все сіе соблюсти и не слушаютъ нашихъ словъ, не дамъ я за нихъ отвѣта Богу и невиненъ буду въ ихъ срамочивніи; если же хотятъ они жить по сему уставу, тѣмъ охотнѣе ихъ пріемлю, возвѣщая имъ слово Божіе, хотя и самъ его не исполняю, но быть можетъ, ради ихъ послушанія и молитвъ, сподоблюся и я спасенія.

«Много насъ глаголющихъ и мало творящихъ», говоритъ Св. Максимъ; Слово Божіе никто не долженъ таить своимъ нерадѣніемъ, но исповѣдать свою немощь и не скрывать Божіей истины, да не будемъ повинны въ преступленіи заповѣдей. Трещу пророческаго писанія, возвѣщающаго, что настоятель будетъ связанъ за всѣхъ подлѣ нимъ сущихъ. Если можетъ отсѣчь ихъ отъ зла и не откажетъ, то Богъ взмещетъ отъ руки его кровь ихъ, и самъ онъ вмѣстѣ съ ними погибнетъ за нерадѣніе; если же обличитъ ихъ, но не сможетъ удалить отъ зла, по крайней мѣрѣ избавитъ тѣмъ собственную душу, они же умрутъ во грѣхъ своемъ. Посему умоляю васъ, отцы и братія и

чада мои возлюбленные, ради любви Христовой и спасения, моего же и вашего, поцелуем о душах наших; поскорбим о мимолетшем времени житія нашего и подвигнемся для будущих благъ, дабы, проводя въ нерадннн здѣшнее житіе, не быть намъ осужденными въ страшное прншествіе Господне. Какимъ образомъ узрнмъ мы, своими очами, въ день Господень великій, страшное лице Христа, сіяющее паче солнца, когда будетъ определять праведнымъ неизреченное благо, грншнымъ же томленіе и муки?

Что можетъ быть горче такой скорби и печали, говорить Св. Ефремъ, если увидимъ тогда мірскихъ людей, жившихъ съ женами и дѣтьми и работавшихъ о мірскомъ, удостоеннымъ царствія небснаго, а мы которые все оставили, отца и мать, жену и дѣтей и присныхъ, и весь міръ, и все, что въ немъ есть сладкаго, мы, постоянно пребывающіе въ скорбахъ и бѣдахъ, борясь съ твасными нашими страстями, какъ бы со львомъ и зміемъ, мы осуждены будемъ съ мытарями и грншниками, ради малаго небреженія и преслушанія? Какимъ образомъ, оставивъ великое, неразумно прельщаемся ничтожнымъ, и ради сего отпадаемъ отъ любви Христа Бога и, въ страшный часъ смерти, люто истязаны будемъ! Если, по мнзнію великаго Василія, сами духовные отцы и Св. мученики не безъ истязанія проходили мытарства воздушныя, въ часъ разлученія души отъ тѣла, то мы, окаянные, какъ избежимъ ихъ? и какое помилованіе по-

лучимъ, ежечасно прогнвляя Господа, живя беззаботно во всякомъ довольствіи, имѣя готовыми пищу и питіе и все, что потребно для тѣла, если только о единой душѣ нашей не хотимъ позаботиться? Мы не только не имѣемъ въ памяти нашей, какъ отрелись мы отъ міра и какъ общались Христу терпѣя всякую скорбь и тѣсноту иноческаго житія, въ постановномъ послушаніи и нищете, но даже и о маломъ своемъ правилѣ не хотимъ имѣть заботы, о томъ, какъ намъ подобаетъ быть въ церкви и въ келліи, и такимъ образомъ, безъ всякой заботы о нашемъ спасеніи, въ обители живемъ просто, какъ бы міряне.

Намъ уже кажется весьма важнымъ, что мы отъ міра отрелись словомъ, хотя на дѣлѣ нисколько, и мы не хотимъ помыслить, что вскорѣ должны умереть, какъ отцы наши и братія, и предстать нелицемврному судилищу Христову, чтобы слово воздѣть ему о нашихъ дѣлахъ, и рѣчахъ, и помышленіяхъ. По истинѣ страшнѣе и немилостивѣе судъ сей нерадннмъ. Аще бо праведникъ едва спасется, нечестивый же и грншникъ гдѣ явится? (1. Петр. 4. 18.). Посему, хотя нынѣ, поцелуемъ о заповѣдяхъ Господнихъ и отеческихъ преданіяхъ, написанныхъ намъ въ уставѣ, по свидѣтельству священнаго писанія и по завѣщанію великаго Василія, который говоритъ: прежде всего подобаетъ инокамъ, въ общежитіи живущимъ, не имѣть ни въ чемъ своей воли или стяжанія, но во всемъ повиноваться настоятелю, держаться послушанія со

смирениемъ, и трудиться тѣлесно, сколько есть силъ, чтобы все исполнять въ обители со тщаниемъ, по установленному порядку.»

УСТАВЪ

ПРЕПОДОБНАГО КОРНИЛІЯ.

Общезначительный уставъ преподобнаго Корнилія весьма замѣчателенъ, какъ зеркало монашескаго быта XV вѣка, потому что назидательныя его правила послужили для утвержденія многихъ обителей и, въ общихъ нравственныхъ советѣхъ, могутъ быть полезны и для мірянъ; онъ раздѣляется на 15 главъ, и въ первой говорится о церковномъ благочиніи и соборной молитвѣ.

«Нашпаче потщимся братія, исполнить вѣсть чинъ церковной молитвы, какъ намъ повелѣваютъ божественныя писанія, говоритъ преподобный: какъ только услышимъ клепаніе (или благовѣсть), немедленно бросимъ все, что у насъ обрѣтается въ рукахъ, и съ усердіемъ устремимся къ началу службы. Если кто прежде придетъ въ церковь, прежде сподобится и милости отъ Господа, и сколько вре-

мени будетъ находиться въ соборѣ, въ ожиданіи службы, по столько приметъ и благодати отъ Бога. Если кто приходитъ къ земному Царю, и прежде другихъ, стоя или сидя у дверей палатъ, ожидаетъ его выхода, тотъ бываетъ за то любимъ Царемъ; если же кто нерадивъ и послѣ всѣхъ приходитъ, тотъ, какъ лѣнливый, отъ лица царскаго изгоняется. Такъ и мы, если начнемъ нерадеть о церковной службѣ, приходимъ послѣ всѣхъ и прежде другихъ уходя, какъ нерадивые будемъ отвержены Богомъ. Если кто, по какой-либо необходимой причинѣ, удержанъ былъ и не успѣлъ придти къ началу, когда возглагошають: «приидите поклониться и принадлемъ ко Христу», то пусть, взойдя въ церковь, поклонится игумену, прося себя прощенія, или обнимъ клиросамъ если нѣтъ настоятеля.

Во время божественнаго пѣнія, всѣ должны стоять съ благоуміемъ, благогочинно и безмятежно, и никто да не говоритъ ни одного слова, кромѣ настоятеля и тѣхъ, которымъ поручена забота о церкви; да остерегаются нашпаче празднословія и шептанія другъ съ другомъ, или съ приходящими гостями, и никто да не оставляетъ мѣста своего, переходя на чужое. Предстолиціи земному Царю съ небреженіемъ, не малому подвергается осужденію: колыма паче подобаетъ съ треномъ предстоять небесному страшному Царю. При тѣлесномъ благочестіи, попечемся и о внутреннемъ, ибо если кто по наружности только соблюдаетъ приличіе, никакой отъ сего не будетъ пользы уму его, когда онъ

будеть скитаться въ неподобныхъ помыслахъ; по понудимъ себя на дѣло Божіе, отгнавши все земныя помыслы, умъ нашъ все устремимъ къ небу, трезвациюся мысленю и бодрствующею душею и сокрушеннымъ сердцемъ, не оставляя и наружнаго благочинія; со страхомъ и умиленіемъ стоя въ церкви, будемъ молиться Богу и просить у него милости, и славословіе божественное да будетъ для насъ всегда любезное и честное всехъ прочихъ дѣлъ человеческихъ.

Ничто не можетъ столько подвинуть Бога на гнѣвъ противъ насъ, какъ безчиніе въ церкви и нерадніе о молитвѣ, и суетные разговоры о вещахъ тѣсныхъ; лучше не приходитъ въ церковь, нежели раздражать Господа. «Не презри божественной службы, да не предашь будешь въ руки враговъ твоихъ,» предвараютъ насъ Св. отцы, и еще прежде нихъ страшно грозить пророкъ: «прокляты всякъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ!» Если кто начнетъ молву или безчиніе въ церкви, такому слѣдуетъ возвращать, а если не послушаетъ, изгонять его изъ церкви. По окончаніи же соборной службы, не прилично стоять или сидѣть предъ церковію, но каждый пусть идетъ въ келлію свою съ молчаніемъ, пребывая въ молитвѣ и рукодѣліи, или какомъ-либо послушаніи, опять до благовѣста.

По совершеніи божественной литургіи, братія, выходя изъ церкви, идутъ въ трапезу, вмѣстѣ съ настоятелемъ, не по два вмѣстѣ, а одинъ за од-

нимъ, молча или читая псаломъ, и такъ взойдя въ трапезу садятся, каждый на своемъ мѣстѣ по порядку, съ благоговѣніемъ и молчаніемъ. Никто да не замедлитъ къ благословію трапезы, и тогда только можно скромно прикасаться къ брашну или питію, когда уже на нихъ возложилъ руку настоятель. Особенно надобно остерегаться, во время трапезы, чтобы не проговорить какого-либо празднаго слова, кромѣ положеннаго чтенія, ибо Св. отцы равняютъ братскую трапезу съ жертвенникомъ, на время обеда, и потому, какъ въ церкви на божественномъ пѣніи, такъ и на трапезѣ, съ молчаніемъ подobaеть ѣсть и съ молитвою внимать чтенію. Одинъ только настоятель и келарь и тѣ, которымъ поручено трапезное послушаніе, могутъ кротко и тихо сказать что необходимо. Если же кто начнетъ говорить и дѣлать неблагоговѣно, да запретить ему, а если не послушаетъ, пусть исполнится надъ такимъ советъ Василія великаго: «изжени молитворца изъ сомища, и съ нимъ вмѣстѣ изыдетъ молва.» То же благочиніе должно соблюдать и за келарскою трапезою, и за нее ходить могутъ только занятые монастырскими службами, и то по необходимости, или если кто не поспѣетъ къ большой трапезѣ, съ разрѣшенія игумена или келаря; а если кто опоздаетъ, по нераднію или коварству, да возбраняется ему и сія трапеза. Потомъ все молча расходятся по келліямъ, не оставаясь ни въ трапезѣ, ни предъ нею, и не уклоняясь другъ къ другу въ келлію, ибо отъ сего про-

исходить безчиіе и прадисловіе, а мы должны дать отвѣтъ Богу за каждое праздно слово.

Пища и питіе должны быть по уставу, просты и смиренны, судя по времени и мѣсту, ибо не слѣдуетъ искать излишняго, но только необходимаго и то что можно удобно кувить малою цѣною; больше трехъ яствъ не слѣдуетъ ставить. Если кто изъ христіанобцевъ принесетъ какое-либо утѣшеніе на трапезу, можно по нуждѣ и въ мѣру поставить оное, дабы не опечалитъ принесшаго; въ воскресные же дни и на господскіе праздники, если подастъ Христоствъ еще одно яство, подобаетъ вкушать его, во славу Божию, не заботясь однако о томъ. Въ великій постъ, по вторникамъ и четвергамъ, одно вареное яство да бываетъ, все же прочее, одно сухоядѣніе; а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, не ставить на трапезу кваса, ни посты не давать, кромѣ только однимъ болшимъ по благословенію; братіямъ же всѣмъ пить только одну воду, а хмѣльнаго напнтка никогда никакого не имѣть. Съ трапезы, безъ благословенія настоятеля или келаря, не брать ни хлѣба ни квасу, не только для братіи, но ни даже гостямъ или страннымъ, и въ больницѣ ничего не носить безъ благословенія.

Никто, безъ разрѣшенія настоятеля, не долженъ яствъ особенно и тайно, у себя въ келліи, или въ монастыря, на огородѣ, въ полѣ и въ лѣсу, и держать какою-либо пищу у себя, кромѣ тѣхъ которымъ благословитъ настоятель, ради немощи или благословной вины; строго запрещаютъ

тайно-ядвіе общежительныя правила, такъ какъ всякое зло отъ сего происходитъ. Кто, великое побѣдвѣ, малымъ побѣждается, осужденъ будетъ, подобно Ананіи и Сапфиръ, и никакая добродѣтель не можетъ принести намъ пользы, если побѣдимся чревоубѣднѣемъ: это дѣвольскія свѣнія, которыя кажутся ничтожными, но заключаютъ въ себѣ смертный ядъ.

Если кому есть дѣло до брата, пусть скажетъ ему слово, у оконца келліи, и возвратится къ себѣ; бесѣды же должны быть таковы, чтобы служить къ назиданію и исправленію душъ. Если кто изъ вѣншихъ придетъ къ брату, присный ему или сродникъ, инокъ или мірянинъ, не слѣдуетъ его принимать въ келлію или бесѣдовать съ нимъ, безъ благословенія настоятеля. Василій великій повѣлываетъ оставлять безъ благословенія и безъ пищи того, кто сіе нарушитъ и, безъ разрѣшенія игумена, ничего не брать изъ приносимаго, или что давать кому либо отъ себя.

То, что сказано было о скромности и простотѣ въ пищѣ, должно наблюдать относительно одежды и обуви, и не искать излишняго и многоцѣннаго, по прелести бѣсовской. Каждый братъ, да имѣетъ двѣ одежды, одну ветхую съ заплатами, другую крѣпкую; также и двѣ обуви не зазорно или кто имѣетъ, особенно служебники въ монастыря, излишнее же все да относится въ казну монастырскую. Руководьники, на все что дѣлаютъ, пусть испрашиваютъ благословеніе настоятеля, не имѣя права

раздавать что-либо даже в милостыню, потому что в милостыню и питание нищих, общи всему братству. Казначей раздавать, по пуждъ, обуви и одежду каждому, испытывая, есть ли у кого трехъ и отбирая назадъ ветхое.

Никто изъ братій, да не просить у кого-либо изъ вѣвшихъ, шнোকъ или, мѣрникъ или сродниковъ, денегъ или одежды, или чего другого себя, потому-что такъ поступаютъ отъ того только, что не хотятъ подчинить себя общему закону монастырскому, или смирился предъ казначеемъ, ослышавъ тщеславіемъ; таковые суть язва и соблазнъ, посреди братій, и Св. отцы говорятъ, что бѣсъ нечистоты соблюдаетъ шноку лучшую ризу, для суетной бесѣды.

И такъ, строго запрещается имѣть въ монастырѣ или внѣ его, у своихъ сродниковъ, какое-либо стяжаніе; но всеми силами должно охраняться отъ сребролюбія и украшенія ризъ и пристрастія къ вещамъ, ибо пльвляемый ими, по словамъ Св. Василія, умерщвляетъ душу свою и, за малыя цаты, отрывается своего спасенія; шнокъ, имѣющій въ общежитіи что-либо свое, малое или многое, чуждъ любви Божіей и отлученъ соборной Церкви. Отцы говорятъ по старчеству, что живущіе въ общежитіи, даже словомъ не должны называть вещь мою или твою, или чьею изъ братій, ибо потому только и нарицается общежитіе, что все общее. Если и оскуднѣе случится, лучше оно со Христомъ, нежели безъ Христа богатѣе житейское.

Убоекъ братія, дабы въ часъ, въ который не чаемъ, не постигла насъ смерть и не обрѣла нашу совѣсть окверженную сребролюбіемъ, да и намъ не скажетъ Господь: «безумный, въ сію ночь, душу твою возмуть отъ тебя, а то, что ты собралъ, кому будетъ?» Хотящій сподобиться божественной благодати, въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ, долженъ имѣть совершенное нестяжаніе и Христоподобную нищету, какъ и самъ Владыка Христосъ говорилъ: «Сынъ человѣческой не имѣетъ главы поклонить (Матѣ. 8, 20); и я снисшелъ съ небеси, не да послужать мнѣ, но да послужу» (гл. 10, ст. 45) и еще: «не творю воли моей, но посланнаго меня Отца» (Іоан. 6, 38). Такое смиреніе показало намъ для примѣра! Кольми паче подобаетъ намъ, не имѣть своей воли, но все творить по благословенію настоятеля.

Никто да не беретъ въ церкви или трапезѣ, въ монастырѣ или внѣ его, какую бы то ни было вещь, малую или великую, для себя или службы монастырской, безъ благословенія настоятеля или келаря, а если что найдетъ, пусть возвыститъ; если же утаитъ, явно что украсть, ибо Св. Василій говоритъ «что дѣлающій что-либо втайнѣ, или безъ благословенія въ общежитіи, угождаетъ діаволу и съ нимъ осужденъ будетъ. Во святой церкви никто да не беретъ книги или свѣчи, безъ благословенія пономаря и, безъ вѣдома уставщика или настоятеля, да не принишетъ что-либо въ книгѣ, потому-что отъ сего бываетъ мятежъ и смущеніе.

Кромѣ келаря и приставниковъ, никто да не приходитъ безвременно въ трапезу, хлѣбно и поварню, а въ служебныхъ келліяхъ, старшіе должны наблюдать, чтобы не было смущенія и безды; если же не изгнать дѣлающаго молву, сами лишаются благословенія; изъ монастыря никто да не выходитъ, безъ благословенія настоятеля, кромѣ тѣхъ, которые приставлены для внешней службы.

Когда позовутъ на какое либо монастырское дѣло, внутри или внѣ обители, все должны немедленно собраться, кромѣ немощныхъ; сошедши же работать безъ ссоры, прекословія или ропота; ибо все немощи человеку прощаетъ Богъ, но ропщущаго не терпитъ и наказуетъ, говоритъ Св. Ефремъ Сиринъ. Во время работы, каждый да остерегается суесловія, о мірскихъ вещахъ, бесполезныхъ вопросовъ и переговоровъ, ибо отъ этого происходитъ всякое зло. Но напротивъ да будетъ беседа о томъ, что есть единое на потребу, изъ божественнаго писанія, для пользы душевной, и должно трудиться болѣе съ молчаніемъ и молитвою, дабы и дѣло тѣмъ благословилося и душа осветилась.

Не прилично намъ выходить изъ монастыря, безъ особой причины, въ города и селы къ роднымъ. Настоятель да опредѣляетъ каждому свое дѣло, а равно и выходъ изъ монастыря, и посланный не долженъ отказываться ни отъ какого послушанія, но со страхомъ Божиимъ исполнять оное, для общей пользы. По сему, если случится кому изъ насъ, по монастырской нуждѣ находиться въ міръ,

большую надобно имѣть осторожности, чтобы соблюдать преданія отеческія; отъ сего происходитъ похвала для братіи, оставшейся въ обители, и польза духовная для мірянъ.

Если кто изъ братіи, по нерадѣнію, нарушитъ въ чемъ-либо преданіе отеческое, да исповѣдуетъ сіе настоятелю и онъ, какъ подобаетъ, исправитъ согрѣшеніе брата. Если такимъ образомъ, въ страхъ Божию и благочестіи будете жить, то и здѣсь ублажать васъ будутъ и вѣчное получите благо; если же начнете передавать о заповѣдяхъ Господнихъ и отеческихъ преданіяхъ, то и здѣсь поносимы будете отъ человѣковъ, и въ будущемъ вѣкѣ понесете осужденіе. Нарушителя устава, какъ гнилой членъ, изгоняйте изъ монастыря, чтобы прочіе страхъ имѣли; горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ, говоритъ Св. писаніе.

Если бываетъ милостыня монастырю, никто изъ братіи да не дерзаетъ брать ее себя по рукамъ, какъ завелся сей безразсудный обычай, отъ врага душъ нашихъ, въ некоторыхъ даже общежительныхъ монастыряхъ, хотя это строго запрещено Св. отцами. Если кто изъ великихъ и вообще какой-либо христіанецъ, захочетъ раздавать самъ милостыню по рукамъ, или пришлетъ ее съ кѣмъ либо въ обитель, и тотъ по неопытности начнетъ прекословить, что ему велію самому раздавать милостыню, а иначе вовсе ее не дать: то пусть лучше не будетъ такой милостыни, нежели принимать ее на раззореніе общежитія; равно и священники

и прочие церковно-служители, все получаемое или за службу или въ милостыню, должны отдавать въ монастырь. Такимъ же образом, если кто и въ монастырь будетъ посланъ за милостынею, не можетъ принимать ее себѣ, отдѣльно отъ братства; если же кто и приметъ, пусть отдастъ монастырю; сохраняющій же, вопреки устава, данное ему для себя, святотатецъ есть и лишается благословенія. То же самое и касательно питія: если кто изъ великихъ, прішедъ въ монастырь, вздумаетъ поставить на трапезу какой-либо хмельный напитокъ въ утѣшеніе братіи: никогда сіе допущено да не будетъ; ниже у него въ келіи не дозволено вкушать такого напитка, и лучше его въ такомъ случаѣ опечалить, нежели нарушить уставъ монастырскій.

Все сіе, говоритъ преподобный, написалъ я, недостойный и грѣшный инокъ Корнилій, моею рукою, и предалъ здѣсь братіи своей; желаю, чтобы какъ при жизни моей, такъ и по смерти, соблюдаемо было сіе преданіе, и часто прочтываемо, для напоминовенія къ пользѣ душевной, да не будутъ слова сія въ осужденіе, въ день суда. Хочу и о томъ возвѣстить братіи: если послѣ моего отшествія, придетъ изъ чуждаго монастыря инокъ, имѣя при себѣ особенное стяжаніе, сребро или ризы или какую-либо излишнюю вещь, кромѣ необходимыхъ книгъ и иконъ, и захочетъ съ вами жить, сохраняя до времени свое имущество: такого примите для испытанія, на одинъ

только годъ, отдавъ все его имѣніе въ монастырскую казну, и если, послѣ сего времени, укрѣпится жить по нашему преданію, то пусть раздастъ все излишнее: если же не согласится, пусть идетъ въ мирѣ, со всемъ своимъ стяжаніемъ.

Если некоторые изъ братіи нашихъ, здѣсь постригшихся и отеевъ ушедшихъ, послѣ моей смерти, возвратятся къ вамъ со смиреніемъ и пожелаютъ опять съ вами жить, принимайте такихъ, какъ своихъ членовъ. Но пусть они объявятъ настоятелю, что съ собою принесли; если же не исправились и захотятъ держать при себѣ вещи, вопреки устава, пусть опять изгонятся. Слышалъ я самъ, что многіе изъ монаховъ постриженниковъ, уже теперь говорятъ: «Корнилій препятствуетъ намъ жить по своей волѣ; послѣ него мы перейдемъ опять въ нашъ монастырь.» Бойтесь такихъ, братія, и не принимайте къ себѣ, дабы не вкоренилась злоба и не раззорился уставъ. Богъ мира да будетъ съ вами и покроетъ насъ отъ сѣти лукаваго, и наставитъ всѣхъ на путь истинный, молитвами Богородицы и всѣхъ Святыхъ. Аминь.»

Таковъ былъ, по духу и жизни, сей великій подвижникъ, достойный быть родоначальникомъ многихъ обителей и новаго поколѣнія иноковъ, процвѣтшихъ въ пустынь Комельской. Каменный храмъ, въ которомъ почиваютъ подъ спудомъ его мощи, сооруженъ въ исходѣ XVI столѣтія и строителемъ былъ инокъ его же обители, по имени Еяремъ; но внутренность храма неоднократно была

изменяема; теперь наиболее древнюю и драгоценную из его иконъ, должно почитать, самый ликъ преподобнаго, бывшій некогда на его ракъ, а нынѣ стоящій въ паперти, откуда выносятся на крестные ходы. Полагаютъ, что это подлинныя черты Св. Корнилія, и можно ему повѣрить, потому что онъ дышеть благоуханною старческою красотою, которая выражаетъ душевный миръ.

Сохранился и часть его власницы, подъ которою столько потрудился, и ризы его пресвитерскія, изъ бѣлой камки, какъ священное наследіе его обители. Уцѣлѣлъ самый списокъ ставленной его грамоты, которою Симонъ, Божіею милостию Митрополитъ всея Руси, свидѣтельствуе: что онъ поставилъ инока Корнилія Феодорова, сына Крокова, въ чтецы, и въ поддьяконы, и въ дьяконы, и свершилъ его въ поны, въ свою митрополию, къ церкви пречистой Богородицы Введеніе, въ пустыньку на Комельскій лѣсъ, на рѣку на Нурму, въ Костромскую десятину, и да литургисаетъ въ святой Божіи церкви; аще кто къ нему приходитъ отъ детей духовныхъ, да разсужаетъ ихъ по правиламъ Св. Апостоля и Св. Отеца, имѣя волю вязать и рѣшить по благословенію нашего смиренія. И да не переходитъ отъ церкви къ церкви безъ нашего благословенія, и не являе нашему намѣстнику или десятинику; аще ли преидеть неявляе и да не литургисаетъ по сей нашей грамотѣ. И сего ради дана бысть грамота сія на утвержденіе его, на Москвѣ, лета 7009 (1501), мѣсяца Февраля въ

1-й день.» Преемникъ Симона Митрополита, Варлаамъ, утвердилъ собственноручно грамоту своего предшественника, и она доселѣ осталась въ утвержденіе обители, вмѣстѣ съ драгоценнымъ уставомъ преподобнаго Корнилія, который можетъ служить зеркаломъ общезнѣтій.

Изъ лѣтвяго собора поднялся я, подъ арками готической колокольни, въ зимній, во имя Воскресенія Христова, примыкающей къ келіямъ настоятельскимъ. Тутъ была некогда деревянная церковь великаго Антонія, сооруженная самимъ Корниліемъ, и теперь устроенъ придѣлъ во имя перваго начальника иночества. Я приложился къ чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери, великолѣпно украшенной усердіемъ нынѣшняго настоятеля и привлекающей къ себѣ много богомольцевъ. Уже стемнѣло; покормивъ я разговаривалъ съ монашествующими, игумень вышелъ изъ своихъ келій, и въ полу-мракѣ узналъ меня, отчасти по голосу, хотя самъ онъ казалось не былъ мнѣ знакомъ. Радужно пригласилъ онъ меня провести ночь въ обители, но я спѣшилъ въ соседній городъ Грязовецъ, чтобы ближе быть къ цели, такъ какъ мнѣ предстояла еще дорога, почти не проходимая отъ дождей. Утѣшительно было видѣть усердіе его къ обители и къ угоднику Божію, съ которымъ какъ бы сроднился духомъ; одного только пламенно желать онъ, уже изнемогающей силами: видѣть довершеніе начатой изъ церкви, во имя

преподобнаго и издать въ свѣтъ житіе его и службу, съ описаніемъ обители.

Неоднократно замѣчалъ я, при посѣщеніи различныхъ обителей, это духовное сближеніе настоятеля съ тѣмъ священнымъ лицемъ, котораго заступалъ мѣсто, на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ, и меня всегда изумлялъ таинственный союзъ сей, выходящій изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ человѣческихъ. По вѣроятію, въ путяхъ промысла о насъ Божія, необходимо даже и для временнаго существованія обители, чтобы такая духовная нить, какъ бы жизненный нервъ, протянута была чрезъ цѣлый рядъ столѣтій и постепенно сменяющихся настоятелей, отъ первоначальнаго основателя, который молитвенными слезами освятилъ мѣсто и собралъ братію во славу Божію, до послѣднихъ его преемниковъ. Кто изъяснитъ тайну духовнаго родства сего, утѣшительнаго для всей братіи, во непреложности обитованій отеческихъ, хотя въ переходящихъ поколѣніяхъ встрѣчаются иногда и недостойные преемники того святаго аввы, ради коего совокупилась и держится обитель!

Почти уже совершенно стемнѣло; однако усердный настоятель пригласилъ меня еще однажды спуститься въ соборную церковь, чтобы съ нимъ вмѣстѣ поклониться угоднику Божію и принять, отъ руки его, благословенную икону надъ самою ракою. Умилительно было сіе послѣднее поклоненіе, въ сумракѣ древняго святилища; одна только лам-

пада теплилась надъ гробницею преподобнаго Корнилія, слабо озаряя священный ликъ его и самую церковь, если не имъ созданную, то по крайней мѣрѣ имъ основанную, ибо все тутъ Корниліево а безъ него одна пустыня. Вмѣстѣ мы пришли къ его священной рацѣ и, посреди глубокой тишины, тихо прочелъ настоятель тропарь преподобному.»

«Отъ юности огнемъ горящимъ божественной любви разжигался, житейскія молвы оставль, преподобіе, ревнитель Антоію великому бысть, безмолвіемъ и житейскимъ пребываніемъ послѣдуя Христу, бденіемъ и молитвами и постомъ, образъ бывъ своимъ ученикомъ; тѣмъ же молися Господеву, Корниліе блаженне, спастися душамъ нашимъ.»

Игуменъ благословилъ меня его иконою и, уже какъ бы отъ лица самаго преподобнаго, убедительно просилъ помочь ему въ скорѣйшемъ изданіи описанія обители и доставитъ свѣденіе о времени перенесенія св. мощей блаженнаго Корнилія; онъ надѣялся, что можно это найти въ нашихъ древлехранилищахъ. Въ Комельской обители, хотя и празднуется день перенесенія и написанъ издавна по нему случаю тропарь преподобному, но не существуетъ никакихъ актовъ. Я объщала озаботиться, сколько могу, симъ предметомъ и мы вышли изъ храма.

Не смотря на свое болѣзненное состояніе, настоятель непременно хотѣлъ проводить меня до святыхъ воротъ, и когда сталъ со мною прощаться, на-

помнилъ мнѣ о давнемъ знакомствѣ нашемъ въ Юрьевъ монастырь. Тогда только спала, какъ бы завѣса, съ моихъ глазъ, и я въ немъ узналъ бывшаго казначея Юрьевского, который послѣ того былъ намѣстникомъ въ Златоверхой обители Кіевской, Архангела Михаила. Пресвященный Иннокентій, въ краткое пребываніе свое въ Вологду, поставилъ его настоятелемъ Комельской обители и, можно сказать, для ея блага, потому что онъ совершенно ее обновилъ и украсилъ сколько могъ, нещада собственного достоянія.

При имени Юрьева монастыря, вдругъ и на минуту, какъ бы молніею озарилось предо мною все минувшее, и вмѣстѣ съ нимъ недавно отшедшіе: Архимандритъ Фотій, забывенная Графиня, которой имя съ благословеніемъ произносится въ каждой обители, и все общество, около нея собиравшееся и уже совершенно исчезнувшее, — все это ожгло на краткій мигъ въ моемъ сердцѣ, и сердце стѣснилось при той мысли, что все это уже миновалось. И вотъ, въ поздній часъ вечера, мимоидущему путнику, во вратахъ дальней обители, нечаянно вспоминаетъ объ этомъ настоятель, при краткомъ свиданіи, разставаясь едва ли не на всегда! — и это ли жизнь, для которой мы столько суетимся? «Во истину суета и сѣнь все житейское, и всеу млетается всякъ земнородный, по словамъ погребальной пѣсни краснорычиваго Дамаскина; аще и весь міръ приобращаемъ и тогда во гробъ вселимся!»

ВОЛОГДА.

Съ грустію въ сердцѣ продолжать я путь свой и поздно достигъ малаго городка Грязовца, въ уездѣ коего столько собрано знаменитыхъ обителей: двѣ Комельскія, Корнилія и Арсенія, и одна Обиорская Павла, не считая многихъ упраздненныхъ пустынь. Поднявшись до разсвѣта, съ чрезвычайнымъ трудомъ, по мостовой взрытой дождями, достигъ я Вологды, уже за полдень, хотя разстояніе было не болѣе сорока перстѣ. Тамъ весьма обрадовался, найдши себѣ успокоеніе, подъ гостепріимнымъ кровомъ, можно сказать самаго настоятеля Сергіевой пустыни, потому что его брать съ любовію меня принять, и такимъ образомъ благосклонная обо мнѣ забота Архимандрита, изъ дальней столицы, усладила для меня время моего пребыванія въ родной его Вологдѣ.

Издали живописно представляется Вологда, въ

долить, на берегу ея рѣки, вся увѣнчанная многоглавыми храмами, которыхъ число достаточно было бы и для столицъ, но внутри города врачевъ его видъ и какъ бы соответствовать первоначальному его назначенію. Многое можно найти еще любителямъ древности, въ старинныхъ церквяхъ Вологды, время Царя Іоанна, хотя позднѣйшее обновленіе стерло съ нихъ характеръ глубокой старины; остались однако въ некоторыхъ неприкосновенными древнія иконы. Давно уже упоминается въ летописяхъ о Вологдѣ, и еще въ XII вѣкѣ освятить мѣсто будущаго города, своею могилею, первый здѣсь подвижникъ Герасимъ, пришедшій изъ южныхъ предѣловъ, до нашествія Татаръ; гробница его доселѣ существуетъ, на краю города, въ Троицкой церкви. Великій Князь Донской посѣщалъ въ Вологдѣ другаго знаменитаго подвижника, преподобнаго Димитрія Прилуцкаго, который основалъ свою обитель недалеко отъ возникающаго города и принялъ его подлѣ сынъ своихъ молить; вскорѣ сіе удальное княженіе перешло изъ дома Ростовскаго, въ насладіе Донскаго. — Въ лѣтъ Святыхъ, мѣсто чтимыхъ въ Вологдѣ, упоминается еще благоверный Князь Феодоръ Всеволодовичъ Ростовскій, сынъ знаменитаго Государя, княжившаго въ северной Руси до Татаръ.

Больше известности получилъ Вологда, хотя и весьма печальную, когда нечестивый Князь Шемяка, услышавъ Великаго Князя Василія, внука Донскаго, назначилъ ему удѣломъ городъ сей, отда-

ленный отъ его державной отчины, и съ тѣхъ поръ, какъ бы следуя сему первоначальному назначенію, Вологда сдѣлалась мѣстомъ ссылки именитыхъ князей и бояръ. Со времени Іоанна IV, она значительно возрасла и украсилась храмами, чему много способствовало соседство Кирилловой лавры, потому что она стала на ея перепутин, и Цари часто останавливались въ Вологдѣ, странствуя богомольцами въ Кирилловъ; Іоаннъ проживалъ тутъ по нѣлымъ недѣлямъ, имѣя намереніе удалиться въ любимый свой монастырь. Въ 1561 году велѣлъ онъ очищать мѣсто, копать рвы и приготовить сваи тамъ, гдѣ хотѣлъ соорудить градекія стѣны, а на слѣдующій годъ заложилъ самый городъ; еще видны глубокія ямы, гдѣ предполагалъ выстроить для себя Іоаннъ каменный дворецъ. Два года спустя заложилъ онъ, внутри города, соборную церковь Софїи премудрости Божіей, съ празднованіемъ по образцу великаго Новгорода усенію Богоматери, ибо она была домою воплощенной Премудрости Божіей. Для большей прочности и чтобы предохранить зданіе отъ трещинъ, ежедневно покрывали лубками то что было выстроено; но есть преданіе въ Вологдѣ, обнаруживающее характеръ Грознаго; когда вошелъ онъ въ довершенную церковь, печально отторглось нечто отъ ея сводовъ и паразно въ голову Іоанна; разгнѣванный хотѣлъ немедленно разорить церковь, но былъ умоленъ духовными; однако соборъ послѣ того оставался многие годы неосвященнымъ.

Въ началъ сльдующаго столлтія Вологда подверглась многимъ бдствіямъ, отъ нашествій ратныхъ. Въ 1613 году Поляки и Литва сожгли городъ и увели большое число плнныхъ, а два года спустя, они опять явились подъ стнами города и разорили окрестность, вмстѣ съ атаманомъ казаковъ Баловнемъ. Посему Царь Михаилъ Оеодоровичъ, какъ только отдохнула Россія отъ сихъ страшныхъ нашествій, велѣлъ въ 1621 году, заложить деревянный городъ, около всей Вологды, не довольствуясь каменнымъ кремлемъ Царя Юанна; но въ томъ же году, воевода Алексій Плещеевъ, выжегъ Вологду, кромѣ дальнихъ посадовъ. Въ 1649 году, уже въ царствованіе Алексія Михайловича, по случаю страшнаго мора, опустошавшаго всю окрестную страну, поставлена была въ Вологдѣ, обыденная церковь, во имя Всемилостиваго Спаса, на старой площади, 18 Октября, въ день Евангелиста Луки: при свѣтѣ факеловъ, начали строить церковь, а въ пятомъ часу дня уже приступили къ освященію, и призвалъ Господь рабовъ своихъ молитвы: съ того дня перестала лютая язва. Вотъ то, что записано болѣе замѣчательнаго, о событіяхъ Вологодскихъ, въ летописцъ сего города.

Первымъ моимъ долгомъ, по приездѣ въ Вологду, было посетить добраго Архипастыря, Епископа О.....а, который успѣлъ въ короткое время своего управленія, приобрести себѣ общую любовь наставы. Архіерейскія палаты занимаютъ средину

города и представляются какъ бы малымъ кремлемъ, съ своими двумя соборами и тремя церквами, внутри ограды; но теперь церкви сін, кромѣ крестовой, уже упразднены и только по наружности украшаютъ дворъ архіерейскій. Епископъ Вологодскій Юсефъ, по прозванію Золотой, много украсилъ свои палаты, въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины. Должно замѣтить, что въ старыхъ Русскихъ городахъ, заслуживаютъ особенное вниманіе жилища нашихъ первосвятителей, которыя находятся, болѣею частію, въ связи съ древними соборами, какъ здѣсь въ Вологдѣ и еще въ Ростовѣ и Рязани, гдѣ даже домъ архіерейскій былъ велико-княжескимъ.

Я просилъ пресвященнаго, чтобы мнѣ открыть былъ соборъ Софійскій, недавно обновленный при его предмстникѣ; однако, несмотря на то, даже и лѣтомъ мало въ немъ служатъ, по его сырости. Святыя врата величественно открываютъ къ нему входъ, со двора архіерейскаго, какъ это бываеъ въ древнихъ обителяхъ. По своей наружности и пяти-главому верху, напоминаетъ онъ Московскіе соборы, но его внутренности мало представляютъ замѣчательнаго, хотя и есть въ немъ нѣкоторыя древнія иконы. Еслибы обновленіе иконостаса было также исполнено въ Вологдѣ, какъ въ Москвѣ, то вроятно открылись бы драгоценныя иконы, подъ слоемъ новѣйшихъ красокъ. Храмовая естъ вѣрный епископъ съ Новгородской Св. Софін: Премудрость Божія, въ видѣ огненнаго крылатаго Ан-

гела, возседает на престоль, утвержденном на семи столбахъ и на камнѣ, и ликъ Спасителя вильшь изъ за сего Ангела великаго совѣта, какъ называетъ его пророкъ Исаія, дабы не сомнѣвались въ истинѣ его значенія. По сторонамъ стоятъ Матерь Божія и Претеча, ближайшіе свидѣтели вопиющаго Слова Божія, а съ верху раскрытая книга премудрости евангельской, предъ которою преклоняются лики ангельскіе. По широкой надписи, опоясывающей весь соборъ, видно, что стѣнное его писаніе совершенно было въ царствованіе Иоанна и Петра, въ 1637 году, при Патріархѣ Іоакимѣ и Архіепископѣ Вологодскомъ Гаврилѣ, а южный приделъ, во имя Претечи, ангела Царя Іоанна Васильевича, напоминаетъ о храмоздатель.

Гробы Епископовъ Вологодскихъ расположены кругомъ всего собора, начиная съ осьмаго изъ нихъ Кивріана, который скончался въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка; гдѣ были погребены его прѣдшественники? неизвѣстно. Антоній, слѣдовавшій за нимъ, посвященный изъ игуменовъ Дорогобужскаго Болдина монастыря, святительствовалъ только два года, съ 1586 по 1588, но прославился святостію своей жизни и доселѣ пользуется уваженіемъ народа; часто приходятъ служить панихиды надъ его гробомъ. Какъ утѣшительна такая память дорогаго пастыря, переживающая многія столѣтія, въ благодарныхъ сердцахъ его паствы, которая передаетъ изустно, изъ рода въ родъ, священное преданіе о его добродѣтеляхъ и не нарушается съ

нимъ общенія, даже и за предѣлами гроба! Изъ болѣе известныхъ Архіереевъ, коихъ гробы сохранились въ соборѣ, Сильвестръ, при которомъ было разореніе Литовское въ 1615 году и замученъ отъ враговъ преподобный Галактіонъ; еще Нектарій Грекъ, изъ архидіаконовъ Константинопольскаго Патріарха, скончавшіеся въ 1626 году, Симонъ, двадцать лѣтъ возседавшій на кафедрѣ Вологодской, и преемникъ его Гаврилъ, при которомъ росписанъ соборъ, Пименъ, изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, давшій Церкви одного Патріарха Іоакима, и Іосифъ Золотой, обновитель архіерейскаго дома; прочіе менѣе известны.

Изъ собора постытъ я церковь, некогда обиденную, Всемилостиваго Спаса, которая только что была обновлена съ большимъ великолѣніемъ, на главной городской площади, и тамъ поклонились чудотворной иконѣ Спасовой. Особенное уваженіе имнютъ къ ней граждане, сохраняя память о чудесномъ избавленіи отъ страшнаго мороваго поветрія, которое опустошало ихъ городъ въ 1655 году, при державѣ Царя Алексѣя Михайловича и патріаршества Никона, во дни ихъ благочестиваго святителя Маркелла. Оно началось съ 1-го Сентября, и въ теченіи семи недѣль свирѣпствовало по городу и окрестностямъ, такъ что не кому уже было погребать мертвыхъ; въ несколько часовъ умиралъ человекъ, трупы валялись по улицамъ и никто не касался сребра или золота, изъ опасенія заразы; ближіе и родные оставляли своихъ присныхъ,

народъ постился, жены съ малолѣтними дѣтьми молились въ церквахъ, дабы утолилъ Господь праведный гнѣвъ и помиловалъ людей своихъ. Благочестивые раздавали милостивно и приготавливали себя приобщеніемъ св. таинъ къ будущей жизни; никто не упрежнялся тогда въ куплѣ на торжищахъ, одна только постоянная мысль о смерти наполняла сердца всехъ сокрушеніемъ. — Услышала наконецъ Господь умиленную молитву.

Внезапно пришло на сердце гражданъ соорудить, общими силами и однимъ днемъ, церковь Всемилостивому Спасу, дабы умилостивить Господа и спастися отъ конечной гибели. Когда разнеслась о томъ вѣсть по городу, всѣ единодушно усердствовали участвовать въ строеніи храма; не только жители изъ всѣхъ частей города, но и изъ окрестныхъ селеній стекались къ назначенному часу, соревнуя гражданамъ. По благословенію Архіепископа Маркелла, 18-го Октября, на память евангелиста Луки, положили основаніе храма въ первомъ часу ночи, и трудились всю ночь, безъ малѣйшаго отдыха, чтобы утромъ былъ совершенъ. Такъ какъ ничего не было приготовлено для сооруженія храма, то отъ разныхъ мѣстъ сносили бревны, и дроводыя старались приладить ихъ своимъ искусствомъ въ стройные вынды. Неучаствовавшіе въ строеніи зажигали около хворостъ и высоко держали въ рукахъ пламень, чтобы свѣтить во мракъ ночи трудящимся, а весь собравшійся около народъ проливалъ слезы умиленія, участвуя молитвенно въ благочестивомъ дѣлѣ, и чудное по истинѣ событіе явила

вра! — При такомъ стеченіи народа, при такой посѣпности работы среди мрака, никто не зарезался язвою во всю ночь. Въ глубокое утро почти уже окончано было зданіе; оставалось отесать стѣны, но и это было довершено на разсвѣтъ; не успѣли только пристроить трапезы къ церкви, а свѣщны и всю новую утварь принесли изъ различныхъ храмовъ.

Когда такимъ образомъ все приготовлено было къ освященію, граждане просили Архіепископа Маркелла совершить оное; умилелся Святитель и пролилъ слезы, услышавъ о такомъ нечаянномъ строеніи новаго храма; немедленно поднялся онъ со всѣмъ своимъ духовнымъ соборомъ и освятилъ престолъ, во имя всемилостиваго Спаса. Божественная литургія, съ молебствіемъ о прекращеніи болѣзни, продолжалась далеко за полдень, и уже день склонился къ вечеру когда всѣ вышли изъ церкви, съ радостію въ сердцѣ, что сподобилъ Господь соорудить храмъ, въ теченіи одной ночи и одного дня, но молебствія не прекращались и въ послѣдующую ночь. По вѣсти, близокъ Господь призывающимъ его! — внезапно измѣнилась смерть на жизнь и съ того дня прекратилась язва.

Пять дней спустя, написана была по сему случаю, благочестивымъ художникомъ, икона Всемилостиваго Спаса, и положено было праздновать ежегодно, прекращеніе язвы въ день Св. евангелиста Луки, крестными ходами изъ собора въ сію повую

церковь, что и до нынѣ совершается. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда обветшала деревянная обыденная церковь, сооружена была, по общему усердію, каменная на ея мѣсть, чтобы не утратилась въ грядущія времена память дивнаго событія, и ее освятилъ въ 1698 году архіепископъ Вологодскій Гавріилъ. Нынѣ она вновь распространена и украшена усердіемъ гражданъ, не забывающихъ о благодѣиіи, посѣтившемъ ихъ предковъ и о чудномъ ихъ избавленіи, милосердіемъ Всемилоствиваго Спаса.

Донатовъ монастырь преподобнаго

Григорія.

Трудная дорога отъ Ярославля до Вологды отняла у меня такъ много времени, что мнѣ оставался одинъ только день для посѣщенія Глушицкой обители, такъ какъ уже наступала Пятидесятница, а между тѣмъ дорога въ Глушицы почти удвоилась отъ непроходимыхъ, въ дождливое время, болотъ. Я успѣлъ только отслушать литургію, въ покоемъ монастырѣ Прилукомъ, и поклонившись

тамъ гробовой ракъ славнаго его основателя Св. Димитрія, который почитается ближайшимъ заступникомъ Вологды, предоставилъ себѣ осмотрѣть прочую святыню обители на обратномъ пути. Еще двѣ обители лежали на дорогѣ, обѣ основанныя учениками преподобнаго Діонисія: одна уже упраздненная, Филиппа Рабанскаго, на берегу Сухоны, другая, на скромномъ теченіи Пельшмы, Св. Григорія; но я не хотѣлъ миновать ихъ, потому что не надѣялся въ другой разъ быть въ этой сторонѣ.

Погода казалось благопріятствовала и ярко сіяло солнце, когда я выѣхалъ изъ Прилуки, но облака бродили по небу и за полдень нахлынула опять гроза, которая уже нѣсколько дней меня преслѣдовала. За двадцать верстъ отъ Вологды, гдѣ была перемѣна лошадей, старался я спросить о дорогѣ въ Глушицы, чтобы сократить ее сколько можно, но не сбылись мои ожиданія. «Если бы не такое время, сказалъ мнѣ радушный старикъ, высунувши съдую голову изъ тѣснаго окна, ты бы могъ удобно проѣхать на телегѣ по кустарникамъ, прямо отъ нашего селенія до Глушицъ; тутъ не болѣе 20 верстъ, а тамъ еще верстъ пять отъ Сосновецкаго до Покровскаго монастыря. Оба они подъ одною державою и старецъ нашъ, Архимандритъ, недавно ихъ обновилъ; теперь придется тебѣ ѣхать на уездный Кадниковъ, потому что болоты не проходимы». Мнѣ поправилась простодушная рѣчь старика, но признаюсь, я весьма смутился при вѣсти, что обители недавно

обновлены, потому что слышалъ о древней церкви, устроенной въ одной изъ нихъ на подобіе корабля, съ нависшими папертами, которая колебалась отъ вѣтра и однако стояла твердо въ теченіи столѣтій; сердце какъ бы предчувствовало, что я ее не увижу.

Нѣсколько верстъ далѣе широкая рѣка Сухова, одинъ изъ двухъ истоковъ, составившихъ многоводную Двину, впадающую въ Бѣлое море, преградила мнѣ путь, и я увидѣлъ на противоположномъ берегу величественную двухъ-ярусную церковь Спасо-Рабангскую. Перевѣхавъ на паромъ рѣку поспѣшилъ я въ ограду бывшей обители и, посреди ея заутыни, не могъ обрести могилы преподобнаго Филиппа, ученика Діонисіева, который ее основалъ въ 1447 году. Священникъ съ причтомъ весьма радушно мнѣ показали свою церковь, достойную великой обители. Иконостасъ ея древній и много есть замѣчательныхъ иконъ, хотя и пострадавшихъ отъ времени; главный храмъ, во имя Преображенія, заслуживаетъ вниманіе по своей обширности. Вѣроятно обитель въ свое время была богата, и ей благопріятствовало соседство судоходной рѣки, какова Сухова; она упразднена при штатахъ 1764 года и обращена въ приходскую церковь болыной слободы. Съ болышой дороги поворотилъ я, вдоль по берегу скромной рѣчки Пельшмы, впадающей въ Сухова, въ Лопотовъ монастырь преподобнаго Григорія, по узкой стезѣ между огородовъ, и долженъ былъ поспѣшать, потому что начинали уже

падать крупныя капли и сверкала молнія при сильныхъ раскатахъ грома.

Изъ города Галича, отъ благородныхъ родителей рода боярскаго, славившихся богатствомъ, происходилъ преподобный Григорій: онъ былъ воспитанъ въ строгомъ благочестіи и воздѣланъ млекомотъ божественныхъ писаній, такъ что уже отъ юныхъ лѣтъ вмѣнилъ за суету все красное міра и чуждался всего, чѣмъ бы могъ пользоваться по своему высокому роду. Когда достигъ онъ пятнадцатилѣтняго возраста, родители хотѣли сочетать его бракомъ, но онъ уклонялся отъ ихъ настоянія и молилъ Господа что бы избѣжать ему прелесть міра; прежде нежели исполнился советъ родителей, оба они преставились и Григорій остался сиротою. Воздавъ послѣдній долгъ усопшимъ, онъ роздалъ свое имѣніе нищимъ и отпустилъ на волю работу, самъ же посвятилъ себя единому Богу, памятуя слово евангельское: «иже оставитъ отца или мать, братію или чада или села, имени моего ради, стократы приметъ и жизнь вѣчную наследитъ» (Мат. XIX. 29.)

Возлюбившій отъ юныхъ лѣтъ тѣсный путь небеснаго царствія, рано воспріявъ онъ на себя благого Христа и удалился въ монастырь Богоматери, стоявшій близъ озера Галицкаго. Архимандритъ, вида что онъ еще молодъ и рода знатнаго, усумнился, можетъ ли юноша перенести скорби и искушенія иноческаго быта? Но Григорій обещалъ строго исполнять все определенное въ обители и настоя-

тель велѣлъ его постричь, поручивъ опытному руководителю. Вместе съ власами своими отыскъ Григорій и все вождельнїя мїра сего ради Христа, съ великимъ смиренїемъ служилъ онъ всей братїи, ко всемъ имѣя любовь и пребывая въ молитвѣ день и ночь, такъ что все его почитали какъ Ангела Божїя и дивились строгому посту его, терпѣнїю и подвигамъ. Какъ вѣрный рабъ Христовъ, скоро сподобился онъ и священническаго сана и обильно умножилъ данный ему отъ Господа талантъ. Не могъ укрыться свѣтлыиикъ на свѣщникъ; многіе притекали къ нему за наизданїемъ, восхваляя его добродѣтели; онъ же, подобно Аврааму, рѣшился выйти изъ земли своей въ землю, гдѣ бы никому не былъ ведомъ, сокрушался молвою о немъ бывшею въ людяхъ, ибо не чувствовала самъ своего достоинства и думалъ только о спасенїи. Преподобный удалился изъ обители, вторично оставивъ сродниковъ своихъ по плоти и всехъ знаемыхъ, и направился къ югу въ городъ Ростовъ, чтобы тамъ поклониться мощамъ Святителя Леонтія; онъ вошелъ въ обитель преподобнаго чудотворца Авраамїя, гдѣ испросилъ себѣ келлію у настоятеля, и наиздалъ братїю строгимъ своимъ житїемъ, такъ что разошлася о немъ молва по всему Ростову.

Епископомъ былъ тогда благоговѣйный Дїонисій, пришедшій отъ св. горы Афонской и долго управлявшій Спасо-каменной обителью на озерѣ Кубенскомъ. Ему извѣстенъ былъ преподобный и когда пришли иноки Ростовскїе изъ монастыря

всемилюдоваго Спаса, что на пескахъ, просить себѣ настоятеля, Святитель предложилъ архимандрїю пустыннолюбивому Григорію; долго онъ отрекался, но Епископъ сказалъ ему: «О чадо, лучше сотворить волю нашу въ послушанїи, нежели ослушаться нашего смиренїя.» Не смѣлъ долге прекословить преподобный, но воспрїявъ начальство, приложилъ труды къ трудамъ и, ради его святой жизни, великое было стеченїе въ обитель людей, искавшихъ получить отъ него благословенїе. Такъ провелъ онъ въ послушанїи два года, но сердце его влекло въ пустыню отъ мольвы житейской и онъ, возложивъ упованїе свое на пречистую мать Спасову, тайно ночью вышелъ изъ обители и устремился къ предѣламъ севернымъ. Пришедши въ Вологду, долго ходилъ по окрестнымъ лѣсамъ и пустынямъ, отыскивая себѣ мѣсто, гдѣ бы работать Богу, и такъ, скитаясь по непроходимымъ дебрямъ, пришелъ однажды къ преподобному игумену Дїонисію Глушицкому; странникъ просилъ себѣ уединенную келлію и Дїонисій далъ ему келлію на полуденной сторонѣ отъ своей завры, въ пустынь называемой Сосновецкою, гдѣ создалъ церковь; духовная любовь соединила старца и пришельца, во всемъ измѣнившихъ единую волю и согласїе между собою. Дїонисій, провидя въ немъ будущаго наставника пустынножителей, наиздалъ его день и ночь въ законъ Господнемъ и преподобный Григорій, забывъ свой настоятельскїй санъ, какъ ученикъ смиренно внималъ поученїямъ великаго

своего учителя, и открыл ему свое тайное желание предаться еще большему безмолвию на уединенномъ мѣстѣ.

Григорій пошелъ на востокъ отъ завры, въ невѣдомыя ему мѣста, съ молитвою чтобы Господь направилъ путь его, и достигъ къ вечеру великой рѣки Сухоны; тамъ, послѣ обычнаго правила, уснулъ легкимъ сномъ и сквозь сонъ услышалъ какъ бы звонъ колокола; немедленно воспринявъ на молитву, просилъ онъ Господа и пречистую его Матерь, дабы указали ему вождьенное мѣсто, и на разсвѣтъ перешелъ на тотъ берегъ, откуда слышался голосъ; чрезъ лѣса и болота, дошелъ онъ до рѣки, называемой Пельшмы. Тутъ походивъ нѣсколько, для избрания себѣ постоянного жилища, водрузилъ наконецъ крестъ, и преклонивъ колѣна молился Господу, да будетъ воля его на этомъ мѣстѣ основать храмъ и обитель, для спасенія душъ христіанскихъ, безмолвно хотящихъ жить съ верою и благою совѣстію.

Тутъ дѣйствительно и основался монастырь преподобнаго, за тридцать верстъ отъ города Вологды и за три отъ рѣки Сухоны. Прежде всего поставилъ онъ малую для себя хижину, гдѣ день и ночь упражнялся въ молитвѣ, заботясь и о томъ, что было необходимо для устройства обители. Спустя нѣсколько времени пришелъ священникъ, по имени Алексій, и просилъ преподобнаго, чтобы одѣлъ его въ ангельскій образъ. Съ любовію принялъ его пу-

стышникъ и нарекъ ему имя Александръ; послѣ преставленія святаго Александръ былъ игуменомъ въ новой обители. Вместе стали они совершать молитвословіе въ своей убогой хижинѣ и мало по малу начали къ нимъ собираться братія, такъ что составилось общежитіе. Спустя нѣсколько времени послалъ преподобный одного изъ братій въ соседнее селеніе Пельшму, къ благочестивому христіанину Мартину, просить древодѣлей въ пустыню. Обрадовались благочестивые люди водворенію такого старца въ своихъ предѣлахъ, и прислали къ нему на помощь работниковъ. Григорій созвалъ всю братію и, послѣ соборной молитвы, началъ рубить лѣсъ и строить малыя келліи. Это было въ 1426 году, когда уже на кафедрѣ Ростовской возсѣдалъ, послѣ Діонисія, Епископъ Евремъ. Къ нему пошелъ преподобный просить благословенія для новой обители и благословилъ архипастырь, чтобы по апостольскому примѣру, учреждено было въ ней общежитіе; настоятельство же поручилъ самому Григорію, какъ уже испытанному въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь въ свою пустынь, преподобный соорудилъ церковь во имя пречистой Дѣвы, честнаго ея Собора, празднуемаго на другой день Рождества Христова; потомъ устроилъ трапезу, братскія келліи и все потребное для монастыря. Пришелъ къ нему и другъ его, Діонсій Глушицкій, похваливъ избранное имъ мѣсто и пожертвовалъ въ храмъ икону праздниковъ Господнихъ съ книгою прологъ;

самъ онъ, по просьбѣ своего собесѣдника, освятить новую церковь. Обитель Григорія, при непрестанныхъ его трудахъ, стала процвѣтать смиреніемъ, братолюбіемъ и совершеннымъ нестяжаніемъ; все въ ней было общее. По сему многіе усердно жертвовали ей свое имущество и никто не смѣлъ въ чемъ-либо прекословить преподобному, зная ангельское его житіе, ибо онъ самъ во всемъ подавалъ другимъ примѣръ. Прежде всѣхъ обрѣтаясь на служеніи церковномъ, въ свободные часы занимался онъ переписываніемъ книгъ, помня заповѣдь апостольскую: «чтобы кто не хочетъ трудиться, тотъ бы и не ѣлъ» (2 Сол. III. 10); постоянно поучалъ онъ братію, напоминая ей часть смертный и внушая, что многими скорбями подобаетъ взойти въ царствіе небесное; каждый изъ иноковъ, соревнуя настоятелю по силѣ своей, старался выполнять спасительныя его заповѣданія.

Случилось однажды, что недобрые люди ночью украли все хозяйственныя орудія монастыря. Опечалился братія, но преподобный утѣшилъ ихъ, обѣщая, что все опять у нихъ будетъ: по немногомъ времени поиманы были хищники и все монастырское возвращено, по слову человека Божія. Въ другой разъ ночью, стоя на обычномъ своемъ правилѣ, услышалъ онъ страшный вопль посреди монастыря и увидѣлъ цѣлое полчище духовъ нечистыхъ, грозящихъ разогнать пастыря и собранное изъ стада; но преподобный, знаменіемъ крестнымъ

и словами псаломными, разсвѣтъ враговъ невидимыхъ, сдѣлавшихся видимыми при его духовной молитвѣ. Много приключилось ему огорченій и отъ людей, которые старались изгнать его отъ избраннаго имъ мѣста, но все ихъ козни преодолѣлъ онъ неодолимымъ терпѣніемъ, полагая во всемъ упованіе свое на Бога.

Въ 1430 году, Князь Дмитрій Шемяка наступилъ ратию на городъ Вологду, обгабляя междоусобною бравною землю Русскую, и опустошалъ предѣлы Вологодскіе, такъ что многіе умирали отъ голода и зимняго холода или скитались, не зная гдѣ приклонить голову. Толпы народа притекали за нищею въ обитель преподобнаго Григорія, который неоскудно подавалъ ее просящимъ. Вооружившись христіанскимъ мужествомъ, взялъ онъ свой посохъ и, ни мало не боясь ярости Князя, прямо пошелъ къ нему съ обвинительнымъ словомъ. «Князь Дмитрій, сказалъ онъ ему, не читалъ ли ты въ божественномъ писаніи, что судъ безъ милости не сотворшему милости? ты же сотворилъ дѣла не христіанскія; язычники Бога не знаютъ, а ты Князь православной вѣры и свою Русь воюешь; воинство твоё горькой смерти предастъ Христіанъ: одни погибли голодомъ, другіе замерзли, много ихъ невѣдомо пропало; вопль вдовицъ и сиротъ вопіетъ на тебя къ Богу. Онъ отомститъ ихъ обиду, и если ты не оставишь такого кровопролитія, то вскорѣ самъ лишись славы своей и княженія.»

Разгнѣвался Князь за смѣлую рѣчь отшельника

и, не убоявшись суда Божія, велѣлъ сбросить его съ моста; преподобный, разбившись почти до смерти, несколько часовъ пролежалъ какъ мертвый, по потомъ всталъ и сказалъ окружающимъ его: «немиловистаго Князя и слуги немилостивыя; векорь увидите вы въ сѣти смертныя, ибо Давидъ пророкъ написалъ Духомъ Святымъ: ровъ изры и ископа и впаде въ яму, юже содѣла; обратится болюзнь его на главу его и на верхъ его неправда его свидѣтъ; исповьмея Господеви по правдѣ его и пою имени Господа вышнѣго. (Пс. VI. 17. 18.)» Преподобный возвратился въ пустыню свою, воздавалъ хвалу Господу о всемъ съ нимъ бышемъ. Князь же Димитрій, въ полночи, внезапно объятъ былъ ужасомъ на ложѣ своемъ и началъ размышлять въ сердцѣ о рѣчахъ Григорія, ибо отъ многихъ слышалъ о святости мужа и истинѣ его прорицаній. Онъ отпустилъ отъ Вологды и возвратился въ Галичь, гдѣ, по слову преподобнаго, избиты были гнѣвомъ Божиимъ войска его и все предсказанное сбылось надъ самимъ Княземъ, который лишился славы и княженія. Еще болѣе умножилась съ тѣхъ поръ слава преподобнаго; многіе изъ далекихъ странъ къ нему пртекали, дабы получить отъ него благословеніе и назиданіе, ибо всѣхъ наставлялъ онъ словомъ и житіемъ, и все возвращался отъ него съ утѣшеніемъ; самъ же онъ, до конца жизни, не измѣнилъ молитвеннаго правила, соединяя постъ съ милостивною, принималъ странныхъ, утѣшалъ скорбящихъ, исцѣляя больныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ же

оставляя ежедневно трудиться надъ переписываніемъ божественныхъ книгъ. Такимъ образомъ проживъ многіе годы, скорбнымъ путемъ, достигъ до мастиной старости и украсился постическими сединами.

Уразумѣвъ наконецъ свое отшествіе къ Богу, предварилъ онъ о томъ братію, сказавъ имъ: «вотъ уже, чада мои, я отхожу отъ свѣта сего и васъ предаю въ руки Божіи.» Они опечалились симъ горькимъ словомъ и, принявъ благословеніе отца своего, разошлись со слезами. Два дня спустя призвалъ преподобный на единъ старшаго ученика своего Александра и, много бесѣдовавъ съ нимъ о пользѣ душевной изъ божественнаго писанія, поручилъ ему собранное имъ стадо и строительство монастырскаго. Онъ просилъ совершить литургію, дабы еще разъ могъ приобщиться божественныхъ таинъ и, отпустивъ его, затворился въ келлію на молитву. Съ воздыханіями сердечными и обильными слезами молилъ преподобный Господа: не помянуть его согрѣшеній, сохранилъ отъ некушениій братію, собранную въ его обители, и благогодатию Святаго Духа укринитъ ихъ на невидимыхъ враговъ; молилъ онъ и пречистую Матерь Спасову освѣтитъ своимъ покровомъ обитель и всю землю Русекую. Такъ пребылъ безъ сна во всю сию ночь; на утро же, приобщившись за божественною литургіюю тѣла и крови Христовыхъ, поднялъ руки къ небу и сказалъ братинъ: «всемъ вамъ миръ. Владыко челоуколюбче, сподоби меня одесную тебя

стать, когда придется во славу судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его. Вы же, братія, что меня видите творящим, то и вы творите; телесно отхожу от вас, но духом не отступаю; имейте и по моему исходу любовь нелицемрную между собою, дабы не оскудло место сіе.» Поучив их довольно, онъ всѣхъ цѣловалъ духовнымъ лобзаніемъ и поручилъ старейшинство присному ученику своему Александру, заповѣдавъ ему и всей братіи: «не воздавать никакой почести грѣшному его тѣлу, но разлученію отъ души, но, ради большаго уничиженія, извлечь его за ноги изъ ограды и тамъ затоптать въ болотѣ.» Сказавъ сіе преподобный возлегъ на одрѣ и, оснивъ себя крестнымъ знаменіемъ, предалъ чистую душу Богу, Сентября въ 30-й день 1442 года.

Въ самый часъ его преставленія исцѣлился при смертномъ одрѣ его бѣснующійся; братія, рыдая объ утратѣ добраго своего пастыря, не дерзнули однако исполнить его послѣдняго желанія, изреченнаго въ духѣ глубокаго смиренія, но съ честью вынесли тѣло его на средину церкви и тамъ начали совершать обычное надгробное пѣаніе; всѣ церковь исполнилась благоуханія и никто иноку Сергію, долго больвшій глазами, исцѣлился при гробѣ. Преподобный погребенъ былъ по правую сторону олтара и надъ его гробницею поставлена икона всемілостиваго Спаса и пречистой Дѣвы, для поклоненія приходящимъ, ибо много совершалось тутъ исцѣленій, молитвою преподобнаго Григорія.

Скромная обитель Пельшская имѣла для меня и то пріятное воспоминаніе, что въ ней положили начало иноческаго своего строительства, благородный уроженецъ Вологды, который показалъ въ послѣдствіи всю свою опытность въ этомъ трудномъ подвигѣ, близъ северной столбцы, въ обновленной имъ пустыни; и доселѣ продолжаетъ онъ украшать ее, не только по внѣшности но и во внутреннемъ быту, дѣлая изъ нея разсадникъ духовныхъ искусныхъ строителей. Въ гостинныхъ келліяхъ, сооруженныхъ имъ въ Лопотовѣ, нашелъ я себя пріютъ отъ грозы и сейчасть узналъ руку опытнаго зодчаго. Скоро миновалася гроза и собрались строители и братія, занимавшіеся около монастыря сельскими работами, въ патриархальномъ духѣ прежнихъ труженниковъ пустыни. Я просилъ, чтобы отслужили молебствъ преподобному и, приложившись къ раку святыхъ его мощей, съ утѣшеніемъ увидѣть церковь, хотя и не великолѣпную но благовидную по чистотѣ и порядку. Иконостасъ обновленъ недавно и отчасти украшенъ серебряными ризами, но древнихъ иконъ мало. Есть одна преподобная, которая, какъ уверяють, была подлиннымъ его изображеніемъ, и дѣйствительно черты лица выражаютъ благоговѣющую твердость сего ревнителя церкви и отечества.

Холодный соборъ, празднующій преподобному, гдѣ стоитъ гробовая его рака, построенъ по видимому не весьма давно, но кѣмъ неизвѣстно. Гораздо его старше теплый, во имя Богоматери,

сь придыломъ Предтечи; тамъ хранится древнее со-
кровище, чудотворная икона Богоматери, къ которой
притекають окрестные жители. Была и еще одна
церковь близъ теплаго собора, но она разобрана по
ветхости и около нея прежняя усыпальница, гдѣ
случалось, при копаніи могилъ, находить тѣлеса
совершенно нетлѣвныя. Скудными средствами стро-
ится теперь ограда вокругъ монастыря, и должно
отдать справедливость ревностному настоятелю, что
онъ все дѣлаетъ, что только можетъ въ пользу
обители. Мѣсто сіе было любимымъ лѣтнимъ прию-
томъ ученаго архипастыря Евгенія, въ послѣдствіи
Митрополита Кіевского, когда еще возсѣдалъ на
кафедрѣ Вологодской; тамъ занимался онъ опи-
саніемъ іерархіи церковной, для которой собралъ
много любопытныхъ свѣдѣній. Портретъ знамени-
таго мужа Церкви остался въ гостининыхъ келліяхъ,
памятникомъ его любви къ сей уединенной обите-
ли, которая имъ вызвана изъ заступній и благо-
говѣнно чтить его память.

Глушицы преподобнаго Діонисія.

День склонился къ вечеру, когда я дохалъ до
города Кадникова, за 40 верстъ отъ Вологды, и
думалъ, что уже близокъ къ своей цели, но
меня поразила тамъ неприятная вѣсть, что еще
оставалось 30 верстъ до перваго монастыря Глу-
шицкаго, или бывшей Покровской лавры, и что
еще оттуда четыре версты до Сосновецъ, гдѣ те-
перь настоящій монастырь, а дорога къ нимъ са-
мая бедственная. Мнѣ совѣтовали остаться до утра,
однако я рѣшился ѣхать, потому что на следую-
щій день долженъ былъ возвратиться въ Вологду
ко всеобщей. Дѣйствительно дорога была невы-
носима въ телегѣ, по колеямъ и мостовинамъ. Мы
оставили впряго большую Устюжскую дорогу и
ѣхали проселкомъ сперва по широкимъ полянамъ,
на которыхъ видны были большія церкви, остатки
прежнихъ монастырей: такими храмами особенно

красуется южная часть Вологодской епархii. Дале начались леса и болота, по которым едва можно было проехать. Смерклось, когда мы достигли большого селения, версты за две от Покровского монастыря; ямщик отказался ехать далее, по незнанию дороги; было уже 11-ть часов ночи и трудно найти проводника. По счастью, выглянувший из избы крестьянин, согласился указать нам дорогу до Покрова, где мы надеялись найти себя почтее на подворье монастырском, но наши надежды не оправдались; в столь позднюю пору мы не могли достучаться и пришлось ехать далее до Сосновца, по непроходимой дебри.

В темноте искал я взорами высокого корабля лаврской церкви, но видел только на высоком холме, посреди обширной ограды одну каменную, весьма обыкновенную церковь и подъя ее деревянную, очень небольшую. Я еще утешал себя мыслию, что может быть ошибся и что знаменитая церковь, на подобие корабля, должна находиться в главном монастыре Глушицкомъ, позабывъ что лаврою назывался Покровский. Как мы доехали ночью до Сосновецкаго? — не знаю. Отважный проводник шел впереди и, можно сказать ошупью, угадывал дорогу, иногда предвзя о глубоких колеях, когда уже все колесо въ них погружалось. Тройкою проехали мы по таким узким гаямъ изъ хвороста, по которым на другое утро нельзя было пройти тремъ лошадямъ, но все глад-

ко ночью. Глубокий ручей перескъ дорогу, неполюненный отъ дождей; не охотно пошелъ искать объезда проводникъ, где бы поменьше проехать, опасаясь змй, которыя водятся въ болотной водъ; однако онъ счастливо провелъ насъ чрезъ ручей, а на другой день, на этомъ же мьстѣ, опрокинулъ въ воду Архимандрита, вызвавшись провести его тьлегу по знакомому мьсту. Далее съ удивленіемъ нашли мы, въ болотной травѣ, свѣтлагося червячка, какихъ не встрѣчалъ я на сѣверѣ, и приятель былъ фосфорической огонекъ сего южнаго гостя въ темной дебри.

Наконецъ мы опять увидели предъ собою пустынную рѣчку Глушицу, которую оставили у Покровскаго монастыря, и на противоположномъ ей берегу многочисленную обитель; она тускло сіяла своими крестами въ полумракѣ лѣтней ночи; близко уже было къ разсвѣту. Нельзя довольно выразить отраднаго чувства, которое наполняетъ душу, послѣ преодоленія труднаго дѣла, особенно когда достигнешъ того, что казалось невозможнымъ; природа человеческая создана, чтобы побждать все вокругъ и внутри себя, и потому такъ удовлетворительно бываетъ для насъ совершение всякаго подвига, для котораго требовалось чрезвычайное усиліе. Краткій отдыхъ необходимъ былъ въ гостиницѣ монастырской, но почти никогда было имъ воспользоваться, потому что рано ударили въ колоколъ къ утрени и надобно было идти въ монастырь.

Это была так называемая суббота душъ, по выраженію церковному, наканунѣ Троицына дня, когда совершается поминовеніе всѣхъ отъ века усопшихъ, отецъ и братій, дабы и они не были забыты, при наступающей радости благодатнаго сошествія Духа Святаго, въ день пятидесятницы. Весьма умилятельна эта соборная панихида, проникнутая христіанскою любовью: литіи посреди церкви нѣсколько разъ повторяются между шестисалмій и двухъ канонъ, съ возношеніемъ именъ усопшихъ, и самый канонъ мертвенный, въ коемъ изображаются различные роды внезапныхъ смертей, есть печальное и страшное напоминовеніе нашего убожества; а между тѣмъ Церковь, какъ благая мать, заботится о всѣхъ, вѣранныхъ ея лону, дабы и тѣ, которые не успѣли принести покаянія въ предсмертныя минуты, не остались безъ ея спасительныхъ молитвъ. Возшедши въ церковь, во время первой литіи о усопшихъ, я увидѣлъ съ лѣвой стороны подъ рѣзною снѣго дѣль серебромъ-кванными гробницами и еще не зналъ, кто здѣсь почитается? припасть къ свято-почившимъ, цѣловать ихъ священные лики: — это были преподобные Діонисій и Амфилохій, блаженный учитель подлѣ блаженнаго ученика.

«Не изъ Иерусалима и не отъ Синая возсіялъ намъ сей свѣтильникъ, говоритъ невѣдомый писатель его житія, который еще обращался съ ближайшими учениками преподобнаго, но изъ родной

земли и въ наши времена онъ явился и, дабы не подвергнуться осужденію лживаго раба, скрившаго въ землю талантъ свой, дѣрануль я написать о немъ то что слышалъ, отъ блаженныхъ Амфилохія, Макарія и Михаила, жившихъ при Св. Діонисіѣ, да незабвеша будетъ память угодника Божія. Самъ я видѣлъ чудеса, бываемыя отъ его гроба, и на его молитвы уповаю молю Господа, дабы и мнѣ послужить для сего душеполезнаго дѣла. Но хотя и много трудился, чтобы извѣдать подробно о рожденіи и возрастѣ великаго подвижника, одно лишь осталось въ памяти его учениковъ: его пустынная жизнь, которой они сами были свидѣтели. Не извѣляется ли это о чрезвычайномъ смиреніи Діонисія, ибо онъ уталъ отъ нихъ все предъидущее, для нихъ бесполезное, представъ имъ внезапно, какъ Предтеча въ пустыни, и вмѣстѣ съ ними стремился все впередъ, по слову евангельскому: «никто же, вставши за рало и озираель вспять, управленъ есть въ царствіе небесное.» (Лук. IX, 62).

Одно лишь извѣстно: преподобный Діонисій былъ родомъ изъ Вологды и постриженникъ обители Спасо-каменной, при святогорцѣ игуменѣ Діонисіѣ, отъ котораго принялъ иноческое свое имя, въ мѣрь же назывался Димитріемъ. Девять лѣтъ провелъ онъ при этомъ настоятелѣ, который въ послѣдствіи возведенъ былъ на кафедру Ростовскую, но Діонисій находился нѣкоторое время и въ обители Бѣлозерской, въ числѣ учениковъ

Св. Кирилла, которого священный ликъ сохранилъ ни иконъ своею кистию. Неизвѣстно однако, прежде ли или послѣ постриженія въ Спасо-каменномъ, обиталъ онъ въ Кирилловъ монастырь и не вышелъ ли оттуда вмѣстѣ съ игуменомъ Кассіаномъ, или съ другими старцами, которые были недовольны нарушеніемъ устава Кириллова? а можетъ быть онъ посѣтилъ Кирилловъ тогда уже, когда удаленъ на безмолвіе изъ Спасо-каменнаго монастыря. Сперва обходилъ онъ восточную сторону большаго Кубенскаго озера, съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ, чтобы обрѣсти себѣ мѣсто уединенія, и возлюбилъ мѣсто на устьѣ рѣки близъ селенія, называемаго Святая Лука, гдѣ существовалъ некогда монастырь во имя Евангелиста, уже давно упраздненный. Сперва поставили они себѣ хижину, потомъ соорудили малую церковь, во имя Святителя Николая, въ 1393 году, съ разрѣшенія Епископа Ростовскаго Григорія, и въ послѣдствіи тутъ устроился монастырь. Тамъ, изнуряя тѣло свое голодомъ и жаждою, крѣпко сталъ подвизаться преподобный и славу человеческую вмѣнялъ себѣ въ грѣхъ и стыдъ; молва о немъ уже распространилась повсюду, а онъ желалъ работать Богу въ пустыни и Господь, видя въ немъ избранный сосудъ для спасенія многихъ, утвердилъ его въ сей благой мысли: однако многіе годы потрудился преподобный Діонисій на святой Лукѣ и даже тамъ получилъ санъ священства отъ Епископа Ростовскаго; чистыми руками приносилъ онъ безкровную жертву въ

своей уединенной церкви, но мысль о пустыни его не оставяла; ему хотѣлось составить общежитіе для спасенія многихъ братій и, предоставляя сіе на волю Божию, молитвенно прибѣгалъ онъ къ заступленію пречистой Дѣвы, дабы поставила его какъ исполнить благочестивое желаніе.

Замѣтивъ, что собесѣдникъ Пахомій сталъ несколько его чуждаться, по причинѣ частой его молитвы и усиленнаго подвига, преподобный сказалъ ему, чтобы обличить его тайный помыслъ: «братъ Пахомій, я имью сокровенную мысль, если соизволитъ Господь и пречистая его Матерь, составить общежительный монастырь, и слышалъ отъ одного христіянина, что есть пустыня на восточной сторонѣ Кубенскаго озера, какъ бы за пятнадцать поприщъ; тамъ желаю уединиться, ты же останься здѣсь и удержи при себѣ новоначальнаго брата, который недавно къ намъ пришелъ». Не прекословивъ Пахомій; сотворивъ обиду молитву они взаимно цѣловали другъ друга и разошлись; къ вечеру достигъ Діонисій избраннаго имъ мѣста и, въ легкомъ забытій сна, услышалъ какъ бы звукъ колокола въ пустыни, надъ рѣкою Глушицей; онъ назначеновалъ крестомъ мѣсто будущей лавры и вознесъ теплую молитву къ Свастенно нашему:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, упованіе всехъ концевъ земли! призири съ небеси и благослови мѣсто сіе и меня, недостойнаго раба твоего, удостой здѣсь соорудить храмъ, въ честь покровя пречистой твоей Матери, и общій мона-

стырь составить; но не так как я хочу, а как тебе сіе угодно, ибо несовершенъ нашъ разумъ, тебе же все возможно и ты меня наставъ Господи. И ты, о всемилостивая Матерь Христа Бога, услыши теплое моленіе грѣшнаго раба твоего, прибѣгающаго къ твоему покрову и требующаго твоей помощи, ибо на тебя уповаеть душа моя. Сохрани меня отъ уеть пагубнаго змѣя, щущаго меня поглотить; сохрани и тѣхъ, которые пожелають на мѣсть семъ работать со мною Богу и возсылать къ нему молитвы о благоверныхъ князьяхъ и всѣхъ христіанахъ, ибо ихъ спасеніе и утверженіе служить и для насъ упокоеніемъ, и мы безмолвное житіе проходить будемъ, во великой тишинѣ и съ благою вѣрою, ибо хочеть Богъ вемъ спастись и въ разумъ истины принти.»

Діонисій обоемъ избранное имъ мѣсто, распредѣляя его заблаговременно для устройства лавры, и въ начатокъ ея поставилъ себя келіену, гдѣ сталъ обитать въ непрестанномъ трудѣ и бдѣніи. Малая сія хижина прислонена была къ черемхѣ, которая долго потомъ существовала внутри ограды, на память преподобнаго, ибо онъ питался ея ягодами и многие недужные исцѣлялись отъ ихъ вкушенія. Подъ свиною сего древа вселился, крѣпкій душою, какъ бы подъ свиною твердыни, и хотя подвергался искушенію бесовскому, но молитвою Иисусовой отражалъ нападеніе супостата. Кто изощетъ все его подвиги, ибо, въ молитвенномъ потѣ, дѣлалъ онъ все

своими руками, имѣя въ виду будущую обитель. Спустя нѣсколько времени совершеннаго одиночества, пришелъ къ нему на сожителство нѣкій старецъ, и какъ Ангелу Божию обрадовался ему преподобный; потомъ мало по малу начали собираться братія, по одному и по два, приселяясь къ его келіи. Тогда Діонисій сказалъ имъ: «возлагая надежду мою на Господа, помышляю, что если ему сіе угодно и пречистой его Матери, то можетъ и на дѣль совершиться общезжитіе; и такъ хочу поставить на этомъ мѣстѣ монастырь.» Они же отвѣчали: «воля Господня да будетъ, честный отче.»

Это было въ 1393 году. Преподобный послалъ одного изъ братіи къ Килзю Дмитрію, обладавшему около великаго озера Кубенскаго, съ такимъ словомъ: «Христоролюбивый Килзь, молигъ тебѣ грѣшный Діонисій, да пошлешь къ нему древодѣлей для сооруженія обители Пречистой, въ пустыни на рѣкѣ Глушицѣ.» Обрадовался благочестивый Килзь, услышавъ, что близъ его державы хочеть Богъ воздвигнуть обитель иноческую, и онъ отвѣчалъ посланному: «да будетъ все по волю честнаго отца; ничто отъ требуемаго имъ не возбранится,» и немедленно отпустилъ древодѣлей, которые очистили огнемъ мѣсто отъ лѣсной чащи. Видя близкое исполненіе давняго своего желанія, преподобный сказалъ братіи: «приспѣло время, сотворимъ молитву Господу и пречистой его Матери и начнемъ дѣло.»—«Благословенъ Богъ, сотворившій сіе по волю своей,» радостно отвѣчала братія и пость

общей молитвы приступили къ делу; они начали сооружать себѣ келліи.

Епископъ Григорій управлялъ тогда епархіею Ростовской; къ нему пришелъ преподобный принять благословеніе, для составленія обители; и Святитель, встрѣтивъ его съ любовію, поучилъ духовнымъ словомъ: «похваляю твое желаніе, ибо Давидъ Бого-отецъ восхваляетъ въ псалмахъ: се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупъ (Пс. 132, 1.), и самъ Господь говоритъ намъ: идже два или три собранн во имя мое, ту есмь посреди ихъ (Мат. XVIII, 20). Посему даю тебѣ благой советъ, да составиши общежитіе, какъ научили насъ Апостолы, чтобы ничего не называть своимъ, но все имѣть общимъ. Тебѣ же, сынъ мой, поелику восприялъ ты санъ духовный, подобаетъ, по слову апостольскому, немощъ немощныхъ носить и не себѣ угождать, но искреннимъ твоимъ, какъ и Христосъ не себѣ угождать.» Сказавъ сіе пастырское назиданіе Григорій отпустилъ его съ благословеніемъ.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ соорудилъ преподобный церковь, во имя покрова Богоматери, поставилъ трапезу и все что нужно было для братства, строго заповѣдавъ чтобы никто ничего не называть своимъ. Самъ Діонисій, прилагая труды къ трудамъ, во всемъ подавалъ примѣръ, отгоняя сонную тягость рукодѣіемъ; прежде нежели предавался краткому отдыху много читалъ онъ и молился, да и вся жизнь святаго старца протече-

кала какъ одна непрестающая молитва; просвѣщаясь кротостію и смиреніемъ, онъ цвѣлъ братолюбіемъ и стяжалъ нищелобіе, принимая съ любовію всехъ страстныхъ. Присная его дружина скоро возрасла до пятнадцати братій и многіе, слыша о его ангельской жизни, стали стекаться въ обитель, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ и бесѣдою; они приносили съ собою обильное подаваніе, которое принималъ съ благодарностію преподобный, какъ бы отъ самаго Бога, зная что безъ его воли ничего бы не приносилось.

По времени умножившіеся братія начали просить его соорудить другую болѣе просторную церковь, и когда сталъ помышлять Діонисій, какими бы образомъ исполнить ихъ желаніе?— ночью, послѣ долгой молитвы, является ему, въ тонкомъ снѣ, прекрасный юноша и говоритъ: «подобаетъ тебѣ соорудить церковь болѣе просторную, потому что много у тебѣ братіи; ты же имѣешь заступницею и помощницею пречистую Богородицу, отнынѣ и до вѣка.» Воспрянувъ отъ сна преподобный бодрствовалъ до утренняго пѣнія и, послѣ церковной службы, сказалъ братіи: «должно исполнить повелѣніе, призвавъ Господа и пречистую его Матерь, ибо она будетъ помогать намъ;» тогда приступили къ сооруженію новаго храма, также во имя покрова Богородицы, семь лѣтъ спустя по совершеніи первой церкви, то есть въ 1107 году. Преподобный украсилъ ее иконами своего письма, потому что самъ былъ искусный

художникъ, ковачъ мѣди и строитель одеждъ, все дѣлая своими руками, по примѣру Апостола Павла. Благоволило довершивъ вѣншее зданіе, устроилъ онъ и внутренній порядокъ, распредѣливъ братію по службамъ церковнымъ и монастырскимъ, и самъ наблюдалъ, чтобы въ точности исполнялись богослужение и строгій уставъ общежитія, данный имъ своею общиною.

Діонисій поучалъ братію: небыть нерадивымъ къ дѣлу своего спасенія, ибо на всякій часъ подobaетъ каждому быть готовымъ предстать Господу, а потому все должны бодрствовать и непрестанно молиться, дабы не впасть въ погибель; помышляя же о часѣ смертномъ, бояться вѣчнаго осужденія. «Чада, говорилъ онъ, да не устрашить васъ помысль, что мѣсто сіе пустынно, ибо многими скорбями подобаетъ намъ взойти въ царствіе небесное, и скорби сіи суть подвиги поста и всякаго рода лишенія; молитва ваша должна быть отъ чистаго сердца и смиренія ко всемъ, какъ и Христосъ сказалъ: блаженнище духомъ, блаженнѣе алчущіе. Стяжемъ любовь и Богъ помилуетъ насъ, ибо и Св. Іоаннъ Богословъ сказалъ: что Богъ есть любовь, а любящій Бога, любить брата своего. (І. Іоан. IV. 23.) О милостивы къ нищимъ, будемъ помнить слово евангельское: блаженнѣе милостивые, (Матѣ. V. 7.) и Христову заповѣдь, призирать въ лицѣ его страшныхъ: въ темницѣ бѣхъ и приидете ко мнѣ (Матѣ. XXV. 36.)» Братія же, съ любовью внимала поученіямъ своего аввы, старались по мѣрѣ силъ во всемъ ему

сореживать, ибо самое житіе старца возбуждало ихъ къ большому подвигу.

Такъ какъ уже многие стекались къ Діонисію, нарушая его безмолвіе, пожелалъ онъ уединиться и, тайно оставивъ монастырь, устремился въ любезную ему пустыню; одинъ только сердцевецъ зналъ его сокровенную мысль. На полуденную сторуру отъ лапры простиралась обширная и непроходимая дѣбрь и тамъ, за четыре поприща, обрѣтъ онъ красное высокое мѣсто, на берегу той же рѣчки Глушницы. Выковая сося, обширнаго объема, стояла на этомъ мѣстѣ, такъ что оно прозывалось Сосновцемъ отъ необычайнаго дерева; кругомъ же все было болото. Полюбилъ мѣсто преподобный и, въ совершенномъ одиночествѣ, началъ новый подвигъ молитвы, но не забылъ и своей лапры, гдѣ вся братія плакала о его нечаянномъ удаленіи. Присные его чада, открывъ мѣсто подвижничества, со слезами пришли умолять авву, чтобы опять къ нимъ возвратился, и немогъ отказать имъ чадолюбивый отецъ. «Хочу, сказалъ онъ, соорудить на этомъ мѣстѣ церковь и чтобы тутъ положено было грѣшное мое тѣло;» онъ самъ началъ сооружать церковь, во имя Ангела пустыни Предтечи: это было въ 1408 году. Получивъ на то благословеніе отъ новаго Епископа Ростовскаго Діонисія, который былъ его отцемъ духовнымъ, на Спасско-каменномъ острову, Діонисій освятить престоль и построить келліи для нѣсколькихъ братій, которые пожелали тутъ вмѣстѣ съ нимъ основатися, но они

получали все необходимое отъ великой лавры и строго держались ея устава.

Спусти два года, послѣ основанія новой обители, пришелъ туда другой пустынный житель, Павель Обнорскій, и поставивъ себѣ малую келію, версты за двѣ, хотѣлъ соорудити и церковь; но преподобный послалъ къ нему одного изъ братій, съ такимъ словомъ: «молигь тебя содружебникъ твой, грѣшный Діонисій, именемъ Христа Бога; печальна душа моя, духовный отче, что ты хочешь создать монастырь близъ нашей пустыни, уже существующей. Не подобаетъ сего дѣлать, но подобаетъ тебѣ единому жить на мѣстѣ семь, если питаешь духовную любовь къ нашей нищетѣ, ибо Богъ есть любовь, по слову Богослова. Помни меня въ твоихъ молитвахъ, духовный отче.» — Старецъ Павель, услышавъ такое слово, исполнился слезъ и смиренно отвѣчалъ: «блага тебѣ да будетъ, честный отче; какъ повелѣшь ты мнѣ, такъ и сотворю по волѣ твоей; ты же возложи все свое упованіе на Господа Иисуса Христа, ибо ничто не отлучитъ насъ отъ любви твоей.» Сказавъ сіе блаженный Павель послалъ миръ и благословеніе содружебнику своему Діонисію и удалился въ предѣлы Обнорскіе, гдѣ основалъ свою обитель. Таково было взаимное смиреніе обохъ великихъ подвижниковъ, и духовная ихъ любовь, о которой пишетъ Апостолъ Павель: любовь не раздражается, любовь ничѣмъ не соблазнится, любовь не ищетъ своего, (I Кор. XIII, 5.) по пользы искренняго. Не трогательно ли

видѣть, какъ сіи великіе отцы пустыни, дѣлили между собою пустыню, полагая себѣ гранію ненарушеніе взаимнаго безмолвія?

Такимъ образомъ преподобный Діонисій приналя на себя заботу о двухъ монастыряхъ, вмѣсто одного, ни днемъ ни ночью не давая себѣ покоя, о духовномъ благѣ обохъ. «Братія, говорилъ онъ, съ помощію Божіею, пекусь я о вашихъ тѣлесныхъ нуждахъ; вы же попекитесь о душахъ вашихъ.» Еще жесточайшимъ подвигомъ смиралъ онъ плоть свою въ пустынь Сосновецкой, бодрствуя всю ночь безъ сна, и однажды только въ день вкушая нищю, немного хлѣба съ солью, питьемъ же его была единственно вода; забывая то что уже миновалось и простирался мысленно къ будущему, онъ непрестанно помышлялъ только о томъ, какъ предстать ему предъ лице Божіе въ часъ судный.

Былъ однажды преподобный въ городѣ Ростовѣ, у благочестиваго христіанина по имени Агаѳоника, который имѣлъ сына двѣнадцати лѣтняго отрока Матѳея. Діонисій, бесѣдуя съ отрокомъ, говорилъ ему: «чадо, Христосъ сказалъ въ евангеліи: кто любить отца или мать больше меня, недостойнъ меня, и кто не возьметъ креста своего и не последуетъ за мною, недостойнъ меня (Матѳ. X, 37, 38.); и желающимъ мнѣ работать, не принесъ я на землю мѣръ, но раздѣленіе (Лук. XII, 51), то есть, отсѣченіе всѣхъ мірскихъ пристрастій и любви къ житейскому. Отъ всего сего велитъ отречься Господь и не прикасаться къ нечистотѣ міра. Когда

сказали ему однажды: вот мать твою и братія твою, то и отъ нихъ вышлѣ оны отрѣшеніе, отвѣчавъ: моя мать и братія мои суть ты, которые творятъ волю Отца моего небеснаго (Мат. XII, 49), и тѣмъ показалъ намъ образъ новаго духовнаго жительства. Отцѣмъ твоимъ да будетъ, продолжалъ Діонисій, тотъ кто потрудится вмѣстѣ съ тобою свергнуть бремя грѣховное, а матерю кто омоетъ тебя отъ скверны страстей въ новомъ рожденіи; братіями бесѣдующіе съ тобою о горнемъ отечествѣ; сурругою пріобрѣти себя неотлучную память о смерти, и чадами будешь иметь отъ нея воздыханія сердечныя, работъ же стяжи себя плоть, а друзьями, святыя силы, которыя, во время твоего исхода, будутъ тебѣ помощниками къ восходу на небеса.»

Смирно отвѣчалъ ему отрокъ: «какъ ты мнѣ говоришь, такъ сею и желаю, лишь бы мнѣ имѣть тебя учителемъ.»—«А я буду имѣть тебя ученикомъ,» возразилъ преподобный, и такимъ образомъ отрокъ, по слову евангелія, ублажающаго ненавидящихъ міръ и любящихъ Бога, оставилъ родителей и все имѣніе, чтобы послѣдовать Христу. Преподобный взялъ его съ собою въ монастырь и, сподобивъ иноческаго образа, нарекъ ему имя Макарій; юный шнокъ обиталъ во внутренней келліи блаженнаго своего отца, въ совершенномъ послушаніи научаясь монастырскому уставу, и возлюбилъ его авва, ради добраго произволенія и вѣтущихъ въ немъ добродѣтелей. Непрестанно молилъ онъ

Господа, да дастъ ему совершить ангельское свое теченіе въ добромъ подвигѣ, и по его желанію, Епископъ Діонисій Ростовскій рукоположилъ Макарія въ пресвитера; по блаженной же кончинѣ Діонисія, принялъ онъ игуменство его великой лавры.

Князь удѣльный Георгій Бохтоужскій, имѣвшій владѣніе недалеко отъ лавры, пригласилъ къ себѣ Діонисія и сказалъ: «слышалъ я, отче, что ты строишь монастыри въ пустынь; проси у меня все нужное и дамъ тебѣ имѣніе, чтобы ты молился о нашей шницѣ.» Преподобный Діонисій отвѣчалъ: «мы обязаны молиться о твоемъ благоверіи, благодѣтельный Князь, но злата и сребра не требуемъ, ибо такъ заповѣдалъ Господь нашъ и учитель своимъ ученикамъ.» Тронутый смиреніемъ преподобнаго Князь просилъ хотя что-либо взять отъ него, дабы пришло благословеніе аввы на его домъ и, видя его теплую вѣру, согласился Діонисій получить съ того времени пропитаніе для своей обители отъ боголюбиваго Князя, который называлъ его своимъ учителемъ, часто посещалъ и дѣтямъ своимъ заповѣдалъ всегда благодѣтельствовать лаврѣ.

Однажды, когда преподобный былъ во внутренней пустынь, старецъ по имени Антуфій, безъ благословенія отческаго, дерзнулъ ловить рыбу и наловилъ много, думая получить за то похвалу; но Діонисій, услышавъ о томъ, велѣлъ бросить всю его ловитву какъ смертную ядь, плоть пре-

слушания, по причине коего и Адамъ былъ изгнанъ изъ рай; онъ даже связалъ зпитимію дерзновеннаго инока, говоря: «сыюцій отъ благословенія, благословеніе и пожнетъ; послушанія хочеть Богъ а не жертвы,» и только ради общаго моленія братіи разрышилъ виновнаго.

Ближайшіе ученики преподобнаго, свидѣтели его подвиговъ, разсказывали писателю его житія, который засталъ ихъ уже покрытыхъ сядинами, когда пришелъ благоговѣно въ обитель испытывать о житіи дивнаго ихъ старца, еще другіе случаи изъ его жизни. Два недобрыхъ человека похитили семь коней изъ монастыря и бѣжали; инокъ, поставленный смотреть за имѣніемъ монастырскимъ, пришелъ съ великимъ горемъ возвестить о томъ старцу; улыбнулся авва и сказалъ ему: «не все ли мы странники и пришельцы на земль? еще не много и отсель изыдемъ туда, гдѣ наше вѣчное жительство; не будемъ же заботиться о земномъ, но попечемся о томъ, какой отвѣтъ дадимъ о дѣлахъ своихъ въ день судный? Н ты, братъ мой, уповай на Бога, который намъ помощникъ и заступникъ противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Господь велитъ благословлять клинующихъ насъ и молиться за наносящихъ намъ обиду; если бы я обрѣлъ похитителей, то и еще что-либо приложилъ бы имъ отъ имѣнія нашего и съ любовію искренно бы о нихъ позаботился.» Случилось же, что бѣжавшіе съ конями остановились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ очищаются ветромъ и вѣсуются ко-

лося; въ полдень внезапно объяло ихъ пламя, и они едва успѣли сами спастися, потерявъ коней together сгорѣли.

Преподобный строго заповѣдывалъ ничего не держать у себя въ келліи, но одинъ изъ иноковъ, наученный дьяволомъ, утаилъ у себя десять погатыхъ (или кожаныхъ монетъ), которыя нашлись послѣ его смерти. Діонисій, по примѣру древнихъ великихъ отцевъ пустыни, велѣлъ бросить деньги сіи вмѣстѣ съ тѣломъ ослушника, въ обличеніе ему. Испуганные страшнымъ зрѣлищемъ, братія пали къ ногамъ своего учителя и просили помилованія усощему. «Чада мои, сказалъ имъ Діонисій, ослушаніе наноситъ смерть,» однако, послѣ усиленной просьбы, разрышилъ виновнаго; онъ только хотѣлъ такимъ позоромъ уничтожить навсегда позоръ ослушанія, дабы братія, ради страха сего не творили, но велѣлъ выкинуть деньги вопъ изъ монастыря, чтобы никто не смѣлъ къ нимъ прикоснуться.

Тяжкимъ искушеніямъ подвергся самъ преподобный отъ козней дьявола, который страшился, чтобы по его гласу вся пустыня не исполнилась воздержниками. Въ одну ночь, присный ученикъ его Макарій, взоидя къ нему въ келлію, нашелъ отца своего, лежащимъ на полу и покрытымъ ранами; съ изумленіемъ спросилъ онъ: «что сіи раны?» — но старецъ только отвѣчалъ ему: «если и сего не можемъ стерпеть, то какъ возможемъ стерпеть вѣчныя муки?» Съ того дня

однако даровалась ему от Бога власть на духовъ нечистыхъ, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ прикасаться къ нему въ пустыни, когда все болѣе и болѣе возгарался онъ на новые подвиги.

Въ 1418 году, еще однажды посвятилъ преподобный святителя Діонисія въ Ростовъ. Епископъ, побесѣдовавъ съ нимъ духовно, благословилъ его честно иконою Богоматери, съ предвѣчными на рукахъ Младенцемъ, которую принесъ онъ въ монастырь со многою утварью, въ залогъ благоволенія архипастырскаго. Около того же времени, пришелъ къ нему изъ Ростова, архимандритъ Григорій Лопотовъ, рода боярскаго, который поселился, съ его благословенія, въ обители Сосновецкой, и былъ съ нимъ соединенъ любовію духовною; въ послѣдствіи же, основалъ и свою обитель на рѣкѣ Пельшмѣ, за 30 верстъ отъ лавры; гдѣ часто посѣщалъ его Діонисій и далъ ему, въ благословеніе, многія иконы своего письма и книгу церковную прологъ, изъ самимъ написанную.

За семь лѣтъ до своего преставленія, блаженный самъ себя ископалъ гробъ, въ той пустынѣ Сосновецкой, гдѣ основалъ церковь во имя Претечи, и приходилъ ежедневно на свою могилу, непрестанно напоминалъ себя о скоромъ своемъ переселеніи. Иногда, бодрствуя всю ночь, стоялъ онъ на морозѣ и помышлялъ какъ бы избѣжать много болѣе страшнаго холода тмы кромешной, дабы вмѣсто него вкусить радость рай-

ской жизни. Старецъ говорилъ своимъ ученикамъ: «если не будетъ здѣсь положено тѣло мое, не останется здѣсь живущихъ, ибо пустынно и трудно мѣсто сіе. Если же здѣсь положено будетъ, то Бога ради не презирать мѣста сего и меня, и съ вѣрою здѣсь живущіе воспріимуть награду отъ Бога, а въ страшный день суда обрѣтутъ себя помощницею Владычицу, ибо потрудились въ ея обители.»

Братія хотѣли однажды искусить преподобнаго и, во время его молитвы, послали къ нему юношу, въ образѣ нищей странницы, которая со слезами молила, чтобы выкупить ее изъ неволи, вмѣстѣ съ дѣтми, цѣною ста сребренниковъ. Памятуя слово евангельское «просице у тебя дай.» (Мат. V. 42.) Діонисій открылъ окно своей келліи и выдалъ деньги мнимой странницѣ. Когда же блаженный пришелъ на вечернее пѣніе, искусители принесли ему обратно выданное серебро, осуждалъ за безразсудную раздачу и обличая предъ нимъ мнимую странницу; но авва, возлюбивъ ихъ самихъ, велѣлъ позвать юношу и отдалъ ему опять серебро, братіи же сказали: «если вы, вопреки моей воли, отнимите у него деньги, то преступите двѣ заповѣди: одну, показавъ себя нетерпимыми къ нищету, другую же, преслушавъ Бога, запрещающаго требовать обратно отъ того кому дали. Добро, братія, давать всякому просящему, но еще честнее давать и не просящему; Господь велитъ творить добро, сколько есть силъ; и такъ перестаньте искушать меня, побуждая къ немилосердію.» Братія,

почувствовать свою вину, пали къ погамъ его и испросили себѣ прощенія.

Спустя несколько времени, такъ какъ начали притекать въ монастырь многія женщины, за словомъ спасенія, преподобный соорудилъ для нихъ, къ северу за двѣ версты отъ лавры, церковь во имя святителя Леонтія Ростовскаго, дабы тамъ собиравлись на молитву не докучая братіи, и учредилъ при церкви обитель инокинь, поставивъ надъ ними благоговѣйнаго мужа, украшеннаго сядниами. Еще двѣ церкви построилъ Діонисій: одну за 18 верстъ отъ лавры, вѣнзъ по рѣкѣ Глушицѣ, на большой рѣкѣ Сухоиѣ, во имя воскресенія Христова, чтобы въ ней собирались православные и слышали слово Божіе. Другую же церковь соорудилъ, во имя Святителя Николая, по просьбѣ жителей селенія Двинницы, и ту украсилъ благолепными иконами своего писанья, ибо онъ сіялъ какъ свѣтъ свѣтлыиикъ всей окрестной странѣ. Былъ голодъ и весь притекали къ нему, какъ къ неизчерпаемому источнику, потому что неоскудную творилъ милостивно и чѣмъ больше приходили тѣмъ болѣе раздавалъ. Пришелъ къ нему экономя сказать, что уже недостасть запасовъ, но преподобный отвѣчалъ ему: «вѣрнѣе сказавшій намъ: не пейтесь о завтрашнемъ днѣ, что вѣдѣтъ, или что пѣемъ, или во что облечемся, ибо знаетъ Отецъ нашъ небесный что требуете всѣхъ сихъ; но ищите прежде царствія небеснаго и все сіе приложится вамъ; (Мат. VI. 31, 33.) будьте милостивы и щедры, какъ и

Отецъ вашъ небесный, ибо немилующіе и нищихъ не навидимы Богомъ. Ни о какомъ другомъ согрѣшеніи, кромѣ немилосердія, не слышали короткаго нашего судно Бога, произносящимъ судъ свой съ такимъ гнѣвомъ: «отыдите отъ меня проклятые въ огонь вечный, уготованный діаволу и ангеламъ его.» (Мат. XXV.) Имѣйте братія въру словамъ писанія, что судъ безъ милости для несоотворившихъ милости; (Іак. 2, 13.) сколько есть силы избежимъ немилосердія и лютости ко благимъ дѣламъ, ибо ничто столько не можетъ помочь намъ какъ милостыня, и милующій нищаго взаимно даетъ Богу, по слову сятаго писанія.»

Послѣ блаженнаго Епископа Ростовскаго Діонисія, возсѣлъ на его кафедру, святитель Евремъ; онъ подиися обозрѣть обширную свою епархію, до великаго Устюга и даже до поморія: Преподобный, услышавъ что идетъ владыка мимо его обители, вышелъ къ нему съ братією на встрѣчу и, поклонившись до земли, принялъ съ честію въ свою лавру и совершилъ молебное пѣніе Богоматери; Владыка же, благословивъ аву и учениковъ его, далъ имъ обильную милостыню и сказалъ имъ апостольское слово о томъ, какъ подобаетъ повиноваться своимъ начальникамъ, которые бодрствуютъ о вѣрнѣиныхъ имъ душахъ и воздадутъ за нихъ отвѣтъ предъ Богомъ; (Евр. XIII.) посему, слушающіе ихъ, слушаютъ самаго Господа, и получаютъ награду отъ суди, за то что соблюли его слова. «Братія и чада, говоритъ святитель Евремъ,

возлюбите славу Христу и отвергните славу мира сего, мимо текущую как тень и сонь. Не видим ли, что здравые вчера сегодня въ лютюмъ недугъ, и бывшій властелинъ нынѣ уничтоженъ и внезапно приходитъ печальный часъ смерти; не все ли по истинѣ суета? Прибъгнемъ къ милосердію Божію, да услышимъ отъ него: по вѣрѣ вашей, буди вамъ, примите уготованное вамъ царство. Вспоминимъ пророка, глаголавшаго: горе мнѣ, ибо близокъ день страшный и грозный! и если онъ трепещеть, какъ не вострещемъ мы, обремененные тьмами греховъ? Умолимъ Судію, убоимся страшнаго того часа и гласа: отъидите отъ меня проклятые, ибо възаклася я, и вы не дали мнѣ вѣсть, възжаждался, и не напоили меня, страненъ былъ и въ темнщю, и вы не посетили меня! (Матѣ. XXV. 41—43.) Таковы ненавистники братьевъ своихъ и досаждающіе родители! Мы же, услышавъ страшное сіе прещеніе, убоимся быть отлученными отъ Бога, ибо тутъ не можетъ помочь ни отецъ сыну, ни братъ брату, но каждый пожнеть то что посягъа добраго или злаго.

Господь сказалъ: кто не возьметъ креста своего и не поидеть вслѣдъ за мною, тотъ меня недостоинъ; (Матѣ. X. 38) что же хуже и окаяннѣе, какъ быть недостойнымъ Бога? — Богословъ Іоаннъ научаетъ насъ не любить міра и того что въ мірѣ, ибо переходитъ уже образъ міра сего и вся его похоть, а творціи волю Божію, пребываетъ во вѣки. (І. Іоан. II.) Не назваъ ли

самъ Господь мертвецемъ привлзаннаго къ мірскому, когда сказалъ юношѣ, хотѣвшему за нимъ следовать и въ то же время погребсти отца: оставь мертвыхъ погребать своихъ мертвецовъ? (Лук. IX, 6.) — то есть, оставь все мірское и не только не будешь обладаемъ смертію, но и самъ надъ нею обладать будешь. И Апостолъ Петръ поучаетъ, что если будешь соучастниками страстямъ Христовымъ, то и царствію его и славъ приобщимся (2 Петр. IV, 13). Если вы всегда будете поучаться въ словесахъ сихъ, то и съ вами будетъ миръ Божій, провѣщая и вразумляя васъ на путь истины. Каждый изъ васъ да отгоняетъ далеко отъ ума своего все хотѣнія лукаваго, запечатывая себя знаменіемъ крестнымъ, дабы избѣгать всякаго соблазна: такимъ образомъ сподобитесь вѣчнаго царствія и васъ освѣтитъ свѣтъ божественныхъ Тронцы.»

Братія же, внимая поученію пастырскому и чувствуя себя во всемъ недостойными столь великаго учителя и чадолюбиваго отца, проливали обильныя слезы и просили святыхъ его молитвъ, для ихъ душевнаго спасенія. И отцу ихъ Діонісію сказалъ назидательное слово добрый пастырь: «поелику пріялъ ты овецъ изъ ограды Христовой, блюди себя и стадо, за которое дашь отвѣтъ, дабы и ты могъ сказать на судѣ: вотъ я и дѣти, которыхъ далъ мнѣ Богъ! (Исаи VIII, 18.) Упаси ихъ на пакини божественныхъ словесъ, не ослабывая и не преставно внушай имъ: подвизайтесь дабы взойти; боритесь чтобы одоляти; трудяйтесь чтобы

отдохнуть и алкайте дабы насытиться! — Съ нами вместе, будь прежде всего исполнителем того что говоришь, ибо сказано: что и Господь Иисусъ «началъ творить и учить.» (Дьян. I. 4.) дабы и они возбудились твоимъ примѣромъ. Видѣние втрѣе слышанія; если не увидать дѣлъ твоихъ, тягостными покажутся твои слова. Со слезами припадай къ Богу о чадахъ твоихъ, да сохранишь ихъ и тебя отъ навѣтовъ вражійхъ; наказуй, блюди, запрещай, милуй; простирай руки къ падающимъ, увящавой труждающихся, обвязывай какъ врачъ раны душевныя; будь образомъ благихъ нравовъ, научая терпѣнію и молчанію; предначинай всякое доброе дѣло, дабы и меньшіе братія отъ тебя не отставали. Обходя стадо, твоею молитвою и заботою, не презри, по помилуй узавленную овцу и возлей масло на ея струны, дабы всѣ не постыдно явились на судилище Христова и ты бы, вмѣстѣ съ ними, принялъ воздаяніе отъ Владыки Христа.»

Умилился преподобный и сказалъ Святителю: «Господь, пославшій учениковъ своихъ просвѣтить всю вселенную, и тебя намъ послать, пастыря и цѣлителя, достойнаго сей чести въ землѣ Русской, и ты, преподавая намъ божественныя заповѣди, подражаешь истинному и достойному пастырю, который положилъ душу свою за избранныхъ овецъ.» Опять отвѣчалъ ему Святитель: «чадо, писано въ новомъ заветѣ: кому дано много, много потребуется отъ него (Лук. XII, 48), и Апостолье вѣнчаетъ,

что епископы, іереи и клири, великій приняли на себя подвигъ, все устроить по правдѣ и обо всемъ пещись, дабы вести ко спасенію многія порученныя имъ души.» Такъ, со взаимною любовію и дарами подobaющими высокому сану, Святитель возвратился на свою кафедру въ древній Ростовъ.

Амфилохій и другіе ученики Игрен. Діонисія его Лавра и Сосновецъ.

Пришелъ изъ великаго Устюга шнокъ, по имени Амфилохій, сама пресвитерскаго, въ монастырь преподобнаго Діонисія и сказалъ ему поклонившись: «отче спаси меня.»—«Братъ мой, зачѣмъ ты подыагъ столь великій трудъ?» отвѣчалъ ему Діонисій и Амфилохій возразилъ: «я пришелъ сюда, честный отче, прежде всего поклониться пречистой Богородицѣ, а потомъ стопагъ твоимъ и живущей здѣсь съ тобою братіи, дабы вы за меня молились.» Преподобный пригласилъ его къ себѣ въ келлію и, послѣ общей молитвы, они съи; тогда Діонисій

призвал послушника своего Макарія и сказалъ ему: «пришелъ къ намъ въ монастырь Богомъ вразумляемый инокъ Амфилохій и хочетъ съ нами возсылать молитвы къ Богу;» Макарій же отвѣчалъ: «прости меня невѣду, честный отче, не разумю что говорить.» — «Говори, послушникъ, то что тебѣ Богъ положить въ разумъ,» возразилъ преподобный и Макарій, возставъ произнесъ: «благословенъ Богъ, хотящій взять человѣкамъ спасеніе и въ разумъ истины принти,» (1. Тим. II, 6.) и опять сказалъ ему преподобный: «да дастъ тебѣ Богъ разумъ, говорить что-либо на пользу.» Видя такую простоту и послушаніе, Амфилохій припалъ къ ногамъ преподобнаго, говоря: «нынѣ, по истинѣ, узналъ я отче пути твои и какъ, ненавида славы человѣческой, ищешь ты славы только отъ единого Бога;» но Діонсій, поднимая его, сказалъ: «зачѣмъ, о братъ мой, приносишь тяжесть грѣшному человеку? — подобаетъ кланяться единому Богу, возставъ отъ ногъ моихъ. Благословенъ Богъ, направившій къ намъ стопы твои, ибо онъ одинъ можетъ спасти и тебя и меня.» Всталъ Амфилохій, проливая источникъ слезъ, и предалъ себя совершенно на волю великаго аввы, говоря: «полюкку всевѣдущій Богъ привелъ меня во святыя твои руки, съ помощію Божіею, буду исполнять все что ты мнѣ велишь.»

Діонсій, услышавъ что хочетъ быть ему сподвижникомъ въ постѣ, не скрылъ отъ него суровое свое жителство, съ лишеніемъ всякаго плотскаго покоя;

но не смутился Амфилохій: «Апостолъ велить, сказалъ онъ, повиноваться наставникамъ, которые бодрствуютъ о душахъ нашихъ (Евр. XIII. 16. 17.); повѣрь мнѣ, честный отче, что и я принялъ сію заповѣдь, какъ отъ самаго Бога.» Преподобный возразилъ: «если хочешь здѣсь пребывать съ нами, сотворимъ завѣтъ между собою: не отлучаться другъ отъ друга на все время, сколько еще пребудемъ въ жизни.» Амфилохій, воспріявъ иноческое житіе, строго во всемъ исполнялъ уставъ общежитія, все переносъ съ терпѣніемъ, ради будущаго блаженства. Возрадовался духомъ преподобный, и началъ вмѣстѣ съ новымъ братомъ своимъ, или лучше сказать сыномъ, расширить мѣсто для обители и соорудилъ тутъ болѣе обширный храмъ. Амфилохій свято соблюдалъ все его заповѣди, подражая во всемъ благому примѣру аввы Діонсія, и болѣе заботился о своей душѣ нежели о тѣлѣ; кротость и терпѣніе смиреннаго прославились поведію.

Еще дальше, нежели изъ Устюга, изъ великой Перми, пришелъ въ лапу Діонсіеву игуменъ Тарасій, оставившій добровольно свое начальство, чтобы самому быть подъ началомъ. Возвестили игумену о его пришествіи изъ дальней страны, и онъ встрѣтилъ его предъ вратами обители; оба взаимно сотворили молитву. «Издавна жаждалъ я видѣть лице твое, честный отче, и много о томъ молилъ Господа,» сказалъ пришелецъ и смиренно отвѣчалъ ему старецъ: «благословенъ Богъ, посланшій къ намъ недостойнымъ, мужа опытнаго и бла-

оговѣйнаго; самъ по себѣ я ничего не могу дѣлать, но все возложу Богу.» Тарасій опять сказалъ: «тебѣ, отче, возвысилъ Богъ, ради добрыхъ твоихъ дѣлъ, намъ же позволь во всемъ тебѣ подражать, свято соблюдая все твои повелѣнія; прими малое имѣніе, которое принесъ я съ собою и сопричти меня къ словесному твоему стаду.»

Діонсій ввелъ его въ обитель и далъ ему келію въ большой лаврѣ. «Не ты ли, говорилъ онъ, какъ истинный подражатель добраго пастыря Христа, былъ самъ пастыремъ и цѣлителемъ людей заблуждавшихся во тмѣ лъчества, въ землѣ Пермской? Невѣдавшимъ Бога, не ты ли открывалъ божественныя заповѣди Спаса, по слову Господню: кто сотворитъ и научитъ, тотъ наречется великимъ въ царствіи небесномъ.» (Мат. V. 19.)—«Прежде подобаетъ отъ плода вкусить труждающемуся дѣлателью, возразилъ игуменъ Тарасій, то есть самому дѣлать и потомъ уже учить народъ, какъ и Діонсій Ареопажитъ велитъ послѣднимъ званіе учителей Христовыхъ, незлостно заботиться о спасеніи душъ человѣческихъ. Посему и я, все сіе размысливъ, пришелъ въ монастырь къ Пречистой, какъ къ безбурному пристанищу и наставницѣ спасаемыхъ и твердынь противъ наветовъ вражійхъ.»—«Отче смиреннѣйшій, сказалъ Діонсій, ты послушалъ евангельскаго гласа, ни во что вмѣнявъ богатство и славу міра сего; отъ Господа тебѣ награда на небесахъ.»

Съ того времени началъ проходить игуменъ

Тарасій суровое житіе, держась труда постническаго, и стылжалъ много слезъ, во всемъ повинувся аввѣ. Десять лѣтъ провелъ онъ такимъ образомъ при жизни блаженнаго отца и, предлодавъ его къ Богу, какъ своего молитвенника и ходатая, послѣ него прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ лаврѣ до глубокой старости, раздѣляя заботы начальственной съ блаженнымъ Амфилохіемъ.

Прендобный Діонсій усугублялъ свой подвигъ, по мѣрѣ того какъ подвигался къ цѣли своего странствія, и уже какъ безвѣстный совершенію покорилъ плоть свою бдѣнію; по истинѣ, могъ онъ сказать съ Апостоламъ: не я болѣе живу, но живеть во мнѣ Христосъ (Гал. II. 20.) Со времени водворенія своего въ пустыню никогда не оставался онъ празднымъ отъ духовнаго дѣланія, но всегда полагалъ восхождение въ сердце своемъ, доколь не достигъ желаемаго; всегда готовый имѣть онъ свѣтильникъ, чая прішествія безсмертнаго жениха и, въ самой глубокой старости, нѣсколько не оставилъ прежняго подвига и божественной службы; дни за днями, подобно ступенямъ, приближалъ его къ Богу.

Однажды призвалъ онъ возлюбленнаго ученика Амфилохія и сказалъ ему: «нынѣ вижу время отшествія моего уже при дверяхъ; тебѣ же, другъ мой и сверстникъ, повелѣтъ Господь еще жить; покрой тѣло мое землею и персть отдай персти, а самъ пребывай на этомъ мѣстѣ, держась духовнаго житія и твора память моему смиренію. Но

изнемогай, чадо, въ болезняхъ и въздыханіяхъ на всякій день, чаа скоро разлучиться отселе, и теки на почьсть вышнiаго званiя, во Христь Исусь. Вспоминай и сіе слово Господне: когда исполните все повелiенное вамъ, — говорите, что вы только рабы ничего не стоящiе (Лук. XVII, 10), ибо кто изъ насъ можетъ когда либо заплатить долгъ, коимъ должны мы Владыкѣ Христу?—Богатый обнищаль онъ ради насъ, дабы мы ищетiю его обогатились и бесстрастный пострадалъ, дабы насъ освободить отъ страстей; воспоминай о томъ, пльный всякое твое помышленіе въ послушаніе Христово».

Плакаль Амфилохiй, о предстоящемъ разлученiи съ добрымъ учителемъ, и сквозь слезы говорилъ: «о духовный отче, ты самъ отходишь на покой, мнѣ же оставляешь въ скорби; помолись Господу да и мѣся спутникомъ возмешь съ собою изъ сей жизни;» но Дiонисiй съ кротостiю отвѣчалъ: «и я, духовное мое чадо, много о томъ молилъ Господа, чтобы не разлучаться намъ другъ отъ друга; но узналъ отъ его благодати, что тебѣ еще не подобаетъ нынѣ оставить мiръ, потому что не довольно ты подвижался, для полученiя пригтовленной тебѣ награды. Долго еще тебѣ трудиться на этомъ мѣстѣ послѣ моего преставленiя; какъ видѣть ты мое попеченіе о избранномъ стадѣ Христовомъ, такъ и ты позаботься, во дни твоей жизни, пастя и надзирая и возводя къ духовному разумiю вверенное тебѣ стадо, и вотъ уже пред-

стоитъ дѣлать виноградъ, воздаты тебѣ мзду свою».

Послѣ сей прощальной бесѣды, Дiонисiй велѣлъ ученику своему идти къ себѣ въ келлiю; принявъ благословеніе онъ удалился, но въ тайнѣ, вмѣстѣ съ Макаріемъ, смотрѣлъ сквозь скважину двери, что будетъ дѣлать ихъ старецъ? — Возсталъ преподобный и, поднявъ руки къ небу, произнесъ молитву: «Владыко человеколюбче, прими меня въ вѣчное твое селеніе и не помяни моихъ согрѣшенiй, вольныхъ и невольныхъ, и сохрани рабовъ твоихъ въ сей обители, избавляя ихъ отъ всякаго навѣта вражiя, да прославится имя твое святое.» Преклонивъ колѣна, помолился онъ и пречистой Дѣвѣ, чтобы предстательницею была предъ сыномъ своимъ и Богомъ: «ты Матерь сладкаго моего Христа, на тебя возлагаю упованіе свое, ибо ты меня сподобила, грѣшнаго раба твоего, создать сію обитель во славу твоего имени, дабы приносилось здѣсь моленіе, о благоверныхъ князьяхъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ.» Послѣ молитвы старецъ сѣлъ, чтобы несколько отдохнуть и сведетъ былъ въ тонкій сонъ, и вотъ внезапно послышался ему голосъ: «услышана твоя молитва о братiи и я неотступно буду отъ сей обители, охраняя ее отъ всякихъ золъ и оскудѣнiя.» Воспрянулъ Св. Дiонисiй, радостно вострепетало сердце его отъ дивнаго гласа, обшцавшаго ему помощь и заступленіе пречистой Богородицы, и всю ночь провелъ онъ безъ сна, воспѣвая хва-

лебных псов. На развѣтъ призвалъ духовнаго сподвижника своего Амфилохіа, сообщилъ ему свою радость и вмѣстѣ они прославили Бога; призвалъ и братію и сказалъ ей послѣднее назидательное слово:

«Братія, предаю васъ всемогущему Богу и пречистой Богоматери, да будетъ вамъ стѣна и прибежище отъ сѣти вражіей; вы же нащиче украшайте смирениемъ, не забывайте страннолюбія, стяжите любовь величественную, чистоту душевную и тѣлесную, ни во что вменяя честь и славу воздаяніа небесныхъ и вѣчныхъ благъ.» Братія со слезами ему говорили: «духовный отецъ нашъ, самъ ты отходишь на покой, а насъ кому оставлешь? кто будетъ заботиться о душахъ нашихъ?» и съ кротостію отвѣчалъ имъ преподобный: «Богу оставлю васъ и пречистой Богоматери, старшинство же вручаю присному своему ученику, усовершенствованному въ добродѣтели и во всемъ совершающему отцу своему, смиренному Амфилохію; ему повелѣваю пасти христовичье стадо, внимательно и право; миръ Божій да будетъ съ вами, просвѣщая и вразумляя васъ на путь истины, и я даю вамъ миръ и благословеніе. Будьте послушны наставнику вашему по слову Господню, сказанному Апостоламы: слушающій васъ, меня слушаетъ и отмѣтающійся васъ, меня отмѣтается, (Лук. X. 16.) и убійтесь страшнаго гласа: отъидите отъ меня въ огонь вѣчный! (Матт. XXV.) Чада мои,

вотъ я вкратцѣ вамъ изложилъ путь истины, дабы вамъ во всемъ быть совершенными и осіяваться божественнымъ святомъ».

Пролитая слезы оставили его ученики, безутѣшныя о предстоящей имъ разлукѣ. Преподобному было тайное откровеніе, что чрезъ три дня отыдетъ ко Господу, и онъ началъ безмолвствовать. Съ 29-го Мая впалъ онъ въ тѣлесный недугъ и почувствовалъ конечное разрѣшеніе души отъ тѣла; готовый предать духъ свой желанному Христу, Діонсій призвалъ еще однажды священныи соборъ учениковъ своихъ; лице его сіяло уже небеснымъ святомъ; присному своему Макарію, велѣлъ онъ совершить божественную службу, чтобы на самый исходъ приобщиться еще однажды тѣла и крови Христовыхъ, и повторилъ свое завѣщаніе братіи: «чтобы тѣло его погребено было на томъ мѣстѣ, гдѣ за семь лѣтъ предъ тѣмъ ископалъ себя могилу, да не упразднится обитель Сосновецкая, и чтобы подъ однимъ игуменомъ были оба монастыря.» (То и другое исполнилось и, при отсутствіи главнаго монастыря, уцѣлѣла смиренная обитель, гдѣ погребено его тѣло, и бывшая лава отъ нея зависѣтъ). «Братія и чада, сказалъ наконецъ умирающій, если обрѣту милость у Бога, то не оставлю мѣста сего, но буду молить Господа и пречистую его Матерь, дабы не было злѣсь оскуднѣнія.» Потомъ, осививъ себя крестнымъ знаменіемъ, и давъ благословеніе всей братіи, поднялъ руки къ небу и въ молитвѣ предалъ святую

душу свою Богу. Въ ту минуту видѣлъ Амфилохій на главѣ усопшаго сіяющій внецъ; лице его просвѣтилось внезапно, какъ снѣгъ, и благоуханіе пролилось отъ его трудолюбиваго тѣла.

Преподобный Діонисій скончался первое Юня 1437 года, въ день воскресный, въ шестомъ часу дня; всѣхъ же лѣтъ его жизни было 74 года и 6 мѣсяцевъ. Писатель житія его оставилъ намъ и драгоценное свидѣніе о его наружномъ видѣ, во свидѣтельство той истины, съ какою сохранилъ его дѣланіа; онъ былъ не высокъ тѣломъ и весьма сухъ плотию, имѣлъ голову не малую и лице продолговатое, круглыя брови и тихія очи, волосы русые и до половины сѣдые, а брада его, не густая и не тонкая, спускалась до персей.

Съ подобающею честью положено было тѣло Діонисіево на погребальный одръ, и съ псаломпнѣемъ повезли его изъ лавры въ пустыню; но лошака, выраженный въ погребальную колесницу, остановился на пути, недалеко отъ лавры, и не хотѣлъ идти далѣе; (на этомъ мѣстѣ стоитъ теперь часовня). Былъ у преподобнаго другой любимой лошака; того велѣлъ привести Амфилохій и, безъ всякаго понужденія, легко довезъ онъ тѣло до пустыни, какъ бы чувствуя что воздастъ послѣдній долгъ своему господину. На другой день погребено было нетлѣнное тѣло, въ избранной имъ пустынь, и съ тѣхъ поръ и до нынѣ истекаютъ отъ его гроба исцѣленія всѣмъ, которые призываютъ имя его съ вѣрою. Такимъ образомъ, хотя

и не желалъ преподобный никакой славы, ни въ сей жизни ни по смерти, но крикая сила Божія его прославила по слову Господню: «прославляющихъ меня праславлю.» Сораспявшійся со Христомъ, сподобился отъ него дара чудесъ и, насладившись вечно его лицедрвіемъ, украсился впецемъ блаженства, во страніи живыхъ, тамъ гдѣ гласъ непрестанно прадниующихъ и веселящихся жилище. Онъ подражалъ въ добродѣльномъ житіи древнимъ праведникамъ: стязалъ незлобіе Іаковлево и страннолюбіе Авраамово, и если освященный Савва былъ благоразсудительный строитель общаго житія въ Палестинѣ, то и сей Діонисій не составилъ ли общезжитія въ нашихъ родныхъ предѣлахъ, и не процвѣла ли при немъ пустыня, какъ некогда Іорданская!

Послѣ утрени и молебна, который для мѣня отслужили преподобнымъ Діонисію и Амфилохію, просиль я возвратившагося въ обитель Архимандрита, показать мнѣ то что сохранилось въ ней древняго. Немногого могъ указать мнѣ осмидесятилѣтній старецъ, который, въ теченіи долгаго иноческаго поприща, занимался постоянно обновленіемъ различныхъ обителей и былъ часто переводить изъ одной въ другую, по его особенной опытности къ постройкамъ. Церковь преподобныхъ, въ которой совершалась служба, не весьма древняя и уже третья на мѣстѣ той, которую основалъ Св. Діо-

нисий во имя Предтечи. Она сооружена в половине минувшаго столѣтїа, вмѣсто сгорѣвшей деревянной, которая была построена не болѣе какъ за сто лѣтъ предъ нею. Съ сѣверной стороны пристроены къ ней теплыи придѣлъ, во имя благовѣщїи Богоматери, и на верху есть еще престолъ рождества Предтечи, на память первоначальнаго. Прежде всего привлекла мое вниманіе двойная рака угодинокъ Божїихъ, занимающая большое пространство въ церкви; она была устроена, какъ свидѣтельствуешь надписи, усердіемъ гостя Бахтеяра Булгакова и дѣтей его Ивана и Василїа, въ 1645 году, вѣроятно при строенїи второй церкви, и при ней были поставлены ризныи подѣвчникъ, котораго теперь уже нѣтъ.

Часть отъ трости преподобнаго Дїонїсія и ризная икона Одигитрїи, его трудовъ, стояли прежде при раке, но теперь хранятся въ ризницѣ и я полюбопытствовала ихъ видѣть. Между многими древними иконами, которыми наполнена ризница, особенно замѣчательно сіе ризное изображеніе Богоматери; кромѣ хорошаго искусства весьма драгоценно уже то, что надъ сею иконою трудился самъ преподобный. На створахъ, вѣроятно позднѣйшихъ, написаны святые Греческіе и Русскіе: изъ нашихъ, если не ошибаюсь, преподобные Сергїй, Кириллъ и Димитрій Прилуцкїй. Мнѣ кажется, еслибы тщательно поискать въ сей ризницѣ, хотя по видимому весьма убогой, можно бы найти и другїя драгоценныя иконы,

письма Дїонїсіева; конечно онъ предпочтительно украсилъ ими собственную обитель, а между тѣмъ все почти вышнїяя иконы въ церкви позднѣйшаго времени. Есть еще въ ризницѣ одна большая икона Богоматери, вынутая изъ иконостаса, древняя хотя и поповленная, и въ телой, церкви у праваго клироса, акаоистъ Божїей Матери въ лицахъ, который можетъ быть письма преподобнаго; но въ верхней церкви Предтечи нашель я на стѣнѣ несомнѣнную икону его письма, изображающую знаменїе Божїей Матери, съ огненными Серафимамъ, которая даже значится въ описанїи іерархїи, Дїонїсіевою, и должна бы находиться на болѣе видномъ мѣстѣ въ соборѣ.

Вотъ все, что я нашель замѣчательнаго въ Соновецкомъ монастырѣ, который много пострадалъ отъ пожаровъ и дважды отъ нашествїя Поляковъ и Литвы, въ 1614 и 1616 годахъ; еще сохранились въ его архивѣ некоторыя древнїя грамоты, которыхъ мнѣ однако не удалось видѣть. Гдѣ погребенъ блаженный ученикъ преподобнаго, Ѳеодосїй, который былъ однимъ изъ его преемниковъ въ Соновецкомъ монастырѣ?—неизвѣстно: вѣроятно, мѣсто его могилы утрачено при частыхъ перестройкахъ церкви. Въ соборѣ былъ погребенъ также второй изъ Епископовъ Вологодскихъ, Никонъ, въ 1514 году; первый же Епископъ Алексїй, изъ настоятелей Кириллова монастыря, положенъ въ Кирилловѣ. Погребенїе Епископа Никона въ Соновецкомъ свидѣтельствуешь, какимъ тогда уваже-

нѣмъ пользовалась сія обитель. Каменная ограда, замѣнившая деревянную, съ церковью входа Господня въ Иерусалимъ надъ св. вратами, и корпусъ настоятельскихъ келлій,— все это уже вновь сооружено въ последнее десятилѣтіе, стараніемъ Архимандрита. Но въ обители преподобнаго Діонисія, которая служила въ свое время разсадникомъ иночества въ предѣлахъ Вологодскихъ, сердце жаждало, болѣе нежели гдѣ нибудь, обрести нечто ему современное. Съ любопытствомъ остановился я посреди двора, надъ кладземь, подъ деревяннымъ навесомъ, который могъ восходить до времени Діонисія. Мнѣ хотѣлось бы обрести и ту исполнечную сосну, давшую имя обители, подъ которою долго онъ безмолствовалъ; но хотя и не удовлетворились во многомъ мои ожиданія, однако тихая обитель Сосновецкая, въ ея дикой пустыни на берегу невѣдомой Глушицы, оставила въ сердцѣ глубокое впечатлѣніе.

Послѣ субботней заупокойной обѣдин, настоятель проводитъ меня до бывшей Покровской лавры, и тутъ еще болѣе разочарованія меня ожидало: я окончательно убѣдился, что уже не существуетъ древняя деревянная церковь, которая такъ необычайно была выстроена, на подобіе корабля, съ своими навѣшными папертами и крыльцами, а высокая ея глава давала ей видъ оснащенныхъ мачтъ. Она была срублена изъ кряжкаго дуба, въ 90 вѣдѣвъ высоты, въ исходѣ XVII вѣка, и привлекала общее вниманіе странностію своего зодчества; вся

она колебалась во время сильныхъ ветровъ, но это не препятствовало ея прочности, хотя и были нѣкоторыя ветхости въ навѣшней паперти. Въ нижнемъ ярусѣ почивали подъ спудомъ двое изъ учениковъ преподобнаго Діонисія, Макарій и Тарасій, бывший игуменъ Пермскій. Рядомъ съ нею стояла и еще стоитъ малая деревянная церковь, во имя преподобныхъ Діонисія и Амфилохія, которая служила теплымъ соборомъ. Третій храмъ Св. Николая поставленъ былъ надъ братскими келліями, въ связи съ ними и съ широкою вокругъ папертью, а надъ св. вратами существовала церковь, во имя Соловецкихъ чудотворцевъ; въ послѣднее десятилѣтіе все это было перестроено. Новая деревянная ограда замѣнила старую, но уже безъ надворотной церкви; Николаевская совершенно разобрана, за ветхостію, и видны только глубокія ямы прежнихъ келлій. Въ память сей упраздненной церкви, сооруженъ теплый приделъ Св. Николая въ Покровскомъ каменномъ соборѣ, который замѣнилъ древній; храмовая его икона Богоматери, хотя и обновленная, можетъ еще относиться ко временамъ Діонисія. Все, что осталось древняго, снесено въ бывшую церковь Преподобныхъ, которая теперь празднуетъ Рождеству Христову. Тамъ есть нѣсколько древнихъ иконъ, різныя царскія двери и деревянные росписные подвѣшники, подобные тѣмъ какіе видны въ Кремлѣ, въ церкви положенія ризы Богоматери; тамъ же и гробовая рака преподобныхъ Макарія и Тарасія, надъ которою служатъ доселѣ нанчиды.

Съ грустію въ сердце окинулъ я живописную окрестность, съ вершины холма бывшей лавры, который господствуетъ надъ всеми соседними высотами и надъ пустыннымъ теченіемъ Глушницы. Влали, на другомъ холмѣ, видна каменная красная церковь Св. Леонтія, поставленная на томъ мѣстѣ, гдѣ была обитель инокинъ, устроенная Діонисіемъ. Большое село раскинулось по другую сторону глубокаго оврага: это то самое, которое вытѣснило отсюда лавру; его нечаянное соседство заставило, въ 1680 году, благочестиваго Епископа Вологодскаго Симона, перевести настоятеля и братію въ болѣе уединенный Сосновскій монастырь, чтобы избавиться отъ шума приселившейся слободы, которая нарушила безмолвіе лавры. Вся Глушицкая дѣбрь, любимая страна Діонисія, широко развѣвалась предъ глазами, никогда порослая дремучими лѣсами, теперь же только усаливая перелѣсками; изъ за нихъ виднѣлись дальнія селы и между ними Божьюга, удѣль благопріятствовавшаго Діонисію Князя. Вотъ у подножія холма, по дорогѣ къ Сосновцу, часовня указываетъ мѣсто, гдѣ остановился мекъ или лошаки, vezній монхи преподобнаго на погребеніе: все еще живо напоминаетъ о жительствѣ его въ сей пустынь, какъ будто бы не протекло четырехъ столѣтій надъ сею глухою дѣбрю; но уже лавра его не существуетъ; только въ Сосновцѣ, гдѣ самъ приготовилъ себѣ послѣдній пріютъ, можно еще нескать остатковъ иноческаго населенія.

Но какова же была сія пустыня, когда съ духовною своею братіею, скитался по ней труженикъ Діонисій и какъ юныя златораси, обичавшія обильный плодъ, процвѣтали около него, въ двухъ обителяхъ, такіе подвижники какъ Амфилохій и Осодосій въ Сосновцахъ, а въ лаврѣ Макарій и Тарасій Пермскій, достойные добраго своего наставра! — И вотъ съ этою холма, какъ многоводные потоки, разможившіе иночество по всей окрестности, нисходятъ Павелъ Обиерскій и Григорій Пельцемскій, Филиппъ Рабангскій и Стеванъ Озерскій, Корнилій Комельскій и столько другихъ, которые устремились во все стороны основать свои обители, повсюду разнося благословеніе Діонисіево, какъ и Седмигородная пустынь возникла отъ его же иконы, чрезъ невѣдомыхъ его учениковъ! Не напоминаетъ ли это лучшее время Ошавды, когда вокругъ великихъ Антонія и Пахомія росли обители, или когда, въ каменистыхъ пустыняхъ Палестины, великій Евимій и за нимъ освещенный Савва разводили свои духовные улья надъ каждымъ потокомъ въ разсѣлинѣ скалъ, гдѣ только можно было пріютиться иноческому ихъ рою! — И у насъ была своя Ошавда, и у насъ своя Палестина, съ ихъ чудными патериками! — Но уже тамъ все стерла рука времени и варваровъ и разнесла самыя кости преподобныхъ; а мы еще съ утѣшеніемъ можемъ поклоняться у себя ветлынымъ ихъ тѣлесамъ и внимать пѣснопѣніямъ церковнымъ, тамъ гдѣ впервые огласили ими пустыню наши Св. отцы.

Благословенна земля наша, доколя умѣеть цѣннѣ сїи тайныя свои сокровища и содержать ихъ священныя предавія въ ненарушимомъ православїи!

Преп. Галактїонъ Вологодскїй.

Если бы позволяло время, я бы охотно посетилъ Седмигородную пустынь, весьма благоустроенную отрасль Діонисїевой лавры, за 20 верстѣ отъ Глушицы, чтобы тамъ поклониться чудотворной иконѣ Успенїя; но едва я могъ надѣяться возвратиться къ вечеру въ Вологду, чтобы застать Троицкую всенощную. Уже благовѣстили, когда провзжалъ я мимо Придудцкаго монастыря, за четыре версты отъ города, и опять долженъ былъ отложить его посещение до болѣе благопрїятнаго времени; однако я поспѣлъ къ началу вечерней службы Пятидесятницы, въ тепломъ соборѣ Воскресенїя Христова. На другой день добрый пастырѣ, Епископъ

Вологодскїй, совершалъ самъ въ этомъ соборѣ божественную литургію и умирительно читалъ колебнопреклонныя молитвы; видно было, что слова ихъ истекали прямо изъ благоговѣйной души его, къ назиданію своей паствы. Величественно было обратное его шествіе въ свои келліи, въ сопровожденїи духовенства соборнаго, по оградѣ архїерейскаго дома, какъ бы по градской стѣнѣ, потому что нѣтъ другаго сообщенїя съ соборомъ, изъ его келліи. Тамъ была приготовлена гостепрїимная трапеза, и мнѣ, какъ пришельцу, утѣшительно было раздѣлить ее. Вечеромъ ожидала насъ другая торжественная всенощная, въ Духовской или Спасокаменной обители, по случаю храмоваго праздника и обновленїя самаго храма, усердіемъ ея настоятеля, инспектора семинаріи. Святыя мощи благовѣрнаго Князя Іоасафа Каменскаго перенесены были въ сїю обитель изъ Спасокаменной, что на Кубенскомъ озерѣ, когда она сгорѣла и упразднилась въ 1773 году; съ тѣхъ поръ и самое имя Спасокаменнаго усвоено было сему древнему Вологодскому монастырю Святаго Духа. Въ теплой его церкви, которая празднуетъ знаменїю Богоматери и двумъ благовѣрнымъ Князьямъ, Владиміру и Александру Невскому, чествуется чудотворная икона знаменїя Богоматери и стоитъ гробница знаменитаго подвижника Вологодскаго, преподобнаго Галактїона, къ молитвамъ коего имѣютъ особенное усердіе граждане, потому что онъ неоднократно являлъ имъ свое заступленіе въ бѣдахъ.

При державѣ Царя Юанна Васильевича родился сей преподобный, именитаго рода боярскаго, отъ князя Ивана Ивановича Бельскаго, и наречень былъ во Св. крещеніи Гавріиль; когда же родитель его подвергся царской опалѣ и преданъ былъ смерти, родственники спасли семилѣтняго отрока и утаили его въ городѣ Старицѣ, гдѣ достигъ юношескаго возраста, упражнялся во всякой добродѣтели и въ чтеніи Св. писанія. По внушенію Божію тайно оставилъ онъ Старицу и, пришедши въ предѣлы Вологодскіе, гдѣ могъ быть менѣе извѣстенъ, поселился въ посадь у одного чоботара, который научилъ природнаго вельможу, утратившаго свое достоинствѣ, сапожному ремеслу. Князь сдѣлался изряднымъ усмеремъ, спискивалъ себя хлѣбъ трудами рукъ своихъ. Близъ церкви Св. мученикъ Флора и Лавра было его жилище, и тамъ мирно протекали дни его въ работѣ и молитвѣ, далеко отъ всякихъ страстей и мірскихъ тревоженій. Достигнувъ совершеннолѣтія, сочетался онъ законнымъ бракомъ съ дѣвцею простаго званія, но жена его скоро скончалася, оставивъ по себѣ младенца дочь и заботы о ея воспитаніи юному еще вдовцу; въ то же время посетила его тѣлесная немощь, еще болѣе напоминавшая ему о непостоянствѣ всего житейскаго.

Лишившись жены Гавріиль положилъ въ сердцѣ своемъ посвятить себя единственно на служеніе Богу, хотя и заботился о прокормленіи своего дѣтища, которое сдать на руки приснымъ. Втайнѣ

возложилъ онъ на себя тяжкія вериги, помышляя о томъ лишь какъ бы ему спастись и удивиться отъ міра; внутренній человекъ обновлялся въ немъ по мѣрѣ того какъ изнемогала внѣшній, и самая болѣзнь служила ему къ очищенію помысловъ. Онъ испросилъ себѣ у гражданъ небольшое мѣсто на рѣчкѣ близъ посада, выкопалъ малый прудъ около хижинки, которую самъ себя соорудилъ, и тамъ затворился, не оставляя ремесла своего и раздѣляя по прежнему время между трудомъ и молитвою; то, что получалъ отъ дѣла рукъ своихъ, распределялъ на три части: одну подавалъ въ церкви Божіи, другую нищимъ, третью питался самъ на своемъ пустынномъ островѣ, который обсадилъ роцею для большаго безмолвія; ночи же все проводилъ во бдѣннѣ, молитвою отгоняя сонную лѣность; благодатию Божіею просвѣтлялся его разумъ и преуславлялъ онъ въ добромъ житіи. Желая умножить подвигъ, въслѣдствіи приковалъ себя железною цѣпью къ стѣнѣ своей убогой хранины и уже шкудла не выходилъ, принявъ въ оконцо приприснутое ему пищу; когда же склонялъ его сонъ, не позволялъ себѣ ложиться на ребра, но опустившись только на колѣна и держась за цѣпь, на краткое время забывался дремотою. Сухой хлѣбъ, растворенный его слезами, и опредѣленная мѣра воды, — таково было питаніе Князя Бельскаго, рожденнаго быть великимъ бояриномъ; такъ опала родителя послужила ко спасенію сына.

Граждане Вологодскіе, услышавъ о строгомъ

жизни отшельника, приходили къ нему за советомъ, ибо ему даровано было отъ Бога слово премудрости и утешенія. Невѣдомо когда и какъ постригся онъ въ ангельскій образъ, изменивъ мірское имя свое Гавриила на иноческое Галактіона; но вѣроятно втайнѣ воспріялъ на себя рабъ Божій сей великій образъ; нестяжаніе же давно стяжалъ, имѣя одну убогую ризу, и ту власную, и одну рогожку, на которой стоялъ. Никогда не отличалъ онъ убогаго отъ богатаго, но ко всякъ считалъ равную любовь и всякъ одинаково назидалъ словомъ; великая сладость была въ рычачь его, такъ что невольнымъ утѣшеніемъ исполнялось сердце каждаго, кто только внималъ ему и взиралъ на постническое его лице; правила иноческаго не изменилъ онъ во весь дин до конца жизни. Когда однажды было великое бездождіе въ предѣлахъ Вологодскихъ, Архіепископъ Кириллъ, со всякъ освященнымъ соборомъ, съ крестами и хоругвями, всенародно пришелъ въ церковь Св. Троицы, стоявшую близъ жилища Галактіонова, и послалъ просить блаженнаго придти помолиться вмѣстѣ съ ними въ церковь Божию. Не смѣлъ ослушаться Архипастыря и соборнаго приглашенія подвижникъ и, раскопавъ цѣпь, вопреки своему желанію, пришелъ въ храмъ на всенародную молитву. Скоро явилъ Господь милость свою и послалъ обильный дождь на жаждающую землю; въ прославили Бога, дарующаго милость и такую благодать своему угоднику.

Преподобному Галактіону, исполненному помазаніемъ Св. Духа, было однажды откровеніе Божіе о святыхъ церквахъ и градѣ Вологды: тогда опять позволилъ онъ себѣ раскопать цѣпь свою, но вышелъ изъ затвора въ оковахъ и, взойдя въ земскую избу, съ великимъ умиленіемъ началъ говорить людямъ для пользы ихъ душевной: «о православные, Господь послалъ на насъ своей праведной гнѣвъ и воздвигъ языкъ Польскій и Литовскій за наши согрѣшенія; вы же утвердитесь въ воздержаніи и молитвѣ и соорудите на мѣстѣ моего пребыванія единодневный храмъ, во имя знаменія пресвятыя Богородицы, бывшаго въ великомъ Новгородѣ; притеките къ ней съ истинною вѣрою и слезами, да охранитъ насъ отъ злотаго звѣря, ибо, какъ скажетъ Апостолъ Петръ: (1 посл. 1, 8), супостатъ нашъ діаволь ходитъ, яко левъ рыкающій, искій кого поглотити. Воспротивитесь ему единомысленно, уклонившись отъ великихъ скверныхъ похотей, и пресвятая Богородица умолитъ Сына своего и Бога, и сохранитъ градъ нашъ Вологду отъ нашествія иноплемennыхъ, какъ нѣкогда великій Новгородъ.» Тогда нѣкто изъ именитыхъ людей, Печай Проскуровъ, научаемый лукавымъ, сталъ прекословить блаженному передъ всякъ народомъ: «будто бы самъ онъ только о себѣ радѣлъ и желалъ, чтобы для собственнаго его удобства соорудили храмъ на пустомъ мѣстѣ, хотя не подалеку отъ него есть церкви Св. мучениковъ Флора и Лавра и Св. Екатерины; и туда можно ходить ему

молиться. Если же ты великий старец умрешь, насмьшиливо присокоукинул онъ, и храмъ твой зачуеться, то всему миру съдлаешь тьмъ только на- прасный убытокъ.»

Блаженный отвѣчалъ кощунствующему: «не о себѣ пекуса, но о градъ вашемъ, и Божіихъ церк- вахъ и православныхъ людяхъ, дабы вы напрасно не погнѣли. Не владаетъ, что послѣ меня, на томъ мѣстѣ гдѣ живу, прославится Богъ и составится обитель со мноюю братією, а тобою созданная приходская церковь Св. Троицы и домъ твой, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей разорены будутъ; травюю поростеть дворъ твой и никто изъ племени твоего тамъ обитать не будетъ.» Сказавъ сіе, въ духъ пророчества, преподобный вышелъ изъ земской избы на площадь, предъ церковь Св. Дмитрія Прилуцкаго чудотворца, и громко произнесъ: «сей великій чудотворецъ Дмитрій у Спаса просилъ милости о градъ своемъ, нынѣ же его прогнѣвали тьмъ, что вокругъ его святилица подѣлали лавки и торги; вы увидите, что и сей храмъ разоренъ будетъ и что потомъ совершится.» Отъ страшнаго сего пророчанія великая печаль распро- странилась по всему городу и еще болѣе начали притекать къ блаженному, вопрошая каждый о себѣ, а онъ, со слезами, иному обѣщалъ спасеніе, другому же грозилъ погнѣемъ отъ враговъ. Бо- жіимъ поущеніемъ скоро пришли иноверные въ Вологду и прежде всего сожгли храмъ Св. Дмитрія Прилуцкаго, потомъ живоначальныя Тро-

ицы, съ соседнимъ дворомъ Печая, и весь городъ Вологду разорили, многихъ людей избили, а дру- гихъ увели съ собою въ плѣтъ, по предсказанію святаго мужа.

Въ сію страшную годину, дочь преподобнаго, видя всеобщую гибель и не зная куда подклонить голову, устремилась къ хижины отца своего; врагъ же человѣческой, завидуя добру, напустилъ нѣкото- рыхъ злыхъ людей сказать: «будто бы старецъ втайнѣ укрываетъ у себя женщину;» какъ лютые звѣри вторглись они въ храмину; испуганная дѣ- вица спаслась отъ нихъ бѣгствомъ; неустовые схва- тить цѣвь преподобнаго, начали влачить его по землѣ въ оковахъ и немилосердно бить, осыпая всякими поруганіями и поражая мечами. Но бла- женный все перенесъ съ върою и благодарилъ Бо- га; наконецъ его ударили по главу столь жестоко, что оставили за мертво. Пришедши въ себя онъ воздвигъ руки къ небу и со слезами помолви- ся, дабы принялъ Господь душу его съ миромъ и избавилъ отъ воздушныхъ мытарствъ и тьмы вѣка сего. Онъ пребылъ еще три дня въ живыхъ и пре- далъ праведную свою душу Богу, Сентября въ 24 день 1611 года. Благочестивые же люди, устроивъ ему погребеніе, со свѣчами и ошмамомъ, положили честное его тѣло на мѣстѣ подвига, гдѣ столько лѣтъ назидалъ поученіями народъ и гдѣ по смерти не преставалъ подавать помощь притекающимъ къ нему съ върою.

Нѣсколько лѣтъ спустя, по преставленіи прено-

добного мученика Галактіона, граждане Вологодские, вида различныя чудеса, отъ него протистекавшія, говорили между собою: «во истину сей преподобный былъ намъ на пользу посланъ отъ Бога и многую показать намъ любовь, всѣмъ изрекая правду; онъ повелѣлъ намъ создать храмъ Божіей Матери, заступницѣ нашей; мы же его оскорбили и отворотились отъ него; что теперь воздадимъ ему за благія его дѣянія?»—Сказано было о сихъ речахъ Архіепископу Вологодскому Варлааму и онъ, испытать подробно отъ благоговѣвшихъ людей о житіи преподобнаго, велѣлъ поставить на мѣстѣ его жительства церковь деревянную, во имя знаменія Богородицы, и собрать братство въ обитель около церкви, по слову пророческому блаженнаго Галактіона. Съ тѣхъ поръ непрестанныя чудеса продолжали истекать отъ его гроба, которыя записало благочестіе современниковъ для назиданія потомства; бравшіе землю изъ его гробницы и черпавшіе воду изъ кладезя имъ ископаннаго, получали исцѣленіе отъ своихъ недуговъ, шашпаче разслабленные и бѣснующіе.

Однажды долгое время шли проливные дожди; жители Вологды вспомнили, какъ еще при жизни преподобнаго, тогдашній Архіепископъ Корнелій просилъ его придти въ сосѣдній храмъ, вмѣстѣ съ народомъ, помолиться о прекращеніи засухи. Обнадеженные низъ случаемъ, они убѣдили Архіепископа Маркелла, идти крестнымъ ходомъ ко гробу блаженнаго Галактіона, дабы его подвинуть на

молитву о вѣдрѣ. исполнилъ добрый пастырь желаніе паствы и, послѣ хода и молебствія, внезапно претала непогода. Съ тѣхъ поръ учрежденъ былъ ежегодный крестный ходъ изъ собора въ обитель пресвятыя Богородицы, на гробницу преподобнаго Галактіона, въ ознаменованіе бывшаго чуда, и во время молебствія много бывало исцѣленій надъ прикасавшимися молитвенно къ той цепи, которою подвижникъ приковывалъ себя къ стѣнѣ. — Таковую благодать даровалъ Господь своему угодику!

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Въ Духовъ день, рано послѣ обѣдни, оставилъ я опять Вологду, чтобы довершить дальнее свое богомолье, въ обитель преподобнаго Кирилла. И на сей разъ измѣнила мнѣ погода, преслѣдуя меня непрестаннымъ дождемъ до крайней точки моего странствія, такъ что я не могъ насладиться живописнымъ видомъ Кубенскаго озера, ни посѣтить обители Спасо-каменной, на утесѣ посреди его широкихъ водъ. Много сѣлъ и деревень ожиляютъ веселую прибрежную дорогу; въ селеніи Новлянскомъ, почти на половинѣ пути, остановился я для краткаго отдыха, покаместъ мѣняли ло-

надей, и здесь меня тронула патриархальность отношений, которая сохранялась между помещиками и крестьянами. Деревня, весьма богатая по своим торговым промыслам, отчасти принадлежит дальней моей родственнице, мнѣ однофамильной; народъ толпился на улице потому что это былъ приходскій ихъ праздникъ. Меня радушно приняли въ прекрасномъ домѣ бывшаго старосты который откупился на волю. Явился и старостинъ староста, и ничего не хотѣлъ взять съ меня за прогоны, говоря, что это есть обязанность сельскаго общества возить своихъ помещиковъ или даже ихъ присеныхъ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату богатый купецъ, уроженецъ того же селения, который взялъ на полмиліона подрядовъ по желѣзной дорогѣ и, послѣ долгаго отсутствія, прѣхалъ посетить родную. Почтенный старикъ, весьма широко расположенный на диванѣ, приглашалъ меня сѣсть, чтобы воспользоваться угощеніемъ хозяина; но, при столь свободномъ по видимому обращеніи, сказалъ мнѣ весьма замѣчательное слово: «вамъ пріятно тебя видѣть у насъ, потому что до сихъ поръ никто изъ твоего рода не бывалъ въ нашей селеніи. Вотъ уже около двадцати лѣтъ какъ я откупился, еще отъ матери нашей помещицы, но все таки я почитаю себя какъ бы ея крепостнымъ и всѣхъ васъ своими господами, какъ будто есть между нами что то свое родное, и въ столицѣ всегда бываю у нашей барыни.» Не заслуживаетъ ли вниманія такая простодушная рѣчь въ устахъ человека, кото-

раго конечно ничего не могло заставить лѣстны мимовозмужу путнику, и едва ли мы гдѣ либо встрѣтимся на жизненной дорогѣ!

Съ разсвѣтомъ начала проясняться погода, и я въѣхалъ въ пределы Новгородскіе, которые обозначались лѣстными болотами и озерами. Мрачный характеръ губерній таковъ же на самомъ отдаленномъ краю ея, за семь сотъ верстъ отъ великаго Новгорода, какъ и въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Волнообразными холмами подымалась почва земли, иногда каменистая, и съ обихъ сторонъ дороги открывались озера, довольно живописныя. Съ одной изъ сихъ высотъ внезапно показалась, еще за десять верстъ, блококаменная обитель Кириллова, въ обнесенная башнями какъ бы вѣкъ Кремль, въ яркихъ лучахъ утренняго солнца, и тотчасъ же скрылось чудное явленіе; низменныя мѣста замѣнили опять холмистую природу. Глубокое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ первый взглядъ на льтописный Кирилловъ; онъ мнѣ напомнилъ по вѣнжности лавру Сергіеву, напомнилъ и грознаго Іоанна, съ его обличительными посланіями инокамъ Бѣлозерскимъ, и весь царственный рядъ державныхъ богомольцевъ нашихъ, шествовавшихъ сими путемъ, начиная отъ Темнаго Василія и до Великаго Петра, который посетилъ также сію обитель, тѣсно связанную съ сердцемъ Россіи, по своимъ священнымъ воспоминаніямъ. Многоглаголивое минувшее провѣдало сердцу, когда сія сокровищница бываго мелькнула предо мною, какъ призракъ

на небосклон; — олушевленный давно желанным видением, забыть я усталость трудной дороги, и спешить достигнуть обители, доколь еще не ударит колокол къ поздней аугурii.

Разочарование следовало за очарованием и опять мнѣ смнилось, по мѣрѣ того какъ различные предметы и впечатлѣній поражали взоры и сердце. Грустно мнѣ было встретить острогъ подъ сводами Казанской башни, въ самыхъ вратахъ внешней ограды: не тѣмъ приветствуетъ лавра Сергіева богомольцевъ въ святыхъ своихъ вратахъ! — Потомъ, уже внутри ограды, весьма странно представилось засыпанное поле, зеленющее овсомъ, а кругомъ всей стѣны, зияющая пустота дву-ярусныхъ аркъ, гдѣ бывали можетъ быть келліи. Пустырь внутри монастыря, хотя и на первомъ вышнемъ его дворѣ, наводилъ невольное уныніе и грустно было первое впечатлѣніе обители. Впередѣ таялась другая внутренняя ограда, составленная уже собственно изъ монастырскихъ зданій, бывшихъ въ свое время келліями, а теперь большую частію запустѣвшихъ, и эта безжизненность не располагала также въ пользу обители. Въ лѣвомъ углу, около самой стѣны, подымался одинокой холмъ, съ двумя на немъ церквами и часовнями, осененный столѣтними соснами и отдаленный также невысокою оградою: это былъ особый монастырь Ивановскій, основанный по случаю рожденія Царя Іоанна, въ честь его Ангела; но не память Іоанна составляла главное достоинство сего убогаго, по видимому, участка великой лавры Кирилловой.

Не зная я, вступая подъ ея священную сѣнь, что это было мѣсто первыхъ подвиговъ преподобнаго ея основателя, что этотъ самый холмъ хранилъ въ недрахъ своихъ его первоначальную пещерную келлію, и что крестъ въ часовнѣ водруженъ былъ рукою самаго Кирилла; — иначе бы я взглянулъ на эту малую пустынь, посреди болѣе обширной пустыни внутреннихъ дворовъ бывшей лавры, и къ ней бы устремился прежде нежели взойти подъ своды святыхъ воротъ, увѣчанныхъ церковію.

Тутъ встрѣтился мнѣ намыстникъ монастыря, который выдѣлъ меня въ Петербургъ, когда приѣхалъ туда съ настоятелемъ Ново-езерской обители, и онъ весьма приветливо пригласилъ меня къ Архимандриту В у. При входѣ во внутренний дворъ монастыря, привлекъ мое вниманіе древній ивменный соборъ Успенія, какъ бы сросшіійся изъ нѣсколькихъ церквей, соединенныхъ въ одно священное цѣлое и увѣчанныхъ множествомъ куполовъ; онъ отчасти вросли уже въ землю, подъ гнетомъ выковъ, и этотъ тяжкій отпечатокъ столѣтій придавалъ особое величіе зданію, не украшенному благолѣвнѣмъ зодчества. Безъ многочисленныхъ своихъ пристроекъ соборъ Кирилловъ напоминаетъ Троицкій, который также вросъ бы въ землю, если бы не стоялъ на маковкѣ холма; но въ лаврѣ много другихъ разнообразныхъ храмовъ, всякаго зодчества и всѣхъ выковъ, разсыпано внутри обширной ограды: здѣсь же всѣ церкви сосредоточены въ одномъ

мьсть и напрасно ищутъ взоры другаго болѣе выспреннаго храма, который бы соответствовалъ громкой молвь знаменитой обители, ибо теплая трапезная церковь совсѣмъ незамѣчательна снаружи; но многое заключается въ маломъ по видимому соборъ, если обозрѣть его съ лѣтосницею въ рукахъ и съ сердцемъ исполненнымъ его воспоминаній.

Четыре маслѣнные кедря стояли какъ бы на стражѣ древней лавры, предъ настоятельскими келліями, и мрачный видъ сихъ пришельцевъ Ливанскихъ соответствовалъ пустотѣ заглохнутаго двора, гдѣ проросла трава по бывшимъ тропамъ, отъ недостатка ходящихъ; — никто не выглядывалъ изъ бесчисленныхъ оконъ келлій, ограждавшихъ дворъ; ихъ считалось до семи сотъ, во дни славы Кирилловой обители, и только въ некоторыхъ теперь есть жильѣ человѣческое: такъ измѣнился Кирилловъ, далеко отставшій отъ лавры Сергіевой, съ которою долго равнялся, — опять грустное впечатлѣніе замѣнило то отрадное чувство, которое возбудило во мнѣ видъ собора. Радужно принялъ меня и помѣстилъ у себя въ келліяхъ добрый настоятель. Больничный, онъ оставилъ ученую ректорскую должность, чтобы изъ дальняго Иркутска переселиться на болѣе родной ему сѣверъ; любовь его къ уединенію и занятіямъ ученымъ, нашла себѣ удовлетвореніе въ Кирилловѣ, гдѣ съ пользою разбираетъ онъ древнюю разстроенную бібліотеку. Весьма счастливо, что опытная рука его коснулась оной послѣ вѣковаго запустѣнія, но уже не много

уцѣлело древнихъ рукописей. Однако суровый климатъ тяжель ревностному настоятелю, который усиливается поднять обитель изъ ея тяжкаго положенія, и не легкое это дѣло, при постоянной борьбѣ его съ недугомъ и недостаткомъ средствъ въ столь обширномъ монастырѣ. Посреди нашей бесѣды, искренней, хотя и въ первый разъ встрѣтили мы другъ друга, потому что оба говорили въ простотѣ сердца, ударили въ колоколъ къ поздней литургіи, и я посвѣшилъ въ церковь, но прежде хотѣлъ поклониться гробу преподобнаго Кирилла. Чтобы лучше понять самую обитель, должно познакомиться съ жизнью и характеромъ великаго ея основателя, потому что духъ его какъ будто перешелъ въ его преемниковъ и имѣлъ необходимое вліяніе на послѣдующія событія.

Св. Кириллъ Бѣлозерскій.

Отъ благочестивыхъ родителей родился Кириллъ, въ престольной Москвѣ; мірское имя его было Косъ-

ма; съ дѣтства воспитанъ былъ онъ въ благоговѣннѣи и познаніи священнаго писанія; это духовное образованіе которымъ онъ самъ воспользовался, сдѣлалось духовнымъ наслаждѣемъ иноковъ его обители. Родители его, при своей кончинѣ, поручили юношу сроднику своему, Тимоѳею Волуевичу, который служилъ окольнымъ чинъ у Великаго Князя Дмитрія Донскаго и превосходилъ честію и богатствомъ многихъ бояръ; но богатства вельможи не имѣли вліянія на юнаго свроту, который вперилъ всю свою мысль къ Богу, и постоянно прилежка къ церкви, въ постъ и молитвѣ, ничего большаго не желалъ, какъ постриженія иноческаго. Видя его добродѣтель, возрастающую съ годами, бояринъ приблизилъ къ себѣ юношу и даже поставилъ его надъ всѣмъ своимъ имѣніемъ; но и это не измѣняло мыслей любителя безмолвія, а только огорчило его заботою, что труднѣе будетъ ему достигнуть желаемой цѣли; на Бога возложилъ онъ печаль свою и Богу, провидѣвшему великаго подвижника въ юномъ Космѣ, благоугодно было споспѣшествовать ему къ достиженію иночества.

Случилось игумену Махры Стефану, мужу известному по своей добродѣтели, посѣтить столицу. Давно ожидалъ его прихода много о немъ слышавшій Косма, и со слезами открылъ ему свою тайную мысль, прося чтобы не отринуть его, ради Господа, неотринувшаго ни одного отъ грѣшниковъ. Умилился Стефанъ, при видѣ такого усердія и, прозявъ въ немъ избранный соуздъ Свя-

таго Духа, утѣшилъ, обѣщая исполнить его желаніе. Они стали размышлять между собою: какимъ образомъ совершить постриженіе? потому что бояринъ Тимоѳей никакъ бы на то не согласился. Преподобный Стефанъ рѣшился просто одѣть юношу въ расоворъ и, назвавъ его Кирилломъ, предоставилъ прочее на волю Божию. Самъ онъ пришелъ къ боярину; Тимоѳей, обрадованный посѣщеніемъ, съ честію встрѣтилъ его въ дверяхъ своего дома и просилъ себя благословенія. «Богомолецъ твой Кириллъ благословляетъ тебя,» сказала ему Стефанъ, и когда съ изумленіемъ спросилъ бояринъ, кто сей Кириллъ?—игумень отвѣчалъ ему: «Косма, бывшій твой сродникъ, нынѣ же инокъ, работающій Господу и о васъ молящійся.»

Тяжко показалось слово сіе боярину; исполненный скорби сказалъ онъ досадительную рѣчь Стефану: преподобный же, не переступая порога, возрагилъ: «повелѣно намъ отъ Спаса нашего Господа Исуса Христа, пребывать тамъ, гдѣ насъ послышаютъ и пріемлютъ, а если нѣтъ, то отрясти въ прахъ, прильпившійся къ ногамъ нашимъ, во свидѣтельство не пріемлющимъ насъ.» (Матѳ. X.) Стефанъ удалился; но богобоязливая жена боярина, услышавъ такое слово, болѣе Христова нежелалъ Стефаново, начала увещавать мужа своего: какъ могъ оскорбить такого старца? и бояринъ, раскаившись, послалъ возвратить его. Оба они взаимно испросили другъ у друга прощеніе; бояринъ позволилъ нареченному Кириллу исполнить желаніе его сердца и возрадовался Сте-

фанъ, что приобрѣлъ брата; онъ возвестилъ о томъ новому иноку, который для исполненія своего обязательства, раздалъ все свое имущество нищимъ, не подумавъ даже что либо себя оставить на время старости, ради тѣлесныхъ немощи.

Прежде нежели возвратиться на Махру, игумень Стефанъ привелъ новаго инока въ обитель Симоновскую, только-что основанную на новомъ мѣстѣ архимандритомъ Феодоромъ, племянникомъ преподобнаго Сергія. Съ радостію принялъ онъ Кирилла и совершенно облекъ его въ иноческій образъ, поручивъ наблюдению старца Михаила, который проводилъ весьма строгую жизнь въ обители и въ послѣдствіи былъ Епископомъ города Смоленска. Возревновалъ Кириллъ житію своего старца и, видя его чрезвычайные труды, старался при непрестанномъ послушаніи во всемъ ему подражать: сладостнымъ казался ему постъ и нагота въ зимнее время теплою; изнуреніемъ плоти просвѣщала онъ свою душу и почти не вѣдалъ сна; онъ просилъ старца позволить ему вкушать пищу только черезъ два или три дня, но не допустилъ сего опытный наставникъ, повелѣвъ ему разделять трапезу вмѣстѣ съ братією, хотя и не до сытости. Проведя всю ночь въ чтеніи псалтыря съ многочисленными поклонами, при первомъ ударѣ въ колоколъ, прежде всѣхъ онъ обрѣтался въ церкви на утреннемъ пѣніи; искушенія же бѣсовскія устранилъ отъ себя въ келліи, именемъ Иисусовымъ и знаменіемъ крестнымъ. Спустя несколько времени, Архимандритъ на-

значилъ ему послушаніе въ хлѣбнѣ, и тамъ онъ еще болѣе сталъ подвизаться: самъ носилъ воду, рубилъ дрова и, разнося теплые хлѣбы братіи, принималъ вмѣсто нихъ теплыя себѣ молитвы, похвалемый всеми за свое неутомимое рвеніе; немилостивымъ былъ онъ только къ своей плоти, дабы по слову апостольскому, при изнеженіи тѣла быть сильну духомъ.

Случалось, по временамъ, преподобному Сергію приходить въ обитель Симоновскую, для посещенія племянника своего Феодора, но прежде всѣхъ искалъ онъ Кирилла въ хлѣбнѣ и долгое время бесѣдовать съ нимъ о пользѣ душевной; оба они взаимно воздвигали духовную брань: одинъ, посѣвая семена добродѣтели, другой же напоилъ ихъ слезами, дабы по выраженію несломному, радостію показать посѣянное слезами. Изумлялась вся братія: какимъ образомъ великій Сергіи, оставивъ настоятеля и всѣхъ иноковъ, занимался однимъ лишь Кирилломъ? но не завидовали юношѣ, разумя его добродѣтель. Изъ хлѣбни перешелъ онъ, по волѣ настоятеля, въ поварню и тамъ не менѣе подвизался, зрѣлищемъ временнаго огня возбуждаемый къ памяти вѣчнаго, неугасимаго. «Терпи Кириллѣ, говоритъ онъ самъ себѣ, дабы симъ огнемъ избѣжать тамошняго;» такое умиленіе даровалъ ему Богъ, что и хлѣба имъ испеченнаго не могъ онъ вкушать безъ слезъ, и вся братія на него смотрѣли не какъ на человека, а какъ на Ангела Божія.

Смутился общим вниманіемъ смиренный Кирилль и началъ юродствовать, чтобы избѣжать суетныхъ почестей; настоятель, замѣтивъ юродство, возложилъ на него сороко-дневную аспитанію; съ радостію принявъ ее Кирилль и подвергся впоследствии еще болѣе строгому наказанію: какъ гордые радуются почести, такъ смиренномудрые безчестію; настоятель узнавъ наконецъ, что не ради гордости, а ради смиренія, юродствуетъ Кирилль и сдѣлался снисходительнѣе. Принявъ ему помысль, проситься изъ поварни въ келлію, не для покоя а болѣе для безмолвія, и помолился онъ пречистой Дѣвѣ, чтобы устроила ему сіе на пользу. Въ то же время пришла на мысль и Архимандриту, списать для себя нѣкую книгу; — онъ велѣлъ юному иноку заняться келейно симъ писаніемъ; однако Кирилль началъ замѣчать за собою, что въ ночныхъ молитвахъ не столько уже имѣлъ умиленія, сколько бывало въ поварнѣ, не смотря на многолюдство; поему онъ просилъ со слезами Матерь Божию, возвратитъ ему прежнее умиленіе, и опять настоятель повелѣлъ ему заниматься въ поварнѣ. Съ радостію повиновался преподобный и еще девять лѣтъ пребылъ въ этой трудной службѣ, днемъ опаленный огнемъ, ночью же страдая отъ холода, но не дозволяя себѣ одѣться чьмъ-либо теплымъ. После сего Архимандритъ, хотя и противъ воли, привелъ Кирилла къ Архіерею, чтобы посвятилъ его въ санъ священнической и тутъ началась новая служба преподобнаго, ибо строго исполня чреды священно-

служенія, не оставлялъ онъ и прежнихъ монастырскихъ работъ, въ хлѣбнѣ и поварнѣ.

Вскорѣ Архимандритъ Феодоръ избранъ былъ Епископомъ въ Ростовъ, а на его мѣсто въ Симонѣвъ возведи преподобнаго Кирилла, не внимая слезамъ его и отрицанію. Памятуя слово евангельское, что кому дано будетъ много, много отъ того и взыщется, новый настоятель предалъ себя еще большимъ трудамъ, не превозносая честию своего сана; онъ оставался тѣмъ же какимъ былъ и прежде, во великомъ смиреніи и любви, почитая старшихъ какъ братію свою и младшихъ лаская какъ дѣтей. Отовсюду стали стекаться къ нему князья и вельможи, ради духовной бесѣды, пресыкая его безмолвіемъ; поему помыслилъ онъ оставить начальство и затвориться въ келлію, хотя и много умоляла его братія остаться съ ними, но Кирилль не хотѣлъ болѣе имѣть пощечія о вѣншнемъ. Такъ какъ не возможно было оставаться обителемъ безъ настоятеля, возведи на архимандрію нѣкогого Сергія, который въ послѣдствіи сдѣланъ былъ Епископомъ въ Рязань. Но чѣмъ болѣе избѣгалъ преподобный славы человеческой, тѣмъ болѣе прославлялъ его Богъ; чрезвычайное было къ нему стеченіе народа, потому-что слово его растворялось солію духовною въ сладость слушающимъ.

Позавидовалъ новый Архимандритъ славы блаженнаго и вознегодовалъ на него; преподобный же, ни мало тѣмъ не оскорбившись, далъ мѣсто гниву и удалился на безмолвіе, въ бывшій монастырь Рож-

дства Богоматери на старомъ Симоновѣ; онъ помышлялъ куда-бы дальше еще укрыться отъ молвы житейской и усердно о томъ молился пречистой Дѣвѣ. Былъ у него обычай, въ глубокой вечеръ послѣ келейнаго правила, читать еще акаанствъ прежде нежели сядя вкуситъ не много сна. Однажды, когда пѣлъ акаанствъ предъ иконою Владычицы и дошелъ до осмаго кондака: «странное рождество видѣвши, устранимся міра и умъ на небо преложимъ,» внезапно услышалъ онъ голосъ: «Кирилль изыди отсюда и иди на Белоозеро; тамъ тебѣ я приготовила мѣсто, гдѣ можешь спастися.» Въствъ съ симъ гласомъ, воссіялъ свѣтъ великій отъ полуночной страны; преподобный отворилъ оконце своей кельи и увидѣлъ, какъ-бы перстомъ указываемое ему мѣсто, гдѣ теперь стоитъ монастырь. — Радостію исполнилось его сердце, отъ гласа и видѣнія, и всю ночь пребылъ онъ на молитвѣ, но уже почъ сія была для него какъ-бы пресвѣтлый день.

Спустя немного времени пришелъ къ нему съ Бѣла-озера, инокъ Оерапонтъ, вмѣствъ съ нимъ постригенный въ Симоновѣ, и сталъ его разспрашивать Кирилль: «есть ли мѣсто на Бѣломъ озерѣ, гдѣ бы можно было безмолвствовать?»—«Много тамъ такихъ мѣствъ къ уединенію,» отвѣчалъ Оерапонтъ, но преподобный не открылъ ему своего видѣнія. По взаимному согласію вышли они, изъ стараго Симонова, въ дальній путь на Бѣло-озеро и, послѣ многихъ трудныхъ дней странствія, достигли нако-

пецъ желаемой цѣли; но сколько ни обходили тамъ пустынныхъ мѣствъ, ни одного изъ нихъ не возлюбилъ преподобный для своего жительства; онъ все искалъ то, которое указано было ему свыше и наконецъ обрѣлъ. Визанно узналъ Кирилль мѣсто сіе, какъ бы давно уже ему знакомое, и возлюбилъ сердцемъ, молитвенно воскликнулъ: «се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣсь вселюся, ибо Пречистая созволила мѣсту сему; благословенъ Господь Богъ, услышавшій мое моленіе.» Тутъ водрузилъ онъ крестъ, на завѣтномъ холмѣ, и воспѣлъ благодарный канонъ пречистой Дѣвѣ; тогда только открылъ собесѣднику Оерапонту таинственное свое видѣніе, указавшее ему мѣсто сіе, и вмѣствъ они прославили Бога. Подвижники сперва поставили себѣ куцу, потомъ начали копать келью въ земль, но проведя несколько времени вмѣствъ, разлучились для большаго уединенія. Блаженный Кирилль остался на своемъ мѣствѣ, Оерапонтъ же удалился за пятнадцать поприщъ, на другое озеро, и тамъ соорудилъ церковь и монастырь, во имя Рождества Богоматери.

Мѣсто, на которомъ водворился преподобный Кирилль, было почти со всехъ сторонъ окружено водою и густой боръ росъ на этой малой площадкѣ, гдѣ никогда не было жилья человѣческаго. Земледелецъ Исаіа, недалеко отсюда жившій, разсказывалъ, что за много лѣтъ до пришествія Кирилла, слышался на томъ мѣствѣ звонъ и какъ бы ивнне ликомъ; многие приходили на голосъ этого

звона, дабы увидать откуда происходит онъ, и съ удивленіемъ возвращались, ничего не вида. Въ подземной своей келліи подвизался святой отшельникъ противъ козней невидимаго врага; иногда только приходили къ нему два крестьянина изъ окрестныхъ мѣстъ, Авксентій и Матѣй, бывшій потомъ пономаремъ его обители; съ ними обходилъ онъ пустыню. Случилось однажды, по навету вражю, столь тяжкій сонъ сталъ одолять преподобнаго, что онъ долженъ былъ прилечь и просилъ спутниковъ своихъ посидѣть около него, доколь уснетъ, ибо не могъ даже дойти до своей келліи; онъ простерся на землю подъ высокимъ деревомъ, но едва только закрылъ глаза, какъ услышалъ голосъ: «быви Кирилль!» Воспрянувъ отъ необычайнаго голоса, отскочилъ онъ отъ того мѣста, и въ ту же минуту упало поперекъ огромное дерево. Преподобный уразумѣлъ лѣсть дьявольскую; онъ молилъ Господа, чтобы огнѣмъ былъ отъ него столь тяжкій сонъ, и съ тѣхъ поръ по многимъ днямъ могъ пребывать безъ сна, бдѣніемъ побѣждая козни вражій.

Въ другой разъ, когда рубилъ лѣсъ, очищая мѣсто для огорода и собиралъ хворостъ, отъ жара и сухости загорѣлись сучья; ветромъ поднявшійся дымъ отовсюду окружилъ святаго, такъ что не зналъ уже какъ избѣжать огня и дыма. Внезапно онъ видитъ предъ собою мужа, въ образъ его покровителя Тимофея, который, взявши его за руку, сказалъ: «иди вельдъ меня,» и вельдъ за нимъ

онъ вышелъ изъ среды огня: такъ образы его дѣтства благодатно повторялись ему въ спасительныхъ видѣніяхъ. Еще одно сильное искушеніе постигло преподобнаго: не вдалекъ отъ уединенной его келліи, жилъ поселянинъ, которому непріятно было его соседство. Наученный дьяволомъ, задумалъ онъ сжечь келлію святаго, но внезапный ужасъ нападалъ на злоумышленника всякаго разъ когда хотѣлъ исполнить злскій свой помысль. Однажды уже приложилъ огонь къ стѣнѣ и бѣжалъ, но остановившись не вдалекъ, увидѣлъ что зажеженный имъ огонь погасъ самъ собою. Тогда съ чувствомъ раскаянія, палъ къ ногамъ блаженнаго, исповѣдуя ему свою вину, и кротко отпустилъ его Кирилль; но вскоре возвратился къ нему тотъ же человекъ, убедительно прося постричь его въ иночскій образъ, и до конца своей жизни пребылъ въ послушаніи у преподобнаго.

Не много времени спустя пришли къ нему два инока, любимые имъ, изъ Симоновой обители, Зеведей и Дюнисій; это было первое утѣшеніе, которое имѣлъ въ своей пустыни; онъ принялъ ихъ съ любовію и позволилъ жить вмѣстѣ съ собою. Потомъ пришелъ оттуда и третій инокъ, Паваниль, который въ послѣдствіи былъ келаремъ его обители, а послѣ уже многіе начали къ нему стекаться, прося постриженія; Кирилль, чувствуя, что для него уже прошло время безмолвія въ пустынь, началъ свободно всѣхъ принимать, сподобляя ихъ ангельскаго образа. При умноженіи братій по-

чувствовалась необходимость церкви для общаго собранія и всѣ иноки просили его соорудить имъ церковь; но такъ какъ мѣсто далеко отстояло отъ жилья человѣческаго, не откуда было достать древодѣлей. Преподобный, по всегдѣшнему своему обычаю, обратился прежде всего къ пресвятой Дѣвѣ, возлагая все на ея благую волю, и вскоре, никѣмъ не знаемые, пришли сами собою древодѣли, которые срубили церковь, во имя успенія Богоматери.

Когда же распространилось по окрестности, что и церковь поставлена и скоро будетъ тутъ обитель, огласилась молва, будто бы Кириллъ, какъ бывшій архимандритъ Симоновой обители, принесъ съ собою изъ столицы множество денегъ. Нѣкто бояринъ Феодоръ позавидовалъ мнимому богатству и ночью подослалъ разбойниковъ овладѣть имъ. Приблизившись къ обители увидѣли они множество людей, стрѣляющихъ изъ луковъ, и долго пережидала, чтобы удалились; наконецъ сами ушли, не сдѣлавъ никакаго зла. Въ слѣдующую ночь разбойники увидѣли то же явленіе и еще болѣе показалось имъ людей ратныхъ вокругъ обители; со страхомъ бѣжали они возвѣстять о томъ подославшему ихъ боярину. Паузилса Феодоръ и полагал, что кто либо изъ вельможъ пришелъ почитать преподобнаго Кирилла, послать въ монастырь провѣдать, кто были посетители? но услышалъ что болѣе недали никого тамъ не было. Тогда только пришелъ въ чувство и уразумѣлъ, что сама Пречистая покрываетъ угольника Божія.

Онъ поспѣшилъ въ обитель и со слезами исповѣдалъ предъ нимъ грѣхъ свой; святой же, утѣшая его, сказалъ: «вѣри мнѣ, чадо Феодоръ, что я не имью ничего въ жизни сей, кромѣ ризы, которую на мнѣ видишь и не много книжиць». Съ тѣхъ поръ бояринъ возимель большую виру къ блаженному Кириллу и, когда посвящать его, всегда приносили ему рыбы или что либо отъ своей ловитвы.

Слава великаго подвижника распространялась и въ дальніе предѣлы. Тогда пришелъ къ нему молчаливикъ Игнатій, мужъ совершенной доброты, который проводилъ столь суровое житіе, что не было ему подобныхъ между братією; онъ служилъ для нихъ образцемъ послѣ самаго Кирилла. Говорятъ о немъ, что въ теченіи тридцати лѣтъ своей труженнической жизни, никогда не ложился онъ для отдыха, но стоя и несколько прислонясь, вкушалъ не много сна; нищета же его и нестяжательность достигли высшей степени.

Когда братство возрасло преподобный Кириллъ учредилъ для него строгій уставъ, чтобы каждый пребывалъ въ чинѣ своемъ, въ службахъ церковныхъ, и не дерзалъ бесѣдовать въ церкви или исходить прежде конца богослуженія. Самъ онъ никогда не позволялъ себѣ сидѣть въ церкви и ноги его были какъ неподвижныя столпы. За трапезою монастырскою не было слышно бесѣды и пища была самая умеренная, изъ двухъ только снѣдей; питіемъ же служила одна лишь вода. Изъ

за трапезы все молча расходился, не уклонялся ни на какие беседы или въ келліи одинъ къ другому. Такъ глубоко вкоренена была любовь къ своей келліи каждому изъ учениковъ Кирилловыхъ, что когда одному изъ нихъ Мартиніану, (бывшему въ послѣдствіи настоятелемъ обители Ферапонтовой), случилось зайти послѣ трапезы въ келлію другаго брата, старецъ спросилъ его: зачѣмъ нарушаешь чинъ монастырскій? Мартиніанъ отвѣчалъ ему съ улыбкою: «боюсь, что когда однажды взойду къ себѣ въ келлію, уже не въ силахъ буду съ нею разстаться, а я имѣю дѣло до брата». Но и тутъ возразилъ ему Кириллъ: «прежде иди въ свою келлію, чтобы сотворить тамъ должную молитву, а потомъ уже къ брату, ибо твою келлію тебя всему научить.» Никто въ обители не смѣлъ получать писемъ или даровъ мимо преподобнаго; къ нему приносили перепечатанныя письма и безъ его благословенія ничего не могли посылать. Никто также не смѣлъ называть что либо своимъ, даже у себя въ келліи; серебро же и золото хранились только въ казны монастырской, откуда братія получала все нужное. Даже, если кто хотѣлъ утолить жажду, нигдѣ не могъ получить воды, кромѣ какъ въ трапезѣ, ибо въ келліи не позволено было держать ни хлѣба ни воды для питья, ничего кромѣ иконы и книги, и потому двери были отперсты. Все иноки старались, со смиреніемъ и любовію предвѣщать одинъ другаго на службу церковной, или на работу монастырской, трудясь не для че-

ловьяковъ а для Бога, и чуждо имъ было всякое праздноесловіе; все совершалось у нихъ молча. Подобный служилъ для всехъ образцемъ и, запрещая другимъ роскошь, самъ носилъ рубище. Иногда, по старой памяти трудовъ Симоновскихъ, приходилъ онъ въ поварню помогать служителямъ, въ приготовленіи братской пищи, и строго запрещалъ всякій хмельной напитокъ у себя въ обители.

Сердце его до такой степени проникнуто было любовію къ Богу, что при служеніи божественной литургіи и во время чтеній церковныхъ, не могъ воздерживаться отъ благоговѣйныхъ слезъ и особенно много проливалъ ихъ у себя въ келліи, при совершеніи обычнаго правила. Когда случался недостатокъ въ хлѣбѣ и братія понуждала его послать просить подаванія, къ кому либо изъ христіанскихъ сосѣдей, съ теплою върою возражалъ онъ: «если Богъ и Пречистая забудутъ насъ на этомъ мѣстѣ, то что еще оставаться въ здѣшней жизни?» Такъ научалъ онъ братію не докучать милостынею мирянамъ; по у него былъ ученикъ, по имени Антоній, опытный въ дѣлахъ духовныхъ и житейскихъ; его посылалъ онъ, однажды въ годъ, закупить все нужное для монастыря, въ прочее же время никто не выходилъ изъ обители, а если присылалась какая либо милостыня, съ любовію ее принимали какъ даръ Божій.

Супруга Князя Можайскаго и Бѣлозерскаго, въ отчинѣ коего стояла обитель, Княгиня Агрипина, имѣла особенную въру къ блаженному Кириллу.

Однажды въ постъ хотѣла ова угостить братію рыбною пищею, но преподобный никакъ не согласился дозволить такое нарушение правилъ, говоря: «что если самъ онъ подастъ примѣръ къ разоренію устава монастырскаго, который имъ учрежденъ, то не будутъ ли постѣ его смерти ссылаются на то, что самъ Кириллъ дозволялъ въ посты ѣсть рыбу». Книгиня удалася, похваляя его твердость.

Господь наградила своего угодила даромъ прозорливости, такъ что онъ могъ читать тайныя помысленія учениковъ своихъ. Никто Ѳеодоръ, привлеченный молвою о святой жизни преподобнаго, пожелалъ вступитъ въ число братіи, но спустя нѣсколько времени, врагъ человѣческой внушилъ ему такую ненависть къ святому Кириллу, что не только не могъ видѣть его, но даже слышать его голоса. Смуцаемый помыслами, пришелъ онъ къ строгому старцу Игнатію молчальнику, исповѣдать ему тяжкое состояніе свое духа и что, по ненависти къ Кириллу, хочетъ оставитъ обитель. Игнатій нѣсколько его утѣшилъ и укрѣпилъ молитвою, увидѣвъ остаться на испытаніе еще одинъ годъ; но годъ миновался а ненависть не угасла. Ѳеодоръ рѣшился открытъ свой тайный помыселъ самому Кириллу, но взшедши въ его келлію, устыдился его сядины и ничего не могъ выговоритъ. Онъ уже хотѣлъ выйдти изъ келліи, когда прозорливый старецъ, уразумѣвъ то что таилось въ душѣ его, самъ началъ говорить о ненависти, какую питалъ

къ нему Ѳеодоръ. Терзаемый совѣстію ниокъ припалъ къ его ногамъ и молилъ проститъ ему согрѣшеніе, но Святой съ кротостію отвѣчалъ: «не скорби братъ мой; все обо мнѣ соблазнился; ты одинъ позналъ истину и все мое недостоинство, ибо кто я грѣшный и непотребный? Онъ отпустилъ его съ миромъ, обѣщавъ, что впредь уже не нападетъ на него такое искушеніе, и съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ пребывалъ въ совершенной любви у великаго Аввы.

Если кто изъ странныхъ приходилъ въ обитель, ибо многіе стекались чтобы видѣть святаго, а иные оставались и на жительство, старецъ наблюдалъ ихъ прозорливымъ окомъ и впередъ говорилъ ученикамъ своимъ, кто изъ пришельцевъ у него останется и кто выйдеть изъ обители, и все сбывалось по его слову. Съ даромъ прозорливости соединялъ онъ даръ исцѣлений, которые началъ отъ него истекать еще при жизни. Никто Аванасій, изъ соседнихъ владѣльцевъ, впалъ въ совершенное разслабленіе; ему посоветовали обратитъ за помощію къ преподобному. «Если только можешь иди къ блаженному Кириллу, попроси его помолитъся о тебѣ и ты исцѣлишься,» сказалъ ему одинъ благоговійный чловѣкъ. Съ вѣрою послалъ онъ проситъ старческой молитвы и выздоровѣлъ, при окропленіи святой водою, которую послалъ ему преподобный.

Вдова Князя Карголомскаго Іоанна, уже многіе годы лишившаяся зрѣнія, просила святаго о

ней помолиться и внезапно прозрела отъ долголетней слепоты.

Даже заочно исцѣлить онъ одного болрина, по имени Романа, явившись ему въ тонкомъ снѣ, во время тяжелой его болзни; по слову старца, болящій послать въ его обитель за святою водою, и отъ ея вкушенія получить здравіе. Когда же исцѣленный пришелъ самъ въ обитель, изумился онъ, узнавъ въ святомъ Кириллѣ того чуднаго старца, который являлся ему во снѣ. Однажды, въ праздникъ Богоявленія, принесли въ обитель разслабленнаго, который надѣялся получить исцѣленіе, погружившись въ Иордань, но уже не засталъ освященія воды; преподобный велѣлъ ему и послѣ съ вѣрою погрузиться въ воду, и дѣйствительно онъ исцѣлился при троекратномъ погруженіи, какъ некогда Нееманъ Сириянитъ.

О вѣрности, съ которою описаны случившіяся исцѣленія, можно судить по слѣдующему примѣру. Слепая женщина была приведена къ святому, уже три года лишенная зрѣнія, и просила о ней помолиться. Преподобный Кириллъ помазалъ ей глаза, освященною водою, и хотѣлъ испытать поминувала ли ее Господь.— «Что ты видишь?» спросилъ онъ женщину. «Вижу книгу, которую ты держишь, отвѣчала она, вижу озеро и людей холящихъ;» такъ мало по малу, начала она видѣть около себя предметы, какъ прозрѣвшій слѣпецъ евангелія, которому сперва показались люди какъ холяція дерева. (Марк. VIII, 24.)

Пришелъ однажды къ святому Кириллу, человекъ изъ сосѣдняго селенія и просилъ помолиться о его больномъ товарищѣ, у котораго изъ устъ и ноздрей текла кровавая пна; но старецъ, милостивый ко всемъ, на сей разъ, по духу прозорливости, не хотѣлъ оказать милосердія болящему и даже не позволялъ ему лежать за оградою; другу же, о немъ докучавшему, сказалъ: «повѣрь мнѣ, чадо, что болъзнъ сія приключилась не отъ случая, но въ наказаніе за его прелюбодѣйство; если обѣщается исправиться, вѣрую, что Господь его исцѣлитъ; если же нѣтъ, то еще горше пострадаетъ.» Когда передано было слово сіе больному, утрашился онъ обличенія и обѣщалъ исправиться; отъ чистаго сердца исповѣдалъ онъ всѣ свои согрѣшенія святому и по его молитвѣ исцѣлился, не только тѣлесно но и душевно, принявъ эпитимію для очищенія грѣховъ.

Много иныхъ, великаго рода болящихъ, слѣпыхъ, бьнуемыхъ и разслабленныхъ, приводимо было къ святому Кириллу, по свидѣтельству его учениковъ, и всѣхъ онъ исцѣлялъ, помазуя ихъ только освященною водою или слезамъ; здравыми возвращались они въ дома свои, благодаря Бога и угодилика его Кирилла. Но вотъ случай, въ которомъ чудодѣйственная сила исцѣленій, по данной ему благодати, восходила даже до воскресенія мертвыхъ. Въ обитель принесли человека, одержимаго тяжелою болзнію, который только просилъ, чтобы его постригли предъ смертію; преподобный не отринуть

благочестиваго желанія и облекъ его въ иноческій образъ, съ именемъ Далмата; чрезъ нѣсколько дней сталъ онъ кончатся и просилъ приобщенія святыхъ таинъ, но священникъ замедлилъ совершеніемъ литургіи и когда принесъ святые дары въ келлію, болящій уже скончался. Смиренный іерей повѣшилъ возвѣстять о томъ преподобному и весьма огорчился святой Кириллъ; скоро затворилъ онъ оконце своей келліи и сталъ на молитву. Немного спустя пришелъ келейникъ, служившій Далмату, и постучавъ въ оконце возвѣстилъ блаженному, что Далматъ живъ еще и проситъ причаститься. Немедленно послалъ Кириллъ за священникомъ, чтобы приобщить брата и хотя тотъ былъ увѣренъ, что уже умеръ Далматъ, не хотѣлъ однако пререкать святому. Но сколь велико было его удивленіе, когда увидѣлъ Далмата, сидящаго на постелѣ! — какъ только онъ приобщился святыхъ таинъ, сталъ прощаться со всею братіею и тихо отошелъ къ Господу.

Не однимъ лишь даромъ исцеленій прославилъ Господь своего угодника, но и другими чудесами. Не достало однажды вина для церковной службы, а нужно было совершать литургію; священникъ пришелъ сказать о томъ святому Кириллу, и онъ спросилъ пономаря Нифонта, действительно ли нѣтъ вина? — Услышавши же отъ него, что нѣтъ, какъ бы сомнѣваясь, велѣлъ принести тотъ сосудъ, въ которомъ было всегда вино. Повиновался Нифонтъ, и съ изумленіемъ принесъ сосудъ, до того преис-

полненный вина, что оно даже изливалось, и долгое время не оскудѣвало вино въ сосудѣ, какъ и когда елей у вдовицы, по слову Пророка Ілии.

Случился голодъ въ окрестности, народъ отовсюду стекался въ обитель, гдѣ милосердно раздавался всякому хлѣбъ, хотя и не было тогда еще у монастыря селъ, откуда бы можно было добывать хлѣбъ; все что имѣлось было только плодомъ трудовъ братскихъ, и приносимой милостыни едва было достаточно для нихъ самихъ. Но не смотря на то, чѣмъ болѣе раздавалось хлѣба, тѣмъ болѣе умножался его запасъ, такъ что и самые хлѣбники уразумѣли бывшее чудо, «Кириллъ, умножившій вино для литургіи, умножилъ и хлѣбы, для пропитанія гладныхъ, помощію Богоматери,» говорили они, и такъ продолжалось до новаго хлѣба; если иногда случалось, въ послѣдствіи, въ чѣмъ-либо оскудѣніе, братія даже не приходили утруждать о томъ настоятеля, зная что по его молитвѣ, все даровано будетъ отъ Бога.

Самъ преподобный, исполненный твердою вѣрою къ Господу и пречистой его Матери, неоднократно являлъ свою нестяжательность. Болгаринъ Романъ, имѣвшій къ нему большую довѣренность, ежегодно снабжалъ обитель пятьюдесятью мѣрами жита; пришло ему на мысль упрочить даръ, записавъ село въ пользу обители, и онъ послалъ дарственную грамоту на имя Кирилла; но святой, получивъ грамоту, размыслилъ самъ съ собою: если будемъ держать село, произойдетъ отъ нихъ толь-

ко молва и забота братів и нарушится безмолвіе, будутъ у насъ поселенцы и рядники; не лучше ли намъ жить безъ селъ? ибо душа единого брата дороже всего имѣнія. Такъ любомудрствовала благоговѣйная душа; отославъ дарственную грамоту боярину, преподобный написалъ ему: «если тебѣ угодно, человекъ Божій, дать село въ домъ Пречистыя, на пропитаніе братів, то вмѣсто пятидесяти мѣръ жита, которая доселѣ намъ даешь, отпуская ихъ это если можешь; мы будемъ довольны, а селами своими владей самъ, ибо намъ они не нужны и не полезны для братів.»

Такъ велика была забота преподобнаго о душевномъ спасеніи братів; не менше заботился онъ и о тѣлесномъ ихъ спасеніи, въ минуту опасности. Случилось ученикамъ, по волю его, идти ловить рыбу на озеро; страшная буря застала ихъ на срединѣ, такъ что волны перебѣгали чрезъ ладню и угрожала смерть. Человекъ, стоявшій на берегу, видя ихъ опасность, поспѣшилъ уведомить преподобнаго и святой Кирилль, взявъ въ руки крестъ, устремился къ берегу; знаменіемъ крестнымъ мгновенно успокоились волны и спасенные благополучно пристали къ берегу. Случился пожаръ въ обители и братія не могли погасить его, потому что пламя отовсюду обьяло зданіе; но святой, взявъ съ собою крестъ, устремился прямо туда, гдѣ горѣли келліи. Мирянинъ, бывшій въ обители, поспѣялъ тщетному рвенію старца, видя что уже невозможно погасить пламя; но пре-

подобный, ставъ со крестомъ прямо противъ огня, вознесъ къ Богу молитвы, болѣе горящія нежели самое пламя, и огонь, какъ бы устыдившись его молитвъ, внезапно угасъ; въ ту же минуту гнѣвъ Божій поразилъ того, кто поносилъ святаго: внезапно ослабѣли все его члены; позналъ онъ свое прегрѣшеніе и просилъ помилованія, и тѣмъ же знаменіемъ креста, предъ которымъ остановилось пламя, возвратилъ преподобный здравіе покаляемомуся.

Молва о чудесахъ его далеко распространилась: Князь Бѣлевскій Михаилъ, съ супругою Маріею, восемь лѣтъ скорбѣли о своемъ безчадіи и услышавъ, что Господь приѣмлетъ все молитвы преподобнаго, послали къ нему двухъ бояръ, просить его молитвы о разрѣшеніи ихъ неплодія. Прозорливый Кирилль, еще не раскрывъ грамоты княжеской, встрѣтилъ посланныхъ утѣшительнымъ словомъ: «поелику, чада мои, совершили вы трудный путь, вѣрую Господу и пречистой его Матери, что трудъ вашъ не останется тщетнымъ и дасть Богъ Князю вашему плодъ чадородія.» Въ ту же ночь увидѣлъ Князь Михаилъ во снѣ свѣтлаго старца, украшеннаго сѣдинами, съ тремя сосудами въ рукахъ, который сказалъ ему: «прими отъ меня то чего ты просилъ.» То же явленіе было и Князю Маріи и оба супруга, съ радостію, открыли одинъ другому свое видѣніе. Послѣ трехъ дней преподобный велѣлъ келарю отпустить посланныхъ бояръ и дать имъ только полтора хлѣба въ нѣтъ,

хотя съ ними было до восьми человекъ. Наумившись такой скудости, просили они прибавить имъ хлѣба и рыбы, ради дальняго пути и пустынныхъ мѣстъ, но святой отпустилъ ихъ съ миромъ, говоря, что и этого съ нихъ достаточно будетъ. Дѣйствительно, на первомъ ночлегѣ, убѣдились они въ неистощимости своихъ запасовъ и, послѣ десятидневнаго пути, принесли ихъ даже къ своему Князю. Посланные сказали ему слово Кириллово, «да не скорбѣть, ибо даруетъ ему Господь то чего просить,» и радостію исполнились Князь и Княгиня; съ вѣрою приняли они, какъ бы нѣкое освященіе, оставшіяся отъ пути хлѣбъ, дали вкусить отъ него всемъ своимъ домашнимъ, и всѣ страдавшіе, какими бы то ни было недугами въ ихъ домѣ, внезапно исцѣлились. У Князя Михаила родилось два сына и одна дочь, предзнаменованные тремя сосудами, и съ тѣхъ поръ великую имѣлъ онъ вѣру къ преподобному, снабжая милостивую его обитель; Княгиня Марія, сама рассказала все что съ ними было, одному изъ достовѣрныхъ иноковъ Кирилловыхъ, строгому молчаливцу Игнатію, который лично передать о томъ писателю житія преподобнаго.

Много было, подобно сему Игнатію, учениковъ у святаго, знаменитыхъ святостію жизни; въ числѣ ихъ Германъ, котораго послушаніемъ была ловить ва рыбы; съ благословеніемъ преподобнаго, никогда не возвращался онъ съ пустыми руками, когда былъ отъ него посыланъ, и всегда добывалъ до-

волью для трапезы братской, хотя ловилъ только удицею; неведомъ дозволялъ Кириллъ ловить только на храмовой праздникъ успенія, ради множества приходящихъ; такова была его умеренность во всемъ. Германъ, до послѣдняго дня своей жизни, пребывалъ въ непрестанныхъ трудахъ, не оставляя ни одной церковной службы, и послѣ блаженной кончины явился, въ ночномъ видѣніи, другу своему Димитрію, съ которымъ былъ связанъ узами духовной любви. Какъ сей Димитрій посещалъ его во время болѣзни, такъ и Германъ, уже за предѣлами гроба, хотѣлъ утѣнить посещеніемъ друга, впавшаго въ тяжкую болѣзнь. «Не скорби, братъ Димитрій, сказалъ онъ болящему, еще одинъ день, и ты къ намъ также перейдешь.» Возрадовался Димитрій посещенію духовнаго брата, объявилъ о предреченной ему кончинѣ, и въ назначенный день отошелъ къ Господу, оставивъ по себѣ память своихъ добродѣтелей.

Ученикъ его Христофоръ, который былъ въ посѣдствіи настоятелемъ обители Кирилловой, имѣлъ брата роднаго Сосинатра, и тотъ впалъ въ тяжкій недугъ. Видя его изнемогающимъ, Христофоръ повишалъ къ преподобному Кириллу возвестить, что братъ его уже умираетъ, но преподобный улыбувшись отвѣчалъ: «повѣрь мнѣ, чадо Христофоръ, что ни одинъ изъ васъ прежде меня не умретъ; послѣ же моего отшествія, многіе изъ васъ пойдутъ вслѣдъ за мною,» что вскоре потомъ и случилось, ибо тогда большая была смертность вокругъ монасты-

ря: но никто изъ братіи не заболѣлъ при жизни святаго старца и даже Соснаптръ всталъ отъ своего недуга. Таковы были великія дарованія святаго, данныя ему ради великой его любви къ Богу, по слову Спасителя: «просите и дастся вамъ.» (Мат. VII. 7) ибо это было сказано не однимъ его ученикамъ, но и всемъ вѣрующимъ, а преподобный Кириллъ, именемъ Христовымъ, совершалъ чудныя дѣла.

Посланія и ученики преподобнаго Кирилла.

Намъ остались три посланія преподобнаго къ Державнымъ его времени, которыя свидѣлствуютъ о глубокомъ уваженіи, какое внушалъ онъ высокимъ своимъ житіемъ. Великому Князю Василию, сыну Донскаго, изъясляетъ онъ свое изумленіе: какимъ образомъ, будучи властителемъ всея земли Русскія, вспомнилъ Князь о рабѣ недостойномъ, не только имени но и житія иноческаго, и отъ славы міра преклонился къ его ничетъ? — По при такомъ униженіи, хотя не чувствуетъ себя до-

стойнымъ возносить за него молитвы къ Богу, однако паждаетъ Князя и словомъ пастырскимъ. «Бога ради, пишеть онъ, внемли себе и всему княженію, надъ которымъ поставилъ тебя Духъ Святый пасти людей, пскушленныхъ кровію Христовою. Чѣмъ большей сподобился ты власти отъ Бога, тѣмъ большему подлежишь воздаванію. Воздай же благодетно долгъ, храня его святыя заповѣди, и уклоняясь пути ведущаго къ погибели. Какъ бываетъ на корабляхъ, что если соблазнится наемникъ, одинъ изъ простыхъ гребцовъ, то малый вредъ сотворитъ плавающимъ, если же кормчій, тогда всему кораблю сотворяетъ пагубу; такъ если кто и отъ боярѣ согрѣшитъ, не всемъ людямъ, но себѣ одному дѣлаетъ вредъ, а если самъ Князь, то наноситъ вредъ всемъ людямъ, подъ нимъ состоящимъ; и такъ и возвышайся временною славою къ суетному шатанію, ибо малъ и кратокъ здѣшній вѣкъ и съ плотію сопряжена смерть. Да слышалъ я, Князь Великій, что великое у тебя смищеніе съ твоими сродниками, Князьями Суздальскими, и отъ того выходитъ кровопролитіе между христіанами... И ты, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, ибо никакая власть не можетъ насъ избавить отъ нелицемѣрнаго суда Божія.—И такъ возлюби братію свою и всехъ христіанъ, и твоя вѣра къ Богу и милостыня къ нищимъ пріятны будутъ Господу.»

Брату Великаго Князя, Юрію, писалъ также пре-

подобный, благодаря за милостиво, смиренно называв себя Кириллицем черничищем. Онъ не велитъ ему скорбеть о болѣзни своей Книжницъ, но покаяться, обыскавъ внутри себя свое сокровенное, дабы Господь помиловалъ, и тогда ручается, что проститъ ему Богъ все согрѣшенія, и не велитъ скорбеть, видя ея идущую въ бесконечный покой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, преподобный умолялъ Князя не входить въ монастырь, по давнему своему желанію, дабы не произвели молвы; иначе грозилъ удалиться, дабы не говорили люди, что похвалялъ Князя, ради Кирилла; а если и былъ у нихъ въ обители братъ его, Князь Андрей, то потому лишь что это его отчина и нельзя было не ударить ему челомъ.

Третье посланіе къ сему Князю Андрею написалъ святой Кириллъ: «что Господь, посылающей казнь за нечестіе, утѣляетъ гнѣвъ свой, если кто искренно кается. Онъ внушаетъ ему быть полнымъ властелиномъ своей отчины и унижать людей своихъ отъ лихаго обычая; наблюдать, чтобы судили судили праведно и чтобы не было корчемства, отъ котораго великая пагуба душамъ христіанскимъ, чтобы уняли разбои и татьбу, и самъ бы онъ не лѣнился давать управу своимъ людямъ и удерживался отъ всякаго празднаго слова, подавая тѣмъ примѣръ своимъ вельможамъ, и не лѣностно бы посылалъ церковь, со страхомъ и трепетомъ предстоя Господу, какъ бы на небесахъ, поелику церковь есть земное небо и въ ней совершаются таинства Христовы.»

Видя себя изнемогающимъ отъ старости и частыя свои болѣзни, написалъ онъ последнее посланіе или духовное завѣщаніе тому же Князю Андрею, ради утвержденія общаго житія, о которомъ много заботился, чтобы не разорилось после его кончины. «Во имя Святыя и живоначальной Троицы: се азъ грѣшный и смиренный игуменъ Кириллъ, вижу, что постигла меня старость и вваля я въ частыя различныя болѣзни, которыми нынѣ одержимъ; но сіе есть человеколюбіе отъ Бога, ко мнѣ бывающее, ибо нынѣ познаю, что ни что иное не возвышается мнѣ кромѣ смерти и страшнаго суда Спасова въ будущемъ вѣкѣ. Смущалось по мнѣ сердце мое, ради грознаго исхода, и страхъ смерти напалъ на меня; боязнь и трепеть страшнаго судилища пришли на меня и покрыла меня тѣма недоумья. Что сотворитъ мнѣ не вѣдаю, но только возвергну, по слову пророческому, печаль свою на Господа, дабы онъ сотворилъ со мною, по святой своей воли, ибо хочетъ онъ, чтобы все человеки спаслись и въ разумъ истинны пришли.»

По сему, послѣднимъ своимъ писаніемъ, предаю монастырь трудовъ своихъ и всей братіи, Богу и Царю небушной, и господину духовному моему сыну, Андрею Димитріевичу, дабы промышлялъ онъ и заботился о домѣ Пречистой. Духовнаго сына моего, священно-инока Иннокентія, благословлю въ свое мѣсто, быть игуменомъ. Ты же, Князь Андрей, Бога ради и пречистой Богородицы, и ради своего спасенія и меня, ницкаго твоего бо-

гомольца, вспомни, какую ты любовь имьл къ пречистой Богоматери и къ моеи нищеть, при моеи жизни, и по моемь отшествіи имьл ту же вѣру и любовь къ монастырю Пречистыи и свой привѣтъ къ сыну моему Инокентію и ко всей братіи, которые будутъ жить по моему преданію и имьть повиновеніе къ игумену. А если кто не захочеть жить по моему преданію и станеть что-либо раззорять въ монастырь, отъ общаго житія и устава, и не повиноваться игумену, о такомъ со слезами молю и благословляю тебя, своего Господина и духовнаго сына, да не попустишь чтобы сіе было, но да будутъ наипаче вигнаны изъ монастыря ропотники и раскольники, которые не захотятъ игумену повиноваться и жить по моему образу жизни, дабы и прочая братія страхъ имьла. Милость же Божія и пречистой Богоматери, да будетъ всегда съ тобою и съ твоею благочестивою Княгиніею и дарованными тебѣ отъ Бога чадами.»

Поему и благочестивый Князь Андрей особенно заботился, чтобы ни одна изъ заповѣдей предодобнаго не была нарушена, ибо онъ имьлъ великую вѣру и любовь къ обители Кирилловой и, послѣ кончины блаженнаго, не только даровалъ большія угодья монастырю, но старался велически украсить церковь усненія Богоматери и снабдилъ ее многими иконами и книгами, которая досель видится въ обители.

Не задолго до кончины, призвалъ святой Кириллъ весь соборъ братій своей обители, которыхъ

считалось тогда пятьдесятъ три, взявъ съ нимъ работавшихъ Господу, каждый противъ своей силы, и предъ всеми вручилъ строеніе монастырское одному изъ учениковъ своихъ, Инокентію, нареченни его игуменомъ, хотѣ и вопреки его желанію; онъ призвалъ во свидѣтели Бога, дабы ничто не раззорилось отъ устава монастырскаго, но все бы оставалось такъ какъ было при немъ, а самъ пожелалъ крайняго безмолвія, чтобы еще до смерти любомудрствовать въ келіи. Отъ великихъ подвиговъ уже не могли служить ему ноги въ столбѣхъ церковныхъ; сядя совершалъ онъ келейное правило, но никогда молитва не преставала въ устахъ его, ибо онъ ничего не хотѣлъ оставить отъ положеннаго устава, хотя изменили ему силы тѣлесныя и съ большимъ трудомъ изрѣка лишъ могъ совершать божественную литургію; когда же крайне изнемогалъ, ученики приносили его на рукахъ въ церковь.

Настала пятидесятница и въ послѣдній разъ совершилъ онъ божественную службу: въ Духовъ же день, когда праздновалась память его Ангела, святаго Кирилла Александрійскаго, крѣпкій душою сталъ совершенно изнемогать тѣломъ. Вся братія со слезами стеклась къ нему въ келію, желая съ нимъ и умереть; нѣкоторые говорили ему: «если ты насъ оставишь, отче, то и мысто опустѣеть, ибо многіе переселятся изъ сего монастыря;» но святой отвѣчалъ имъ: «не скорбите о семъ, а наипаче по сему разумѣйте. если тяжку нѣкоторое дерзновеніе

и дѣланіе мое угодно будетъ Богу, то не только не оскудѣетъ мѣсто сіе святое, но и больше распространится по моему отшествіи; только любовь имѣйте между собою.» - Видно, что сіе пресмертное слово глубоко запечатлѣлось въ сердца братіи, ибо оно съ тѣхъ поръ всегда пишется, на всѣхъ иконахъ преподобнаго, на хартии которую держитъ въ рукѣ.

Рыданія не прекращались; святой, желая утѣшить плачущихъ, говорилъ имъ: «не скорбите братія и чада, въ день моего покая, ибо мнѣ уже настала часть почить о Господѣ. Предаю васъ Богу и пречистой Богоматери, да сохранитъ васъ отъ всѣхъ некушней лукаваго, и сынъ мой Иннокентій да будетъ игуменомъ на мое мѣсто; имѣйте его вмѣсто меня, и онъ исполнитъ ваши недостатки». Много иное говорилъ онъ еще ради утѣшенія, самъ же находился въ такой радости, какъ будто кто изъ чуждыхъ и далекихъ странъ, возвращался въ свое отечество; онъ веселился надеждою будущихъ благъ и одну только имѣлъ заботу, чтобы ничто не разорвалось отъ общаго житія и не было раздоровъ между братіи. Инокіи, цѣлуя его со слезами, просили послѣдняго благословенія, и онъ, какъ чадолюбивый отецъ, всѣхъ благословлялъ, прощая ихъ и взаимно прося себя прощенія. Въ самую минуту разрѣшенія тѣлеснаго союза, успѣвъ онъ еще приобщиться животворящихъ таинъ Христовыхъ и, съ молитвою на устахъ, тихо предать Господу трудолюбивую свою

душу. Всѣми чувствуемое благоуханіе внезапно распространилось по келліи, и лице его просвѣтилось еще больше нежели при жизни; не было на немъ ничего мертвеннаго. Съ плачемъ положили ученики тѣло любимаго отца своего, на одрѣ погребальній и, понесли въ церковь съ пѣніемъ псаломнымъ.

Въ ту самую минуту, когда это происходило, служитель преподобнаго Авксентій, который былъ изъ первыхъ жильцовъ его пустыни, находился на селѣ, страдая отъ жестокой лихорадки; какъ бы въ нѣкоемъ изступленіи, отъ сильнаго жара, видитъ онъ предъ собою блаженнаго, съ крестомъ въ рукѣ, и вмѣстѣ съ нимъ другаго священника Флора, недавно скончавшагося послѣ великихъ подвиговъ. Преподобный освѣтилъ крестомъ своего келейника и въ ту же минуту исцѣлился онъ отъ болѣзни; съ радостію устремился Авксентій къ блаженному наставнику, чтобы возвѣститъ ему о своемъ здравіи, не зная что онъ уже преставился, и встрѣтилъ погребальное шествіе; припавши къ святымъ мощамъ, предъ всѣми исповедалъ онъ свое исцѣленіе, и это несколько утѣшило братію. Съ честію передали они землѣ многострадальное тѣло своего аввы, Юнія въ 9-й день 1423 года. Тридцати лѣтъ былъ постриженъ въ Симоновъ преподобный Кириллъ и прожилъ тамъ тридцать лѣтъ, пришедши на мѣсто сіе, уже на шестидесятомъ году своего возраста, прожилъ онъ еще тридцать лѣтъ; въ своей обители, доколь не достигъ полнаго чи-

сла девяноста. Еще болѣе чудеса совершилось послѣ его преставленія, надъ священною его гробницею, нежели сколько самъ совершилъ онъ при жизни; всѣ они были записаны въ свое время и въ нихъ особенно видно попеченіе святаго о своей обители.

Инокентій заступилъ его мѣсто и старался во всемъ соблюсти его заповѣди, чтобы быть достойнымъ сего избранія, ибо и самъ научился послушанію, въ теченіи одиннадцати лѣтъ, у великаго мальчика Игнатія. Не прошло и одного года, послѣ кончины блаженнаго, какъ съ наступленіемъ осени всѣ братія, будто согласившись между собою и со святымъ Кирилломъ, вышла изъ сего житія, числомъ болѣе нежели тридцать, изъ пятидесяти трехъ, которые при немъ были. Такъ исполнилось его пророческое слово ученику своему Христофору; послѣ нихъ всѣхъ представился игуменъ Инокентій, котораго мѣсто заступилъ Христофоръ.

Много написалъ онъ книгъ церковныхъ въ храмъ пресвятыя Богородицы и нисколько не превознесъ отъ того, что сдѣлался настоятелемъ такой именитой обители, но старался только съ должнымъ смиренно-мудріемъ исполнять то, что видѣлъ творщимъ отъ своего Кирилла; до такой степени любилъ онъ убожество въ своихъ одеждахъ, что нельзя было различить игумена отъ прочей братіи, а между тѣмъ такъ велика была его забота о убогихъ, что когда, во время междоусобныхъ браней, много православныхъ взяты были

въ плѣнъ, онъ искупалъ ихъ на деньги монастырскія и возвращалъ въ свои мѣста. Сынъ Донскаго, Князь Юрій Дмитріевичъ, ратовавшій противъ племянника своего, великаго Князя Василія, приглашалъ къ себѣ для свиданія и духовной бесѣды игумена, дважды и трижды, но онъ всегда отрекался, говоря, что не имѣетъ обычая выходить изъ ограды и не можетъ нарушить чина монастырскій. Князь же Юрій, удивившись его твердости, изъ уваженія къ нему, отпустилъ всѣхъ своихъ плѣнниковъ.

При настоятельствѣ сего игумена, было явленіе преподобнаго Кирилла, одному изъ братіи по имени Θεодосію. Еще при жизни блаженнаго приходилъ къ нему Θεодосій, отъ лица одного именитаго боярина Данила Андреевича, который, по любви къ обители и святому, хотѣлъ послѣ своей смерти отказать село въ монастырь и просилъ только, чтобы Кириллъ послалъ осмотрѣть оное заблаговременно; но преподобный отвѣчалъ: «при жизни моей не требую селъ, по смерти же моей дѣлайте какъ хотите.» Инокъ показала такая рѣчь, какъ бы укорительною, и онъ скорбѣлъ на старца. Когда же увидѣлъ чудеса, какими прославлялъ Господь гробницу усопшаго аввы, пришелъ въ чувство, и много сокрушался, что навлекъ на себя неудовольствіе такого наставника. Не много времени спустя, явился святой Кириллъ ученику своему Мартиніану, (который былъ поставленъ настоятелемъ въ Ферапонтовъ монастырь), и сказалъ:

«скажи брату Феодосію, чтобы не скорбѣлъ и не служалъ мнѣ болѣе, ибо я противъ него ничего не вѣю;» — утихнулъ Феодосій, услышавъ о своемъ прощеніи. Не трогательно ли это свидѣтельство снисходительной любви преподобнаго, даже за пределами гроба?

Послѣ шестилѣтняго настоятельства, представилъ смиренный Христофоръ, въ добромъ исповѣданіи своего званія. Мѣсто его заступилъ игуменъ Трифонъ, изъ постриженниковъ той же обители, мужъ разудительный въ дѣлахъ духовныхъ и мірскихъ. Когда въ 1447 году, Великій Князь Василій Васильевичъ Темный, лишенный престола и зрѣнія, по кознямъ племянника своего Шемяки, и даже связанной насильственною клятвою отреченія отъ престола предковъ, за себя и наследниковъ, въ уныніи духа пришелъ помолиться въ Кирилловъ монастырь, игуменъ Трифонъ, не только разрѣшилъ его отъ неправильной клятвы, но и убѣдилъ встунуть опять на княженіе; очищая совесть его, онъ говорилъ смущенному Князю: «тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи, что ты неволею цѣловалъ крестъ Князю Дмитрію Шемякѣ, а ты, Государь, поиди на свое княженіе.» Такова была твердость сего великаго мужа Церкви, и подвигъ его утвердилъ на будущія времена благоговѣніе державныхъ къ обители Кирилловой и блаженному ея основателю. Имя его призывалось во свидѣтельство даже и послѣ его кончины, для скрѣпленія взаимныхъ обязательствъ между Князьями,

какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ того же Темнаго съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; такое помертное поручительство возвышало въ глазахъ ихъ и самую обитель, которую осыпали своими дарами, принимая иногда участіе и въ избраніи ея настоятеля. Трифонъ, не менѣе своихъ предшественниковъ, заботился, чтобы ничего не разорилось изъ общежительнаго устава. Братство уже было многочисленно, но церковь, которую поставилъ самъ преподобный, мала и ветха; игуменъ сталъ помышлять, какииъ бы образомъ соорудить болѣе пространную церковь? и Господь, молитвами святаго Кирилла, помогъ ему совершить благочестивое намѣреніе.

Пришелъ къ нимъ въ обитель, одинъ изъ знаменитыхъ вельможъ, Захарія Іоанновичъ, (родоначальникъ будущаго царскаго рода Романовыхъ), и вида строгое по Богъ житіе иноковъ Кирилловыхъ, помыслилъ, нельзя ли и ему облечься у нихъ въ одежду иноческую? но это не исполнилось; однако, отходя, много далъ онъ серебра братіи для церковнаго зданія; немедленно приступивъ къ дѣлу, заложили они обширную церковь и собрали много работниковъ, для скорѣйшаго ея совершенія. Между тѣмъ въ окрестности былъ сильный голодъ; народъ началъ стекаться за хлѣбомъ въ монастырь, гдѣ было подааніе всемъ. Смутился келарь увидя, что кромѣ множества работниковъ, необходимыхъ для церковнаго зданія, еще собираются много праздныхъ людей для хлѣба. По не-

достатку вѣры началъ онъ помышлять, что недостатку хлѣба для приходящихъ, и началъ умалѣть ежедневную хлѣбную дачу; но хлѣбники съ изумленіемъ замѣтили, что по мѣрѣ умаленія хлѣба при раздачѣ, умалѣлись запасы его и въ житницах, а при болѣе обильномъ раздаваніи народу, умножались сами соборы; когда же вовсе оставили раздачу, совершенно оскудѣли и хлѣбъ. Они возвестили о томъ великимъ старцамъ; игумень повелѣлъ всѣмъ раздавать хлѣбъ и всѣмъ его достало до новой жатвы, хотя ежедневно кормили до шести сотъ душъ.

Между тѣмъ, при множествѣ работниковъ, изъ коихъ большая часть трудилась безмездно ради единого хлѣба, соорудилась деревянная церковь, во имя успенія Богоматери и украсилась благолѣпными иконами. Велѣлъ за тѣмъ поставлена обширная трапеза, съ теплою церковію, и распространены монастырь, ибо при блаженномъ Кириллѣ все было весьма тѣсно; ужноженіе братіи требовало расширенія обители. Такимъ образомъ все обновилось, кромѣ однако устава общежительнаго, который сохранился ненарушимо, а между тѣмъ непрестанныя исцѣленія истекали отъ его гроба, все болѣе привлекая къ нему усердныхъ молитвенниковъ.

Князь Михаилъ Андреевичъ, внукъ Донскаго, рѣшился посетить отчину свою Белоозеро, вмѣстѣ съ супругою Еленою, которая страдала ногами. Еще далеко былъ онъ отъ монастыря, когда одно-

му изъ старцевъ представилось ночью, какъ-бы на яву, что онъ стоитъ у гроба блаженнаго Кирилла, и вотъ внезапно отверзся гробъ самъ собою, вышелъ изъ него преподобный, какъ-бы живой, и сѣвъ на своемъ гробѣ, сказали: «чадо, не малые гости хотѣтъ къ намъ придти и въ скорби великой; но пободаетъ намъ помолитъ за нихъ, да избавитъ ихъ Господь отъ такой скорби, ибо они нами кормили.» Святой Кириллъ, возлегъ опять на свой одръ и самъ собою затворился гробъ. Воспрянулъ старецъ и съ изумленіемъ возвести о томъ духовному своему отцу, а чрезъ пять дней пришли благочестивые Князь и Княгиня, помолитъся преподобному, и Княгиня получила исцѣленіе; обрадованный Князь, обильною милостынею наградилъ монастырь, и съ тѣхъ поръ еще большую имѣли вѣру къ Св. Кириллу.

Заболѣвъ самъ, не много времени спустя, Князь послалъ просить игумена Кассіана, который наслѣдовалъ усопшему Трифону, да помолится о немъ съ братією, и по вѣрѣ своей исцѣлился, какъ только вкусилъ присланную отъ нихъ освященную воду. Въ то же время и его Княгиня, которая была въ опасности жизни, потому что не могла родить младенца, преждевременно умершаго въ материнской ея утробѣ, едва только окроплена была освященною водою, какъ разрѣшилась отъ бремени, уже вопреки всякаго чаянія. Посему благодарный Князь приписалъ монастырю многія земли и озера, даже села, отъ которыхъ такъ долго от-

казывался преподобный Кирилл, и таким образом, вкладами сего Князя, еще больше нежели даяниями усердного отца его Андрея, обогатилось обитель святого Кирилла.

Так, хотя и въ пустынь обиталъ блаженный, но слава его добродетели, какъ бы на легкихъ крылахъ облетала дальній страны, ибо не могъ укрыться градъ на верху горы; самъ Господь прославляетъ прославляющихъ его. Съ дерзновеніемъ могъ сказать преподобный о собранныхъ имъ чадахъ, при жизни и по смерти: «се азъ и дѣти яже ми даде Богъ,» (Исаі. VIII.) ибо забота о нихъ простирается и за предѣлами гроба. Какъ не умалются струи живыхъ ключей, наполющія землю и утоляющія жаждающихъ прохлады, такъ не изчерпаемы исцеленія отъ мощей святыхъ, когда не оскудываетъ вѣра притекающихъ. Врачи, употребивъ все свои зелья, требуютъ иногда другихъ; святые же не такъ, но только единой вѣры, безъ которой все прочее ни къ чему не служить, по слову евангельскому: «вѣра твоя спасетъ тя, и по вѣрѣ твоей буди тебѣ.» (Лук. VIII.)

Во дни сего игумена Кассіана, который въ послѣдствіи перешелъ въ Спасо-каменную обитель, присланъ былъ въ Кириллову, горы Аюшской учений іеромонахъ Пахомій Логоветъ, отъ Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго и Митрополита Θεодосія, чтобы написать житіе преподобнаго Кирилла, со словъ его учениковъ, которые были свидѣтелями праведнаго житія. «Да не помыслитъ кто-либо,

говорить учений Пахомій, много написавшій каноновъ Русскимъ Святымъ и собравшій житія ихъ, что я, какъ пришелецъ изъ чуждой земли, не могъ дознать въ точности всего, что относилось до блаженнаго Кирилла, ибо не видалъ его собственными своими очами. Когда повелѣно мнѣ было Державнымъ идти въ обитель святого, чтобы слышать тамъ о бывшихъ чудесахъ богоноснаго отца, много спрашивалъ я достойнаго игумена Кассіана, какъ самовидца, и иныхъ учениковъ его, о дѣлїяхъ и чудесахъ преподобнаго, ибо многіе годы съ нимъ провели. Они же, съ любовію начали бесѣдовать о житіи святого и чудесахъ, одинъ рассказывалъ одно, другой другое, напаче же много слышатъ я отъ ученика его Мартиніана, бывшаго игуменомъ Сергіевой лавры, который съ юнаго возраста жилъ при святомъ Кириллѣ и все мнѣ рассказалъ подробно и въ порядкѣ; я же слышанное собралъ воедино, да не предано будетъ забвенію праведное житіе, но да послужитъ на многіе годы, къ общей пользѣ желающихъ ему подражать.»

Память осталось еще другое современное свидѣтельство преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, который болѣе года подвизался въ обители Кирилловѣ, о томъ, какъ уважали ученики его память своего наставника и какъ твердо стояли за уставъ его, оставленный для ихъ руководства. Іосифъ пишетъ, въ своей духовной грамотѣ, для примѣра собственнымъ ученикамъ: что по кончинѣ блаженнаго Кирилла и ближайшихъ его преемниковъ, во-

ставленъ былъ въ его обители настоятель изъ другаго монастыря, который пренебрегъ некоторыя преданія и законы святаго. Былъ въ то время въ монастырѣ старецъ сватой жизни, по имени Досноей, прозваніемъ Невѣдомыцынъ, съ другими старцами, которые также любили преданія святаго Кирилла и ни сколько не молчали по возбраніи игумену; блаженный же Досноей столько пострадалъ отъ него, что даже не однократно претерпѣлъ удары. Однажды, когда говорилъ онъ настоятелю, чтобы не развращалъ преданія святаго Кирилла, разгнѣванный столкнулъ его съ помоста трапезной церкви, такъ что онъ упалъ замертво, но когда выздоровѣлъ опять сталъ говорить настоятелю: что если хочеть даже и смерти его предать, онъ не перестанеть однако повторять ему тѣхъ же словъ. По удаленіи сего настоятеля избрали другаго опять изъ чужаго монастыря, но тотъ, подобно первому, пренебрегалъ преданія святаго и, любя празднословіе, позволялъ себѣ говорить въ церкви на соборномъ пѣніи и за трапезой. Старцы, бывшіе въ то время, Ілія Чапей, Игнатій Бурмакъ и другіе имъ подобные, также ему въ этомъ возбраняли, хотя не однократно устремляясь на нихъ съ яростію хотѣлъ бить жезломъ и даже иногда билъ; они не переставали обличать его, доколь устыдившись своей жестокости удалился отъ нихъ. Потомъ, во дни Геронтія Митрополита, избрали себѣ игумена, который хотя и былъ постриженникъ Кирилова монастыря, однако многіе годы прожилъ въ

другихъ обителяхъ и также началъ развращать преданія святаго. Оскорбились старцы, но хотя и говорили ему о томъ наединѣ и соборно, однако онъ пренебрегалъ ихъ рѣчами. Тогда старшіе все бѣжали изъ монастыря, потому что не могли видѣть попираемыми преданія святаго Кирилла, доколь Киизъ, услышавъ о томъ, велѣлъ изгнать изъ монастыря самаго игумена и опять все старцы собрались въ обитель святаго Кирилла.—Такую вѣру и любовь къ своимъ уставамъ умѣлъ онъ, не только при жизни но и по смерти, внушить своимъ ученикамъ; потому и обитель его, подобно Сергіевой, долгое время почиталась основнымъ камнемъ плочества для всего сѣвера нашего отечества.

ЦЕРКВИ КИРИЛЛОЙ ОБИТЕЛИ.

Никто не указывалъ мнѣ дороги къ священному гробу преподобнаго, но сердце какъ бы говорило куда ити, и я прошелъ мимо древняго собора, въ малую церковь съ южной его стороны, гдѣ почиваетъ угодникъ Божій. Въ аркѣ, между

обонхъ храмовъ, стоялъ подъ свѣю среброкованная рака и на ней покровъ, шитый царственными руками, изображалъ самый ликъ святаго Кирилла. Подъ сею ракою, въ ядрахъ земли а не открыто, почиваетъ столь великій свѣтильникъ. — Судьбы Божіи непостижимы! Отецъ всѣхъ нищестующихъ на Востоку, великій Антоній, великъ ученикамъ втайнѣ погребсти тело свое, дабы не почили его послѣ кончины, и сомнѣнный ему родоначальникъ нашихъ иноковъ, въ Кіевѣ, такъ же не былъ никогда обрѣтенъ. Преподобный Кирилъ даже долгое время оставался внѣ храма, въ погребальной палаткѣ, такъ что и Царь Юаннъ упрекалъ этимъ инокомъ Бѣлозерскихъ: «у васъ надъ Воротынекимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ! Воротынской въ церкви, а чудотворецъ за церковію; мимо чудотворца, надъ нимъ церковь!» По настоянію царскому была она построена, но и въ то время святыхъ мощи остались подъ землею.

Къ сожалѣнію, церковь сія оказалась тѣсною, въ послѣднихъ годахъ минушаго столѣтія, настоятелю обители Іакину Карпинскому, и онъ перестроилъ ее совершенно въ новомъ вкусѣ, не соответствующемъ главному собору, къ которому прилегалъ. Но среброкованная рака, съ ликомъ на ней преподобнаго и его дѣяніями, вычаканными по сторонамъ, сохранилась отъ времени Царя Михаила Ѳеодоровича. Боляринъ его, Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, призваннй его на царство и подъ именемъ Ѳеодосія постригшійся въ

лаврѣ Кирилловой, соорудилъ сію раку, какъ значится на ея подписи, и украсилъ стѣннымъ писаніемъ самую церковь. Внѣсь около лика украсилъ драгоценными камнями, а на дробницахъ, вокругъ верхней дски, именованными преподобные Сергій и Ѳерапонтъ, Ѳеодоръ овлащенный и Алексій челоувѣкъ Божій, (Ангельскій боярина и Царя, при комъ онъ постригся, въ 1650 году). По тогдашнему времени, рака сія стояла до двухъ тысячъ рублей и достойна именитаго рода, который всегда отличался щедростію своихъ дѣяній церкви.

Сказать ли впечатлѣніе, которое произвели на меня пустынная церковь преподобнаго и его одинокая рака?—При всемъ благоговѣніи, съ какимъ издавна и пламенно желалъ я поклониться гробу одного изъ величайшихъ мужей нашей Церкви, больно было видѣть оскуднѣе древней его обители и пустоту самой церкви! Быть можетъ это чувство было возбуждено во мнѣ сравненіемъ, неблагопріятнымъ для Кириллова монастыря, потому что я прїѣхалъ въ него прямо изъ лавры Троицкой, которую оставилъ въ самое многолюдное ея время при стеченіи богомольцевъ. Но въ лаврѣ видимо надъ всемъ господствуетъ преподобный Сергій и одинъ онъ служить связію и цѣлю всего, какъ солнце, испускающее повсюду лучи свои и къ себѣ привлекающее взоры всѣхъ. Соборъ Троицкій, въ которомъ почиваютъ святые его мощи, какъ бы на царственномъ ложѣ, на предатарныхъ ступеняхъ инокостаеа, есть действительно мѣсто собраній молитвеннаго для всей бра-

тин и богомольцев; там совершаются ежедневно все службы церковныя, утренія и вечернія и торжественная литургія; даже самые гробы ближайших учеников Сергіевыхъ, Никола и Михея, не лишены раннихъ литургій; но не такъ въ Кириллове! — Отъ сырости главного собора и недостатка монашествующихъ, ежедневныя службы совершаются въ тепломъ особенномъ соборѣ, во имя Введенія Богоматери, и только по праздникамъ и воскреснымъ днямъ бывають раннія литургіи въ церкви преподобнаго. Священная его рака стоитъ не только въ собора, но даже въ заднемъ углу той церкви, которая сооружена въ память его, такъ что гробница совершенно въ сторонѣ; когда впервые взялъ я въ сію единенную церковь, одинъ только инокъ стоялъ въ ней на стражѣ преподобнаго, ради приходившихъ богомольцевъ. Невольно вспомнилъ я укоръ Іоанновъ древнимъ инокамъ Блудзерскимъ, оставившимъ такое сокровище въ главного святителя.

Не менѣе грустное впечатлѣніе произвела на меня и первая литургія, въ тепломъ соборѣ Введенія: не было тамъ богомольцевъ, одни только монашествующіе, и самая церковь, передѣланная изъ древней по новому вкусу, утратила благолѣпіе священной старины. Прежніе своды закрыты низкимъ потолкомъ; четверугольный столъ на среднѣ свидѣтельствуетъ, что здѣсь была трапеза, но теперь придвинули къ ней алтарь, такъ что столъ приходится у самыхъ царскихъ вратъ, за-

слоняя богослуженіе, а прежній алтарь загражденъ стѣною и обращенъ въ малую ризницу. Какъ можно было такъ изменить внутренность церкви, древнѣйшей въ обители, потому что она строена въ одно время съ соборомъ и была пространне всѣхъ, по ея трапезному назначенію? — Это случилось не позже, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тѣмъ же, какъ говорится въ исторіи іерархіи, архимандрита Веніамина Жукова, если только слово тѣченіе можетъ быть здѣсь уместно. При обновленіи храмовъ Кириллова монастыря, по мѣрѣ возрастающихъ средствъ, конечно это первый, за который должно приняться, чтобы возвратитъ ему древній видъ. Здѣсь, въ этой трапезной церкви, совершались царскія заздравныя и помпальныя трапезы, которыя такъ часто повторялись въ Кириллове, что для нихъ существовалъ тамъ особенный чинъ, и здѣсь возсѣдалъ вмѣстѣ съ братіею самъ грозный Іоаннъ. Изъ многочисленныхъ оконъ сей лѣтписной трапезы, открывается пустынный видъ на широкое Сиверское озеро, обтекающее съ южной стороны ограду, какъ бы въ какой либо обители Венеціанской, плавающей надъ водами; слышенъ шумъ волнъ и въ яркомъ солнцѣ видно, сквозь мрачныя рѣшетки оконъ, какъ плещутся золотыя волны, подкатываясь къ громадной стѣнѣ; это зрѣлище достойно пустыннаго величія древней обители.

Въ иконостасѣ, по необходимости пониженномъ отъ потолка, сохранилось несколько древнихъ иконъ

хорошаго письма; особенно замѣчательны: образ Спасителя, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, и другою усенія Богоматери, по правую. Настоятель полагаѣтъ, что его можно отнести къ письму преподобнаго Діонисія Глушицкаго, искуснаго въ живописи ученика Кирилла, который сохранилъ намъ ликъ блаженнаго своего учителя; известно, что его икона усенія издавна существовала въ обители и вѣроятно, при передѣлкѣ иконостаса, безъ имени художника перенесена она или поставлена опять въ теплый соборъ. Достоинъ вниманія, по своему письму, и образъ преподобнаго Кирилла, одинъ изъ древнѣйшихъ хотя это не Діонисіевъ; по все вниманіе мое обращено было къ древнѣйшей иконѣ умиленія Богоматери, великолѣпно украшенной, которая поставлена на столѣ, посреди храма. Это вкладъ благочестивой Княгини Евфросиніи, въ шюкинѣхъ Евдокіи, супруги Князя Андрея Ивановича Старицкаго, lady Грознаго. Позлащенная риза осыпана жемчугомъ и камнями; вѣнецъ и цаты блестятъ обиліемъ яхонтовъ, лаловъ и изумрудовъ, а на дробницахъ вокругъ иконы, унизанныхъ жемчугомъ, вычеканены Ангелы ближайшихъ родственниковъ Княгини шюкинн, которая приходила помолиться преподобному Кириллу, изъ соседней обители Горницкой, куда временно укрывалась отъ мірекой суеты и гоненій Иоанновѣхъ, послѣ многихъ семейныхъ бѣдствій.

Послѣ гостепріимной трапезы, просилъ я радужнаго пастоятеля показать мнѣ все церкви его

обители, и онъ самъ принялъ на себя этотъ трудъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе. Одинадцать отдѣльныхъ храмовъ считается въ Кирилловѣ, кромѣ приделовъ, но теперь въ большей части изъ нихъ бываетъ служба только въ храмовые праздники, а нѣкоторые совершенно упрзднены по ветхости. Прежде всего взшли мы въ главный соборъ Усенія; прежняя его паперть частію отломана, вѣроятно чтобы сохранить отъ сырости самый соборъ, который со всѣхъ сторонъ былъ застроенъ. Подъ сводами сей древней паперти, покоилось много именитыхъ усопшихъ, которыхъ могилы теперь неизвѣстны, ибо сдвинуты и утрачены гробовыя плиты, при передѣлкѣ паперти въ концѣ минувашаго столѣтія, архимандритомъ Іакинѣомъ.

Изъ подъ широкой арки, отдѣляющей паперть отъ собора, величественно открывается вся его внутренность и древній иконостасъ, изящный по своей простотѣ, которая напоминаетъ вѣка давно минушіе. Иконы его разставлены въ нѣсколько ярусовъ на полкахъ, безъ всякой резьбы или колоннъ между ними, какъ это и въ святой Софіи Новгородской и въ лаврѣ Сергіевой; стоящая на поклонѣ (то есть въ низу), древняго изящнаго письма и по частію не были обновлены. Быть можетъ еще храмовая икона усенія принадлежить кисти знаменитаго иконописца Андрея Рублева, который, въ тишинѣ обители Андроніевской, благоговѣйно писалъ иконы, для храмовъ Москов-

скихъ, во дни Донскаго. Въ расходной книгѣ Кириллова монастыря, 1612 года, записано: «что съ иконы успенія, письма Рублева, сняты яхонты и жемчуги на икону преподобнаго, писанную ученикомъ его Діонисіемъ;» вотъ какими благоговѣйными иконописцами могла, въ свое время, похвалиться обитель! Дѣйствительно достоинъ вниманія весь изящій ярусъ иконъ: Спасителя, пресвятыя Троицы, похвалы Богоматери, неопалимой купины и самаго преподобнаго.

Но вотъ неоцѣненное сокровище, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, въ кипарисномъ позлащенномъ кивотѣ: чудотворная икона Одигитріи Смоленской. Это та самая, предъ которою молился преподобный Кириллъ, когда услышалъ дивный гласъ, зовущій его на Бело-озеро и указывающій ему мѣсто будущей славы его обители. По сему щедро изданы на нее даянія царскія и осыпана она богатѣйшими камнями, по золотой сканной ризѣ: здѣсь цѣлая лѣтопись именъ державныхъ или историческихъ. По записямъ монастырскимъ, одинъ изъ первыхъ ея украсителей былъ Владыка Пинемъ, изъ старцевъ Кирилловыхъ, возведенный грознымъ Іоанномъ на кафедру Софійскую великаго Повгорода и изъ же низложенный послѣ страшнаго разгрома его паствы; Пинемъ пожертвовалъ первую ризу на образъ, а самъ Іоаннъ и супруга его Анастасія привѣсили къ ней жемчужную пелену, послѣ Казанскаго похода. Тетка Царя, вдова Князя Старицкаго, инокиня Евдокія, возложила на икону драгоценную пату съ

огромнымъ топазомъ, въ голубиное лицо, и вставила крупные яхонты и перлы въ вѣнецъ Богоматери. Было и еще несколько другихъ княжескихъ жертвователей, Ангелы коихъ, вмѣстѣ съ царскими, изображены на жемчужныхъ дробницахъ иконы, промежду ликовъ Сергія, Кирилла и Діонисія, столь тѣсно связанныхъ узами духовной любви. Мы же, молитвенно взирая на сію драгоценную икону, вспомнимъ таинственныя слова акависта, при чтеніи коихъ былъ отъ нея гласъ къ преподобному, дабы и намъ усвоить себѣ ихъ знаменательную силу:

«Странное рождество видѣвше, устранимъ міра, умъ на небеса предложше, сего бо ради высокій Богъ на земли явился, смиренный человекъ, хотяи привлеци къ высотѣ вопіюція ему аллилуія.» Сколько глубокой богословія въ сихъ не многихъ словахъ! или какъ еще яснѣе выражено, въ службѣ того же акависта: «еже отъ вѣка таинство открываеся днесь и Сыну Божіи Сыну Девы бываеъ, да худшее воспріемъ, подаеъ ми лучшее. Солгася древле Адамъ, и Богъ возжелѣвъ быти, не бысть: человекъ бываеъ Богъ да Бога Азана съдѣлаеъ;» (то есть: обмануть быль древле Адамъ, и пожелавшій съдѣлаться Богомъ, не могъ имъ быти; но самъ Богъ дѣлаеся человекомъ, чтобы съдѣлать Богомъ Адама). Не вся ли система Христіанства изображена въ сихъ краткихъ словахъ?—тутъ и духовная болѣзнь наша и соответствующее ей врачество.

По богатству вкладовъ, можно судить о усердіи Царей нашихъ къ обители Кирилловой. Среброкованная царскія двери Успенскаго собора, съ флогранными украшениями, пожертвованы Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, какъ о томъ гласитъ надпись подъ ихъ свѣно, на которой изображены пресвятая Троица и тайная вечеря: «Божію милостию, повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца, и его благоверной Царицы и Великой Княгини Евдокіи Лукіановны, и благородныхъ чадъ его, съдѣланы сии царскія двери въ Кирилловъ монастырь Успенія пресвятыя Богородицы, лѣта 1753» (отъ Р. X. 1643). Кромь отраженія Литовской осады, во дни его царствованія, есть и другая причина, объясняющая особенное усердіе перваго изъ дома Романовыхъ, къ обители святаго Кирилла, и мы ее находимъ въ житіи преподобнаго. Тамъ сказано, что родоначальникъ ихъ, бояринъ Захарія, былъ основателемъ втораго соборнаго храма Успенія и самъ хотѣлъ постричься въ обители. Въ исторіи церковной іерархін написано, что храмъ сей сооруженъ въ 1496 году, съдѣственно около пятидесяти лѣтъ позже настоятельства игумена Трифона, при которомъ приходилъ Захарія, но это уже третій каменный, послѣ пожара деревяннаго, какъ о томъ сохранилось устное преданіе въ Кирилловѣ,

Такъ иногда одно слово, печально обрѣтенное въ

житіяхъ угодниковъ Божіихъ нашей Церкви, объясняетъ цѣлый рядъ историческихъ событій, и здѣсь становится понятна причина особеннаго усердія дома Романовыхъ къ обители Кирилловои, начиная съ Царицы Анастасіи, супруги Іоанна. Весьма естественно, что и Великій Князь Василій Темный, подвигнутый именуемъ Трифономъ, искать себя утраченный престолъ своихъ предковъ, благоговѣлъ къ памяти блаженнаго Кирилла; если онъ нарочно присылалъ Логовета Пахомія въ обитель, чтобы написать его житіе, то вѣроятно, содѣйствовалъ и боярину Захарію, въ созданіи храма; усердіе державнаго перешло къ его потомству. Въ царствованіе Михаила Феодоровича, расписанъ былъ соборный храмъ, по усердію дьяка патріаршаго Никифора Шипулина, который долго служилъ при его родителяхъ Филаретѣ Никитичѣ и постригся въ обители, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ началѣ царствованія Алексія Михайловича, пожертвовалъ другой богатый вкладчикъ и постриженникъ сей обители, пять сотъ рублей для стѣннаго писанія паперти. Это былъ бояринъ Феодоръ Ивановичъ Шереметевъ, призванный на царство юнаго Михаила, участвовавшій во всѣхъ дѣлахъ правительственныхъ сего времени и, въ глубокой старости, подъ именемъ схимника Феодосія, скончавшійся у мощей преподобнаго Кирилла, коего раку великолюбно украсилъ. Но стѣнное письмо его, поврежденное отъ времени, совершенно уничтожено было въ концѣ минувшаго столѣтія, при перестройкѣ паперти, а въ са-

мой церкви не больше пятнадцати леть как закрыто по ветхости, новою краскою.

И сей бояринъ, иннокъ Феодосій, не безъ сердечной вины имѣлъ такое усердіе къ обителю Кирилловой. Тамъ постиглись некоторые изъ его именитаго дома, волею или неволею, во дни Иоанна; туда укрылся отъ его гоненій, дядя Феодосія, знаменитый воевода Иванъ Васильевичъ, прозваніемъ Бѣльшій, который неоднократно поражалъ полчища Ордынскія, Казани и Крыма, и вынужденъ былъ подъ рясою иноческою, искать себя спасенія отъ грозы Иоанновой. «Гдѣ сокровища твои?» спрашивалъ въ темницѣ гнѣвный Царь своего вельможу. — «Руками нищихъ я переслалъ ихъ къ моему Христу Спасу,» отвѣчалъ онъ, но и въ тишинѣ обители не укрылся отъ непріязни Иоанновой: и тогда преслѣдовалъ его Царь, язвительными посланіями къ инокамъ Бѣлозерскимъ, упрекая ихъ за поствоительство бывшему вельможѣ.

Безъ сомнѣнія, оба сіи Шереметевы положены были въ паперти, какъ люди почетные, по обычаю того времени, ибо въ обители Кирилловой не существуетъ особенной церкви для погребенія ихъ рода; мы видимъ однако таковыя, близъ собора, сооруженныя надъ родовою усыпальницею Князей Воротынскихъ и Телятескихъ. Не было еще тогда въ обычаѣ, надъ гробами частныхъ лицъ строить церкви, и оттого такъ горько на это жалуются Царь Иоаннъ, въ посланіи своемъ къ игумну Бѣлозерскому, потому же чувству непріязни къ

Воротынскимъ, какое питалъ и къ Шереметевымъ: «у васъ надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ, и на страшномъ судилищѣ Спасомомъ, Воротынскій да Шереметевъ выше станутъ чудотворца Кирилла, потому что Воротынскій церковь, а Шереметевъ закономъ криче (то есть, что нарушилъ уставъ Кирилловъ). Слышала отъ васъ брата нѣкого глаголющаго, яко добръ се сотворила Книгиня Воротынская; азъ же глаголю, яко не добръ; поему первое, яко гордыни есть и величаніи образъ, еже подобно царской власти, церковь, гробницею и покровомъ почитатися, и не токмо души не пособіе, но и нагуба, души бо пособіе бываетъ отъ всякаго смиренія; второе, и сіе зазоръ не малъ, что мимо чудотворца, надъ нимъ церковь, и единъ священникъ всегда приношеніе приноситъ; а того бы расхода если бы не было, все было бы вмѣстѣ и молитва совокупная и мноу Богу пріятнее бы было.» Церковь сія, во имя равноапостольнаго Князя Владиміра, какъ бы запечатленная въ лѣтописяхъ укоромъ Иоанновымъ, доселѣ существуетъ, хотя и въ обновленномъ видѣ, съ сѣверной стороны собора. Не видно уже въ ней гробовыхъ плитъ, но сохранились на стѣнахъ надписи погребальныя; при входѣ въ углу: «лѣта 7054, Октября 27, (1555 года), преставился рабъ Божій, благоверный Князь Владиміръ Ивановичъ Воротынскій.» Это славный участникъ въ походъ Казанскомъ, вождь царской дружины, который, во

*) Ист. Церк. Герар. Томъ IV стр. 441.

время болезни Иоанновой, стоялъ ярвоко за права Государя и малолѣтнаго сына его Димитрія, противъ Князя Владиміра Андреевича и его бояръ. Онъ скончался вскорѣ послѣ несчастной поѣздки Иоанновой въ Кирилловъ, которая внезапно измѣнила характеръ Царя, когда лишился любимаго младенца. Во время успія онъ умереть, равно какъ и братья его Александръ, участвовавшій также въ походахъ царскихъ, о которомъ гласитъ другая надгробная надпись. Иоаннъ еще посылалъ по нимъ поминки и вклады въ монастырь и даже богатыя шубы на гробы ихъ, какъ значится въ запискахъ монастырскихъ.

Но вотъ и третій Воротынскій, и самый именитый Князь Михаилъ, прозванный подъ Казанью слугою Государевымъ, за свои великіе подвиги, главный воевода противъ Татаръ и первый встникъ победы; онъ сокрушилъ подъ Москвою и полчища Девлетъ-Герей Крыскаго, когда, въ отсутствіи Иоанна, дерзнулъ Ханъ подступитъ къ его столицѣ. Вместе съ Сильвестромъ и другими великими дѣятелями первыхъ славныхъ лѣтъ царствованія Иоаннова, былъ онъ сосланъ на Бело озеро (то есть въ Кирилловъ), гдѣ пользовался свободою и получалъ даже запасы изъ казны царской. Чрезъ три года былъ онъ прощенъ, по ходатайству Митрополита и бояръ, которые поручились, въ случаѣ его бѣгства, заплатить за него пятнадцать тысячъ рублей. Но спустя десять лѣтъ, и менѣе нежели чрезъ годъ послѣ своей победы

надъ Крымцами, мужъ доблести и славы, оклеветанный въ воровствѣ работъ своимъ, преданъ былъ на смертную муку. «Дѣдъ и отецъ мой, отвѣчалъ доблестный воинъ, посреди пытокъ, на допросы Иоанновой, научили меня ревностно служить Богу и Царю, а не бѣсу; не върь злобѣ бѣлаго раба.» Но Иоаннъ хотѣлъ вверитъ; шестидесятилѣтняго витязя привязали къ дереву, между двухъ огней, и говорятъ, что самъ грозный подгрѣбалъ горящіе уголья къ тѣлу страдальца. Едва дышащаго повезли въ заточеніе на Бело озеро, но онъ скончался дорогою въ Каширь, и уже мертвого привезла супруга его въ обитель, чтобы положить въ родовую усыпальницу.

Прочіе Воротынскіе, здѣсь почивающіе, ничѣмъ не прославились, равно какъ и Князья Телятевскіе, надъ склепомъ коихъ поставлена смежная съ Владимірскою церковь святаго Епифанія Кипрскаго. Это было молитвенное, то есть иноческое имя Князя Феодора Телятевскаго, пострившагося въ обители Кирилловой, который въ ней скончался въ 1654 году и оставилъ по себѣ вклады, для сооруженія сей церкви; она также поповлена какъ и церковь Воротынскихъ, хотя есть въ обихѣ несколько древнихъ иконъ. Тутъ погребены некоторые изъ именитыхъ настоятелей обители, уже въ новѣйшія времена. И такъ три сѣмъ церкви, построенныя къ собору, одна съ южной стороны, съ гробницею преподобнаго, и двѣ съ сѣверной, составляютъ главную массу церковныхъ зданій обители

Кирилловой. Мы обошли по порядку и прочие отдаленные храмы съ ихъ приделами, начиная съ ближайшихъ къ собору.

Между холоднымъ соборомъ Успения и теплымъ Введенія Богоматери, который въ связи съ четырехъ-ярусною колокольнею, стоитъ небольшою квадратный храмъ, во имя Архистратига Гавриила, съ приделомъ Царей Константина и Елены внутри алтаря. Это залогъ благочестія Великаго Князя Василія Иоанновича, который вмѣстѣ съ своею супругою Еленою, изъ рода Глинскихъ, ходилъ на дальнее богомоліе въ Кирилловъ, чтобы испросить себѣ сына, наследника Русскому царству, и родился ему Иоаннъ. Съ тѣхъ поръ, Великій Князь имѣлъ особенное усердіе къ обители преподобнаго, даже умирая пожелалъ онъ постричься на ея имя, и уже не державный Василій, но смиренный инокъ Варлаамъ, предалъ духъ свой въ руки Божіи. Грозный сынъ его Иоаннъ, испрошенный молитвами преподобныхъ, скончался также постриженникомъ Кирилловой обители, которая такимъ образомъ, кромѣ другихъ именитыхъ иноковъ, рода княжескаго или боярскаго, можетъ вписать въ свои списки и сихъ двухъ державныхъ, Варлаама и Юну. За годъ до своей кончины соорудилъ Великій Князь храмъ Архистратигу, на память дня своего рожденія, съ приделомъ Ангела своей супруги, и съ того времени бывали заздравныя или поминальныя трапезы въ снѣ два дня. Теперь церковь находится въ жалкомъ состояніи отъ ветхо-

сти; старый иконостасъ весьма простой формы; иконы не изящнаго письма, свидѣтельствуютъ только о древности храма.

Недалеко отъ сей церкви, надъ вратами южной ограды, обращенными къ Сиверскому озеру, существуетъ еще въ такомъ же убожествѣ церковь, во имя Преображенія, которая строена была раніе 1612 года, во время возобновленія ограды монастырской. Внутреннее ея устройство сходно съ церковію Архистратига, но въ ней два придела, во имя Святителя Николая и Великомученицы Прины, въ тѣсномъ алтарѣ. Мученица сія была Ангеломъ супруги Царя Феодора Иоанновича, сестры Годунова, и должно отнести строеніе надвортнаго храма къ царствованію одного изъ сихъ Государей. Такъ и на противоположной, сѣверной оградѣ, поставлена надъ святыми вратами Царемъ Иоанномъ, церковь двухъ-придельная, Лествичника и Стратилата, во имя Ангеловъ двухъ его сыновей Иоанна и Феодора. Замѣчательно одно слово записи монастырской, о вкладахъ обоихъ Царевичей, которое обрисовываетъ ихъ характеръ и самое обстоятельство времени.

Тамъ сказано подъ 1750 годомъ: «Царевичъ Князь Иванъ Пвановичъ пожаловалъ въ домъ пречистой Богоматери и чудотворца Кирилла, тысячу рублей игумену Кириллу съ братією, и должны они за Князь Иваново здравія молити, а на рожденіе его Марта въ 29 день, за его здравіе кормъ кормити малый ежегодно, а служити священнику и діако-

ну; а Марта въ 30 день, на памяти преподобнаго отца нашего Иоанна писателя лъствицы, кормъ кормити большой, и служить игумену самому со всемъ соборомъ... А благоволихъ Богъ, Царевичъ Князь Иванъ Ивановичъ, вно похочеть постричься, и намъ Царевича Князя Ивана, постричи за тотъ вкладъ; а если по грѣхамъ, Царевича Ивана не станеть, то и поминати.» Тутъ же написано, подъ тѣмъ же годомъ: «Царевичъ Князь Теодоръ Иоанновичъ пожаловалъ образъ преподобнаго, да вкладу пять сотъ рублей, за Царевичево здравіе.» Тутъ однако ни слова не сказано о его постриженіи или кончинѣ, какъ въ записи старшаго брата: — что же это значить и что такое 1570 годъ? Это эпоха самыхъ ужасныхъ казней Иоанновыхъ, между вторымъ и третьимъ его бракомъ, година заупустынія Новгорода и Пскова, на которыя, конечно, не могъ равнодушно смотреть будущій преемникъ его престола, уже достигшій юношескаго возраста, и потому думалъ укрыться въ стѣнахъ обители Бѣлозерской; душа его была прискорбна даже до смерти, и быть можетъ предчувствовала кратковременность своей жизни. Этого не обрѣтается нигдѣ въ летописяхъ, и вотъ одна полунетленная страница, въ записяхъ монастырскихъ, открываетъ тайную мысль Царевича, которому не суждено было царствовать.

Келліи Патриарха Никона.

Еще одна одинокая церковь стоитъ въ юго-восточномъ углу Кириллова монастыря и привлекаетъ взоры шатровымъ своимъ куполомъ, который придаетъ ей видъ древности, хотя она моложе всѣхъ другихъ храмовъ, потому что сооружена только въ половинѣ XVI вѣка, но не смотря на то уже упразднена. Это бывшая больничная, во имя святаго Евонія великаго, пустынно-жителя Палеостинскаго, сооруженная невѣдомо кѣмъ въ 1653 году, то есть въ первый годъ святительства Патриарха Никона. — Думалъ ли святѣйшій, во всей славѣ своего высокаго сана, когда быть можетъ достигла до него вѣсть, что въ дальнемъ Кирилловѣ строится небольшая церковь при келліяхъ больничныхъ, могъ-ли онъ подумать, что для него самаго она строится и что въ ней суждено ему слышать последнюю божественную службу? — Но такъ это

исполнилось, ибо въ судьбѣ Кириллова монастыря было, отъ времени до времени, служить местомъ заточенія великихъ мужей Церкви и царства!—Воротынскіе и Шереметевы и знаменитый советникъ Юанна Сильвестръ, Князь Шуйскій при Годуновѣ, и Черкасскій съ семейю Романовыхъ, и бывший Царь Газимовскій Симеонъ, неволю постиженный, и еще прежде, въ смутные дни дѣтства Юаннова, бывший Митрополитъ всея Руси Юасафъ, нынѣ почившій въ лавръ Троицкой. Сюда же были сосланы и великій Никонъ, который провелъ здѣсь, послѣ десяти-лѣтняго заточенія въ Ферапонтовѣ, еще пять лѣтъ послѣ своего затвора. Здѣсь томился вскорѣ послѣ него и отецъ Царицы Наталы Кирилловны, дѣдъ великаго Петра, неволю постиженный подъ именемъ Кипріяна, въ смутную эпоху стрѣльчихъ мятежей. Последнимъ именитымъ узникомъ былъ здѣсь Архіепископъ Кіевскій Варлаамъ Ванатовичъ, жертва Бирона, возвращенный Императрицею Елисаветою на свою каведру.

При запустѣвшей церкви есть съ боку палатка, которая теперь служитъ кладовою, а во время заточенія Никона, вѣроятно была его молитвенною храниною, гдѣ онъ могъ слушать божественную службу, отдѣльно отъ другихъ. Другой церкви ближе къ его келліи не было и вѣтъ сомнѣнія, что онъ ее посещалъ для молитвы, хотя самъ не служилъ, потому что въ житіи, написанномъ его ученикомъ Иваномъ Пшущеринымъ, сказано: «что Святитель терпѣлъ въ Кирилловѣ монастырѣ великія

пужды и озлобленія, не менѣе прежняго, что претерпѣлъ въ Ферапонтовѣ: изъ келліи же пребысть неисходно, кромѣ церковныя службы;» съдѣственно онъ выходилъ, въ часы богослуженія, въ сію ближайшую церковь святаго Евонмія, которая быть можетъ, въ то время, была отгорожена особенною стѣной отъ двора монастырскаго. Хотя некоторые предполагають, будто-бы Никонъ заключенъ былъ въ одной изъ сосѣднихъ башенъ, нельзя однако, при точномъ изслѣдованіи, усумниться, что келліи, которыя занималъ Патріархъ, были тѣ самыя, гдѣ теперь помѣщается училище духовное, съ южной стороны церкви, потому что подлѣ нихъ и доселѣ уцѣлѣлъ корпусъ, называющійся больничнымъ; мѣстность ихъ съ точностію опредѣлена въ донесеніи архимандрита Никиты Патріарху Юакиму, по тому случаю, когда велѣно было устроить особую кухню для бывшаго Патріарха, чтобы избавить его отъ головной боли, происходившей отъ постояннаго угара. Вотъ до какого убожества дошелъ Никонъ, столь великозвѣстный во всѣхъ своихъ дѣланіяхъ.

Въ донесеніи этомъ написано: «по твоему, Государь, святительскому указу, у монаха Никона, пещь образчатую цѣвниную, въ келліи построили и стѣны подновили и подволоку вновь и окна красили, по его Никоновой потребѣ, и изъ келліи другія двери въ захъ, и отъ тѣхъ дверей переходы въ вышку сдѣлали, какъ имъ угодно; а особыя, Государь, каменные поварни близъ его келліи, ни

конни дьлы постронть не возможно, для того что въ одну сторону, отъ келліи его Никоновы до каменной больницы, четыре сажени, и по тому мѣсту во весь монастырь позади келліи дрова возять, и какъ, Государь, на то мѣсто поварня поставитъ, и у больницы свѣтъ заставить и съ дровами проѣзду за келли не будетъ; а отъ лѣтнихъ, Государь, его Никоновыхъ житей до городовыя ствыи двѣ сажени, и на то мѣсто дрова ставять и ставитъ негдѣ, а естъ, Государь, подлѣ его Никоновыхъ келліи, въ томъ же ряду келліи братская, и буде, Государь, изволишь, мочно въ той келліи ему монаху Николу поварино учинитъ и надъ печью и надъ очагомъ, гдѣ вѣтъ варить, сдѣлать кожухъ большой и трубы вывести выше деревяннаго стренія, а въ келліи помясть наслатъ кирпичной, а изъ его Никоновыхъ заднихъ съней, въ тою келлію для ходу, только одно прясло забору разобрать, и о томъ что ты, Государь, укажешь?»

Все это и до сихъ поръ сходно съ мѣстностію, и вѣрно вымѣрено разстояние отъ городской ствыи и отъ больницы, только можетъ быть часть келліи, особенно лѣтнихъ, были деревянныя. Я взошелъ въ жилище бывшаго Патріарха, гдѣ такъ долго томился сей знаменитый Іерархъ, и посреди запустѣнія его послѣдняго убогаго пріюта, старался обнять мыслію все широкое поле его духовныхъ и гражданскихъ подвиговъ, которыми исполнилъ онъ скрижали церкви и царства, и весь сѣверъ Руси, отъ пустыннаго острова Соловецкаго на океанъ

нѣ до престольнаго града. До сихъ поръ случилось мнѣ только видѣть мѣста, напоминавшія о его славіи, двѣ созданныхъ имъ обители, Иверскую и Новаго Іерусалима, и крестовую палату въ Москвѣ, съ его великолѣпною ризницею: — и вотъ, страннической вѣсохъ привелъ меня наконецъ къ мѣсту крайняго его заточенія и, можно сказать, преставленія, ибо уже полумертвымъ вывезли отсюда изможденнаго затворомъ старца. Еще въ десять лѣтъ заключенія въ Оеранонтовѣ, онъ пользовался нѣкоторою свободою, особенно во второе пятилѣтіе, получалъ частыя поминки отъ Царя и даже былъ иногда тяжель сосѣднему Кириллову, взыскательными требованіями; но за то и въ свою очередь, тяжель былъ для него Кирилловъ, въ послѣдующія пять лѣтъ строгаго затвора, въ криккихъ его стѣнахъ; — тутъ окончательно очистился бывшій Патріархъ, въ горнилахъ испытаній, на пути къ вѣчности.

Въ библіотекъ монастырской сохранилось много старыхъ свитковъ, относящихся до времени пребыванія Никона, въ Оеранонтовѣ и Кирилловѣ, следственныхъ дѣлъ и кормовыхъ статей, и самая опись домовою его казны, у него отобранной при перемѣщеніи въ Кирилловъ, которая болѣе приличествовала Патріарху нежели узнику; но для насъ болѣе занимательна повѣсть послѣднихъ дней жизни великаго мужа, сохранныя ученикомъ его; тутъ видна послѣдняя борьба сильнаго характера, съ одолювающимъ его вѣдствіемъ, и уже конечно

изнеможение плоти и духа въ человекѣ, никогда высокою по своему гению. Еще въ Оерапонтовѣ, когда услышалъ Никонъ о кончинѣ Царя Алексія Михайловича, воздохнулъ онъ изъ глубины сердца, прослезился и сказалъ: «воля Господня да будетъ! аще здѣсь съ нами прощенья не получить, но въ страшное пршество Спасово, судится будетъ со мною.» Когда же присланный съ сего вѣстою изъ Москвы требовалъ, чтобы внемлено подалъ прощенье усопшему, онъ только отвѣчалъ: «Богъ его проститъ, а на пшсьмъ не учиню, ибо нась при жизни своей изъ заточенья сего не освободилъ.» Тутъ видно еще человеческое, хотя быть можетъ сказано ему въ оправданіе, что узникъ боялся, дабы разрыненіе его не показалось вынужденнымъ; онъ принялъ, однако, присланныя поминки и по чину церковному совершалъ поминovanje.

Нѣсколько времени спустя, когда поднялось опять гоненіе противъ Никона отъ Патриарха Іоакима, за то, что въ обители Оерапонтовой величалея святѣйшимъ Патриархомъ, еще однажды вѣспыхнула пылкая душа его, не совершенно отсыкая отъ себя, въ тиши келейной, воспоминанія минувшаго величія. Не могъ онъ забыть, что этотъ самый Іоакимъ, который такъ властно распоряжался его судьбою, будучи уже третьимъ Патриархомъ послѣ его изложенья, самъ никогда былъ его постриженникомъ и ставленникомъ, и только по его милости достигъ архіерейскаго сана. Никонъ уже смирился съ своимъ заключеніемъ, но не могъ перенести

новыхъ обидъ, тѣмъ паче что не сознавалъ вины своего изложенья. Присланъ былъ запросъ въ Оерапонтовъ монастырь отъ настоящаго Святѣйшаго Патриархомъ? Никонъ, въ порывѣ негодованія, назвалъ предъ всемъ народомъ, гонителя своего Іоакима, чернинедужнымъ, и не выдалъ игумена со старшему братію, которыхъ требовали на судъ въ Кирилловъ монастырь, говоря, что со времени его заключенья въ Оерапонтовъ, вельно выдать монастырь въ приказъ Государевыхъ тайныхъ дѣлъ. Вѣроятно было некоторое основаніе въ этихъ словахъ потому что приставъ царскій и стрельцы держались его стороны, и власти монастырскія остались въ Оерапонтовѣ; но это послужило къ умноженію екорбей бывшаго Патриарха и перемещенію его въ Кирилловъ.

Тутъ предстолятъ ему послѣдній періодъ испытанія, изъ котораго вышелъ онъ какъ злато, искушенное въ горниль, дабы слѣзаться избраннымъ сосудомъ въ домъ Божіемъ. Никону, который въ дѣтствѣ едва не сгорѣлъ въ печи, отъ злобы мачихи, закладшей его дровами, суждено было, въ первые годы своего заключенья въ Кирилловъ, страдать ежедневно отъ угара, въ дымныхъ кельяхъ, гдѣ его затворили подъ крѣпкою стражею, такъ что едва не скончался отъ невыносимаго томленія. Всѣхъ его присныхъ, при немъ бывшихъ въ Оерапонтовѣ, разослали по дальнимъ мѣстамъ, и какъ бы въ язвительный ему укоръ, въ тотъ Крестный

монастырь, который самъ онъ основалъ на Беломъ морѣ. Богатую келейную его казну, накопившуюся отъ милостей царскихъ въ Оеранитовъ, всю опечатали, лишивъ его даже необходимыхъ вещей. Самъ исполнитель патриаршихъ повелѣній, архимандритъ Чуловскій Павелъ, по состраданію къ узнику, извѣщалъ Іоакима о духотѣ келлій Никонныхъ, дабы не скончался преждевременною смертію; но слова его были положены въ забвеніе. Оставались у бывшаго Святителя всея Руси, одна понагія и двѣ печати патриаршія, которыя не отобрали у него при осужденіи: — и тѣ послалъ взять у него Патріархъ Іоакимъ, когда наконецъ приказалъ передѣлать душевныя его келліи, и на сей разъ уже мирно отдалъ ихъ Никонъ, сказавъ нѣсколько словъ поучительныхъ изъ святаго писанія, присланному за ними. Онъ болѣе помышлялъ о вѣчности и желалъ только последней отрады: успокоиться подъ снѣго созданной имъ обители Новаго Іерусалима. Все житейское въ немъ уже перекипѣло, и послѣдняя даже искра мірская угасла въ Кирилловъ, во время пятилѣтняго тяжкаго заточенія. Это былъ опять Никонъ, подвизникъ Анзерскаго скита, прилагавшій по обычаю труды къ трудамъ, но уже безъ сочувствія къ вышнему, и если чего еще не могъ забыть, то это лишь подобія земнаго Іерусалима, имъ начатаго и недовершеннаго, которое напоминало ему о горнемъ и гдѣ давно уже избралъ себя мѣсто гробоваго покоя подъ Голговою; Господь внялъ его молитвы.

Достоинно вниманія, что оттуда именно, куда стремилась скорбная душа его, какъ олень, жаждущій на источники воды, отъ сего новаго Іерусалима, пришло ему избавленіе отъ временныхъ золъ и услажденіе послѣднихъ минутъ жизни, любовію его присныхъ, какъ-бы въ награду за постоянное стремленіе къ сему повторенному имъ образцу святыхъ мѣстъ Іерусалимскихъ. Много невѣроятныхъ клеветъ, разсылаемо было противъ Никона, о мнимыхъ будто-бы его сношеніяхъ съ шайками Стеньки Разина, проникшихъ въ Соловецкій монастырь, потому что его хотѣли выставить опаснымъ человекомъ, даже и въ крѣпкомъ заключеніи, предъ глазами Царя. Не могъ однако имъ поверить кроткій Феодоръ, и позабыть, что Никонъ былъ его крестнымъ отцемъ, и что мудрыми своими распоряженіями, спасъ ивкогда все семейство царское отъ мороваго повятія. Благочестивая тетка, Царевна Татіана Михайловна, часто напоминала юному Государю о Никонѣ, и убедила наконецъ посетить запустѣвшую обитель Новаго Іерусалима, которая, въ теченіи многихъ лѣтъ послѣ его удаленія, оставалась недостроенною. Увидя чудную церковь Воскресенія Христова, которая уже была доведена до сводовъ и предана забвенію, не смотря на все знаменательное, что она въ себѣ заключала, воздохнулъ изъ глубины сердца благочестивый Государь, и возгорѣлся ревностію прежнихъ Самодержцевъ Греческихъ, Константина и Іустиніана; немедленно приступилъ онъ къ совершенію благо-

льняного храма и самой обители, и съ техъ поръ часто началъ ее посещать; обитель же невольно напоминала ему бывшаго Патріарха.

Однажды, по случаю кончины архимандрита Воскресенскаго, Варсоноія, добродушный Царь предоставилъ братіи избрать кого-либо изъ среды своей въ настоятели и, какъ-бы по внушенію свыше, сказалъ имъ печальное слово: «хотите-ли, чтобы взять былъ сюда Никонъ Патріархъ, начавшій сію церковь, дабы онъ ее и окончилъ? Если это вамъ по сердцу, подайте мнѣ о томъ челобитную за своими руками, а Богъ милостивъ, поможетъ это дѣло исправить.» Возрадовалась братія царскому милостивому слову, и все единодушно написали просительную грамоту на имя Самодержца: «что имъ, прешедшимъ море Черное страстей и печалей, и уже вселившимся въ землю обитованія, — новый ихъ Іерусалимъ, единого недостаетъ для подобія съ древнимъ Израилемъ: дабы и кости Иосифовы, по его завѣщанію, перенесены были къ нимъ изъ Египта, или, какъ некогда жители царствующаго града умоляли кроткаго Царя Феодосія возвратитъ имъ, хотя и мертваго, отца ихъ Свяителя Златоустаго изъ заточенія Команскаго, такъ и они, досель не дерзавшіе молить тишайшаго Государя о своемъ отцѣ, который, подобно Іосифу, избавилъ ихъ отъ глада неслышанія словесъ Божіихъ, и насытилъ ихъ безсмертными трапезы неизживаемаго агнца, нынѣ молятъ: дабы возвращенъ былъ кормчій кораблю и пастырь стаду, и глава приста-

влена опять къ телу, и была-бы изведена изъ темницы душа его, по слову псаломскому, изъ заточенія Кириллова въ обитель животворящаго Воскресенія.»—Много поэзи сердечной выразилось въ этой задушевной грамотѣ!

Все братія подписалась подъ челобитною, вместе съ своимъ строителемъ Германомъ и казначеемъ Сергіемъ, и милостиво принялъ ее кроткій Царь; но встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ Патріархѣ Іоакимѣ, который опасался видѣть на свободѣ бывшаго Патріарха, не разсуждая о томъ, что одинъ только его призракъ уже возвращался въ обитель Новаго Іерусалима. Іоакимъ отговаривался тѣмъ, что осужденіе Никона совершенно было съ вѣдома Вселенскихъ Патріарховъ и потому ничего нельзя предпринять безъ ихъ воли. Стараясь преодолѣть несогласіе Свяителя, Феодоръ созвалъ соборъ Архіереевъ, въ крестовой палатѣ, и предложилъ имъ вопросъ объ освобожденіи Никона; но и тутъ сильно возсталъ Патріархъ противъ сего предложенія, хотя многіе изъ Архіереевъ желали возвратитъ изможденнаго старца въ его обитель; не смотря на все убѣжденія, соборныя и частныя, Іоакимъ остался непреклоненъ: такъ трудно было сдѣлать что-либо въ пользу Никона.

Между тѣмъ Феодоръ, памятуя смуты, бывшія во время между-патріаршества, не рѣшался самъ собою поставить двухъ Іерарховъ одного противъ другаго, дабы не нарушитъ мира церковнаго, и вынужденъ былъ до времени отложить свое намѣ-

реніе; однако онъ утѣшилъ узника царскимъ своимъ писаніемъ, исполненнымъ синовней любви, и въ то же время возвратилъ изъ дальняго заточенія всѣхъ его приближенныхъ. Съ однимъ изъ нихъ, іеродіакономъ Мардаріемъ, отправилъ онъ письмо свое въ Кирилловъ, и это была первая утѣшительная вѣсть Никону, послѣ пятилѣтняго строгаго заключенія. Узникъ увидѣлъ, что еще не совершенно забыть онъ людьми и что кроткій Царь, по примѣру отца своего, желаетъ его освободить, дабы довершилъ великое свое зданіе новаго Іерусалима и самъ державный насладился бы его премудрою бесѣдою, какъ поборника православія. Прослезился Никонъ, при видѣ приснаго своего и при чтеніи грамоты, которая внезапно вызывала его изъ глубины забвенія; онъ почувствовалъ малую нѣкую отраду въ своей болѣзни душевной и телесной.

Еще болѣе утѣшило его то, что благочестивый Государь обѣщала ревностно заботиться о довершеніи начатаго имъ храма. Слабость здоровья препятствовала Феодору дѣлательно заняться освобожденіемъ Никона, но мысль объ немъ не оставила его. Такимъ образомъ протекло опять не малое время, въ теченіи коего болѣзнь Никона усилилась до такой степени, что уже архимандритъ Кириллова монастыря, Никита, вынужденъ былъ извѣстить Патріарха Іоакима о конечномъ изнеможеніи своего узника. Никонъ требовалъ елеосвященія и схимы, не желая измѣнить своего имени: поему архимандритъ испрашивалъ на то разрѣшенія и ка-

кимъ образомъ учинить погребеніе, на случай его смерти? Іоакимъ отвѣчалъ, чтобы посхимили Никона, а въ случаѣ смертномъ, совершили бы надъ нимъ погребеніе просто, по чину монашескому, и погребли бы въ паперти. Все сіе происходило безъ ведома Царя; какъ только узналъ о томъ Феодоръ, онъ велѣлъ остановить грамоту патріаршую, но уже было поздно.

Между тѣмъ Никонъ, чувствуя крайнее изнеможеніе, начерталъ своею рукою последнее писаніе дѣтямъ своимъ и ученикамъ, въ обитель Воскресенія, новому архимандриту Герману, іеромонаху Варлааму, монахамъ Сергію, Иполиту и всей братіи, благословляя ихъ однако какъ Патріархъ. «Вѣдомо вамъ буди, писалъ онъ, что я болѣзнь болѣзнію тяжкою и не могу уже болѣе встать съ одра, но лежу какъ Іовъ, на гнонщи своего смрада. Была когда то милость Великаго Государя и писалъ онъ ко мнѣ, что хочеть взять меня отсюда изъ заточенія, по вашему челобитію, и жаловалъ своею рукою, а нынѣ дѣло это не совершилось и милостиваго его указа нѣтъ, и умереть мнѣ здѣсь придется печально. Пожалуйста, чада мои, не помяните моей грубости, побейте обо мнѣ еще челомъ Великому Государю, не дайте мнѣ погибнуть напрасною смертію, ибо уже приходитъ конецъ житія моего. А какъ я, подробно о томъ разскажетъ вамъ Іоаннъ, свидѣтель моей скорби.» Когда достигло плачевное сіе писаніе въ обитель Воскресенія, архимандритъ съ братією слезно вручили оно

Государю, умоляя возвратить имъ отца ихъ, доколь еще живъ и Царь умилился душою, прочитавъ о крайнемъ томленіи бывшаго Патріарха. Опять началъ онъ говорить о томъ Патріарху и собору Архіереевъ, и на сей разъ не противился уже Іоакимъ. Съ его благословенія немедленно послалъ Феодоръ дьяка своего въ Кирилловъ и повелѣлъ ему взять оттуда Никона, живаго или мертваго, и возвратитъ его въ монастырь его строенія новый Іерусалимъ.

За нѣсколько дней до пришествія дьяка царскаго, Никонъ уже предчувствовалъ его приходъ, и хотя былъ крайне болящій, однако какъ будто началъ готовиться въ путь. Бывшіе около него полагали, что онъ такъ дѣлаетъ въ безпамятствѣ отъ болящии, но старецъ это повторялъ дважды и трижды, а въ самый день пришествія дьяка облекся въ свою одежду и сѣлъ въ кресло на крыльцѣ, говоря: «я уже готовъ, а вы отъ чего не убираетесь? вотъ вскорѣ за нами придутъ,» и внезапно пришелъ посланный, возвѣщая Никону царскую милость, что благоволилъ Государь возвратитъ ему въ Воскресенскій монастырь. При этомъ словъ приподнялся болящій съ своего кресла, чтобы воздать подобающую честь царскому лицу, при чтеніи его указа, которому едва вѣрили слышавшіе. Начали готовить струги для плаванія, потому что путь лежалъ по рѣкѣ Шекенѣ; съ большимъ трудомъ довели плыть верстѣ до рѣки, въ саняхъ хотя и льдомъ, изнемогающаго, который не вынеситъ ника-

кого движенія и тамъ, посадивши на стругъ, поплыли по теченію.

Духовный отецъ бывшаго Святителя, архимандритъ Кириллова монастыря, Никита, ему сопутствовалъ, а на встрѣчу выслалъ ему настоятель Воскресенской обители іеромонаха Барлаама, который долго жилъ съ нимъ въ Оеранитовѣ, и другихъ изъ числа братіи; это было первое радостное свиданіе, послѣ столь долгой разлуки. Никонъ опять былъ окруженъ своими, но уже не для того чтобы жить посреди ихъ, а чтобы только умереть въ кругу своихъ и не чуждая бы рука закрыла ему очи. За двадцать верстѣ отъ впаденія Шекены, встрѣтили его ученики и хотѣли везти его вверхъ по Волгѣ, но онъ велѣлъ спуститься внизъ до Ярославля, предчувствуя, что уже не достигнетъ живымъ давно желанной цѣли, и тамъ онъ скончался, на рѣкѣ, посреди стеченія и плача народнаго о великомъ пастырѣ. — Описавъ уже дважды его кончину, не повторяю здѣсь подробностей. Столько глубокихъ впечатлѣній и умилительныхъ воспоминаній о Никонѣ возбудили въ сердцѣ моемъ опустѣвшія его кельи въ Кирилловѣ!

Ивановский монастырь.

Между корпусом больничных келій, къ которому примыкали Никоновы и келіями наместника, вышли мы изъ внутренней ограды къ отдаленному монастырю, такъ называемому Ивановскому. После всѣхъ каменныхъ зданій, которыми застроенъ большой монастырь, прослышій отъ нихъ городомъ, смиренная обитель Ивановская, произвела на меня пріятное впечатлѣніе сельской усадьбы. Высокій холмъ преподобнаго Кирилла, осыпанный выковыми деревьями, съ двумя на немъ церквами и часовнями, возвышается надъ широкимъ полемъ, по которому протекаетъ малая рѣчка Свирага, или вѣрнѣе сказать ручей. Она выходитъ изъ Долгаго озера, съ западной стороны монастыря и, нѣсколько разъ подтекая подъ его ограду, огибаетъ холмъ Кирилловъ, и опять теряется подъ восточною оградою въ Сиверсово озеро. Вокругъ сего священнаго холма, тянется вдали боевая ограда

Кириллова, съ своими громадными башнями, придавая особенное величіе пустынному приюту, какъ бы печально взшедшему въ объемъ выковыхъ твердынь. Съ вершины холма открываются живописные виды на озеро, сквозь зубцы стѣнъ и забрала башенъ, и душа какъ бы просится изъ сего каменнаго вѣнца, на привольный просторъ широкихъ водъ озера, горящихъ весеннимъ солнцемъ; ихъ шумное плесканіе, какъ и шумъ мірской суеты, умираютъ у подножія сихъ твердынь.

Келлія преподобнаго Кирилла была имъ самимъ ископана, вмѣстѣ съ собесѣдникомъ его Оерапонтомъ, въ этомъ холмѣ, и не весьма давно обрушились совершенно ея своды: вѣроятно въ 1764 году, когда соорудили надъ нею каменный тяжелый навѣсъ, осыпавшій теперь рѣшетчатую часовню на холмѣ. Нѣкоторые принимаютъ ее за самую келлію преподобнаго, но первоначальное жилище отшельника было въ землѣ, чему способствовало положеніе круглаго одинокаго холма надъ озеромъ, въ густой чащѣ лѣса, о которой еще свидѣлствуютъ старыя березы по его скату. Другая часовня, также подъ каменнымъ навѣсомъ, есть собственно дѣло рукъ преподобнаго и срублена имъ самимъ изъ сосноваго лѣса для молитвенной храминны, гдѣ вѣроятно, до основанія церкви, собиралась братія, не смотря на тѣсноту, ибо въ ней не болѣе одной квадратной сажени; по это-го было довольно для немногихъ молитвенниковъ, въ теченіи первыхъ годовъ пустынножителства.

Тамъ воздвигъ онъ два креста, высокою въ сажень, изъ того дерева, отъ паденія коего былъ спасенъ чуднымъ гласомъ. Одинъ изъ крестовъ четверокопечный, а другой осмиконечный и оба искусаны богомольцами, получающими отъ нихъ, по вѣрѣ своей, облегченіе отъ недуговъ. Такъ какъ они оба руки преподобнаго, то не обличаютъ ли, какъ вѣковые свидѣтели, суетное ожесточеніе мнимыхъ ревнителей старины, которые, отвергая одинъ образъ креста, пріемлютъ только другой? Самъ преподобный Кирилль, которому они вѣрують, противъ нихъ свидѣтельствуетъ дѣломъ рукъ своихъ.

На стѣнѣ, между крестовъ, виситъ древняя полустертая икона, какъ бы указывающая, что это собственно было избранное мѣсто обители, потому что тутъ изображено явленіе Матери Божіей молящемуся Кириллу, когда звала его изъ Симонова, въ предѣлы Белоозерскіе; тутъ же написанъ собесѣдникъ его Оерапонтъ, принесшій ему первую вѣсть о невѣдомомъ краѣ. И такъ вотъ летописная икона, дѣлѣями какъ бы писемнами, живописующая основаніе обители, но въ темнотѣ часовни едва она замѣтна; какъ драгоценны такіе памятники мнувшаго! — Часовня и крестъ преподобнаго въ маломъ монастырѣ, столь же священные какъ его гробница и чудотворная икона Богоматери, имъ принесенная, въ большемъ, ибо отъ нихъ возникло все величіе Кирилловой обители. Долгое время не было никакой церкви на уединенномъ холмѣ, кроме сей молитвенной часовни, потому что первый

деревянный соборъ Успенія и за нею трапезная перковъ Введенія, сооружены были на ровномъ мѣстѣ, тамъ гдѣ онъ теперь стоятъ каменные. Преподобный дорожилъ уединеніемъ и удалялся безмолвствовать въ свою земляную хижину, даже и тогда когда собралась вокругъ него многочисленная братія. Здѣсь вѣроятно постигла его кончина и, по неизмѣнной церкви на холмѣ, братія погребла его близъ Успенскаго собора.

Кто же первый соорудилъ храмъ на высотѣ холма? — Въ ветхомъ синодикѣ монастырскомъ, записано: «лѣта 7040 (1532), Декабра 13-го, священны были въ Кирилловѣ четыре престола, два въ монастырѣ и два на горѣ, въ одинъ день: въ монастырѣ соборъ Архангела Гавріила, да царей Константина и Елены, а на горѣ усѣкновенія Предтечи, да чудотворца Кирилла, а освящать владыка Вологодскій Алексій.» — И такъ вотъ начало Ивановской обители; многое объясняется этою запискою. Великій Князь Василій Ивановичъ, приходившій съ супругою на богомолье въ Кирилловъ, чтобы испросить себѣ наследника престола, получивъ желаемое соорудилъ въ одно время два храма, въ одной обители: во имя Архангела, на память дня своего рожденія, съ придѣломъ во имя Ангела своей супруги, тамъ гдѣ былъ главный соборъ; а ближе къ преподобному, на самомъ его холмѣ, гдѣ еще до тѣхъ поръ никто не смѣлъ селиться, поставилъ церковь во имя Ангела новорожденнаго Іоанна, съ придѣломъ во имя преподобнаго, какъ-бы по-

свящая ему собственно испрошеннаго имъ младенца, и все это освященіе должно было совершиться въ одинъ день, во свидѣтельство, что все четыре престола сооружены по причинѣ одного событія. Такъ какъ младенецъ былъ крещенъ у раки преподобнаго Сергія, то вотъ и другая церковь сооружена на томъ же холмѣ, во имя сего великаго угодника Божія, покровителя державныхъ Князей Русскихъ, и въ ней придѣлъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, ученика святаго Кирилла, который сохранилъ намъ, некусею кистию, священный ликъ своего блаженнаго аввы. — Имена сихъ храмовъ, не объясняютъ ли ихъ строенія? Хотя утрачено въ записяхъ время основанія Сергіева, но если, быть можетъ, не Великій Князь Василій соорудилъ его, то уже безъ сомнѣнія, довершилъ это сынъ его Иоаннъ, который имѣлъ намѣреніе переселиться въ Кирилловъ. По сему и обитель могла получить отдѣльное образованіе и прослыла Ивановскою, въ ожиданіи царственнаго шюка, который водворился однако въ слободѣ Александровской, съ дружиною опричниковъ. Быть можетъ и трапеза пристроена была на этотъ случай къ храму Сергіеву, и не далеко отъ него поставлены каменные келліи, называемыя теперь больничными, въ которыхъ вѣроятно останавливался самъ Иоаннъ.

Въ кормовой книгѣ монастыря, подъ годомъ 1572 записано: «что Царь Государь и Великій Князь всея Руси, Иванъ Васильевичъ, въ свое богомолье пожаловалъ вкладу двѣ тысячи рублей, а

игумену съ братією за деньги тѣ молити Господа Бога, о здравіи царскомъ, на Титовъ день, 25-го Августа, и на усвоженіе честной главы предтечи, и въ тѣ дни служити ему со всемъ соборомъ и кормъ кормити.»—Объ церкви, и Сергіева и Предтечева, теперь не заключаютъ въ себя ничего достойнаго вниманія и пришли въ совершенную ветхость, особенно трапезная, которой наперть подержана однимъ столбомъ по срединѣ и отчасти обращена въ кладовую, равно какъ и бывшія келліи. Нѣтъ древнихъ иконъ въ иконостасахъ, но по рѣзнымъ украшеніямъ видно, что они некогда были изданы. Грустное впечатлѣніе производитъ на сердце запустѣніе столь священнаго мѣста, каковъ холмъ преподобнаго.

Три раза посещая Иоаннъ обитель Кириллову, къ которой шталъ съ дѣтства глубокое благоговѣніе, запечатлѣнное имъ въ часъ смертныи, постриженіемъ на ея имя: сперва въ смутные дни своего отрочества, когда былъ еще въ крамольныхъ рукахъ бояръ; потомъ въ лучшую эпоху своего царствованія, когда побѣдитель Казани, благословляемый всеми за свои добродѣтели, обходилъ богомольцемъ именитыя лавры; но этотъ повздъ слышущій Кирилловымъ, остался памятенъ въ исторіи, ибо съ той поры измѣнилось сердце Царя: отъ скорби ли по утраченномъ младенцѣ Дмитріѣ, кончину коего предсказалъ ему въ лаврѣ Троицкой, преподобный Максимъ Грекъ? или отъ суровой беседы на Пясопшѣ, съ Василіемъ, бывшимъ Еписко-

помъ Коломенскимъ. Сей Вассіанъ внушилъ Царю: «если хочеть быть истиннымъ Самодержцемъ, чтобы не держалъ совѣтниковъ мудре себя,» и Царь, поцѣловавъ его руку, воскликнулъ: «самъ отецъ мой не могъ бы дать мнѣ совѣта мудре сего!» внезапно измѣнился Іоаннъ. Въ третій разъ постылилъ онъ Кирилловъ, уже въ страшную эпоху своихъ казней, со второю супругою Марією и дѣтми Іоанномъ и Теодоромъ, въ 1569 году, когда удалены были славныя опоры его престола, Сильвестръ и Адашевъ, Шереметевъ и Воротынской, и онъ одинокій стоялъ въ мрачномъ величіи.

Такимъ образомъ, три сіи странствія, ознаменовали три разительныя эпохи царственной его жизни и, вѣроятно, во время послѣдняго, занялся онъ устройствомъ Ивановской обители, ибо около того времени установлены имъ соборныя трапезы на дни своего рожденія и Ангела, и сооружена надъ святыми вратами церковь, въ честь Ангеловъ его дѣтей. Вѣроятно, въ это же время, и самъ онъ попустился въ обители, а сынъ его Царевичъ Іоаннъ, какъ бы предчувствуя горькую свою участь отъ руки родителя, изъявлялъ тайное желаніе постричься въ Кирилловъ.

Намъ сохранились три посланія Іоанновы въ монастырь Кирилловъ, которыя тамъ уже теперь не существуютъ, но по бывшимъ спискамъ напечатаны въ исторіи церковной Іерархіи. Два послѣднія суть предсмертное обращеніе Царя къ инокамъ, о вѣдомостіи ему молитвою соборною, для исцѣле-

нія отъ тяжелой болѣзни. Но первое, весьма страшное, чрезвычайно замѣчательно, потому что оно писано во всей его силѣ, нравственной и тѣлесной, и вполне выражаетъ весь его характеръ, смѣсь добра и зла: — тутъ онъ является ревнителемъ православія, обличителемъ безпорядковъ монастырскихъ а вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ за строгаго подвижника, какъ бы невольно смиряющагося предъ своею Кирилловскою братією, безпрестанно выглядываетъ грозный Іоаннъ, со всеми своими личными враждами, которыя въ немъ борятся съ уваженіемъ къ духовному сану. Трудно согласить двѣ сіи крайности, но онъ такъ оригинально слился въ одномъ его лицѣ, что изъ нихъ составился этотъ неразгаданный доселѣ въ лѣтописяхъ Іоаннъ, иногда слава и свѣтло своего времени, иногда же распространявшій вокругъ себя печальный мракъ и ужасъ.

Не многимъ извѣстно это знаменитое посланіе, и потому я рѣшился извлечь изъ него самыя разительныя черты, на языкъ болѣе понятномъ, дабы въ этомъ зеркалѣ собственнымъ писаніемъ отразился Іоаннъ. Оно, по праву принадлежитъ обители Кирилловой, потому что Іоаннъ самъ почиталъ себя ея инокомъ и посылалъ въ нее свои сокровища, добытыя въ Казани и Астрахани, когда думалъ въ нее укрыться въ послѣдніе мрачныя годы своего царствованія, и наконецъ дѣйствительно постригся предъ смертію на ея имя, подъ именемъ Іоны: потому и предлагается здѣсь вкратцѣ сіе посланіе Царя инока Балозерскаго *).

*) Ист. Церк. Іерар. Т. IV. стр. 420—427.

«Въ пречестную обитель пречистыя Богородицы и богоноснаго отца Кирилла, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, человекъ бьетъ поставнику божественнаго полака и руководителю къ небесному селенію, преподобному игумену Космью съ братіею его о Христвъ. — Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окалинному! кто я, чтобы мнѣ дерзати на такую высоту? — Бога ради, господа и отцы, молю васъ престаньте отъ такого начинанія; я даже не достоинъ назваться братомъ вашимъ, но по евангельскому слову, сотворите меня какъ единаго отъ наемниковъ вашихъ. Писано: свѣтъ инокомъ Ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки; и такъ вамъ, нашимъ государямъ, подобаетъ просвѣщать насъ, заблудившихся во тьмѣ гордости и въ слѣдъ смертной и въ прелести тщеславія и ласкосердія, а мнѣ смерлящему кого учить или чьмъ просвѣтити, ибо самъ я непрестанно нахожусь въ пьянствѣ и плотской нечистотѣ, въ убійствѣ, кровопійствѣ, хищеніи, ненависти и всякомъ злудійствѣ. По великому Апостолу Павлу: «вадющійся быть вождемъ слѣпыхъ, свѣтомъ сущихъ во тьмѣ, наставникомъ безумныхъ, учителемъ младенцевъ... научающаго себя ли не учини? похваляешь закономъ и досаждаешь Богу преступленіемъ закона!» (Рим. II.) Бога ради, блаженные отцы мои, не тревожьте меня грѣшнаго и сквернаго, дабы я могъ плакаться о грѣхахъ своихъ и себя внимать, посреди лютаго тревоженія мимотекущаго свѣта сего, напаче же въ настоящее жестокое и многоятежное вре-

мя. Кому мнѣ, скверному и душегубцу, учителемъ быть?—О если бы Господь Богъ, ради вашихъ святыхъ молитвъ, вмѣнилъ мнѣ сіе мое писаніе въ покаяніе. Если хотите, естъ у васъ дома учитель и наставникъ Кириллъ и, на его гробъ всегда взирая, отъ него просвѣщайтесь; потомъ и великіе подвизники ученики его, ваши наставники и отцы, и святой уставъ чудотворца Кирилла, который у васъ ведется: у него учитесь, имъ просвѣщайтесь, въ немъ утверждайтесь, да и насъ убогихъ духомъ и вищихъ благодатію просвѣщайте, а за дерзость Бога ради простите.

Вспомните, какъ некогда, когда посетилъ я пречестную обитель вашу, судьбами Божиими по милости Богородицы и молитвами чудотворца, случилось мнѣ несколько воспринуть изъ мрака и въ помыслъ моемъ воспріять малую зарю свѣта Божія, и я вельтъ бывшему у васъ тогда игумену Кириллу, съ нѣкоторыми изъ братіи, придти тайно ко мнѣ въ келію, гдѣ и самъ я упряднился отъ мятежа мірскаго. Тогда съ игуменомъ были Юасафъ, архимандритъ Каменскій и Сергій Кольчевъ, ты Никодимъ, ты Антоній, а вѣныхъ не упомяну, и по сльъ долгой бесѣды, я грѣшный, извѣстилъ вамъ желаніе мое о постриженіи и искушалъ святиню вашу слабыми своими словами; вы же возвѣстали мнѣ кринкое по Богъ житіе, и возрадовалось скверное мое сердце съ окалинною моею душою, что обрѣсть я узду помощи Божіей своему невоздержанію и пристанище спасенія, и съ радостію поло-

жить я обвѣщаніе предъ вами: если благоволятъ Богъ въ благополучномъ здравіи мнѣ постричься, то нигдѣ иначе какъ въ пречестной обители чудотворца Кирилла. Покаместъ вы молились, я окаланный, преклонилъ скверную мою голову и припалъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго вгумена, вашего и моего, прося на сіе благословіенія, и оны, возложивъ на меня руку, благословили постричься, какъ нѣкоему изъ ново-приходящихъ, и мнѣ окаянному мнителю, что я уже до половинны чернецъ, хотя и не отложилъ еще мірскаго мятежа, но уже я ношу на себѣ рукоположеніе благословіенія ангельскаго образа. Видалъ я и въ пристанища спасенія, много кораблей душевныхъ, обуреваемыхъ тревоженіемъ; посему и не могъ я утерять, малодушествовать и о своей душѣ поболѣть, какъ-бы уже одинъ изъ васъ, и дерзнулъ говорить, да не опустѣетъ сіе пристанище спасенія.

(Іоаннъ приводитъ здѣсь отрывокъ изъ посланія, Св. Иларіона великаго, о чувствѣ своего недостойнства, чтобы отвѣчать на просьбу нѣкоего брата, просившаго у него совѣта, и продолжаетъ): по слову Апостола Павла, буду безуменъ, и послыку вы меня принудили, изреку вамъ нечто отъ своего безумія, не учительски или со властію, но рабски, изъ послушанія къ повелѣнію вашего преподобія, хотя и безмѣрна высота моего недоумья. (Здѣсь приводитъ опять Иларіона, дерзнувшаго наконецъ писать къ брату). Выруте мнѣ, господа и отцы мои, что и мнѣ на сіе писаніе было

нѣкое изволеніе Божіе, ибо свидѣтель Богъ и пречистая Богородица и чудотворецъ Кирилль, что я досель не только не читалъ, но даже и не слышалъ о семъ посланіи Иларіона, но когда раскрылъ книгу, печально обрѣлъ оно и увидѣвъ, что оно прилично нынѣшнему времени, помыслилъ, что по волю Божіей обрѣлось на пользу, и потому дерзнулъ написать. И такъ примемся за бесѣду, съ помощію Божіею, и ради послушанія вотъ вамъ мой отвѣтъ на ваше понужденіе.

Во первыхъ, отцы мои, по Божіей милости, имѣете вы уставъ великаго отца вашего Кирилла: и такъ держите крѣпко преданіе чудотворца и другимъ не позволяйте раззорять его по слову великаго Апостола: «возмогайте на пользу, въ державъ крѣпости его, и облекитесь во все оружіе Божіе, дабы возмочь вамъ противитися кознямъ діавольскимъ» (Ефес. VI, 10. 11.). Опять повторю: свѣтъ инокамъ Ангелы, а свѣтъ мірянамъ иноки, и если свѣтъ будетъ тьмою, то мы окаянные не еще ли болѣе помрачимся? Вспомните, что святые Маккавей, только за не вкушеніе запрещеннаго мяса, сопричались на равнѣ съ мучениками Христовыми, и какъ отвѣчали Елеазаръ мучителю, который соглашался даже, что-бы онъ не вѣлъ, а только вѣзлѣ бы въ руки свиное мясо, лишь бы говорилъ народъ, что Елеазаръ вѣтъ мясо; доблестный жеотвѣчалъ: «восемьдесятъ лѣтъ не соблазнялъ я людей Божіихъ, и нынѣ ли въ старости буду соблазномъ Израилю?»

и так скончался. И божественный Златоустъ пострадалъ за обидимыхъ, удерживая Царицу отъ инхимства.

Если Святые, за малыя сѣи вещи, такъ страдали, то колыми паче, господа мои и отцы, подобаетъ вамъ за чудотворцево преданіе пострадать. Какъ Апостолы Христу сораспинаемы были и съ нимъ совоскреснуть, такъ и вамъ подобаетъ усердно послѣдовать великому Кириллу и кривою подвизаться за истину, а не быть бѣглецами, отменяя щить и мечъ; но воспримите все оружіе Божіе и никто изъ васъ да не предастъ преданія чудотворца, ради сластолюбія, какъ Иуда предалъ Христа сребра ради; ибо есть между вами Анна и Каіафа, — Шереметевъ и Хабаровъ, и есть Пилать — Варлаамъ Собакинъ, посліку отъ царской власти посланъ, и есть распинаемый Христосъ — преданіе чудотворца попраемое! Если малое въ чѣмъ допустите послабленіе, то и великое будетъ. Вспомните, святые отцы, что писалъ великій Святитель Василій Амаційскій, некоему монаху, и тамъ прочтите каково ваше иноческое ослабленіе, достойное плача и умиленія: какія радость и посыланіе врагамъ, и какіе скорбь и плачь върнымъ! Писанное къ тому монаху и къ вамъ можетъ быть приложено. (Тутъ страшная выписка изъ сего посланія, обличительнаго противъ малодушествующихъ иноковъ, и за тѣмъ другая выписка изъ великаго Василія, о не преставномъ приготовленіи себя къ смертному часу, доколь еще страшные Ангелы не разлучатъ

души отъ тѣла. Видно, что Юаннъ уже раздражается, коснувшись предмета ему близкаго).

«Видите ли, продолжалъ онъ, какого плача и скорби достойно послабленіе иноческаго житія? — И вотъ однако, ради Шереметева и Хабарова, учинилось у васъ нарушеніе чудотворцевыхъ преданій. А если намъ Богъ благоволитъ у васъ постричься, то уже по сему примѣру и монастыря у васъ не будетъ, — одинъ лишь мой царскій дворъ? За чѣмъ же послѣ сего идти въ чернецы и какъ произнести: «отрицаю міра и всего, что въ мірѣ,» когда міръ весь въ очахъ? и какимъ образомъ, на этомъ святомъ мѣстѣ, терпѣть всякія напасти, со всею братією, и оставаться въ повиновеніи игумену и въ послушаніи всего братства, какъ это сказано въ обѣщаніи иноческомъ? А Шереметева какъ назвать братією, когда у него и десятый холопъ есть у себя лучше, чѣмъ вся братія въ трапезѣ? Великіе свѣтлыники: Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Дмитрій, Пафнуцій и многіе преподобные въ Русской землѣ, положили крѣпкіе уставы, какъ подобаетъ иноку снастися, а бояре, къ вамъ пришедшіе, вамъ и свои уставы ввели; не они у васъ постриглись, а вы у нихъ, не вы имъ учителя, а они вамъ законоположители. Да, Шереметева уставъ хороши, держите его, а Кирилловъ не хороши, оставьте его. Досель одинъ бояринъ ввелъ эту слабость, а когда-либо другой введетъ другую, да мало по малу устранился весь порядокъ монастырскій и будутъ всеобычнѣ мѣркіе; и по всемъ монастырямъ

сперва начальники уставиli крѣпкое житіе, но послѣ нихъ его раззорили.

(Здѣсь начинаетъ исчислять Іоаннѣ нѣкоторыя изъ обителей, въ которыхъ поколебалась строгость устава), указываетъ на Самопову, гдѣ послѣ чудотворца Кирилла, насталъ слабій настоятель, нѣкто Сергій, такъ что тамъ, кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, только по одяланію шюки, а совершается все мірекое. И Чудовъ, при прежнихъ архимандритахъ, былъ какъ одинъ изъ убогихъ монастырей, а при Левкѣ сравнялся съ великими, мало въ чемъ имѣ уступая и въ духовномъ жителствѣ. Смотрите и вы, слабость ли утверждаете или крѣпость? готоритъ Іоаннѣ, и за симъ слѣдуютъ уже извѣстные намъ упреки Кириллу за то, что надъ Кляземъ Воротыньскимъ поставили церковь, а чудотворецъ остался внѣ церкви. Вотъ у Діонісія преподобнаго, на Глушцахъ, и у чудотворца Александра на Свири, болре не постригаются, а обители сіи провѣтуютъ постническими подвигами. У васъ же сперва нѣкоторымъ изъ бояръ, Серапіону Сидкому и Юнѣ Ручкину, дали въ келлію только одяланную посуду, а у Шереметева уже и вся поварня своя. Въдъ иное есть дать волю Царю, а иное царю, иное сдѣлать послабленіе вельможѣ, а другое простому; не указывайте мнѣ на того великаго по добродѣтелямъ Римлянина, (Арсенія, наставника Императоровъ), котораго успокоили въ пустынь (Скитской); то было въ пустынь и на краткое время, безъ шума и соблазна.

Вспомните, въ книгѣ Лествичника, до какого смиренія достигъ бывшій Князь Александрійскій Исидоръ, называемый желѣзнымъ, также въ какое рубище облакался вельможа Авенпра, Царя Индійскаго, не въ куны меха или собольи. Да и самъ Іоасафъ, сынъ того Царя, какъ оставилъ царство для пустыни и царскія ризы измѣнилъ на власнину и какъ, достигнувъ пустыниика Варлаама, съ нимъ пожилъ, но царски или постнически? А кто болше, царевъ ли сынъ, или невдомый пустынникъ? Свой ли царскій законъ принесъ онъ съ собою, или жилъ по закону пустынному? Сами лучше насъ это знаете; а у него было много и своихъ Шереметевыхъ! И Елевзой, Еоіопскій Царь, какое житіе жестоко пожилъ? А Савва Сербскій, какъ оставилъ родителей и царство и, воспріявъ крестъ Христовъ, каковы труды постническіе показалъ? Да и отецъ его, Пемаія Сimeoнъ, съ матерію его Марію, какъ измѣнили багряницу на ангельскій образъ и земными ли утѣшеніями приобрили небесную радость? И Великій Князь Никола Святоша, державшій Кіевское княженіе, постригшись въ Печерскомъ монастырѣ, не былъ ли пятнадцать лѣтъ вратаремъ, работая тѣмъ, надъ комни прежде обладалъ и до такого уничиженія дошелъ, Христа ради, что даже братья на него негодовали, вмѣняя себѣ въ безчестіе его смиреніе; но не могли, однако, отклонитъ его до самой смерти, отъ такого образа жизни; а по его преставленіи, даже отъ того стула, на комъ онъ сидѣлъ, предъ вра-

тами, прогоняемы были бвсы. Такъ подвизались святые, Христа ради, а у тѣхъ всѣхъ были свои Шереметевы и Хабаровы! Если же трудно жить въ чернецахъ, то лучше бы оставаться въ боярахъ и не постригаться.

Сіе малое изрекъ я вамъ, отцы святые, отъ моего безумнаго суетслова, потому что вы меня къ тому принудили. Вотъ уже годъ ровно, какъ былъ игумень Никодимъ въ Москвѣ, и безотходно только и говоритъ о Собакинѣ да о Шереметевѣ. Развѣ я имъ отецъ духовный или начальникъ? какъ себѣ хотять, такъ пусть и живутъ, если имъ спасеніе души своей не надобно. Но долго ли будутъ у васъ молвы и смущенія, споры и мятежъ, ради Василія Собакина, который не только иноческаго житія не знаетъ, но даже и по платью не можетъ быть познанъ за инока, или ради Ивана Шереметева или Хабарова? По истинѣ, отцы святые, это не чернецы, а только поругатели иноческаго житія. Или не знаете Шереметева, оца Василія? (Тутъ начинаются жестокія противъ него укоризны: какъ онъ непрестанными расправами разстроилъ кривое и простое житіе у Троицы. Юаннъ рассказываетъ, что случилось въ лаврѣ съ его дворецкимъ, Княземъ Иваномъ Кубенскимъ, во свидѣтельство прежняго строгаго тамъ житія:) благовѣстили ко всепощной, а онъ еще хотѣлъ, послѣ конца трапезы, повсть да испить, изъ жажды, а не ради прохлады. Старецъ же Симонъ Шубинъ и другіе съ нимъ, не изъ большихъ, потому что

уже большіе давно отошли по келліямъ, ему какъ бы шуткой молвили: Князь Иванъ поздно, уже благовѣстять, и онъ, сидя съ одного конца стола, ѣсть, а они съ другаго собираютъ, да хватился хлебнуть, а ни капельки не осталось, все отнесено на погребы: такъ бывало крѣпко у Троицы и то мірянину, а не чернецу. Слыхалъ я, что и такіе были старцы въ этомъ святомъ мѣстѣ, что въ приѣзды бояръ нашихъ ихъ угощиваютъ, а сами ни къ чему не прикасались, хотя ихъ къ тому и принуждали вельможи. Въ древнія же времена и еще того дивные слышалъ. Однажды прішель святой Пафнутіи помолиться Живоначальной Троицѣ и гробу чудотворца Сергія и для духовной бесѣды съ братією, и когда братія, ради духовной любви, провожали за святыхъ врата преподобнаго, вспомнили они заповѣдь своего преподобнаго Сергія, чтобы не выходить за ограду, и возбудивъ о семъ на молитву самаго Пафнутія, тутъ съ нимъ и простились. Вотъ какъ, даже ради духовной любви, не смѣли они нарушить заповѣди отеческой, а не ради тѣлесной страсти! Такова была крѣпость древле на томъ святомъ мѣстѣ, а нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, хуже и Писноши, какъ до того Писношь бывала, а вся эта слабость отъ Вассіана Шереметева.

Такъ и сынъ его Іона старается погубить послѣднее свѣтило, равно съ солнцемъ сіяющее въ Кирилловѣ, и въ самой пустынь искоренить постическое житіе. Еще и въ міру живши этотъ Ше-

реметевъ съ Висковатымъ, первые перестали ходить за крестными ходами, а глядя на нихъ и другіе. До того же времени все православное христіанство, съ женами и дѣтьми, ходили за крестами, и кроме съѣстного въ тѣ дни ничѣмъ не торговали, а если кто начнетъ торговать, съ того высканивали; и то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ: таковы они! А если кто скажетъ, что мы такъ противъ Шереметевыхъ говоримъ по гнѣву, или за Собакинныхъ, то Богъ мнѣ свидѣтель и Пречистая, и чудотворецъ Кирилль, что говорю только ради монастырскаго порядка. Бывало у насъ и за малыя вещи прежніе старцы стояли; когда мы, въ первый разъ, были въ Кирилловъ еще въ дѣтствѣ, и опоздали ужинать, потому что у васъ, въ лѣтнюю пору, нельзя распознать дня съ ночью, и спросили для насъ стерледей у подкеларя Исаянъ Пымаго, онъ отвѣчалъ: «мнѣ о томъ приказу не было, а нынѣ ночь, взять негдѣ. Государа боюсь, а Бога надобно еще больше бояться» Такова была у насъ тогда крѣпость, по слову псаломному: «правдою и предъ Царя не стыдяхся.» (Псал. 118) ибо по истинѣ праведно такъ, а иначе вѣдать предъ Царями. А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельи и самъ какъ Царь, и Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, ѣдутъ да ѣдятъ, какъ въ міру, и Шереметевъ, не то со святбы, не то съ родни, разсылаетъ по кельямъ гостиницы, и за монастыремъ у него дворъ съ годовыми запасами; а вы молчите о такомъ пагуб-

номъ безчиніи. Иные же говорятъ, будто вы горячее вино потихоньку къ нему въ келью приносили; это ли путь спасенія? это ли иноческое спасеніе? Или не чѣмъ вамъ было Шереметева кормить, что у него особенные годовые запасы были? Милые мои! досель многія страны пропитывалъ Кирилловъ и въ голодные времена; а нынѣ и самъ ихъ васъ, въ хлѣбное время, если бы только не Шереметевъ кормилъ, то всемъ бы вамъ съ голоду помереть! Иона Шереметевъ также хочетъ безъ начала у васъ жить, какъ и отецъ его Васіанъ. И отцу его есть еще извиненіе, что неволею отъ бѣды постригся, хотя и тутъ Лѣтвичникъ пишетъ: «видалъ я и неволею постригшихся, которые паче вольныхъ исправлялись.» А въ Иону Шереметева никто въ затѣлокъ не билъ: за чѣмъ же такъ безчинствуетъ? Но если у васъ такіе порядки приняты, то вы о томъ сами выдаете. Богъ свидѣтель, что я только говорилъ ради безчинія монастырскаго. Мнѣ что на Шереметевыхъ гнѣвъ держать! вѣдь есть его братья въ міру и мнѣ есть надъ кѣмъ свою опалу положить, а на чернеца что гнѣваться и надъ нимъ ругаться? (Весь характеръ Іоанна выразился въ этихъ краткихъ словахъ).

Или кто скажетъ, что это все за Собакинныхъ а мнѣ о Собакинныхъ не за чѣмъ кручиниться. Варлаамовы племянники хотели было меня и съ дѣтьми чародѣйствомъ уморить, но Богъ меня отъ нихъ укрылъ; ихъ злодѣйство объявилось, — что же

мнѣ еще мстить за своихъ душегубцевъ? Одно мнѣ было досадно, что вы моего слова не уважили: Собакинѣ прихалъ съ моимъ словомъ, и вы его не поберегли, да еще моимъ именемъ укоряли, чему да будетъ судъ Божій! Можно было бы, ради нашего слова и ради насъ, покрыть его глупость. А Шереметевъ самъ по себѣ прихалъ, и вы его ччете и бережете, уже не такъ какъ Собакина. Шереметевъ для васъ больше моего слова. Собакинѣ отъ моего слова погибъ, а Шереметевъ самъ по себѣ воскресъ. За чѣмъ изъ за него целый годъ волнуете такую великую обитель? Это другой на васъ Сильвестръ наскочилъ! (Юаннъ укоряетъ бывшимъ своимъ наставникомъ, который вынужденъ былъ здѣсь также постричься), и однако ему не то здѣсь было, что Собакину, ради моего слова. Какой у меня гнѣвъ былъ на Шереметева, о томъ въ міру расчетъ конченъ, а нынѣ, по истинѣ, безъ страсти говорю только ради безпорядка, не за что было Шереметеву съ Собакинѣмъ браниться. Слышалъ я отъ нѣкоего брата, вашей же обители, безумный рѣчи, что между ними давила мірская вражда. Это ли ваше учительство, что постриженіемъ прежней вражды не разрушается? Какъ же отречься міра и всего что въ мірѣ, а вмѣстѣ съ отягченіемъ волосовъ, не отрывать влекущее долу мудрованіе, когда Апостолъ повелѣлъ всѣмъ намъ «шествовать въ обновленіи жизни,» и Господь велѣлъ «оставить мертвыхъ погребсти своихъ мертвецовъ» (то есть любостра-

стіе), (Луки IX). Если постриженіе не разрушаетъ мірской вражды, то не отлагается онымъ ни царство, ни боярство, ни мірская слава, и кто былъ великъ въ бѣльцахъ тотъ и въ чернецахъ. Не то же ли будетъ и въ царствѣ небесномъ? — кто здѣсь богатъ и великъ, тотъ и тамъ будетъ! Не есть ли это Магометова прелесть, который тоже утверждалъ? Какой же тутъ путь спасенія, если въ чернецахъ бояринъ не острижетъ своего боярства, а холопъ не избавится своего холопства? Какъ же сбудется Апостольское слово: «и съ Иудей, ни Еллинъ, и съ рабъ и свободъ, вси едино есте о Христѣ» (Гал. III, 28.). Какъ же будутъ едино, если все останется по старому?

Въ здѣшнихъ монастыряхъ по сіе время соблюдалось равенство между боярами и мужиками торговыми. При нашемъ родителѣ, у Троицы былъ келаремъ Нифонтъ Ряболовскій, но съ Княземъ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ; на правомъ клиросѣ Лопотало, да Варлаамъ невѣдомо какой, а на лѣвомъ также Варлаамъ и какой? — сынъ Князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго! И такъ смотрите, если былъ путь спасенія, то холопъ съ Бѣльскимъ равенъ, а Князя добраго сынъ на равнѣ со странниками; да и предъ нашими очами Игнатій Курачевъ Белоозерцевъ, на правомъ клиросѣ, а Феодоритъ Ступицынъ, на лѣвомъ, да и ни чѣмъ не отличенъ отъ клирошанъ. И у Василія великаго написано: «если чернецъ хвалится при людяхъ, что онъ добраго роду, то да постыдится восемь дней

и кладець по 80 поклоновъ на день.» А нынѣ только и слово: тотъ великъ а тотъ того еще больше, потому и братства нѣтъ! Видь если равно, такъ и братство, а если не равно, то можетъ ли быть тутъ братство? тутъ нѣтъ иноческаго житія. Нынѣ боаре по всемъ монастырямъ его уничтожили своимъ люобстрастїемъ.

Скажу еще болѣе страшное слово: какимъ образомъ рыболовъ Петръ и поселеникъ Богословъ будутъ судить Бого-отца Давида, о которомъ сказалъ самъ Богъ: «что обрѣлъ въ немъ мужа по сердцу своему,» и славнаго Царя Соломона? Рыболовы будутъ на двѣнадцати престолахъ сидѣть и судить всей вселенной? — какъ вамъ тогда своего Кирилла поставитъ съ Шереметевымъ, котораго выше? — Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у Государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость завела, по Апостолу Павлу: «не льститеся, бесѣды злыя портятъ добрыя правы» (1 Корин. XV, 33.). Никто да не повторяетъ сихъ постыдныхъ речей: что если только намъ съ боярами не знаться, то и монастырь безъ подаванія оскудеетъ; Сергій и Кириллъ, и Варлаамъ и Димитрій и нынѣ многие сваты не гонялись за боярами, но боаре за ними гонялись и обители ихъ распространились. Благочестїемъ стоятъ монастыри и бывають не скудны: у Троицы въ Сергїевъ благочестїе всякъю и монастырь оскудеетъ. А на Сторожехъ до того дошло, что и затворить монастыря не кому; по трапезѣ трава растетъ, а и мы ви-

дали, что братїи по восьмидесяти бывало, и клирошанъ по одиннадцати на клиросъ было; отъ благочестїа распространяются монастыри, а не отъ слабости. Но возвратимся къ великому Иларїону. (Тутъ слѣдуетъ опять пространная выписка изъ сего отца, о благочестїи иноческомъ и нестяжанїи, и обличенїа преподобнаго противъ корысти иноковъ и ихъ неискательства у сильныхъ. Все сіе приводитъ Юаннъ для обличенїа иноковъ Кирилловыхъ, сравнивая ихъ образъ жизни съ житїемъ преподобныхъ).

Малое отъ многаго написалъ я вамъ, вы же и сами больше насъ ведаете и многое обрѣтете въ этомъ божественномъ писанїи. Потомъ разсказываетъ Царь, для чего взялъ изъ монастыря Варлаама Собакина, жалую его, чтобы за его безчїиіе помирить, по монастырскому чину, и разспросить, за что у него вражда съ Шереметевымъ? да и посоветовать терпѣніе, если отъ васъ ему будетъ скорбно, потому что инокамъ подобаетъ спасенїе скорбами и терпѣніемъ. А какъ мы, возвратясь съ Нѣмецкаго похода, стали его распрашивать, онъ началъ на васъ доводить: будто вы на насъ не хорошо говорите съ укоризною; я же плюнулъ на то и его бранилъ. Онъ юродствуетъ и говорить самъ не знаетъ чтѣ, и даже что есть черенцы въ мїрѣ. По сему и мы, видя его сатанинское разженїе, отпустили его жить въ люобстрастное житїе; пусть самъ за свою душу отвѣчаетъ, если не ищетъ себя спасенїе; къ вамъ же его не послали, чтобы васъ

не волновать, хотя ему весьма хотелось къ вамъ. Да и вы неразумно его къ намъ прислали, какъ бы изъ тюрьмы, давъ ему соборнаго старца вмѣсто пристава, а онъ пришелъ къ намъ какъ бы нѣкій Государь. Вы съ нимъ прислали намъ поминки, да еще похи, какъ бы не желалъ намъ здоровья. Можно ли съ такою сатанинскою враждою поминки къ намъ посылать? Надобно было съ нимъ отпустить молодыхъ чернецовъ и безъ поминковъ, а соборный старецъ унять его не могъ; что хотѣлъ то и вралъ, и мы чего хотѣли то и слушали, и Варлааму ни въ чемъ не повѣрили.

Если кто скажетъ, что это жестоко и что надобно снисходить къ немощи, что Шереметевъ безъ хитрости болѣе и одинъ въ кельи съ келейникомъ, то за чѣмъ же у него сходбище и пиры и за чѣмъ аворъ за монастыремъ съ запасами? Все это беззаконіе а не нужда; а если нужда, пусть ѣсть въ кельи, какъ пшій, кусокъ хлѣба, да зѣвно рыбы, да чашу кваса. Если сверхъ сего что послабляете, давайте что хотите, лишь бы у него не было провъ и сходбища, какъ бывало, кромъ развѣ въ духовной бесѣды, но безъ угощенія. И чтобы вещей у себя никакихъ не держалъ въ кельи; если ему что пришлютъ братія изъ міру, пусть дѣлать со своею братією, и люди его пусть живутъ за монастыремъ. Тогда и ему будетъ покойно и вамъ безмятежно.

Вотъ мы сколько лучшаго знали, такъ вамъ и написали; а нынѣ прислали вы къ намъ опять гра-

моту и отдыха отъ васъ нѣтъ, все о Шереметевѣ да о Хабаровѣ. Слышу еще, будто говорилъ вамъ одинъ старецъ, моимъ словомъ, чтобы Шереметевъ и Хабаровъ ѣли въ трапезѣ со всеми, а Шереметевъ поставилъ это себѣ въ оналу. Потому ли вамъ такъ его жаль, что братія его и понынѣ не прѣстаютъ въ Крымъ посылать, да бусурманство на христіанство наводить? — И Хабаровъ велитъ мнѣ себя перевести въ другой монастырь; но я не поблажаю его скверному житію и ужъ больно мнѣ наскучило; иноческое житіе не игрушка; три дня чернецомъ, а уже седьмой монастырь! Покамѣтъ быть въ мірѣ, образа обладывалъ да кельи ставилъ и съ четками въ рукахъ ходилъ, а нынѣ ему съ братією вмѣстѣ ѣсть непріятно. Надобно четки имѣть не на скрижальяхъ каменныхъ, а на плотныхъ скрижальяхъ сердецъ. Видалъ я какъ и по четкамъ ругательски лаютъ другъ друга: что въ такихъ четкахъ? О Хабаровъ мнѣ писать нечего: пусть какъ себѣ хочетъ такъ и дуритъ; а что Шереметевъ говоритъ, будто болѣе его мнѣ известна, то не для всѣхъ же леженей раззорять святые законы. Намъ писать болѣе нечего; вотъ уже конецъ словесъ моихъ къ вамъ, и впредь не докучайте намъ о такихъ несправкахъ. Сами знаете, если благочестіе не потребно, а несчастье либо, то скуйте Шереметеву хотя золотые сосуды и царскій санъ ему устройте; уставьте съ Шереметевымъ своею преданіе а чудотворчево отложите; такъ будетъ хорошо! Какъ лучше такъ и дѣлайте, какъ себѣ

съ нимъ хотите, а мнѣ до того ничего дѣла нѣтъ, и впредь о томъ не докучайте, ибо по истинѣ ни о чемъ отвѣчать не буду. Что касается до той злокозненной грамоты, которую къ вамъ прислали прошлою весною Собакины, какъ бы отъ моего лица, сравните ее съ нынешнимъ моимъ писаніемъ, по слогу, и уразумѣйте, чтобы впредь не льстивцамъ не вѣрять. Богъ же мира и пречистыя Богородицы милость и чудотворца Кирилла молитва буди со всеми вами и нами; а мы вамъ, господа мои и отцы, челоуъ бьемъ до лица земнаго.»

Таково сіе знаменитое Кирилловское посланіе Иоанна, въ которомъ ясно отразились не только характеръ грознаго Царя, но и духъ его времени. Оно писано, какъ видно изъ его содержанія, послѣ Ливонскаго похода, съдѣянно въ 1578 году, за четыре года до кончины Царя, когда уже начинала въ немъ осыпаться внутренняя тяжкая его болезнь, возбуждавшая къ столькимъ жестокостямъ, и когда уже онъ записывалъ, въ поминкахъ Кирилловой лавры, и другихъ обителей, имена своихъ жертвъ, иногда обозначая ихъ только собирательнымъ числомъ. Хотя обитель Кириллова особенно была для него священна, какъ предызбранное мѣсто его постриженія, однако странно слышать столь разоблачныя выраженія предъ настоятелемъ и братіею, въ устахъ челоука, не пощадившаго святителя Филиппа. Замѣчательна глубокая начитанность Царя въ божественномъ писаніи и книгахъ отеческихъ, которыя такъ назидательно приводитъ въ обличеніе ино-

ковъ. Достойно вниманія и чрезвычайное развитіе иноческой жизни на сѣверѣ Руси; особенно процвѣло оно во дни его благочестиваго родителя и, не смотря на пристрастныя обличенія Иоанна, еще было въ полномъ блескѣ и въ его время. Великій Князь Василій, былъ какъ бы одинъ, изъ числа иноковъ своей державы, не только въ часъ смертный, но и при жизни, и находилъ большое утѣшеніе въ духовной бесѣдѣ со всеми великими святильниками его вѣка, съ Иосифомъ Волоколамскимъ, Давидомъ Переяславскимъ, Корнилиемъ Комельскимъ и многими другими и, странствуя по обителямъ, не разъ вызывалъ ихъ къ себѣ въ столицу. Это благочестивое направленіе отразилось и на воспитаніи его сына, потому что самый духъ времени дышалъ расположеніемъ къ отшельнической жизни; многіе изъ бояръ и князей нашихъ оканчивали дни свои подъ схимоу, а между тѣмъ самые иноки являлись миротворцами и совѣтниками Царей, въ трудныхъ обстоятельствахъ царственныхъ и гражданскихъ того вѣка, хотя ихъ единственнымъ занятіемъ, казалось, была одна только молитва. — Если бы съ этой духовной точки прослѣдить исторію нашу, въ ней открылось бы много драгоценныхъ сказаній, которыя теперь таятся въ невѣдомыхъ для насъ житіяхъ нашихъ отечественныхъ святыхъ.

Ограда, оружейная и ризница.

Съ высоты Ивановскаго или Кирилловскаго холма открывается, во всемъ ея величїи, внѣшняя ограда обители съ ея исполнскими башнями; она простирается болѣе нежели на версту, на 716 сажень, и усвоила монастырю названіе города, когда еще не прилегалъ къ стѣнамъ его нынѣшній уездный городокъ. Много жилья для ратныхъ людей помещалось въ нижнемъ ярусѣ ограды, потому что Кирилловъ почитался крѣпкою твердынею во время Литовскихъ набѣговъ, и если не выдержалъ столь долгой осады, какъ лавра Троицкая, однако можетъ также похвалиться отраженіемъ непріятельскихъ приступовъ и своимъ участіемъ въ отечественной войнѣ. Въ лѣтописцѣ обители записано, что «въ 7120 году (1612), Іюня въ 10-й день, Литва выжгла и высѣкла Бѣлоозеро (отстоящее только за 30 верстъ отъ обители); а въ 20-й день Августа подходила подъ Кирилловъ монастырь, съ

Уломской дороги, и выжгла гостинный дворъ, конюшенный и швальню; а въ слѣдующемъ году, Сентября въ 22-й день, Литва выжгла Вологду и опять приступила къ монастырю, ночью, Декабря на 5-е число; панъ Бобовскій съ Черкасами, непременно покушались взять монастырь, потомъ же панъ Песоцкій съ братомъ своимъ, ночью на 11-е число, приступали къ монастырю, но были отбиты.»

По преданію старожиловъ, одинокій холмъ на западной сторонѣ Сиверскаго озера, сзывущій Золотухой, есть то мѣсто, гдѣ стоялъ таборъ Черкасскій и Литовскій во время осады; здѣсь былъ убитъ ядромъ, съ монастырской башни, вражескій воевода; потому и носится еще суевѣрная молва, будто бы подъ симъ холмомъ зарыты награбленная сокровища Литовскія, которыя можно обрести только въ Ивановъ день. Едва лишь умиротворилось государство, какъ уже почувствовали необходимость укрѣпить Кирилловъ. Царь Михаилъ Феодоровичъ предпринялъ обновить его обширную ограду въ 1633 году; она строилась въ теченіи 33-хъ лѣтъ и окончена при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который на нее пожаловалъ въ 1666 году 45,000 рублей, сумму огромную по тогдашнему времени, кромѣ содержанія работниковъ. Еще прежде сего занято было до 5,000 рублей обителью, у боярина Морозова, скончавшагося въ ней инокомъ; но и это принялъ Государь на счетъ казны, по смерти боярина.

Стены съ трехъ сторонъ, восточной, северной и западной, въ три яруса, и только въ одинъ съ южной, которая прилегаетъ къ Северову озеру. До пяти сажень высоты въ большой стѣнѣ и до трехъ ширины: по этому можно судить какова ея прочность и чего стоила. Весь нижній ярусъ состоитъ изъ келлій или чулановъ, безъ печей и помоста; иногда по три келліи соединились между собою, но не болѣе квадратной сажени въ каждой изъ нихъ: такихъ считается до ста въ большой оградѣ и все оны пусты. Во второмъ и въ третьемъ ярусѣ видны лишь открытыя арки, для свободнаго хода вокругъ всей стѣны; со стороны озера стѣны утверждены быками, отъ напора волнъ, и крыша ихъ покрыта железомъ. Десять каменныхъ башенъ, различной высоты и зодчества, стоятъ по оградѣ, не считая малыхъ. Всѣхъ величественнѣе Московская, прежде называвшаяся Орапонтовою, по направленію къ сей обители, на северозападномъ углу большой ограды, о 15 граняхъ и въ несколько поясовъ; высота ея слишкомъ двадцать пять сажень, и 130 ступеней ведутъ на верхъ. Во всю ея высоту, отъ самаго подвала и до крыши, стоитъ внутри каменный столбъ, раздѣленный на ярусы или такъ называемые мышки, куда по преданію сажали преступниковъ или плѣнныхъ: страшная темница, если она дѣйствительно когда-либо тутъ существовала; но чего не дѣлаешь въ средніе темные вѣка?

Посреди северной стѣны Казанская башня, надъ въездными вратами, не столь изящна какъ

Московская; но и она имѣетъ до 14 сажень высоты. Вологодская, на юго-восточномъ углу, парадныя всѣхъ башенъ, возвышается надъ озеромъ, съ красными кирпичными поясами, раздѣляющими ее на восемь ярусовъ; высота ея до 16 сажень и внутри ея такой же каменный столбъ, какъ и въ Московской. На юго-восточномъ углу малаго Ивановскаго монастыря, стоитъ 16-ти гранная - башня Кузнецкая, также въ 16 сажень высоты и со столбомъ внутри, и не далеко отъ нея, на внутренней оградѣ, та небольшая башня Котельная, которую принимаютъ нѣкоторые за темницу Николону. Еще одна высокая башня, въ 18 сажень, Мережная, на юго-западномъ углу ограды, служить твердымъ оплотомъ обители. Прочія не столь замѣчательны, потому что не превышаютъ десяти сажень; одна изъ нихъ, Косая, посреди западной ограды, теперь ниже всѣхъ, потому что обрушилась въ 1786 году, но прежде не уступала Вологодской и Московской; она служила главною защитой съ этой стороны, гдѣ глубокое болото примыкаетъ къ монастырю. Трое вѣншихъ вратъ сохранились отъ прежнихъ шести въ сей обширной оградѣ: Казанскія, которыя служатъ главнымъ въездомъ; Преображенскія, подъ церковью сего имени, съ южной стороны, и Троицкія, съ западной, близъ Мережной башни.

Я всходилъ на сію башню, такъ названную вѣроятно отъ мрежей рыбацкихъ, въ ней хранящихся по соседству озера, и взойти можно

сказать съ опасностію, потому что все внутрення лестницы, изъ яруса въ ярусъ, колебались отъ ветхости и недоставало многихъ ступеней. Но за то, съ ея вершины, я былъ вознагражденъ за трудный восходъ, прекраснымъ живописнымъ обзоромъ всей окрестности. Три озера облегаютъ монастырь; Сиверское, съ юга, далеко увлекаетъ взоръ своимъ своимъ зеркаломъ. Между озеръ взволнована земля листовыми пригорками, которые придаютъ много живописнаго пустынной природѣ Бѣлозерскихъ предѣловъ; гора Маура, отдѣляющая обитель Горлицкую отъ Кириллова и долину Шексны отъ озеръ, величественно встаетъ на небосклонѣ. Смиранный городокъ Кирилловъ прислонился съ другой стороны къ обители, подъ свѣь преподобнаго, обязаный ему своимъ существованіемъ и весьма недавно. Съ вершины башни, открываются внутреннее запустѣніе обители, раздѣленной оградами и корпусами келлій на множество дворовъ; ихъ считалось одиннадцать: мержеженный, конюшенный, поваренный, плотничій и тому подобно, ибо каждый имѣлъ значеніе въ свое время, а теперь они все пусты. Если еще и до сихъ поръ огромными кажутся внутрення зданія и вышняя ограда Кириллова, что же было во дни ея славы? потому что, въ исходѣ минувшаго столѣтія, разобрано было за ветхостію до 13 башень, съ внутренними ихъ оградами, которыя раздѣляли служебные дворы, и до пяти корпусовъ жилыхъ келлій, изъ числа 15, которыя дѣйствительно давали видѣ го-

рода монастырю. Онъ пришелъ бы въ совершенный упадокъ, если бы въ 1835 году, ревностный къ благочестію храмовъ, Митрополитъ Серафимъ, не испросилъ у Святѣйшаго Синода до 70 тысячъ рублей, для обновленія древней обители.

Изъ подъ святыхъ воротъ, мы поднялись въ церковь Лѣствичника и Стратилата, память Ангеловъ дѣтей царскихъ. Къ святымъ церковнымъ примыкаетъ обширная палата, вмѣстѣ оружейная и книгохранилище, по странному смѣшенію вѣреныхъ ей предметовъ храненія. Впрочемъ, и изъ такого смѣшенія, мудрость восточная умѣла однажды извлечь назидательное слово, которое здѣсь привожу случайно, хотя и не касается оно обители Кирилловой; но иногда одно слабое подобіе влечетъ къ воспоминаніямъ отдаленнымъ. Случилось въ 1828 году, при занятіи нами Ахалциха, брату моему разбирать древнюю бібліотеку покореннаго города, вмѣстѣ съ осмидесяти-лѣтнимъ муляго, которому издавна ввѣрено было ея храненіе. Между пыльныхъ хартій внезапно нашлось ядро, пробившее своды во время кровопролитной осады; участникъ этой осады, поднявъ его изъ груды книгъ, съ улыбкою подавъ старцу и спросилъ: «скажи, къ какому разряду книгъ приложить эту?» — Взявъ ядро изъ рукъ его мулла, долго смотрѣлъ, какъ бы взвѣсивъ и тяжесть ядра и свою тайную мысль, и покачавъ съедою головою, сказалъ глубокое слово: «сынъ мой! поставь это къ разряду тѣхъ, которыя говорятъ о несостоя-

ствъ дѣль человѣческихъ. Уже болѣе полувѣка, какъ я бюстителемъ сего хранилища, и на моей памяти три раза переходило оно изъ рукъ въ руки, то Турокъ, то Персіянь, и вотъ теперь оно въ вашихъ!» — Сколько глубокой поэзіи, въ такихъ немногихъ словахъ!

Теперь монастырскій арсеналъ Кириллова имѣетъ для насъ только достоинство древности и воспоминаній о прежней воинской силѣ обители. Когда смотришь на рядъ заряженныхъ пицалей, бердышей и свиртъ, развѣшанныхъ кругомъ стѣнъ, или поперегъ обширной палаты, надъ полками древнихъ хартій; когда подѣлешь тяжелые шлемы, панцири и кольчуги минувшихъ лѣтъ, воображеніе невольно переноситъ въ славные вѣка нашихъ витязей предковъ. Но было время, когда это ржавое нынѣ оружіе почиталось сокровищемъ для обители и служило ослотою государству противъ Литвы; укрепленный монастырь могъ дѣйствительно считаться тогда первоестененною твердынею, потому что кромѣ царскихъ стрельцовъ, вооружалъ онъ собственныхъ ратниковъ изъ 20,000 своихъ крестьянъ. Изъ грамотъ, хранящихся въ обители, видно, что въ продолженіи XVII вѣка, столь смутнаго для нашего отечества, она несколько разъ снабжала государство деньгами, хлѣбомъ и воинскими снарядами, въ 1638, 1676 и 1679 годахъ, и еще однажды въ 1701 году.

По описи 1668 года, оружейная палата Кириллова заключала въ себѣ до 8,500 различнаго рода

оружій, начиная съ мѣдной пушки и до простаго книжала. Каждая пушка и даже пицаль имѣли свое названіе: порывай, задоръ, полканъ и тому подобно, и пицали прозывались также: левъ, пугай и прочее. До десяти пушекъ было большаго калибра, въ 80 и болѣе пудовъ, и до 20 средняго, въ 40 и 50 пудъ, которыя разставлены были по стѣнамъ, а потомъ въ различные времена вытребованы по городамъ, когда монастырь потерялъ значеніе крѣпости. Одного пороха хранилось въ немъ болѣе 300 пудовъ, ядеръ до 3,000, мушкетовъ нѣмецкихъ до 800, а пицалей Турецкихъ и Шведскихъ 350 и столько же карабиновъ, и до 600 пистолетовъ и сабель великаго размѣра, кромѣ древняго оружія: — не малое собраніе по тогдашнему времени и по самому мѣсту. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по описанію церковной іерархіи, считалось тамъ до 10 пушекъ, болѣе 300 ружей и столько же пистолетовъ, бердышей до 100, кольчугъ и шшаковъ по 50. Все это, по заглавію древней описи, хранилось и отчасти еще хранится подъ свино милосердія Божія, ибо такъ начинается опись: «палата оружейная каменная, а въ ней милосердія Божія образы: денсуецъ въ кіотѣ, на трехъ доскахъ, потомъ пречистыя Богородицы, Іоанна Предтечи; ризы ихъ разцвѣчены золотомъ; видно во всемъ благочестіе предковъ!»

Что сказать о древней бібліотекѣ, нѣкогда весьма знаменитой, нынѣ же оскудѣвшей, въ теченіи многихъ лѣтъ уадка обители? Теперь только, за-

ботами ныншняго ученаго настоятеля, приводится она въ порядокъ и составляется ей описъ: но это трудъ большой, потому что кромѣ множества рукописей, разставленныхъ по полкамъ, еще много есть ящичковъ, наполненныхъ ветхими свитками дѣлъ монастырскихъ, полу-исгнѣвшими полу-изорванными, изъ которыхъ стараются теперь составить что-либо цѣлое. Господь да поможетъ довершить благое начало! Известно, по исторіи Россійской іерархіи, что нѣсколько разъ былъ тревожимъ архивъ Кирилловской и принужденъ дѣлиться съ другими. Много извлекъ изъ него Николь Патріархъ, въ бібліотеку Софійскую и въ свою домовую, которая теперь обращена въ Синодальную. Еще прежде Царь Михаилъ Сеодоровичъ, вытребовалъ изъ Кириллова всѣ двойные экземпляры лучшихъ рукописей, въ приказъ большого дворца, и велѣлъ списать для себя наиболее любопытные. При Царѣ Сеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1682 году, опять вытребовано было много книгъ изъ обители, для составленія степенныхъ книгъ и въ учреждаемую имъ академію, а потомъ еще поступали книги въ Святѣйшій Синодъ и въ Императорскую бібліотеку. По описи XVIII вѣка, которая хранится въ Румянцевскомъ музеѣ, считалось однихъ рукописныхъ книгъ въ Кирилловѣ монастырѣ до 2,092, и еще не всѣ помѣщены въ каталогъ. После всего что было взято въ разные времена изъ бібліотеки, еще по описи 1841 года, числится въ ней болѣе 1,900 книгъ, преимущественно церков-

ныхъ: между ними евангелій 66, апостоловъ 40, псалтырей 130, мнѣей 132 и столько же канониковъ и требниковъ.

По ныншнимъ ей остаткамъ, можно судить о прежнемъ богатствѣ. Много въ ней сохранилось еще книгъ отеческихъ, или патериковъ, въ которыхъ любителямъ русской старины отыскать могутъ свѣдѣнія, неизвѣстныя свѣту, и должно ожидать драгоценныхъ открытій, изъ составляемой нынѣ описи. Покаместъ будемъ довольствоваться учеными изысканіями Г. Шевырева, въ его повѣдкѣ въ Кирилловѣ монастырѣ, потому что онъ отчетливо изложилъ все, что можно рассмотреть любознательному человеку, въ краткій срокъ его посещенія. Цѣлая глава его любопытной повѣдки, посвящена сей бібліотекѣ и филологическія его отмѣтки, при обширныхъ свѣдѣніяхъ по сему предмету, драгоценны для каждаго ученаго. Онъ указываетъ на нѣсколько сборниковъ, восходящихъ до глубокой древности, по своему содержанию. Не повторяя сказаннаго имъ, не могу однако не указать будущимъ посѣтителямъ на драгоценный псалтырь боярина Дмитрія Ивановича Годунова, роскошно написанный, съ раскрашенными картинками на листахъ, потому что эта книга невольно поразитъ взоры каждаго ученаго и неученаго.

Не слѣдуетъ ли упомянуть здѣсь, о знаменитыхъ синодикахъ Кирилловскихъ, хотя они хранятся не въ бібліотекѣ, а въ соборѣ, гдѣ за каждою литургіею, въ теченіи цѣлаго года, постепенно

читаются записанныя имена усопших?— Это обширное поле смерти, засыпанное тысячами именъ, славныхъ и не славныхъ, которыя накопились въ теченіи многихъ вѣковъ. Начинается родъ преподобнаго Кирилла и его присныхъ собесѣдниковъ, потомъ родословіе Парей и Килзей нашихъ и Святителей, людей служилыхъ и простой чади, за коихъ постоянно молить Церковь, для вѣдь широко отверзающая свои объятія, ибо по выраженію ея погребальныхъ пѣсней: «не разистуесть за предѣлами гроба, царь отъ воина, богатый отъ убогаго.» Вѣроятно самъ преподобный Кириллъ положилъ начатокъ синодику сему, ибо тутъ записанъ родъ его а потомъ слѣдуютъ, въ странномъ смѣшеніи, сильные и убогіе міра сего, съ такою рода отмытками надъ ихъ именами: надъ Игнатіемъ, — Вологодскій крестьянинъ; надъ инокомъ Іоною, — Воротыньскій; надъ Варлаамомъ, — Воротыньскаго человекъ; надъ Арсеніемъ, — глухой; надъ Оеодосіемъ — Шереметевъ; надъ Евстратіемъ, — кузнецъ; надъ Аврааміемъ, — былъ въ Казани Митрополитъ; надъ священно-инкомъ Спиридономъ, — поппъ Селиверстъ, (бывшій советникъ Іоанна); надъ Килземъ Петромъ, въ инокахъ Пименомъ, — Щенятевъ, (замученный Грознымъ) и тому подобное. Иногда, по Государеву указу, бывають записываемы поминъ по всякаго рода чинахъ, которые побыты подъ Псковомъ или подъ Смоленскомъ; а иногда и цѣлыя тысячи жертвъ Іоанновыхъ, подъ однимъ краткимъ собирательнымъ словомъ: «помяни Госпо-

ди души рабъ своихъ, тысящу пять сотъ пяти человекъ Новгородцевъ, отданныхъ по Малютинъ сказкѣ.» (т. е. убиенныхъ).

Такъ какъ самъ преподобный Кириллъ занимался писаніемъ книгъ и послѣ него несколько осталось келейныхъ рукописей, то и присные ученики его, Оерапонтъ, Мартиніанъ, Христофоръ, Ниль Сорскій и другіе, подражая его примѣру, занимались также писаніемъ книгъ; въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго, сказано, что онъ по себѣ оставилъ много книгъ своего письма въ Кирилловъ, которыхъ впрочемъ уже теперь тамъ нѣтъ, но еще сохранились въ ризницѣ несколько рукописей, письма Христофорова. Любитель просвѣщенія духовнаго, святой Іосифъ Волоколамскій, подвизавшійся въ обителѣ Кирилловой, быть можетъ въ ней почерпнулъ свою любовь къ ученымъ занятіямъ и, можно сказать, что любознательный духъ святаго Кирилла, сдѣлался наследіемъ его учениковъ, которые вмыслили себѣ въ обязанность, прилагать писменные труды свои къ его трудамъ; такимъ образомъ, составлялась сія обширная бібліотека, единственная въ свое время, потому что ни въ какой иной обителѣ, ни даже въ лаврѣ Троицкой, не было подобной. Не достойно ли особеннаго вниманія, что въ такой глуши, на дикомъ сѣверѣ, Кирилловъ монастырь, служившій мѣстомъ заточенія, былъ не только расадникомъ иночества, но многому числу вышедшихъ изъ него настоятелей, но въ то же время источникомъ просвѣщенія

по своимъ книгамъ, и одною изъ сильнѣйшихъ твердынь государства, въ тревожныя его эпохи?

Мнѣ оставалось видѣть еще древнюю ризницу, и на следующей день я могъ внимательно ею заняться; признаюсь, грустное впечатлѣніе она во мнѣ оставила. После лаврской не было ризницы богаче Кирилловой, потому что ни въ одной обители, не было столько драгоценныхъ вкладовъ, отъ Царей и богатѣйшихъ вельможъ нашихъ; въ теченіи четырехъ вѣковъ поступила въ нее огромная сумма, по тогдашнему времени, 140,000 рублей однихъ денежныхъ вкладовъ, какъ значится по старымъ монастырскимъ описямъ. Самымъ щедрымъ вкладчикомъ былъ Царь Іоаннъ, одинъ пожертвовавшій въ обитель слишкомъ 23,000 рублей; терзаемый совѣстію, одновременно взнесъ онъ по душѣ убиеннаго имъ сына, Царевича, 2,355 рублей, и по «опальныхъ, избѣженныхъ, истопленныхъ и сезженныхъ, съ женами, чадами и домочадцами,» дано имъ 2,200 рублей:— не страшная ли это льтопись его царствованія занесана въ синодикахъ Бѣлозерскихъ? Не забылъ онъ и своего добродѣтельнаго наставника, іерея Сильвестра, удалившагося въ Кириллову обитель отъ его гоненій и потомъ сосланаго въ Соловецкую; Царь послалъ по немъ и по сыну его Анѣимъ, 25 рублей, а душеприкащики ихъ внесли еще 140 рублей, и бояринъ Адашевъ, также бывшій другъ и гонимый Іоанномъ, внесъ сюда 200 рублей поминовенія по отцу своему иноку Арсенію, постриженномъ въ Кири-

ловъ, ибо это было тогда общее пристанище обуваемыхъ вельможъ. Ихъ денежныхъ вкладовъ достаточно было, чтобы обогатить обитель; одни Шереметевы пожертвовали 3,800 рублей, Голицыны 3,500 рублей, Воротынскіе 1,600 и такъ dalje, и каждый Святитель послыное приносилъ отъ себя подальше преподобному Кириллу.

Можно судить по симъ вкладамъ и о богатствѣ прежней ризницы, въ которой жемчужныхъ облачений считалось до семнадцати, по описи 1664 года. Одинъ Іоаннъ прислалъ на шесть тысячъ рублей богатѣйшихъ ризъ, ради поминовенія по сыну своему Царевичу Іоанну. Но въ исходѣ мнувшаго столѣтія начался упадокъ обители и постепенное оскуднѣніе ризницы. Въ 1785 году, вытребовано было въ Москву, много драгоценныхъ вещей изъ Кириллова, жемчужныхъ одеждъ, золотыхъ крестовъ и потировъ, которые потомъ поступили въ различныя лавры; такимъ образомъ не возвратно взяты 12-ть пангій и до шести крестовъ, четыре архимандричьи шапки, и до 15-ти ризъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, еще больше оскудѣла древняя ризница, потому что много старинныхъ вещей сосудовъ и облачений, числомъ до 400, какъ безполезныя, были обращены въ слитки серебра, что составило до четырехъ пудовъ, но утратилось не возвратимое — древнія святая. Это объясняетъ нынѣшнюю скудость ризницы Кирилловой; тѣмъ драгоценнѣе становится для насъ Троицкая, которая

соблюдаютъ въ летошномъ порядкѣ вся царственныя даянія своихъ вкладчиковъ.

Самый драгоценный предметъ въ ризницѣ, есть подлинный образъ, или лучше сказать портретъ преподобнаго Кирилла, писанный ученикомъ его, также прославленнымъ въ ликахъ святыхъ, Дионисіемъ Глушицкимъ. Не болѣе пяти вершковъ въ сей чудной иконѣ, но святой Кириллъ изображенъ въ ростъ, уже въ старческихъ лѣтахъ, съ открытою головою, съ челою возвышеннымъ, выражающимъ благочестивую думу; руки его сложены на персяхъ; на немъ мантия иноческая и аналавъ съ крестами. Золотые вѣнецъ и цата, на иконѣ, великолюбно украшены крупнымъ жемчугомъ, яхонтами, изумрудами и алмазами; не менѣе богато украшены среброкованная поля вокругъ иконы, съ изображеніемъ на нихъ знаменія Божіей Матери и Херувимовъ, усыпанныхъ лаллами и бирюзой. На подлинсѣ значится, что образъ сей обложенъ въ 1614 году, при игуменѣ Матоевѣ, который былъ въ послѣдствіи Митрополитомъ Казанскимъ и оставилъ по себѣ много драгоценной утвари; есть на иконѣ драгоценныя привѣски, отъ Княгини старицы Евфросиніи, жившей въ Горницкомъ монастырѣ. Особенный кивотъ устроенъ для храненія сей драгоценной иконы, которая обыкновенно стоитъ въ Успенскомъ соборѣ, а на кивотѣ подлинсѣ, что она писана еще при жизни преподобнаго, въ 1424 году. На внутреннихъ створахъ, во дни того же игумена Матоева, изображены четыре событія изъ жиз-

ни святаго Кирилла: его рожденіе, явленіе ему Божіей Матери, сооруженіе имъ креста при основаніи обители, и писаніе съ него портрета, преподобнымъ Дионисіемъ.

Отъ блаженнаго Кирилла сохранились и нѣкоторыя келейныя вещи, бывшія у него въ употребленіи: напрестольное евангеліе, писанное ученикомъ его Христофоромъ въ 1417 году. На заглавномъ листѣ начертано полууставомъ молитвенное предисловіе: «Господи Исусе Христе, Сыне едиnorodный безначальнаго Отца, рекій пречистыми ти уста, яко безъ мене не можете творити ничтоже; Господи мой Господи! вѣрою объемъ въ души моеи и въ сердцѣ, тобою реченное, припадаю къ твоей благодсти; помози мнѣ грѣшному сіе желанное мною начеи, о тебѣ самою и навершати.» а въ концѣ столь же смиренное послѣсловіе: «края достигохъ, о Отцѣ и Сыни и Святомъ Духѣ возмогаемъ, и святаго евангелія божественную книгу сію, грубыми и неудобренными алфавиты, въ лѣто 6925, Іюля въ 12 день, на память преподобнаго отца Онуферія.» Среброкованный окладъ сдѣланъ былъ на сіе евангеліе, еще при жизни преподобнаго Кирилла, повѣлѣніемъ Великаго Князя Василія Васильевича, какъ значится въ подлинсѣ, и потому оно было поповлено Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1514 году; тогда вставлена въ окладъ икона Знаменія, съ ликами преподобныхъ Сергія и Кирилла. Есть еще до тринадцати келейныхъ

книгъ, писанныхъ самимъ преподобнымъ, или ближайшими его учениками.

Сохранилась и риза святого Кирилла, изъ благо мухояра, обшита голубою камкою, съ такимъ же крестомъ, подбита простой холстиною, драгоценная не по своему убранству, подобно Сергіевой, и стихарь изъ той же матеріи, съ голубымъ оплечемъ. Тамъ и его духовное завѣщаніе, которое уже намъ извѣстно, на имя Можайскаго Князя Андрея, писанное собственно рукою угодника Божія, столбцемъ, длиною въ 11 вершковъ, полууставомъ, почеркомъ довольно четкимъ и красивымъ съ титлами. Есть и двое веригъ съ крестами, въ которыхъ подвизался преподобный: въ одной изъ нихъ вѣса больше 8 фунтовъ, и шерстяной его колпачекъ и шуба изъ черныхъ овчинъ, и такъ называемый татаурецъ, или ремешный поясъ, съ деревянною пряжкой и карманнымъ ножикомъ, двѣ чашки изъ красной мѣди, въ видѣ ковшеи, съ кожаными ихъ влагалищами, приспособленныя къ дорогѣ, дабы могъ онъ, по слову псаломному, «изъ потока на пути пить» (Пс. 109.) и путническій костюлъ его, изъ орховаго дерева; а изъ священной утвари, деревянныя сосуды, съ которыми совершалъ самъ божественную литургію: красный потиръ съ деисусомъ и такой же дискосъ, совершенно подобныя тѣмъ, съ коими служилъ и блаженный учитель его, Радонежскій Сергій, ибо изъ ученикъ болѣе учителя, по слову евангельскому (Матѣ. X, 24), а Кириллъ подражалъ ему въ смиреніи. Не умилиль-

но ли видѣть, что въ сей никогда великолынной ризницѣ, убогая утварь перваго настоятеля, пережила все собранное и въ послѣдствіи утраченное богатство, которое, казалось, закрывлено было столькими грамотами и замками?

Посмотримъ, что же осталось отъ всѣхъ великолынныхъ вкладовъ Царя Іоанна Васильевича? остались: одни золотые его сосуды, потиръ, дискосъ и лжица, гладкіе безъ украшеній, съ обычнымъ деисусомъ и причастными на нихъ словами, и два серебряныя блюда; копіе же и звезда на отъ нихъ, уже утрачены, и еще серебряный ковшъ Царя: — вотъ и вся память Грознаго, въ любимой его обители, на чье имя даже постригся. Есть еще другой золотой потиръ, но уже не царскаго вклада, а современнаго Іоанну Святителю Полоцкаго Аванасія, который былъ тринадцать лѣтъ игуменомъ обители, потомъ столько же лѣтъ возсѣдалъ на кафедрѣ Полоцкой и уединился опять на мѣсть иноческаго своего обѣта. Еще серебряныя сосуды, пожертвованы Императрицею Анною, которая особенно благоговѣла къ обители; другихъ болѣе драгоценныхъ не сохранилось у преподобнаго Кирилла, котораго ризница не уступала Сергіевой. Заслуживаетъ вниманія еще одна позлащенная кадильница, въ видѣ платялагаго собора, которая пожертвована, въ 1668 году, служителемъ Князя Воротынскаго, съ изображеніемъ на ней семи первыхъ діаконовъ Апостольской церкви.

Между замѣчательными покровами на раку пре-

подобнаго, уцѣлюю нѣсколько шитыхъ шелками и золотомъ съ ликомъ святаго, тѣлеснаго цвѣта, но они рѣдко возлагаются на его гробницу. Самый древнѣйшій изъ нихъ, 1514 года, есть даръ Великаго Князя Василія Ивановича, пострѣгагося на имя обители. Второй изъ нихъ его невестки, Царицы Анастаси изъ дома Романовыхъ, 1555 года, пожертвованнѣйшій послѣ взятія Казани, но уже утраченъ жемчуги, которыми былъ унизанъ. Третій покровъ шитъ золотомъ и шелками, по голубому полю: это приношеніе отъ святаго святому, даръ мученика Царевича Дмитрія пренодобному Кириллу, съ которымъ вмѣстѣ сопричтенъ къ ликамъ заступниковъ земли Русской. Сверху вышита икона Святой Троицы, а въ каймѣ тронарь святому Кириллу: въ подлинѣ сказано, что «повелѣніемъ Царя Феодора Ивановича и его супруги, Божіею милостію Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Руси сынъ, Царевичъ Князь Дмитрій Ивановичъ Углицкій, приложилъ покровъ сей Кириллу Бѣлозерскому чудотворцу, за ихъ Государеву здравіе, и за свое и за матеръ свою, Царицу и Великую Княгиню Марію.» Изъ сего видно, что Царевичъ, будущая жертва Годунова, уже въ Углицѣ и какъ бы домогается напоминъ о себѣ предъ лицомъ всей Россіи, что онъ действительно сынъ Царя и съдѣственно его наследникъ. Есть нечто льстивое, и вмѣстѣ траурное въ этомъ покровѣ! Четвертый устроень при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, супругою его Марією Пальничною.

Драгоценна плащаница, шита древнимъ высокимъ искусствомъ, въ Горницкой обители, которая всегда славилась своимъ рукодѣльемъ. На ней изображено положене въ гробъ Спасителя, а вокругъ восемь Апостоловъ и столько же Пророковъ, три Святителя Греческіе и три Московскіе и еще нѣсколько ликовъ Святыхъ, съ предстоящими Ангелами. Это даръ Княгини шюкнии Евфросиніи, вдовы Князя Старикаго Андрея, которая была столь великодушна въ своихъ вкладахъ обители Кирилловой: она ихъ жертвовала по своему мужу, дядѣ царскому, замученномъ въ темницѣ Московской, во дни малолѣтства Іоаннова, его суровою матерью правительницею Еленою, и по сыну своему Князь Владиміръ Андреевичъ, который пострадалъ, быть можетъ, по ея честолюбивому совѣту, когда внушила ему дерзновенную мысль, во время болѣзни Царя, что онъ можетъ быть его наследникомъ. Но еще плащаница устроена, какъ видно по надписи, при жизни сына, когда однако уже висѣлъ мечъ надъ его главою; честолюбіе проглядываетъ изъ словъ самой надписи: «въ царство благовернаго Царя Іоанна Васильевича всея Руси, при преосвященномъ Митрополитѣ Макаріи, повелѣніемъ благовернаго Князя Владиміра Андреевича, внука Государя Іоанна Васильевича всея Руси». Мать шюкния напоминаетъ здѣсь о высокомъ происхожденіи своего сына, которое обольстило ее столькими несбывшимися надеждами. Вскорѣ сынъ ея, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, вынужденъ былъ вы-

нить ядовитый кубокъ, предъ лицомъ Грознаго, а его мать, не пощажённая даже въ иночествѣ, утоплена въ рѣкѣ Шекснѣ, подъ стѣнами обитали Го-ришкыи.

Посмотримъ теперь, что же осталось отъ богатыхъ облачений, которыхъ громкая память сохранилась еще въ описи монастырской? Тамъ упоминаются ризы для двухъ священниковъ, пожалованныя Царемъ Иоанномъ, сплошь унизанныя жемчугомъ сверху и до низу, съ драгоценными на нихъ камнями въ золотыхъ дробинцахъ, въ коихъ считалось до 160 лалловъ, изумрудовъ, яхонтовъ и алмазовъ, такъ что полное облачение вѣсило болѣе полууда, едва выносимое для служащаго, и такою же при немъ полновѣсный стихарь. Были еще пятнадцать ризъ жемчужныхъ, не много уступающихъ сему царскому дару, хотя и невѣдомыхъ вкладчиковъ, и болѣе 150 ризъ парчевыхъ, не считая прочихъ мелкихъ предметовъ. Когда же при Патриархѣ Юсафѣ II въ 1679 году, игуменъ Кирилловскій Аонасій, возведенъ былъ на степень архимандрита, съ предоставленіемъ ему и освященія архіерейскаго, то нѣсколько великодушныхъ митръ устроилось въ ризницѣ. По старымъ описямъ ихъ считалось семь и одна превосходила другую богатствомъ. Теперь же осталась одна только митра, нѣсколько украшенная жемчугами и камешками, съ золотыми дробинцами, не весьма давній вкладъ жены окольникяго Алферова, и жемчужное платье, богато унизанное перлами и камнями

ми драгоценными, которое достойно еще времени миновавшихъ; тутъ вся сокровища Кирилловы!

Вотъ и еще одно свидѣтельство, мимотекущаго счастья и непостоянства славы человѣческой въ ризницѣ Кирилловой, и этимъ заключу ея описаніе. Въ незамѣтномъ углу ея виситъ бѣлый клобукъ, бывшаго Никона Патриарха, и стоятъ его деревянные кресла, весьма простые, имъ самимъ сдѣланныя, во время заточенія; ручки рѣзныя, окрашены голубою краскою, сидѣнье обито зеленымъ полубархатомъ. Снизу на ручкахъ начертана полууставомъ крупная надпись: «лѣта 7176 (1668), Марта дня сей стулъ сдѣланъ смиреннѣмъ Никономъ Патриархомъ, въ заточеніи за слово Божіе, за святую Церковь, въ Оеропонтовъ монастырь въ тюрьмѣ». Бывшій Патриархъ перенесъ ихъ съ собою и въ тюрьму Кириллову, и на нихъ, вѣроятно, сидѣлъ онъ на крыльцѣ, въ послѣдній день своего заточенія, когда по тайному предчувствію сталъ собираться въ путь; съ нихъ болѣзненно онъ приподнялся, чтобы выслушать милостивый указъ царицы о своемъ возвращеніи, и двинуться въ желанный путь къ своей обители, который не суждено ему было довершить живымъ, ибо вмѣсто земнаго Іерусалима ожидать его небесный и только одна могила, подъ устроенною имъ Голговою.

Какія странныя бывають встрѣчи въ жизни! Вечеромъ, въ сопровожденіи намѣстника, обходили я опять пустынные двory монастыря, останавливаясь предъ его древними храмами, чтобы еще болѣе на-

печатлялся въ памяти ихъ литонисный образъ. Долго стоялъ я подъ святыми вратами, и читалъ на нихъ въ лицахъ, отечественный нашъ патерикъ, начертанный на стѣнахъ, какъ бы для сравненія, въ противоположность съ Греческимъ. На одной сторонѣ написаны великіе отшельники шахи; на другой, дивные подвижники Египта и Палестины, но больше было тутъ родственныхъ намъ пустынножителей, нежели восточныхъ. Два Кирилла, Белозерскій и Новозерскій, другъ противъ друга, вероятно по ихъ тезоименитству, ибо они не современны и не равно пользовались славою Сергій Радонежскій и Савва Освященный, достойные другъ друга, какъ родоначальники многихъ обителей; тутъ же и именитые иноки сей обители, Оерапонтъ и Мартианъ, Діонисій Глушицкій и Корнилій Комельскій, Пилъ Сорскій и Филиппъ Ирабскій, если не измѣляетъ мнѣ память; но я весьма помню Симеона столпника, на его дивнои столбѣ, а напротивъ него, какъ райскую птицу, на развѣстномъ древѣ, преподобнаго Павла Обнорскаго, который действительно прожилъ несколько лѣтъ въ древесномъ дуплѣ, окрыляемый вѣтромъ, и вмѣстѣ съ хоромъ пернатыхъ, возсылалъ утренніе и вечерніе гимны Творцу всея твари, видимыхъ и невидимыхъ.

И вотъ, покаместъ стоялъ я, погруженный въ глубокую думу о сихъ великихъ подвижникахъ, чуждыхъ всего земнаго, внезапно услышалъ я съ земли, женскій голосъ, неспрята нарушившій мои

думы: «здравствуй, баринъ, мы давно съ тобою знакомы». Съ изумленіемъ я оглянулся и увидѣлъ женщину, которая подползла ко мнѣ на колыняхъ, потому что не имѣла ногъ, и что еще больше меня удивило, на вопросъ мой: «гдѣ же мы видѣлись?» весьма рѣшительно отвѣчала: «въ Италіи! — Помнишь ли, когда я ѣздила на богомолье къ Николину чудотворцу въ Барі, и еще лошадь моя оставалась у нашего Графа въ Неаполѣ?» Тогда я вспомнилъ Марю, родомъ изъ Перми, о которой я писалъ въ монахъ Римскихъ письмахъ; но мы съ нею не встречались въ Италіи, а только я слышалъ о ея необычайной поездкѣ, отъ нашего посланника въ Неаполѣ, въ то время, какъ она находилась въ Барі. «Какъ же ты теперь очутилась въ Кирилловѣ?» спросилъ я неутомимую путешественницу. «Собиралась къ Соловецкимъ чудотворцамъ, да не пускаютъ, отвѣчала она; говорить, тамъ Англичанинъ, такъ я пришла сюда помолиться Преподобному». — «А гдѣ же твоя дочь, которая возила тебя по Италіи?» — Она мнѣ не дочь и теперь уже меня другая возитъ, отвѣчала Марья, а ту я оставила въ Горницкомъ монастырѣ; захотѣла тамъ основаться». — «А что я чаю, трудно было вамъ скитаться по чужимъ землямъ, безъ языка и безъ проводниковъ? сказали я нашей наложницѣ, какъ еще васъ Богъ пощадилъ, что вы остались цѣлы?» — И, баринъ, весело отвѣчала она, смѣлымъ Богъ владѣть, а языкъ и до Кіева доведетъ; ночью мы не ѣздили, а только днемъ, и все большими доро-

гами, а ночевали больше на дворѣ, подъ окнами постоянныхъ дворцовъ, чтобы дешевле было, да и нечего у насъ было ограбить. Итальянцы-то, добрые люди, но отъ Нѣмцевъ намъ больно доставалось и много мы отъ нихъ смѣха приняли; такой уже нелюбовный народъ. — «Да какъ же вы находили дорогу?» — «А вотъ какъ, батюшка: мы все спрашивали большіе города, что наши столицы; вотъ у Нѣмцевъ, слышали мы, главный городъ Вильна (то есть Вѣна Wien), мы все и спрашивали Вильну, а намъ рукою туда и указывали путь; а потомъ стали спрашивать Италію, а потомъ Рому, гдѣ у нихъ Папа сидитъ, а оттолъ все стали спрашивать Наполе, наполе, (то есть Неаполь, по Италіиски Napoli), да такъ и дохали, а назадъ-то мы и безъ проводниковъ дорогу нашли; только бы первый разъ попасть, а уже потомъ Нѣмцамъ мы не кланялись.»

Не страшная ли, по истинѣ, встреча, на дальнемъ сѣверѣ, подъ святыми вратами Бѣлозерской обители, съ безноготою богомолкою, которая рассказывала мнѣ, что видѣла она «наполь», по ея обрусившему названію очаровательной столицы южной Италіи. Если бы дѣйствительно я не слышалъ объ ней въ Неаполь, отъ нашего посланника, и самъ бы ее не видѣлъ въ Кирилловъ монастырь, трудно было бы повѣрить ея словамъ; но такова уже предпримчивость народа Русскаго! Не обомелъ ли недавно другой славной паломникъ, также изъ Перми, весь Востокъ, да еще и способствовалъ къ

изданію книги Святогорца, о такихъ мѣстахъ, гдѣ хотя и самъ былъ вмѣстѣ съ нимъ, но который однако не видѣлъ, а только объ нихъ слышалъ. вблизи какъ бы издали?

Горцы.

На третій день моего пребыванія въ Кирилловѣ, просилъ я отца Архимандрита, отпустить со мною его намѣтника, для посѣщенія Горницкой женской обители и пустыни Нила Сорскаго. Мы рано собрались въ путь, чтобы еще застать позднюю литургію въ Горницахъ, которая отстоятъ за семь верстъ отъ монастыря; намъ благопріятствовало ясное весеннее утро; излучистая дорога пролегла сперва вдоль величественнаго озера Сиверскаго, а потомъ лѣсистыми пригорками, которая высокая гору Мауру, поросшую лѣсомъ, которая господствуетъ надъ живописною долиною Шексны. На берегу сей тихой рѣки, въ одномъ изъ ея своеобразныхъ изгибовъ, притаилась у подошвы Мауры, скромная обитель инокинѣ, робко искавшихъ себя пріюта, и здѣсь между горъ обрѣтшихъ, подобно

голубицы Ноевой, место стоянія ногамъ своимъ, отчего и обитель прозвалась Горницами. Но это безбурное нѣмъ пристанище, отколь, какъ изъ чистаго многоводнаго источника, непрерывно почерпають духовную струю окрестныя обители, чрезъ избираемыхъ отсель настоятелей, — эта мирная обитель, отъ самаго своего начала, долгое время была местомъ плача и царственной скорби великихъ земли, невольно здесь постригаемыхъ или заточаемыхъ. Горницы были, какъ и Кирилловъ, во дни Иоанна и позже, исключительнымъ местомъ ссылки для княжескихъ и царскихъ инокинь, ибо не было другой женской обители, въ такой суровой глуши, подъ крѣпкою стражею Кирилловыхъ твердынь.

Первая горько обновила сію темницу великая инокиня Евдокія, бывшая въ міръ Княгиня Старрицкая Евфросинія. Она, во дни своей славы, будучи супругою меньшаго изъ сыновей Великаго Иоанна, устроила сію обитель въ 1544 году, для невѣдомыхъ намъ инокинь, потому что не сохранилось даже имени первой настоятельницы; она соорудила здесь первую церковь, досель существующую, во имя Воскресенія Христова, такъ какъ прѣльбы Бѣлозерскіе были всегда достоинствомъ Князей Можайскихъ или Старрицкихъ, младшей отрасли державствующаго великаго Князя. Не думала тогда честолюбивая Княгиня, тетка Царя Иоанна Васильевича, хотя уже испытанная бѣдствіемъ во время его малолѣтства, при жестокой правительницѣ Еле-

нѣ, которая уморила въ темницѣ ея мужа, недумала она, что обитель Воскресенская, ею устроенная на дальнемъ свѣрѣ, будетъ для нее местомъ заточенія: но такая горькая судьба ее здесь ожидала. Когда во время близости Иоанновой, не состоялся ея честолюбивые замыслы, она вынуждена была сперва клятвенно отказаться отъ всякихъ притязаній, для сына своего, на вѣнецъ царскій. Потомъ, по кончинѣ кроткой Анастасіи, когда уже предвидѣлась гроза Иоаннова, Княгиня постриглась, волею или неволею, въ одно время съ своею племянницею, вдовою царскаго брата Юрія, и еще со всею пышностію двора княжескаго, сопровождаема была въ Горницы, отколь осыпала своими благодѣяніями сосѣднюю обитель Кириллову. Это было въ 1568 году, а шесть лѣтъ спустя, княгиня инокиня Евдокія, по волю грознаго Царя, утоплена была въ мимотекущей Шексѣ, вмѣстѣ съ племянницею своею Іуліаніею, въ иночествѣ Александрю, въ виду основанной ею обители. Но гнѣвъ Иоанновъ не помышлялъ воздать имъ послѣдняго долга и объ княжескія страданія погребены были противъ олтара соборнаго, въ особой часовнѣ, гдѣ часто надъ ихъ гробами служили панихиды.

Протекли не многіе годы и тамъ явилась другая именитая узница, вдова мучителя Евфросинія, осиротѣвшая Царица Марія, въ инокиняхъ Марѳа, которая только что лишилась сына своего мученика Царевича Димитрія, убиеннаго въ Угличѣ, и невольно была пострижена въ Череповской обители свя-

таго Николая, что на Выксе; но она, отъ времени до времени, посещала Горницы и тамъ устроила два придела въ соборной церкви, во имя Богоматери Одигитрии, путеводительницы на бѣдственномъ морѣ житейскомъ, и святаго Кирилла Бѣлозерскаго, какъ ближайшаго покровителя, пустыннаго ея заточенія. Вскорѣ однако, съ сердечною радостію, соорудила она и третій приделъ въ томъ же соборѣ, во имя прославленнаго сына ея Царевича Дмитрія, котораго нетлѣнные мощи уже перенесены были въ соборъ Архангельскій, и сама она, возвращенная изъ заточенія, водворилась въ Кремлевской обители Вознесенія, при державѣ Василія Шуйскаго. Образъ сына, ею присланный для сего новаго придела, доселѣ стоитъ въ церкви. Какъ утѣшительно было сердцу матери, призывать въ лицахъ святыхъ имя милаго своего отрока, столь горько и столько лѣтъ, ею оплакиваемаго!

И другихъ именитыхъ изгнанниковъ, видѣла въ стѣнахъ своихъ обитель Горницкая, во дни Годунова, въ числѣ коихъ былъ также царственный отрокъ, будущій Царь Михаилъ. Когда утвердился на престолѣ Царь Борисъ, онъ простеръ свое гоненіе на всѣхъ родственниковъ бывшаго Царя Феодора, и первыми жертвами были Романовы, ближайшіе по родству къ престолу. Бояринъ Феодоръ Никитичъ, будущій Патріархъ, былъ постриженъ неволею въ Сѣйскомъ монастырѣ Архангельскихъ предѣловъ; супруга его, великая инокня Марфа, въ одномъ изъ за-Онежскихъ погостовъ, а зятя,

Князя Бориса Черкаскаго, съ женою и малолѣтними дѣтьми брата ея, заточили на Бѣлоозеро; самаго Князя въ Кирилловѣ, жену же съ отрокомъ Михаиломъ, въ Горницахъ: и такъ обитель сія была свидѣтельницею отроческихъ его слезъ и отсюда переселился онъ въ Костромскія свои отчины. Едва только возвращены были изъ заточенія Царя Марія и Романовы, какъ ихъ тамъ на время смѣнила другая жертва, уже самозванца, — дочь ихъ гонителя Годунова, прекрасная Ксеція, опозоренная лже-Димитріемъ и посланная имъ изъ Бѣлоозеро. Казалось уже такая была участь Горницъ, что въ ихъ ограду всѣ державные гонители платили, собственными присными жертвами, за пролитую ими кровь или за гошимыхъ въ сей пустынь. Тотчасъ однако, по смерти самозванца, освобождена была несчастная Царевна.

Есть еще одинъ приделъ, въ соборномъ храмѣ Троицкомъ, близъ Дмитріева, во имя Великомученицы Екатерины, который, быть можетъ, былъ сооруженъ на память другой царственной, невольной инокни Марин, супруги Шуйскаго; известно, что она была пострижена подъ именемъ Екатерины и увезена въ Суздаль, а можетъ быть и на Бѣлоозеро. Не приложила ли и она своей печальной памяти, къ памяти другихъ узницъ Горницкихъ, и не ею ли устроенъ приделъ, во имя Великомученицы? — Впрочемъ это одинъ только предположенія. Что касается до колокольни, то известно, что она сооружена была вѣдвиемъ Царицы Марин, ма-

тери мученика Димитрія, которая особенно благоволила къ обители Горницкой. Вотъ все, что намъ сохранила о ней отечественная исторія;—более царственныхъ слезъ въ ней было пролито, нежели сколько разсыпано жемчуга на богатыхъ приношенияхъ ея великихъ затворницъ!

Съ такими воспоминаниями взомелъ я въ мирную ограду Горницкой обители и уже засталъ литургію въ тепломъ Троицкомъ соборѣ; его соорудила усердная игуменья Маврикія на мѣсть той часовни, которая была поставлена надъ гробами Килгилъ Евфросиніи и Іуліани. Внутреннее устройство храма очень изящно; есть два придѣла, на иностранныхъ хорахъ, и въ почти иконы художества самихъ сестеръ. Чудотворная икона Владимірской Богоматери привлекаетъ молитвенниковъ, благочиніе священно-дѣйствующихъ и поющихъ ликомъ возбуждаетъ къ молитвѣ; повсюду виднѣть порядокъ и материнская забота многолѣтней настоятельницы, которая уже более сорока лѣтъ управляетъ обителью и сдѣлала ее расадникомъ иночества на свѣрь, ибо до трехъ сотъ сестеръ и послушницъ собралось подлѣ ея мирную снѣ. Еще недавно, отъ тихой лампы Горницкой, возгласъ другая более яркая, въ сѣверной столицѣ, и малая сперва семья инокинь, скромно пріютившаяся на берегахъ Невы, въ бывшемъ подворьѣ Уніатскомъ, теперь торжественно и многолюдно переселилась въ новую великолѣпную обитель Воскресенія, которая для нихъ сооружена Царскими щедро-

тами, во исполненіе благочестивой мысли державной Елисаветы. И сколько другихъ отраслей пустила отъ себя мирная обитель Горницкая, куда преимущественно уединяется цвѣтъ нашего дворянства, чтобы вдали отъ мірской суеты, на безвѣстныхъ берегахъ Шексны, насыщать душу созерцаніями духовными! Келліи инокинь деревянныя, малыя домиками разсыяны кругомъ двора, на скатъ холма спускающагося къ рѣкѣ; по смиренной наружности Горницъ, нельзя себя вообразить какое духовное богатство въ ней таится и сколько опытныхъ руководительницъ, изъ глубины своего смиренія, даровала она другимъ более прославленнымъ обителямъ!

Послѣ обѣдинъ взомелъ я въ холодный соборъ Воскресенія, чтобы взглянуть на его историческіе престолы, но кромѣ нѣкоторыхъ древнихъ иконъ, Одигитрии, преподобнаго Кирилла и Царевича Димитрія, не нашелъ въ немъ древностей, потому что постепенно все поновляемо было съ годами, и даже внутреннее расположеніе храма передѣлано въ недавнее время для расширенія ризницы. Часть первой храмодательницы Килгилъ Евфросиніи, Царицы инокини Маріи, Царевны Кесеніи и другихъ страдальницъ сего лѣтовиснаго мѣста, живо представились моему воображенію, особенно въ придѣлѣ Царевича Димитрія, который вмѣстѣ напоминалъ и о земномъ плачѣ матери и о небесной славѣ ея отрока.

Покаместъ осматривалъ я церковь, взошла сама

игуменя Маврикія. Двѣ послушницы возвели осьмидесятилѣтнюю старицу на церковное крыльцо, и я изумился ея бодрости въ такіе преклонные годы. Сама она усердствовала показать мнѣ все что было устроено въ долгое ея управленіе, и я напрасно убѣждалъ ее пощадить свои силы. Трогательно было ея смиреніе: ничего не приписывала она себѣ, хотя все, можно сказать, было дѣломъ рукъ ея, и безпрестанно отговаривалась своимъ невѣдніемъ и простотою. «Я, батюшка, ничего не помню и не знаю, потому что меня уже одолеваетъ старость, а вотъ, извольте сами смотреть, что у васъ есть предъ глазами.» На вопросы историческіе о ея обители, она смиренно отвѣчала: «гдѣ мнѣ все это знать, вѣдь я изъ простыхъ», и действительно, не со стороны исторической, замѣчательно теперь монастырь; надобно видѣть, что она въ немъ сдѣлала, въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи, дабы вполне оцѣнить сорока-лѣтній ея подвигъ. Не напрасно и тѣ настоятельницы, которыя вышли въ другія обители изъ подѣ ея сѣни, желали бы опять возвратиться къ ней въ качествѣ послушницъ.

Игуменя предложила мнѣ прежде всего осмотрѣть ризницу, и есть чѣмъ полюбоваться въ этомъ богатомъ хранилищѣ; не знаешь чему больше дивиться: богатству ли украшенія или изяществу вкуса, ибо тутъ все слито вмѣстѣ; одной этой утвари стало бы на многія обители. «Много ли вы сами тутъ трудились?» спросилъ я у игуменя. — «Умѣла я шить въ свое время, отвѣчала она, те-

перь уже давно глаза и руки отказались, да и прежнихъ золотшвей у насъ теперь нѣтъ; вотъ то, что собрала въ сорокъ лѣтъ.» Когда удовлетворилось мое любопытство въ ризницѣ, неутомимая настоятельница повела меня въ нижній ярусъ соборной церкви, гдѣ устроена трапеза съ придѣломъ святаго Кирилла Новозерскаго. Можно было полюбоваться на опрятность и порядокъ, которые наблюдались между многочисленными сестрами. Далѣе повела она въ хлѣбню и поварню, куда проведена ея вода изъ кладезя, не безъ многихъ издержекъ, чтобы только соблюсти вездѣ чистоту и для облегченія служащихъ сестеръ. Потомъ мы поостили больницю, и это было вѣнецъ ея христіанскіихъ подвиговъ. Мнѣ совѣстно было утруждать почтенную старицу, но она хотѣла непременно всюду за мною слѣдовать, и ее, какъ бы несли на рукахъ по монастырю, потому что кости ея по выраженію псаломному, «яко сушило соехошася,» и только бодрость духовная оживляла это обветшалое тѣло. «Вы меня не ждите, а я уже нагошю васъ,» говорила она и действительно, едва только дошелъ я до больничнаго корпуса, уже Маврикія была тамъ. Это вмѣстѣ больница и богадѣльня для неизлечимыхъ; въ ней устроена церковь Покрова Богоматери и еще во второмъ ярусѣ два придѣла, Небесныхъ Силъ и Претечи; служба видна и слышна и для живущихъ внизу. Нельзя было безъ удивленія смотрѣть, какъ всѣ болѣція встречали свою мать игуменью, въ полномъ смыслѣ сего сло-

ва; все желали поцеловать ее руку; одна многолетняя страдалница, прикованная к одру болезни, просила только, чтобы игуменья подошла к перегородке, дабы могла на нее взглянуть: такую общую любовь и уважение умела она возбудить во всех, без различия возраста и звания.

Из больницы взмохел я в келью радушной настоятельницы, которая хотела непременно чьм-либо меня угостить, не смотря на краткость времени, потому что я спынил в пустынь Нила Сорского, чтобы к вечеру возвратиться опять в Кирилловъ, а между тѣмъ черныя тучи скопились уже на вершинѣ лѣсной горы Мауры. Съ балкона кельи открывался живописный видъ, на внутренность обители и на веселую окрестность, оживленную теченіемъ рѣки; старица все заботилась о угощеніи. «Куда вы такъ свѣшите, говорила она, прѣхавъ однажды сюда, изъ такихъ далекихъ мѣстъ! — на нѣсколько часовъ столю ли прѣзжать?» — «По развѣ я уже не осматрѣлъ всего, что наиболее достойно вниманія въ вашей обители?» отвѣчалъ я, теперь могу составить себѣ полное и ясное объ ней понятіе; а между тѣмъ, вы сами знаете, что до обители Нила Сорскаго отсюда еще пятнадцать верстѣ, и столько же оттуда обратно до Кирилловой, и вотъ посмотрите на Мауру: она грозитъ дождемъ.» Но почтенная старица, для которой одна ея обитель, составляла всю вселенную, не могла постигнуть, какимъ образомъ, въ теченіи одного дня, думаю я вмѣстѣ столько предметовъ, когда вся ея жизнь

протекла на одномъ мѣстѣ. «Развѣ не исполнилъ я слова, даннаго вамъ еще въ Петербургѣ, нынѣшнею зимою, сказать я, посетитъ вашу обитель? — Много лѣтъ я туда собирался; довольно и того отраднато впечатлѣнія, которое она оставила навсегда въ моемъ сердцѣ; хорошо, если и нѣсколько такихъ душнстыхъ цвѣтковъ случится намъ поднять, на многотрудной жизненной дорогѣ. Въ столицѣ мы опять, можетъ быть, свидѣмся.» Такъ мы разстались, и благословеніе добродѣтельной старицы мнѣ сопутствовало въ дальнѣйшее странствіе.

Пустынь Нила Сорскаго.

По веселымъ холмамъ и долинамъ пролегаетъ сперва извилистая стезя, отъ Горницъ въ Нилову пустынь, до столбовой Бязозерской дороги, но за нею начинается та лѣсистая, болотистая дебрь, которая завлекла любителя безмолвія Нила въ его Палестину, ибо въ престонородіи палестинами сльзуютъ такіа дебри. Прѣхавъ послѣднее селеніе, встрѣчаешь крестъ на опушкѣ лѣса и это означать начало пустыни Ниловой, потому что отсюда

малопроизводящая дорога, по хворосту, проложена чрез болото въ чащу лѣса, по теченію смиренной рѣчки Сорки, которая дала свое названіе пустыни и самому отшельнику. Осенью и весною не проходила эта дорога, а въ прежнія времена одни только пѣшеходы могли тутъ пробираться по мосткамъ, да и теперь отъ частыхъ дождей мѣстами почти невозможно было проѣхать. По мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ чащу лѣса, привлекательнѣе представлялась намъ сія дѣбрь и понятнѣе влеченіе Нила въ его пустыню. Уже слышно было тихое журчаніе Соры, изъ ручья образовавшей рѣчку по зеленой полянѣ, испещренной весенними цвѣтами, между разступившагося съ обѣихъ сторонъ лѣса, и эта поляна все расширялась, подъ ропотъ растущей рѣчки, которая далѣе уже шумѣла, вращая колеса уединенной мельницы, и привела насъ наконецъ къ самой обителѣ. Прежде, не только во дни преподобнаго Нила, но и еще за несколько лѣтъ предъ симъ, мѣсто сіе действительно было отраднo, сельскою своею простотою, въ окранныхъ дремучаго лѣса, когда внезапно открывалась взорамъ скромная обитель, съ разсыянными вокругъ неа келліями, какъ оазисъ въ зеленой пустынь: такъ устроилъ ее преподобный Нилъ и такъ оставалась она до нашихъ временъ. Посреди убогой деревянной ограды, возвышались на насыпномъ холмѣ, двѣ сросшіяся церкви съ шатровою колокольнею, и еще одна стояла внѣ ограды, надъ усыпальницею братинъ: скитокъ основателя съ

его кладземъ, видѣть былъ за мельницею въ лѣсу.

Но не весьма давно разстроился, хотя и по благочестивому усердію, сей пустынный образъ, исполнѣе соответствовавшій внутреннему устройству пустыни и волю самаго Нила. — Не онъ ли отпустилъ, въ часть коччины, собесѣдника своего Иннокентія, съ которымъ долго странствовалъ по Востоку, въ предѣлы Вологодскіе, чтобы тамъ составить себѣ общежительную обитель, ибо хотѣлъ, чтобы собственный его скитъ, тогда единственный на Руси, оставался всегда скитомъ, т. е. собраніемъ уединенныхъ келлій, разсыянныхъ вокругъ пустынной церкви? Не онъ ли явился, въ сонномъ видѣніи, державному богомольцу Іоанну, когда изъ Кириллова, привлеченный посмертною славою Нила, посетилъ его убогій скитъ, и съ царскою щедротсю хотѣлъ соорудить въ немъ великолѣпный храмъ? — Нилъ запретилъ ставить у себя каменную церковь, или чѣмъ либо украсить существующія, кромѣ необходимаго, изъ опасенія хищниковъ плотскихъ и душевныхъ. Цѣлыя столѣтія оставалась въ такомъ первобытномъ видѣ его пустыня, временемъ цвѣла, какъ ея окрестная поляна, и временемъ упадка, но не выходила изъ предначертаній своего основателя, катательно вышнѣго убожества, доколѣ наконецъ, не была приписана къ большому Кириллову монастырю.

Пришло на мысль строгому, впрочемъ, подвижнику, завѣдывавшему сею приписною пустынею, основать въ ней каменную церковь, и не вспоминая за-

вщанія основателя преобразовать дѣло рукъ Ниловыхъ. Онъ коснулся завѣтнаго холма, насыпаннаго руками Нила и его учениковъ подь основаніе ихъ церкви, который служилъ имъ отчасти усыпальницею, и снялъ съ его вершины два деревянные храма, Срътенія Господня и Предтечи, чтобы на ихъ мѣсть соорудить одну каменную трехпрестольную, съ придѣломъ во имя святаго отшельника; но своды ея обрушились надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прежде стояла рака преподобнаго, поверхъ его могилы, и до сихъ поръ еще не оконченъ храмъ; сердце невольно ищетъ прежнихъ уничтоженныхъ церквей. Продолжатели начатаго дѣла основали также каменные зданія для настоятеля съ братією; одна только уцѣлѣвшая деревянная ограда, со смиренныхъ башенками, свидѣтельствуеетъ еще о прежней пустынь, какою она была до нынѣшняго ея обновленія.

Оставимъ настоящее, обратимся къ минувшему и къ самому преподобному, сему великому светильнику созерцательной жизни, который обновилъ на дальнемъ свѣрѣ память, прославленныхъ созерцаніемъ духовнымъ на Востоку, Исаака Сирина, Варсонофія, Лѣтвичника, Сиванта и соименнаго ему Нила. Къ сожалѣнію, намъ не сохранилось житія его, которое вѣроятно въ свое время было написано, когда такъ тщательно записывали дѣянія и словеса святыхъ мужей, и утрачено уже въ позднѣйшіе вѣка; но его скитскій уставъ остался намъ зеркаломъ его жизни и образцомъ для иночества.

Не извѣстно откуда былъ онъ родомъ, но процвѣтала въ началѣ XV столѣтія, въ одно время со многими великими подвижниками нашего отечества, не много спустя послѣ Св. Кирилла Бѣлозерскаго, въ обители коего постригся. Есть рукопись въ Суходальной Московской библиотекѣ XVI вѣка (№ 927), одного архимандрита Волоколамскаго монастыря, и въ ней письмо неизвѣстнаго писателя, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на историческія дѣянія преподобнаго Нила Сорскаго. Мы узнаемъ его мирское прозваніе, Майковъ, и должно предполагать, по его обширнымъ связямъ съ именитыми лицами того времени и по высокому образованію, что и самъ онъ принадлежалъ къ роду боярскаго. Въ Кирилловѣ, какъ извѣстно изъ собственныхъ его писемъ, онъ постригся и былъ ученикомъ знаменитаго по своимъ добродѣтелямъ старца, Памсія Ярославова, который въ послѣдствіи заступилъ мѣсто игумена въ Троицкой лаврѣ и воспринималъ отъ купели державнаго младенца Василія Иоанновича. Въ числѣ же собственныхъ учениковъ преподобнаго Нила находились и великіе міра сего: племянникъ Темнаго, Князь Васіанъ косой, который невольно былъ постриженъ въ Кирилловѣ, Великимъ Княземъ Иоанномъ, и этимъ только спасся отъ смерти, по ходатайству Митрополита. (Къ сему Васіану писалъ свое посланіе о помыслахъ преподобный Нилъ и онъ, вѣроятно, раздѣляя съ нимъ уединеніе въ пустынь скитской.) Тула же на безмолвіе удалился къ нему два

именитых инока, из обители Иосифа Волоколамского: Дионисий, Князь Звенигородский и Нилъ Полевъ, изъ дома Князей Смоленскихъ, оба прославившіе строгостію жизни.

Великій Князь Иоаннъ особенно уважалъ преподобнаго Нила и призывалъ его на соборы, вмѣстѣ со старцемъ Пансіемъ, котораго хотѣлъ даже возвести на кафедру митрополита, когда сложилъ онъ игуменство, но Пансій предпочелъ удалиться въ Спасо-каменный монастырь, на Кубенское озеро. Такимъ образомъ, вмѣстѣ обличали они ересь Жидовствующихъ, въ 1492 году, и еще прежде, знаменитый Архіепископъ Новгородскій Геннадій, долго борвшійся у себя съ этою ересью, просилъ Архіепископа Ростовскаго Іоасафа, посоветоваться съ двумя мудрыми старцами его церковной области, Пансіемъ и Ниломъ: какъ надлежитъ разсуждать о народномъ ожиданіи преставленія свѣта, которое предполагали по истеченіи седьмой тысячи лѣтъ (1492 годъ), ибо чрезъ три года уже наступало сіе роковое время? Но преподобный Нилъ наиболее показалъ на соборѣ 1508 года, о монастырскихъ имуществахъ, до какой степени отложилъ онъ въ мірскія пристрастія и какъ стремилась душа его къ одному горнему. «Согласуясь съ нестяжательнымъ духомъ Максима Грека и другихъ Святгорцевъ, прежде всѣхъ предложилъ на соборѣ Нилъ, чтобы не было селъ у монастырей и черницы жили бы въ пустынь и кормились рукодѣльемъ. Въ пустынники Бѣлозерскіе, слѣдуя въ этомъ заповѣди отца сво-

его Св. Кирилла, поддерживали мнѣіе великаго скитоначальника, а Максимъ Грекъ даже пострадалъ за это въ послѣдствіи отъ Митрополита Даниїла, хотя виною гоненія была вымышленная ересь. Иосифъ Волоколамскій, будучи самъ строгимъ подвижникомъ, держался однако противнаго мнѣія и приводилъ свидѣтельства Феодосія, общаго житія начальника, Аванасія Афонскаго и настоятелей другихъ обителей, которыя владѣли селами, и его мнѣіе превозмогло. Послѣ старца Нила, ученикъ его Князь Вассіанъ косой, также сильно поборалъ по своему блаженному учителю и съ нимъ въ Святгорцы, чтобы не имѣть монастырямъ селъ, но ихъ мнѣіе не было принято. Не замѣчательна ли такая внутренняя борьба иночества въ XVI вѣкѣ, представителями коей были два великіе подвижника, Нилъ и Иосифъ, оба знаменитые въ свое время отшельники и церковныя свѣтила?

Изъ краткихъ свѣдѣній о жизни преподобнаго Нила, известно только, что онъ много странствовалъ по Востоку и долго обиталъ на Св. горѣ Афонской, гдѣ вѣроятно возлюбилъ скитскій образъ жизни. Возвратившись на родину со своимъ собесѣдникомъ Иннокентіемъ, изъ роду бояръ Охльбинныхъ, онъ сперва думалъ водвориться опять въ Кирилловъ; но слишкомъ глубоко западала въ душу его любовь къ уединенію и онъ удалился, за 15 верстъ отъ монастыря въ свою Палестину, обрѣтенную имъ въ дикой глуши, на берегу безвѣстной Сорки. Тамъ водрузилъ первый крестъ и иско-

палъ кладезь, подлѣ котораго поставилъ свою дѣревянную хижину. Не вдалекѣ отъ него, такъ чтобы можно было подавать другъ другу голось, по обычаю Палестинскому, поставилъ себѣ келлію собесѣдникъ его Иннокентій, и другіе отшельники мало по малу начали къ нему собираться; такимъ образомъ составилъ первый Русскій скитъ, котораго образцы видимъ мы доселѣ на Св. горахъ Афонской.

Для потребы житейской, равно какъ и для зажитія братіи, устроилъ преподобный небольшую мельницу на рѣчкѣ и сталъ помышлять о сооруженіи малой церкви, по мѣрѣ силъ своихъ. Такъ какъ мѣсто вокругъ было низко и болотно и каждую хижину, по необходимости, строили на маломъ возвышеніи, то и для основанія храма потрудился онъ вмѣстѣ съ братією, насыпать своими руками высокій холмъ, который могъ бы служить усыпальницею, и на немъ сооружены были въ послѣдствіи обѣ церкви. Нельзя угадать, почему онъ избралъ храмовымъ праздникомъ Срътеніе Господне, а не Успеніе Богоматери, которому праздновалъ первый Русскій скитъ на Афонѣ, Ксилургу, гдѣ вѣроятно самъ обиталъ и который теперь въ рукахъ Болгаръ, близъ новѣйшаго Русскаго скита Пророка Іліи. Быть можетъ церковь, во имя Срътенія, находилась въ одной изъ отдѣльныхъ келлій, разсыянныхъ по Св. горахъ, въ которыхъ уединился преподобный. Не задолго до блаженной кончины, предчувствуя уже отшествіе свое къ Богу,

послалъ онъ собесѣдника своего Иннокентія, въ предѣлы Вологодскіе, на рѣку Нурму, и предсказалъ ему будущую славу его обители, которая должна была процвѣсти тамъ обожженіемъ. «Здѣсь же, говоритъ преподобный, какъ было при жизни моей, такъ пусть будетъ и по смерти: братія пусть живутъ по одиночкѣ, каждый въ своей келліи», что и было по немъ. Онъ скончался, по записи Иннокентія, въ лѣто 7016 (1508), мѣсяца Маія въ 7-й день, въ третію недѣлю по Пасхѣ, Св. Жень Муроносицѣ. Вотъ какія сохранились подробности о преставленіи блаженнаго старца, котораго житіе не известно. Умирая оставилъ онъ умилительный завѣтъ ученикамъ, касательно своего погребенія, и это предсмертное завѣщаніе выражаетъ всю глубину смиренія высокой души его.

«Завѣщаваю о себѣ моимъ пріемнымъ господамъ и братіямъ, которые суть моего ирава, и молю васъ: повергните тѣло мое въ пустынь, да съидеть его звѣри и птицы, понеже согрѣшило оно предъ Богомъ и много недостойно погребенія. Если же сего не сотворите, то ископавъ ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ живемъ, со всякимъ безчестіемъ меня тамъ погребите. Бойтесь слова, сказаннаго великимъ Арсеніемъ ученикамъ своимъ: на судъ стану съ вами, если кому дадите тѣло мое; ибо сколько въ моей силѣ было, старался я не быть сподобеннымъ никакой чести и славы вѣка сего, въ этой жизни; такъ да будетъ и по смерти моей. Молю же всѣхъ, да помолятся о грѣшной моей ду-

шь, и отъ всѣхъ прошу прощенія и самъ подаю его всѣмъ, да всѣхъ насъ проститъ Богъ».

Послания преподобнаго Нила.

Намъ сохранились три посланія преподобнаго Нила, къ различнымъ старцамъ, о помыслахъ и о пользѣ душевной; но одно изъ нихъ особенно любопытно, потому что отчасти объясняетъ причину его удаленія изъ Кириллова и начало Сорскаго скита. Можетъ быть, это случилось въ то время, когда, по свидѣтельству Св. Иосифа Волоколамскаго, многіе изъ старшійшихъ старцевъ, будучи недовольны нововведеніями своего игумена, нарушавшаго завѣтъ преподобнаго Кирилла, удалились изъ его обители, доколѣ не былъ самъ онъ изъ нея изгнанъ по волю Великаго Князя; тогда опять возвратились старцы, преподобный же Нилъ, какъ любитель безмолвія, остался въ своей пустыни. Въ этомъ письмѣ онъ изображаетъ свою уединенную жизнь, и оно напоминаетъ отчасти духовную пере-

писку великаго Василія съ другомъ своимъ Григоріемъ Богословомъ, котораго звать къ себѣ въ пустыню. Передаю красноречивое посланіе на болѣе понятномъ языкѣ.

«Ты просишь у меня отвѣта на твое писаніе и думаешь, что скорбно на тебя ради тѣхъ речей, которыя говорилъ тебѣ, когда ты былъ еще здѣсь; прости меня въ томъ, ибо это были только совѣты и напоминаніе, равно себѣ и тебѣ, какъ присному и любимому мною, по слову Св. писанія: «тайны мои сыновьямъ дома моего открываю». Не просто и не случайно подобаешь намъ дѣйствовать, но по божественному писанію и по преданію Св. отцевъ. Извѣстіе мое изъ монастыря (Кириллова) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради нея, потому что я не видѣлъ въ немъ сохраненія образа жизни, по закону Божію и преданію отеческому, но по своей воли и человеческому помыслу; много же обрѣталось и такихъ, которые, дѣйствуя столь превратно, мечтали еще будто проходить добродѣтельное житіе. Мы впадаемъ въ такое забвеніе отъ того, что не выдаемъ Божественнаго писанія и не стараемся изучать его со страхомъ Божіимъ и смиреніемъ, но пренебрегая божественное, упражняемся въ человеческомъ. Бесѣдую съ тобою такъ искренно, потому что и ты не притворно хочешь слышать слово Божіе и творить оное; а я, не лаская тебя и не скрывая жестокости твоего и прискорбнаго пути, предлагаю бесѣду мою тебѣ и другимъ, каждому противъ его мьры. Какъ присный

мнѣ и духовно любимый, ты отъ самаго начала знаешь мою худость; потому и я откровенно пишу тебѣ о себѣ, понуждаемый твоею любовью, которая дѣлаетъ меня безразсуднымъ. Когда мы жили вмѣстѣ въ монастырь, ты знаешь, какъ удалался я мірскихъ сплетеній и старался подвизаться по Божественному писанію, хотя и не успѣлъ, ради лѣности моей и небреженія. Послѣ моего отшествия (въ Палестину) и странничества, возвратился я опять въ свой монастырь, но внѣ его устроилъ себѣ келлію и жилъ тамъ, сколько было по моей силѣ, и потомъ переселился далѣе отъ монастыря; и вотъ, по благодати Божіей, обрѣлъ я себѣ мѣсто, удобное моему сердцу, такъ какъ оно мало входно для мірскихъ людей. Живя уединенно, испытую Божественныя писанія, по заповѣди Господней, и ихъ толкованіе, также и Апостольскія преданія, житія и ученіе Св. отцевъ и внимаю имъ; и что согласно моему разумію къ угожденію Божію и пользѣ душевной, то переписываю себѣ и изучаю: — въ этомъ жизнь моя и дыханіе; немощь же мою и не радніе возложилъ на Бога и пречистую Богородицу. Если мнѣ приключается недомысліе и не обрѣтаю въ Св. писаніи разрѣшенія, отлагаю до времени, доколь обрѣту оное, ибо ничего не смѣю творить своєю волею и своимъ разумомъ; если кто призывается ко мнѣ духовною любовью, и тому советую поступать также, иначе же тебѣ это заповѣдую, послѣднику издавна ты связанъ со мною узами духовной любви и я подаю

советъ сей ко благу твоей души, предлагая то, что для самаго себя считаю полезнымъ. Хотя мы нынѣ и раздѣлены тѣломъ, но сопряжены духомъ, и я съ тобою бесѣдую тогда, ради сей божественной любви; нынѣ же пишу, поучая во спасеніе души, а ты, избравъ удобное тебѣ изъ того, что слышалъ устно или видѣлъ очами, подражай тому, чтобы тебѣ быть сыномъ и наследникомъ Св. отца; исполняй ихъ преданія и заповѣди Божіи и тоже внушай братіи, сущей съ тобою. Живешь ли ты отдѣльно, или въ обществѣ, внимай Св. писанію и слѣдуй по стопамъ Св. отца, или повинуйся такому человеку, который будетъ свидѣльствовать, какъ мужъ духовный, въ словѣ и дѣлѣ и разуміи, по слову великаго Василія. Если же такой не обрѣтается, то повинуйся Богу и божественному писанію, а не дѣйствуй безразсудно, какъ некоторые, мечтающіе быть въ повиновеніи, когда они, по своему самоволію, безсловесно пасутся въ монастырь вмѣстѣ съ братією, или удаляются изъ него столь же неразумно, руководясь плотскою своєю волею и не въдавая, что сами творятъ и на чемъ утверждаются.

Нынѣ я огорчился тѣмъ, что ты скорбѣшь, и потому понудилъ себя писать тебѣ, чтобы ты не огорчался; Богъ же великой радости да утѣшитъ сердце твое, и извѣститъ о нашей къ тебѣ любви. Если и грубо написалъ къ тебѣ, то не къ кому иному, какъ къ моему присному и возлюбленному, дабы не презрѣть твоего прошенія, надеясь, что и

ты съ любовію примешь мое писаніе и не зазришь моему неразумію. Что касается до вещей нашихъ, о которыхъ просилъ твою святину, чтобы ты ихъ устроилъ, овалъ о томъ же быю тебе челомъ и Богъ да воздастъ тебѣ награду, по мѣрѣ твоего труда. Еще однажды умоляю, не принимай съ огорченіемъ словъ, сказанныхъ тогда, ибо хотя по вѣнчанію и кажутся они жестокими, но по внутреннему исполнены пользою, такъ какъ не отъ себя говорилъ, а отъ Св. писанія; по истинѣ, жестоко оно лишь для того, кто не хочетъ смириться въ страхъ Божіемъ и отступитъ отъ земныхъ мудростей, а напротивъ того, думаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не только не хотятъ со смиреніемъ испытывать Св. писаніе, но даже и слышать, какъ слѣдуетъ по оному жить, какъ будто не для насъ оно писано и не должно соблюдать его въ нынѣшнемъ родѣ. Но истиннымъ подвижникамъ, и въ древнія времена и въ нынѣшніи и во вѣки, словеса Господни всегда будутъ, по выраженію псаломскому, словесами чистыми, какъ серебро разженное, искушенное и очищенное седмичею, и заповѣди Господни для нихъ свѣтлы и вождельныи, паче злата и камней драгихъ, и услаждаютъ ихъ паче меда и сота, и хранящіе ихъ воспримутъ многое воздаяніе. (Пс. XI, XVІІІ.) Здравствуй о Господѣ, отче, и моли о насъ грѣшныхъ, а мы твоей святини весьма челомъ бьемъ».

По самое драгоценное, что намъ осталось послѣ Нила и что конечно пройдетъ еще сквозь рядъ

столѣтій, безсмертнымъ зеркаломъ житія иноческаго, — это его созерцательныя главизны или скитскія уставы, достойный первыхъ временъ пустынножительства Египта и Палестины, ибо онъ проникнуть духомъ Антонія и Макарія. Многое почерпнулъ изъ писаній Ниловыхъ преподобный Корнелій Комельскій, вскоре послѣ него подвизавшійся въ Кирилловѣ, въ свой иночскій уставъ; а собственикъ Св. Нила, Иннокентій, собравшій во едино для своей общежительной обители, одиннадцать духовныхъ главъ блаженнаго своего учителя, называетъ его: изыщнымъ явленіемъ иночества въ наши времена и ревнителемъ древнихъ отецъ, и говоритъ, что онъ собралъ изъ богодуховенныхъ писаній сіи главизны, проникнутыя духовною ихъ мудростію, для спасенія душъ и въ образецъ житія иноческаго.

Преподобный Нилъ говоритъ самъ въ предисловіи, что многіе Св. отцы возвычали намъ: о деланіи сердечномъ, соблюденіи помысловъ и охраненіи душевномъ, въ различныхъ бесѣдахъ, какія внушены имъ были благодатию Божіею, каждый по своему разумію. Прежде всего научились они, отъ самаго Господа, очищать внутреннее своего сосуда, ибо отъ сердца исходятъ помыслы злые, оскверняющіе человека (Матѣ. XXІІІ, 25; XXV, 18), и уразумѣли, что подобаетъ духомъ и истинно поклоняться Отцу (Іоан. IV, 24). Памятовали они и слово Апостольское: «аще молюся языкомъ (т. е. устами только) духъ мой молится (т. е. гласъ мой), умъ же мой безплоденъ есть; помолюся убо духомъ,

помолюся и умою», (Кор. XIV, 24, 15), и потому папаче заботились о умной молитве, по заповеди того же Апостола: «хочу пять словъ умою моимъ рещи, нежели тму словъ языкомъ» (19).

Послѣ сихъ изреченій Божественнаго писанія, приводитъ преподобный Нилъ и свидетельство въ которыхъ Отцевъ о сей умной молитвѣ, начиная отъ святаго отшельника Агафона, который говоритъ въ Патерикѣ скитскомъ: тѣлесное дѣланіе есть только листъ одинъ; внутреннее же есть самый плодъ, а всякое древо, не приносящее плода добраго, посякается и въ огнь вметається. Въ слѣдъ за тѣмъ, другой великій подвижникъ и пустыжникъ, Св. Исаакъ Сиринъ, сравниваетъ тѣлесное дѣланіе, безъ духовнаго, съ неподлыми ложеснами и сосцами изсохшими, ибо безъ того мы не можемъ приблизиться къ разумнои божества; а Филоею Синантъ повелеваетъ молиться о такихъ инокахъ, которые по простотѣ не понимаютъ мысленной брани и потому не радятъ о умѣ, и винушатъ имъ: чтобы въ той мѣрѣ какъ они дѣлательно удаляются отъ злыхъ дѣлъ, также бы очищали и умъ свой, который есть зрительная сила души.

Прежде бывшіе Отцы, продолжаетъ Нилъ ихъ подражатель, не только въ пустынномъ безмолвіи соблюдали умъ свой и обрѣтали благодать безстрастія и душевной чистоты, но многіе изъ нихъ, обитавшіе по городамъ въ своихъ монастыряхъ, какъ Симеонъ, новый Богословъ, и блаженный его учитель Симеонъ Студитъ, жившіе среди много-

люднаго Царьграда, просіяли тамъ какъ свѣтила, своими духовными дарованіями. Григорій Синантъ, зная, что всѣ Святые обрѣли благодать Духа чрезъ исполненіе заповѣдей, сперва чувственно а потомъ духовно, велитъ поучать трезвенности и безмолвію, которыя суть охраненіе ума не для однихъ только отшельниковъ, но и для собравшихся въ общежительной обители, ибо по замчанію Исихіи, Патриарха Иерусалимскаго: «какъ невозможно жить человеку безъ пищи и питія, такъ и безъ охраненія ума своего невозможно достигнуть духовнаго настроенія души, если даже и понуждаемъ себя не согрѣшать, страха ради будущихъ мукъ.» Симеонъ новый Богословъ опытно говоритъ: что многіе пріобрѣли сіе святозарное дѣланіе посредствомъ наставленія, и рѣдкіе получали его прямо отъ Бога, усилимъ подвига и теплоюю вѣрой, и что не малый подвигъ обрести себѣ наставленіе не обольщающее насъ, т. е. человека стяжавшаго опытное вѣдѣніе и духовный путь Божественнаго писанія. Если же не обряцется, то долженъ стараться почерпать оное прямо изъ сего писанія, по слову евангельскому: «испытайте писанія и въ нихъ обряцете животъ вѣчный (Іоан. V, 9).»

И такъ, вотъ и Св. отцы, въ свое время свидѣтельствовали, что и тогда уже трудно было обрести нечестнаго наставника; нынѣ же, при духовномъ оскуднѣніи, это еще труднѣе для любознательныхъ. Отцы, подвизаясь тѣлесно, въ то же время и духовно воздѣлывали виноградъ своего сердца и,

такимъ образомъ очистить умъ отъ страстей, обратили Господа и снискивали разумъ духовный. Намъ же, разжигаемымъ пламенемъ страстей, повелѣли почерпнуть воду живую изъ источника Божественнаго писанія, который можетъ угасить опаляющія насъ страсти, и наставить на разумъ истинный. Посему и я, многогрѣшный и неразумный, собравъ нечто отъ Св. писанія и то, что говорили намъ Св. отцы, написалъ сіе для напоминанія самому себѣ, чтобы я самъ, перадивный и лживый, былъ дѣлателемъ сихъ, потому что досель былъ пусть отъ всякія добродѣтели духовной и телесной и, какъ нѣкій рабъ, былъ купленъ неподобающими страстями, во всемъ себя покорить грѣху. Все сіе собралъ я, не въ благодушіи своего здравія и не пользуясь тишиною безстрастія, но связанный самъ узами страстной болѣзни, и не отъ себя, но отъ Св. писанія, извлекая малое изъ многого, какъ несъ питающійся отъ крупницъ, падающихъ съ трапезы словесной господей своихъ, (Матѣ. XV, 27.) блаженныхъ Отцевъ, дабы хотя нѣсколько быть ихъ подражателями.»

Слишкомъ странно было бы изложить здѣсь весь скитскій уставъ иноческаго житія преподобнаго Нила, но не слѣдуетъ и лишать себя духовныхъ сокровищъ, имъ собранныхъ съ такимъ обиліемъ; по его примѣру, можно также извлечь малое изъ многого, дабы и намъ нѣсколько напитаться крупницами, падающими съ его духовной трапезы. Можно сравнить сей высокій и созерцательный уставъ съ

тѣмъ душистымъ вянкомъ покаянія, собраннымъ изъ лучшихъ евангельскихъ цвѣтовъ, о которомъ говорить въ своемъ посланіи блаженный Иеронимъ; изъ глубины пещеры Виллеемской сошествуетъ онъ другу своему, въ дальнемъ и шумномъ Римѣ, возложить вянкомъ сей на чело, воспріяты вмѣстѣ съ нимъ легкія крылія голубицы и полетѣть искать себя успокоенія у Господа, сего общаго вѣсхъ Отца. Этотъ душистый вянкомъ нашего Сорскаго отшельника такъ мало извѣстенъ родному краю, что не извѣданнымъ, быть можетъ, извлечь изъ него нѣсколько цвѣтковъ, дабы облагодухать ими внимательныхъ.

СКИТСКІЙ УСТАВЪ. (*)

Глава I.

Въ первой главѣ, о борьбѣ противъ помысловъ, различаетъ преподобный Нилъ, по слову отеческому, разныя ихъ движенія въ духовной брани и раз-

(*) Истор. Церк. Герар. Т. V. стр. 227—236.

двѣять ихъ на пять степеней, указывая на побѣду и предостерегая противъ пораженія. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ и Св. Филоеѣ Синантъ называютъ «прилогами» простой помысль или образъ, который новоявленно вносится намъ въ сердце и объявляется уму; а Григорій Синантъ говоритъ, что это есть, какъ бы напоминовеніе отъ врага, внушающаго намъ сдѣлать то или другое, какъ некогда самому Господу Іисусу дерзнулъ онъ сгазать: «рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ» (Матѣ. IV, 3). Такого рода прилогъ или помысль безгрѣшенъ самъ по себѣ и не заслуживаетъ ни похвалы, ни укора, поелику онъ внѣ насъ обрѣтается и невозможно намъ быть безъ прилога вражінхъ помысловъ. По словамъ Симеона, новаго Богослова: діаволъ обрѣтъ къ душѣ доступъ, съ тѣхъ поръ какъ первый человекъ, чрезъ непослушаніе, изгнанъ былъ изъ рая и отъ Бога, и разумъ каждаго сталъ колебаться. Но дѣло совершенныхъ пребывать непоколебимыми противъ нападенія помысловъ, хотя и имъ временно случается колебаніе, по замѣчанію Св. Исаака Сирина.

Вторая степень есть «сочетаніе» то есть, какъ-бы тайное отъ насъ слово къ явившемуся помыслу, по страсти или безстрастно, принятіе онаго и обращеніе съ нимъ и собесѣдованіе отъ произволенія нашего, и это не всегда безгрѣшно. Оно можетъ быть и похвально, если богоугодно разрышится; разрышается же такимъ образомъ: если кто немедленно не отразитъ лукаваго помысла, но въ-

сколько съ нимъ собесѣдуетъ, и врагъ уже будетъ налагать на него страстное помышленіе, то пусть вѣлчески старается предложить его на благое, а какими средствомъ? мы о томъ скажемъ въ послѣдствіи.

«Сложеніемъ» называется охотное преклоненіе души къ явившемуся въ ней помыслу т. е. если кто, воспріявъ сіи помыслы или образы, отъ врага представляемые, и мысленно съ ними бесѣдуя, какъ бы одобритъ въ мысли своей то, что говоритъ ему вражескій помысль, и это, говорить Отцы, бываетъ по мъръ душевнаго устройства подвижающихся: если кто пріялъ отъ Господа помощь отгонять помыслы, а между тѣмъ облыняетъ и не радитъ отстранять ихъ, то это уже для насъ не безгрѣшно: если же онъ только новоначальный и немощный, то хотя бы сколько нибудь собесѣдовалъ помыслу, однако, когда только опомнившись исповѣдуется Господу, съ чувствомъ покаянія и сокрушенія, и не медлитъ призвать Бога на помощь, то милосердіе Божіе прощаетъ ему ради его немощи. Такъ разсуждаютъ Св. отцы о сей степени мысленнаго боренія, если кто во время подвига неволею побѣждается отъ помысловъ, но корень ума его утверждѣн на томъ, чтобы не согрѣшить и не совершать на самомъ дѣлѣ беззаконія; но если кто, говоритъ Св. Григорій Синантъ, волею пріемлетъ вражескій помысль и, собесѣдуя съ нимъ, побѣждается отъ него и къ тому уже не борется противъ страсти, но твердо согласится самъ съ собою ей удо-

влетворить, или если и старается исполнить на деле то, что положило в мысли своей, но воспретывали ему только время и место, или какая либо иная причина, — то и это уже весьма тяжело и подлежаще запрещеніямъ церковнымъ.

«Плывеніе» есть невольное увлеченіе нашего сердца или постоянное совокушеніе съ приключившимся помысломъ, — поврежденіе добраго нашего устройства, когда умъ нашъ будетъ плывенъ лукавыми помыслами вопреки своему желанію и опять, съ помощію Божіею, возвращается самъ въ себя, или когда онъ, какъ бы бурю и волнами носимый, отъ добраго настроенія низводится къ лукавымъ мыслямъ, и не можетъ достигнуть въ тихое и мирное устройство. Это наипаче случается отъ молвы и многихъ суетныхъ бесѣдъ; иначе разсуждается о такомъ состояніи, если оно случается во время молитвы или не во время оной, иначе, если помыслы, насъ увлекающіе, бываютъ безгрѣшны или лукавы. Больше тяжело, если плывенъ лукавыми помыслами во время молитвы, ибо тогда наипаче должно собирать умъ къ Богу и, внимая молитвѣ, отвращаться отъ всякихъ мыслей; если же не въ часъ молитвы и о необходимыхъ житейскихъ потребахъ, то это безгрѣшно, ибо и Святые вынуждены были благословно заботиться о житейскихъ нуждахъ; но и тогда, говоря Св. отцы, въ каждомъ помыслѣ, благочестивый умъ всегда будетъ обращаться съ Богомъ и отстраняться всего лукаваго.

«Страстію» собственно назвать должно, если ка-

кой либо помыслъ долгое время гнѣздится въ душѣ и усвоится ей уже по навыку, непрестанно обуревая ее страстными мыслями, которыя произвольно въ ней утвердились, отъ частаго и совершеннаго согласенія съ симъ вражескимъ совѣтомъ и меттаніемъ. Это пронеходитъ отъ того, если человекъ, по небреженію, позволяя себѣ много и неприлично размышлять и собесѣдовать о какой-либо страстной вещи, которую дьяволъ наиболее разжигалъ его воображеніе, часто представляя ее, и такимъ образомъ, волю или неволю, мысленно наконецъ побеждался ею. Это требуетъ покаянія, дабы избавиться отъ такой страсти, или подлежить будущей мукѣ, ради нераскаянности и непротивоборства. Подобааетъ ратуемому какой-либо страстію тщательно ей противиться, говорятъ Св. отцы: такъ если кто боритъ страстію къ какому либо лицу, долженъ всячески отъ него удалиться, избгая бесѣды и сближенія, ибо если отъ сего не охраняется, то уже совершаетъ страсть и согрѣшаетъ помыслами въ сердцѣ, самъ раскаляя пещь своихъ страстей и, какъ звѣря, вводитъ въ душу свою лукавые помыслы.

ГЛАВА II.

Изложивъ, такимъ образомъ, въ первой главѣ, различныя степени помысловъ, возрастающихъ до

страсти, преподобный Нилъ научаетъ насъ, во второй главѣ, какимъ образомъ противиться сямъ искушеніямъ діавольскимъ, противопоставляя имъ молитву и безмолвіе, и открываетъ въ таинственныхъ дарованіи, какими Господь благодатно просвѣщаетъ своихъ угодинокъ, свыше всехъ помысловъ человѣческихъ.

Святые отцы советуютъ противопоставлять всегда, въ духовной борьбѣ, усиліе равномерное борящему насъ, который побеждаетъ насъ собственною нашею волею, или самъ мысленно побеждается нами, или, проще сказать, сколько есть силъ, сопротивляться лукавымъ помысламъ, и такая духовная борьба есть для насъ причина вѣнцовъ или томленій: вѣнцы побѣдившимъ, муки же согрѣшившимъ и не покаившимся въ сей жизни. Св. Петръ Дамаскинъ называетъ согрѣшеніе достойнымъ мукъ, если оно совершается на самомъ дѣлѣ, а крѣпко борющимся и не изнемогающимъ, противъ сильнаго ратованія вражія, свѣтлѣйшіе сплетаются вѣнцы. Богоразумное и искусное бореіе есть начальное отсѣченіе пришедшаго помысла, когда онъ еще представляется въ видѣ прилога, при непрестанной молитвѣ; такимъ образомъ, съ одного раза отсекаются все дальнѣйшіе его виды, потому что борющійся разумно отвергаетъ отъ своихъ мыслей матеръ зла, то есть лукавый помыселъ. Нилъ Синайскій советуетъ поставити умъ свой, во время молитвы, какъ бы совершенно немымъ и глухимъ, а Исихія Иерусалимскій: имѣть сердце безмолствующее отъ вся-

каго помысла, хотя бы въ началѣ и казался онъ благимъ, ибо известно по опыту, что за безстрастными следуютъ страстные и допущеніе первыхъ бываетъ виною входа другихъ. Посему необходимо стараться молчать мыслію и отъ помысловъ, представляющихся правыми, и всегда смотреть въ глубину сердца, восклицая: Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! или короче: Сыне Божій помилуй ма! или что еще утѣшительнѣе грѣшнику, прилагая къ сему и такое сознаніе: помилуй ма грѣшнаго!

Будемъ произносить это прилежно и со всѣмъ вниманіемъ, стоя и сидя и лежа, умъ свой затворяя въ сердце и даже удерживая благоговѣйно дыханіе наше, какъ учатъ Григорій Синаитъ и Симеонъ, новый Богословъ, ибо призывающей терпѣливо, съ желаніемъ и ожиданіемъ, имя Господа Исуса, отвращается отъ всехъ помысловъ. Если же не можешь, въ безмолвіи сердца, молиться безъ помысловъ, но видишь ихъ умножающимися въ умъ своемъ, не малодушествуй а пребывая постоянно въ молитвѣ; Синаитъ вѣдаль опытно, что намъ страстнымъ не возможно самимъ побѣдить лукавые помыслы; говорить, онъ что никто изъ новоначальныхъ не удерживаетъ ума своего и не отгоняетъ помысловъ, если Богъ не удержитъ ума и не отженетъ ихъ, ибо это есть дѣло сильныхъ, но и они, не сами собою, отсекаютъ помыслы, но съ Богомъ подвизаются на брань сію, какъ уже облеченные во всеоружіе его благодати.

Ты же, если видишь нечистоту лукавыхъ духовъ, то есть помысловъ воздвигаемыхъ въ умъ твоимъ, не ужасайся и не ливись и не внемли имъ, но умъ затворяя въ сердце, вмѣсто оружія призывай Господа Иисуса, часто и прилежно, и отблугуть они, какъ огнемъ палимые божественнымъ именемъ.

Если почувствуешь облыненіе или взнеможеніе, призывай на помощь Бога и, сколько будетъ сила, не отставай отъ молитвы, доколь съ помощію Божіею не отблугуть помыслы. Когда же утихнутъ отъ нихъ умъ, внемли опять сердцу и продолжай молитву душою и умомъ; ибо хотя и весьма полезно дѣланіе, но только отчасти, сердечная же молитва есть источникъ всякаго блага и наполяетъ душу, какъ нвкій садъ, по словамъ Григорія Синаита. Онъ повелѣваетъ имѣть непрестанное попеченіе о молитвѣ и искать въ сердце Господа, безмолвіемъ отсыкая всякія помыслы, дабы не увлечся ими, но умомъ соблюдать сердце и внутри его всегда обращаться. Жестокимъ и неудобнымъ кажется такое дѣланіе для новоначальныхъ, какъ это извѣстно по опыту, но кто однажды обрящетъ благодать, тому уже это не трудно, и онъ съ любовію молится, утѣшаемый благодатию: ибо когда приходитъ дѣйствіе молитвы, оно по истинѣ содержитъ въ самомъ себѣ, веселитъ умъ его и упраздняетъ отъ всякаго плзненія. Златоустъ же предлагаетъ такой порядокъ дѣланія для раздѣленія времени, по мѣрѣ и по силѣ каждаго изъ подвижающихся: часть молиться, и потомъ часть читать, и еще

часть пѣть, чтобы такимъ образомъ хорошо проходилъ день. Когда же, благодатию Божіею, усладится молитва и уже дѣйствуешь въ сердце, велить онъ иначе прилежать ей и не оставлять ее для пѣнія, доколь сама по устроенію Божію, насъ не оставитъ; ибо не должно, оставляя Бога внутри насъ, извне его призывать, отъ высокихъ преклоняясь къ нижнимъ, и молвою возмущать умъ отъ доводившейся въ немъ тишины. Безмолвіе, по самому имени своему, выражаетъ упраздненіе отъ всякой молвы, въ смиреніи и тишинѣ, и оно выше всякаго молитвеннаго вопля, ибо въ немъ обрѣтается самъ Господь: Богъ есть смиреніе, говоритъ Дѣствичникъ.

Иное есть дѣланіе безмолвія, а иное общаго житія, и всякая мѣра хороша по слову премудрыхъ: и такъ должно въ мѣру пѣть, какъ говорятъ святые Отцы, а болѣе упражняться въ молитвѣ; ослабшему въ молитвѣ надобно пѣть, или заниматься чтеніемъ отеческихъ дѣяній. Когда встрѣла напряжены вѣтромъ, корабль не требуетъ веселья, чтобы переплыть страстное море, а когда корабль остановился, тогда надобно двигаться веслами. А тѣмъ, которые съ любовію указываютъ на святыхъ Отцевъ, или на примѣръ некоторыхъ творившихъ всенощное стояніе и непрестанное пѣніе, — Св. Григорій Синаитъ велитъ по Писанію отвѣчать такъ: не во всехъ все совершенно, по недостатку ревности или взнеможенію силы, но и малое въ великихъ не всегда бываетъ мало, равно какъ и великое въ малыхъ не всегда совершенно. О предуспѣвшихъ и

достигших просвещения онъ говорить: не требуется для нихъ псалмопѣнія, а болѣе молчанія и неоскудной молитвы и созерцанія; онъ уже совокуплены съ Богомъ и не должны отторгать отъ него умъ свой и повергать въ смущеніе, ибо прелюбодействовать будетъ ихъ умъ, если отступить отъ памяти Божіей и исполнится заботою о худшихъ вещахъ.

Исчеставшій такое высокое состояніе, Св. Исаакъ Сиринъ пишетъ: что когда приключается духовная неизреченная сія радость, она внезапно отскакаетъ въ устахъ молитву, ибо тогда какъ бы престають уста и языкъ и сердце — хранитель помысловъ, и умъ — кормчій чувствъ, и мысль — скоролетящая докучливая птица; тогда уже мысль не имѣетъ своей молитвы и движется не самовластіемъ, но сама она наставляется иною силою, содержится въ таинственномъ плыненіи и обрѣтается въ непостижимомъ, котораго сама не выдаетъ. Это есть то, что называется собственно ужасомъ и видѣніемъ молитвы, а не самая молитва: ибо умъ бываетъ тогда уже превыше молитвы, которая отлагается ради обрѣтенія лучшаго, и онъ находится въ изступленіи, безъ всякаго жаланія, по слову Апостола: «аще въ тѣлѣ, не въмѣ, аще ли кромѣ тѣла, не въмѣ, Богъ въстѣ» (2 Кор. XII, 2). Молитву называетъ Св. Исаакъ смяненемъ, а сіе состояніе собираиенемъ сноповъ, когда жнуцій самъ изумляется неизреченнымъ видѣніемъ того, какъ отъ худыхъ и голыхъ зеренъ, которыя онъ посѣялъ,

внезапно прозябли предъ нимъ зрѣлые колосыя. Молитвою же сіе называется потому только, что отъ нея происходитъ, и Святымъ дается сіе неизреченное дарованіе, котораго имени никто опредѣлить не можетъ. Когда, дѣйствіемъ духовнымъ, подвигнется душа къ божественному и, чрезъ непостижимое соединеніе, угодится Божеству, и просвѣтится въ своихъ движеніяхъ лучемъ высокаго свѣта, и сподобится умъ ощущенія будущаго блаженства: тогда забываетъ сама себя, все временное суще здѣсь, и уже не имѣетъ движенія въ чемъ либо.

О чудо! восклицаетъ Симеонъ новый Богословъ, какое слово сіе изгаголетъ, ибо это страшно во истину и выше всякаго слова! — Вижу свѣтъ, котораго не имѣетъ міръ, и сидя въ келліи вижу внутри себя Творца міра, и бесѣдую съ нимъ, и люблю его, и питаюся единымъ боговидѣніемъ и соединившись съ нимъ, превосхожу небеса: гдѣ же тогда тѣло? не знаю; ибо Господь меня любитъ и въ самаго себя приемлетъ, и на объятіяхъ скрываетъ и, будучи на небесахъ, въ то же время и въ моемъ сердцѣ, и здѣсь и тамъ видѣнъ мнѣ. Владыка являетъ меня не только равнымъ Ангеламъ, но и преимуществующимъ предъ ними, ибо невидимый для нихъ и непреступный существомъ, мнѣ видѣнъ бываетъ и съ мнѣмъ соединяется существомъ. Это есть то, о чемъ возвѣщаетъ Апостоль: «что око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце плотяно не възде» (1 Кор. 2, 9.), и, пребывая въ этомъ, не

только не хочешь выйти из келліи, но желать бы укрыться въ глубинѣ земли, дабы и тамъ, вѣвъ всего міра, созерцать безсмертнаго своего Владыку и Создателя.

Тоже говорить и Св. Исаакъ, соглашаясь съ новымъ Богословомъ: что когда отымется у человека покрывало страстей, отъ мысленныхъ его очей, и узрѣть онъ сію неизреченную славу, — внезапно умъ его возвышается до ужаса, и если бы Богъ не положилъ предѣла въ сей жизни такому состоянию, сколько въ немъ оставался: то, хотя бы допущено было продолжаться оному и во всю жизнь человека, никогда не захотѣлъ бы онъ выдти изъ сего дивнаго видѣнія. Но такъ устрояетъ Богъ по своей милости, чтобы на время умалаялась благодать его во Святыхъ, дабы могли они промышлять и о братіи своей служеніемъ слова, поучающаго благочестію; ибо, какъ говорить Макарій великій: если бы кто имѣлъ такую благодать, чтобы постоянно быть объятымъ сладостію сихъ чудныхъ видѣній, не могъ бы онъ болѣе ни о чемъ временномъ слышать или говорить, или принять на себя тяжесть словеснаго ученія и какой либо малѣйшей заботы. Вкусившіе однажды, въ мертвенномъ сѣмъ тѣлѣ, безсмертной пищи и въ маловременномъ мірѣ сподобившіеся отчасти той радости, которая предуготовляется въ небесномъ отечествѣ, уже не могутъ прильпяться краснымъ міра сего, или бояться чего либо скорбнаго и лютаго, но съ Апостоломъ держаютъ восклицать: «ничто-

же возможесть насъ разлучити отъ любви Божіей» (Рим. VIII, 39.).

Это говорить Св. Исаакъ о древнихъ великихъ Отцахъ; мы же непотребные, исполненные многихъ грѣховъ и страстей, присовокупляемъ блаженный Нилъ, не достойны даже и слышать такихъ рѣчей. Уволая на благодать Божію, дерзнулъ я изречь несколько ихъ духовныхъ глаголовъ, для того чтобы мы познали, хотя немного, какимъ окаиствомъ мы объяты и какому безумію мы себя предаемъ, заботясь напаче объ успѣхѣ въ дѣлахъ міра сего, приобретаая тѣлныя вещи и ради ихъ поднимая брань и молву, на пагубу душамъ нашимъ, и мы еще вмѣняемъ себя это въ похвалу и на пользу. Горе намъ, ибо мы не хотимъ познать сами своей души и не разумѣемъ, въ какое жителство мы призваны, вмѣняя житіе міра сего, скорби или покой его, за ничто существенно, и отъ лютости, міролюбія и небреженія говоримъ: будто это было свойственно только древнимъ Святымъ, а намъ уже не возможно и не нужно. Но это не такъ: невозможно только не хотящимъ истинно покаяться и поещицо о дѣлѣ Божіемъ, но, по любви къ міру, произвольно вметающимъ себя въ различныя страсти и бесполезныя пощечія; а кто тепло кается и съ любовію и страхомъ ищетъ Господа, и къ нему одному зрѣтъ и заповѣди его творитъ: таковыхъ всѣхъ милуетъ, благодѣтельствуетъ и прославляетъ Богъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ все священное писаніе.

Нѣкоторые и слышать не хотятъ; — есть ли въ нынѣшнее время благодать? — до того омрачены они безчувствіемъ и неразумнымъ маловеріемъ, говорить Св. Григорій; мы же, удававъ все сіе изъ Св. писаній, если хотимъ имѣть истинное прилежаніе о дѣлѣ Божіемъ, удалимся прежде всего, сколько можно, отъ суеты міра сего, и постараемся умалить наши страсти, т. е. бланги сердце отъ лукавыхъ помысловъ, во всемъ исполнять заповѣди Божіи, и съ храненіемъ сердца будемъ имѣть молитву. Св. отцы советуютъ наипаче подвизаться на семь дѣланій ночью, ибо ночь наиболее очищаетъ умъ, говоритъ блаженный Философъ, а Св. Исаакъ говоритъ: что всякая молитва, приносимая ночью, будетъ въ твоихъ очахъ честнѣе всѣхъ денныхъ дѣланій; ибо самая сладость, которая дается днемъ постникамъ, протекаетъ отъ свѣта ночныхъ подвиговъ; потому и Лествичникъ больше советуетъ ночь посвящать молитвѣ, нежели пнію. Такъ и намъ подобаетъ дѣлать: когда умъ нашъ утрудится въ молитвѣ, то давать ему нѣсколько ослабу въ пніи, какое есть у каждаго правило, ибо часто многословіе разсыяло умъ во время молитвы, а малословіе его соблюдало; во время же разсыяннаго ума, чтеніе и руководствіе бывають полезныя молитвы, какъ то Ангелъ предалъ великому Антонію; для новоначальныхъ, при нашествіи помысловъ, особенно полезно руководствіе съ молитвою, или какое-либо послушаніе, наипаче же, чтобы избавиться скорби и унынія, по совету От-

цевъ. Внимая сему, каждый изъ насъ да подвизается подобающимъ ему образомъ.

Глава III и IV.

Въ двухъ послѣдующихъ главахъ преподобный Нилъ говоритъ о томъ: какъ и чѣмъ укрѣпляться, при наступленіи борьбы мысленнаго подвига, и въ чѣмъ состоитъ вся полнота дѣланія въ жителствѣ намѣхъ.

Всѣ Св. писатели говорятъ намъ, для укрѣпленія нашего въ борьбѣ сей, чтобы мы не малодушествовали и не унывали, когда сильно будемъ ратуемы лукавыми помыслами, и да не престанемъ идти впередъ на пути нашего подвига: ибо это есть хитрость злобы дьявольской, — внушать намъ стыдъ о побѣжденіи намѣхъ лукавыми помыслами, для того, чтобы не могли воззрѣть къ Богу съ покаяніемъ и помолиться противъ нихъ. Но мы побѣдимъ ихъ, всегдашнимъ покаяніемъ и искреннею молитвою, и не обратимъ тыла предъ врагами нашими, хотя бы и тысячи язвъ приняли отъ нихъ ежедневно, и положимъ себя, доколѣ не умремъ, никогда не отступать отъ сего живоноснаго дѣланія: ибо при этомъ бываетъ намъ тайное посвященіе милости Божіей. Не только намъ страстнымъ и немощнымъ, но и тѣмъ, которые стоятъ на высокой степени чистоты и пребываютъ въ

жити, достойномъ похвалъ, и въ состояніи внутренняго безмолвія, подъ мышцею разума Господня, бывають мысленныя паденія, а за ними миръ и утѣшеніе и помыслы цѣломудренныя и кроткіе, какъ говоритъ Св. Исаакъ Сирійскій.

И вотъ Святые опытно насъ научають и отъемлютъ сомнѣніе отъ нашихъ мыслей, дабы мы не ослабѣвали въ бореніи мысленномъ, во время смущенія отъ скверныхъ помысловъ, и не уклонялись бы въ отчаяніе. И опять, когда бываетъ пріисъщеніе благодати, Отцы внушають, чтобы мы не съдѣлались безпечны и не превознеслись, но да исповѣдаемся Богу и благодаримъ его, и возобновляемъ въ себѣ память согрѣшеній нашихъ во время бывшихъ попущеній: до какой низости мы тогда ниспадали, стѣжавъ себѣ умъ какъ бы скотскій, и какіе нечистые помыслы и нелъныя мечтанія, въ часъ сихъ вражескихъ навѣтовъ, мы допускали водружаться въ нашемъ умѣ, и какъ отъ малыхъ помысловъ, возстававшихъ на насъ, когда еще мы не примѣчали нашего помраченія, вскорѣ мы преклонялись къ самымъ страстямъ и собесѣдовали съ ними, въ омраченіи нашего смысла. Все сіе воспоминай, кайся и укорйй себя, говоритъ Григорій Синаитъ, разумя, что все сіе попускаетъ промысль Божій, чтобы смиришь насъ.

И такъ внимай со страхомъ: если не смиришь ты своего мудрованія, оставляетъ тебя благодать, и ты совершенно падаешь въ такихъ вещахъ, въ которыхъ только искушаешься помысломъ. Не сво-

ею силою стоишь ты въ добродѣтели, но это есть дѣло благодати, тебя носящей на рукахъ своихъ и соблюдающей отъ всехъ сопротивныхъ: намъ же подобаетъ внимать со всякою осторожностію, чтобы не отъ насъ происходила причина, по которой будутъ противъ насъ укрѣпляться лукавыя помыслы, если мы не право будемъ шествовать по пути божественному, но неосторожно и разрачено: ибо хотѣишъ прилежать любви Божіей и истинно спастись, долженъ всегда безъ лъности и небреженія дѣлать дѣло Господне, сколько у него есть силъ, смиренія и благочестія. Блаженный Филовей говоритъ: что подобно тому какъ мы, живя еще въ мѣрѣ посреди его суеты, умомъ своимъ и всеми чувствами поработались прелести грѣховной: такъ подобаетъ намъ и тогда, когда мы начали житье по Богу, работать умомъ и всеми нашими чувствами Богу живому и истинному, правдѣ и волю его, творить святыя его заповѣди и удалаться вслѣдски отъ всего, что ему не угодно.

Возставъ отъ сна, прежде всего должно прославить Бога и исповѣдаться ему, а потомъ уже начинать дѣланіе, т. е. молитву, пѣніе, чтеніе, рукодѣліе или какое-либо послушаніе. Умъ всегда должно имѣть утвержденнымъ въ благоговѣніи и упованіи на Бога, дабы все творить въ благоугожденіе Богу, а не ради тщеславія или челоукоугодія, вѣдая, что всегда съ нами тотъ, кто вездѣ обрѣтается и все исполняетъ. Если приключится бѣсѣда, да

будеть она по Богу, съ соблюденіемъ отъ всякаго ропота и осужденія, празднословія и любопрія. Такимъ же образомъ, и въ пищи и питіи, все со страхомъ Божиимъ да прие́млется. Напаче должно соблюдать себя, во время сна, благоговійно, съ помышленіями внутрь себя собранными и съ благогачіемъ въ самомъ положеніи нашихъ членовъ: ибо сонъ сей маловременный есть образъ вѣчнаго сна, т. е. смерти, и возлежаніе наше на одръ должно напоминать намъ положеніе наше во гробѣ; — поступающій такимъ образомъ, всегда въ молитвѣ пребываетъ. Если кто имѣеть тѣло здоровое, долженъ утомлять его постомъ и бдѣніемъ и труднымъ дѣланіемъ, поклонами или рукодѣліемъ, чтобы поработилось душѣ и избавилось отъ страсти, благодатію Христовою; если же тѣло немощно, да управляемъ имъ по мѣрѣ силъ своихъ. Но о молитвѣ всегда должно думать, и здоровому и немощному: ибо тѣлесное дѣланіе востребуется отъ крѣпкихъ тѣломъ по силѣ каждаго, а мысленное, т. е. чтобы имѣть всегда въ умѣ своемъ благоговійное упованіе на Бога и прилежаніе къ его любви, — есть обязанность каждаго, даже и въ великихъ бѣдѣняхъ.

Мы должны также, по заповѣди Господней, имѣть любовь къ ближнимъ нашимъ и доказывать ее словами и дѣлами, если близъ насъ обрѣтаются, съ соблюденіемъ однако и любви Божіей. Если же они далеко, то мысленно любовію мы должны съ ними сочетаться, изгоняя изъ сердца всякое злопа-

мятованіе, повинувъ имъ душею со смиреніемъ, и угождад имъ ко благому съ добрымъ намрѣненіемъ. Если Богъ узрѣтъ насъ таковыми, то проститъ намъ согрѣшенія и приметъ молитвы наши, какъ благой даръ, и щедро подастъ намъ свои милости.

Глава V и VI.

Послѣ сего общаго изложенія обуевающихъ насъ помысловъ и тѣхъ духовныхъ средствъ, которыя свыше намъ дарованы, чтобы имъ противиться, преподобный Нилъ описываетъ въ пятой главѣ своего скитскаго устава, отдѣльно, восемь главныхъ помысловъ, отъ коихъ, по словамъ Отцевъ, раждаются прочія страстныя помышленія, и называетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) чрево-объяденія, 2) блудный, 3) сребролюбія, 4) гнѣвный, 5) печальный, 6) унынія, 7) тщеславія, 8) гордости; онъ научаетъ какъ и противустоять симъ искушеніямъ. Помыслы сіи и противоборство онымъ занимаютъ почти треть всей его книги и слишкомъ далеко завлекло бы здѣсь подробное ихъ изложеніе: мы будемъ довольствоваться нѣсколькими, болѣе разительными чертами, чтобы воспользоваться его назидательными совѣтами, отлагая то, что болѣе приспособлено къ быту иноческому, нежели къ живущимъ посреди міра.

Такъ напримѣръ, касательно перваго помысла

помолиться и призвать мученицу Фоманду, убиенную ради целомудрия, и помолвившись у ее гроба, внезапно был он избавлен. Св. Иоанн Лествичникъ научаетъ насъ, когда настаетъ сильная брань сего помысла, не ухищренными глаголами, но смиренными выражениями взывать къ могущему спасти насъ: «помянуи мя, Господи, яко немощенъ есмь!» и тогда, говорить онъ, познаешъ Вышняго силу и невидимыхъ невидимо отженешъ: всегда именемъ Исусовымъ бей ратниковъ, ибо крильче сего оружія не обрящешъ, ни на небеси, ни на земли. Что для насъ дороже нашей души, восклицаетъ Св. Пансій великій, ради которой Христосъ умеръ и воскресъ? Набывай же слышанія непрличныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ необходимо воздвигаются въ насъ нечестыя страсти.

Отъ сихъ двухъ, совершенно чувственныхъ помысловъ, преподобный Нилъ переходитъ къ болѣе утонченному, сребролюбію, хотя еще и весьма вещественному, и говорить, что недугъ сей пазитъ нашего существа приключается, отъ маловѣрія и неразумія; посему и не великъ противъ него подвигъ для тѣхъ, которые внимаютъ себѣ, со страхомъ Божиимъ, и хотятъ по истинѣ спастись. Но когда онъ укрьпляетъ въ насъ, то становится злѣе всѣхъ недуговъ, и если только ему покоримся, вводитъ насъ въ такую пагубу, что и Апостолъ называетъ его не только корнемъ всякому злу (1 Тим. VI, 10), гнѣву, скорби и прочимъ, но даже идолослуженіемъ (Кол. III, 5). Многие ради сребро-

любія, не только отпали отъ благочестія въ жизни, но и погрѣшили въ вѣрѣ и пострадали душевно и тѣлесно, какъ повѣствуется въ Св. писаніи. Отцы говорятъ, что кто собираетъ золото и серебро и уповаетъ на него, тотъ не вѣруетъ, что есть Богъ пекущійся о немъ; и если кто будетъ одержимъ гордынею или сребролюбіемъ, т. е. какою либо одною изъ сихъ страстей, уже бисъ не ратуетъ противъ него другою, потому что и той одной довольно для его погибели. И такъ подобаетъ намъ сохранять себя отъ сей душевной страсти и молить Господа Бога, да отженетъ отъ насъ сребролюбивый духъ. Истинное отдаленіе отъ всякаго вещелюбія не только состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть имѣнія, но и не желать приобрести оное, и это насъ наставляетъ къ душевной чистотѣ.

Если же насъ томитъ гнѣвный помысль, поужда къ злопамятеству и поощря къ ярости, воздаъ зло оскорбившему насъ, мы должны вспомнить слово евангельское: «аще не оставите брату, отъ сердець вашихъ, согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный не оставитъ вамъ согрѣшеній вашихъ (Матѣ. XVIII, 35).» Явно, что если мы сами не оставимъ, то и намъ не оставится; такъ надобно разуметь сіе, что если даже мы думаемъ благотворить, но не отлагаемъ гнѣва, то это непріятно Богу. Отцы говорили: гнѣвливый если и мертваго воскреситъ, молитва его непріятна, — не потому что бы, по ихъ мнѣнію, дѣйствительно могъ воскрес-

шатъ гнѣвливымъ, но чтобы показать мерзость его молитвы. Посему всячески не должно намъ гнѣваться, ни творить зло брату, не только дѣломъ или словомъ, но и видомъ; ибо иной можетъ и однимъ взоромъ оскорбить брата своего, а помыслы гнѣвные слѣдуетъ не медля отметить. Великая надъ нами побѣда бываетъ, когда мы молился за оскорбившаго насъ брата, какъ повѣствуетъ авва Дорофей, такими словами: «помоги, Господи, брату моему и, ради его молитвъ, помилуй и меня грѣшнаго.» Молитва за брата есть любовь и милованіе, а призывать на помощь его молитву есть смиреніе, и такъ исполняется законъ Господа: «любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ обиду (Матѳ. V, 44).» Столь великое обыцать воздаяніе таковымъ Господь: не одно лишь царство небесное, или какое-либо утѣшеніе и дарованіе, какъ и прочимъ; — самое синоположеніе: «будете сынове отца нашего, иже на небесяхъ (Матѳ. V, 45).» Самъ Господь, давши намъ сію заповѣдь, научаетъ насъ и своимъ примѣромъ, дабы мы по силѣ ему подражали; — сколько зла претерпѣлъ онъ отъ Иудеевъ, насъ ради грѣшныхъ, и не только не прогнѣвался на нихъ, но молился за нихъ Отцу: «Отче, отпусти имъ, не влять бо что творять (Лук. XXIII, 34).» И всѣ Святые, шествовавшіе путемъ симъ, обрѣли благодать: ибо не только не воздавали зла оскорбившимъ ихъ, но молились о нихъ, покрывали ихъ недостатки и радовались

ихъ исправленію, когда они приходили въ чувство, и наставляли ихъ съ милостію и любовію.

Далѣе пресподобный Нилъ разсуждаетъ о двухъ помыслахъ, печали и унывіи, хотя сходныхъ между собою по имени, но различныхъ по степени. Не малъ намъ подвигъ на первый изъ нихъ, потому что онъ вметаетъ душу въ погибель и отчаяніе. Если скорбь будетъ отъ чуждыхъ, должно переносить ее благодушно и молиться за оскорбившихъ, такъ какъ не безъ промысла Божія это намъ приключается, и все намъ Богъ посылаетъ на пользу и спасеніе души, хотя въ настоящее время и кажется намъ, будто это не полезно, потому что не по нашей волѣ исполняется, но въ послѣдствіи обнаруживается польза. Посему мы всею душею должны вровать, что все видитъ Всевидящее око и что ничто безъ воли Божіей намъ не бываетъ, и должны терпѣливо переносить искушенія, дабы получить отъ Бога вынестъ, и за все благодарить Господа, удерживаясь отъ ропота на оскорбившихъ насъ. Уста благодаренія пріемлютъ благословеніе и въ сердце благодушное впадаетъ благодать, говорить Св. Исаакъ Сиринъ, и за все благодаритъ Богъ человека не ропщущаго. Полезна и намъ скорбь о грѣхахъ нашихъ, съ поканіемъ и благою надеждою, что нѣтъ грѣха необъждающаго чело-вѣколюбіе Божіе; такая скорбь смѣшана бываетъ съ радостію и дѣлаетъ человека терпѣливымъ ко всякой болѣзни. Противуположную же скорбь, отъ бѣсовъ намъ наносимую, тщательно должно отме-

тять отъ сердца, какъ и прочія злыя страсти, молитвою, чтеніемъ и собесѣдованіемъ съ духовными людьми: ибо она есть причина всякаго зла, и если въ насъ утвердится, то дѣлаетъ душу унылою, слабою и нетерпѣливою къ молитвѣ.

Лють весьма духъ унынія и еще тяжелѣе бываетъ, когда сопряженъ съ духомъ скорбнымъ; борьба сія нашпаче налегаетъ на пребывающихъ въ безмолвіи: когда воздвигнется на душу жестокія сіи волны, не надѣется уже человекъ получить отъ нихъ когда либо избавленіе, и такіе помыслы внушаетъ ему врагъ, какъ будто онъ уже совершенно оставленъ Богомъ, безъ всякаго промысла, и что, слѣдовательно, зло возрастать будетъ съ каждымъ днемъ. Не только насъ грѣшныхъ, говоритъ преподобный Нилъ, но даже и Святыхъ, благоугодившихъ Богу смиряеть онъ, чадолюбивый отецъ, свмъ духовнымъ желомъ, для будущаго успѣха въ добродѣтели, и вскорѣ опять бываетъ прѣмьненіе и посвщаютъ насъ милость и утѣшеніе Божіе. Врагъ же не можетъ ничего намъ сдѣлать, безъ поущенія Божія, и не по той мѣрѣ печаливаетъ душу, какъ сего желаетъ, по сколько лишь ему позволено: ибо вѣренъ Господь, и не попуститъ на насъ искушеній свыше силы нашей (1 Кор. X, 13). Такимъ образомъ, человекъ умудряется по опыту, крестомъ искушенія, и терпѣливое доблестно, вѣдалъ, что въ этомъ обнаруживается любовь его къ Богу. Когда наступаетъ сія страшная брань, крпико надобно вооружиться про-

тивъ духа неблагодарности и бояться хулы: потому что человекъ исполняется тогда и страха и сомнѣнія, и діаволъ внушаетъ, что ему уже не возможно быть помиловану отъ Господа и спастись отъ вѣчныхъ муки. Тогда нашпаче, сколько есть силъ, надобно радеть о молитвѣ, дабы не впасть въ отчленіе, и умирительно взывать: «Господи, виждь скорби мою и помоги мнѣ грѣшному, и не попусти выше силы моей искушеніе!» Должно понуждать себя къ молитвѣ, чтенію и рукодѣлію, ибо это великая помощь противъ сей немощи. Святый Макарій великій говоритъ, что вражія хитрость влагаетъ намъ уныніе, дабы душа наша отступила отъ Бога: ибо Богъ никогда не оставляетъ душу, уповающую на него, быть одолженною впастьми. Если человекъ знаетъ, сколько бремени можетъ понести подъяремный скотъ его, и скудельникъ вѣдаетъ, сколько можно держать въ огнь сосуды, дабы они не расплавились: то колики паче разумъ Божій вѣдаетъ, какое искушеніе можетъ понести каждая душа, дабы не только сподобиться небеснаго царства, но и здѣсь сподобиться благодатныхъ утѣшеній Духа Святаго.

Два послѣдніе помысла—тщеславія и гордости. Преподобный предостерегаетъ, что много надобно имѣть бдительности противъ духа тщеславія, потому что онъ тайно, весьма способами, окрадываетъ доброе расположеніе наше и лишаетъ усвершенствованія, старался, чтобы всякое наше дѣло было не по Богу, но ради человекоугодія. Посему намъ

должно испытывать себя съ крайнею осторожностію, и мысленно и чувственно, чтобы каждое дѣло совершалось нами для душевной пользы и мы бы избегали во всемъ похвалъ человеческихъ. Если почувствуемъ, что насъ коварно смущаетъ помыслъ тщеславія, воспримемъ мысль о кончинѣ временнаго житія и тѣмъ отразимъ безстыдное его нападеніе, или хотя помыслимъ о срамѣ, который необходимо слѣдуетъ за тщеславіемъ, ибо сказано въ Св. писаніи, что всякъ возносящій ся смирится (Лук. XI.) и здѣсь, еще прежде будущаго. Если же кто начнетъ насъ хвалить, или помыслъ тщеславія принесть будетъ въ умъ нашъ невидимыми врагами: тотчасъ представимъ себя мысленно всю тяжесть и множество согрѣшеній нашихъ, и мы обрищемъ себя недостойными похвалъ человеческихъ, и немедленно оставимъ насъ сіе помышленіе бисовское. Если даже, говорить Никита Стифатъ, нѣтъ за тобою злыхъ дѣлъ, помысли о совершенствѣ заповѣдей, и ты найдешь себя недостаточнымъ, какъ малая купель для вмѣщенія великаго моря.

О презрѣніи другихъ и гордыни — что и говорить? спрашиваетъ смиренный Нилъ, хотя они различаются именами, но сходствуютъ въ одно понятіе. Ясно говорить писаніе, что Господь гордымъ противится, (Притч. III, 34) и мерзокъ есть предъ Богомъ и нечистъ всякъ высокосердый (XVI, 5.) Если же имѣешь себя противникомъ самаго Бога и ты предъ нимъ не чистъ, то гдѣ и въ чемъ надеешься обрести себя какое либо благо? отъ кого

будешь помилуванъ и очищенъ? Побужденный сею страстію самъ себя и бьсь и ратникъ, и всегда имѣть въ себя готовую гибель. Посему должно всегда трепетать гордости и убитая ея, помышляя, что никакое благо не можетъ въ насъ совершиться безъ помощи Божіей. Если же оставлены будемъ Богомъ, то какъ листъ или прахъ, возлетаемый вѣтромъ, смятены будемъ діаволомъ, въ посемьніе врагу и плачь человѣкамъ. Сіе же да послужитъ намъ началомъ смиренія: будемъ считать себя ниже всѣхъ, вмѣняя себя за худшаго и болѣе грѣшнаго всѣхъ человѣковъ, даже хуже бисовъ, ибо отъ нихъ побуждаемъ. На трапезѣ и посреди братіи будемъ всегда избирать последнее мѣсто, носить худыя ризы, любить черныя работы, молчать и не превозноситься въ бесѣдахъ, не препираться, не желать поддержать своего слова, хотя бы оно казалось и добрымъ. Отцы говорятъ, что въ новоначальныхъ, внутренней челоѣкъ сообразуется въ вѣншему и, не сохранивъ себя во вѣншемъ, не въруй во внутреннее свое благоустроеніе, говоритъ св. Василій Великій.

Разсматривая различные образы превозношенія, преподобный Нилъ говоритъ, что есть между ними и такіе, которые кичатся тѣмъ, что происходятъ отъ знаменитыхъ родителей и имѣютъ родственниковъ, славныхъ въ мѣрѣ, или же сами занимали прежде высокую степень въ оставленномъ ими мѣрѣ. Если же кто, по случаю добродѣтельнаго житія, дойдетъ до такого безстыдства, чтобы

предаться помыслам тщеславія и гордости, то лучшая противъ нихъ побѣда есть сія молитва къ Богу: «Господи Владыко, Боже мой! духъ тщеславія и гордыни отжени отъ мене, духъ же смиренномудрїа даруй ми, рабу твоему.»

Глава VII.

Послѣ того, что сказать преподобный Нилъ о помыслахъ, намъ враждебныхъ, научаетъ оны намъ въ 7-й главѣ своего созерцательнаго устава: какіе чистые помыслы должны мы стараться пріобрѣтать въ душѣ нашей, и наипаче память смертную и страшнаго суда, которая по словамъ Отцевъ, весьма полезна для нашего духовнаго дѣланія. Филовей Синаитъ полагаетъ даже, какъ бы вѣкій порядокъ сему образу дѣланія: утро, говоритъ онъ, займемся памятованіемъ о Боге, то есть молитвою и храненіемъ сердца до времени обѣда, а потомъ, возблагодаривши Бога, будемъ помышлять о смерти и о судѣ. Наипаче подобаетъ намъ имѣть въ своей мысли изреченія Господни: въ сію ночь Ангелы истяжутъ душу твою отъ тебя (Луки XII, 20), и что мы дадимъ отвѣтъ, въ день судный, о каждомъ праздному слову, и что сердечныя помышленія сквернятъ человека (Мат. XII, 36, XV, 18). Полезно вспоминать и Апостольскія слова: что день Господень придетъ, какъ тать ночью (Сол. V, 2),

и всякъ намъ подобаетъ предстать судилищу Христову, (2 Кор. V, 10), и что слово Божіе судитъ не только дѣла и слова, но и помышленія сердечныя (Евр. IV, 12). Начальникъ же Отцевъ, великій Антоній, говоритъ: «что такъ подобаетъ намъ держать самихъ себя, какъ будто и весь настоящій день не имѣемъ пребыть въ этой жизни,» и всѣ Святые имѣли такое же дѣланіе.

Что же сотворимъ мы, страстные и немощные? спрашиваетъ преподобный Нилъ; какимъ образомъ научимся, чтобы хотя нѣсколько воздурить такой помыслъ въ сердцахъ нашихъ? потому что совершенно стяжать сію непрестанную память, есть дарованіе Божіе и дивная благодать, по словамъ Св. Исаака Сирина. Намъ же развлекаетъ пареніе нашего разума и омрачающее самозабвеніе; часто бесѣдуемъ мы другъ съ другомъ о смерти, но внутрь сердца не можемъ углубить и уквѣрить сихъ благихъ рѣчей; однако же да не малодушествуемъ и не отступимъ отъ сего дѣланія, ибо только помощію Божіею, трудомъ и временемъ, входимъ мы въ это состояніе. Подобно какъ всѣхъ брашенъ нужнее хлѣбъ, такъ и память смертная нужнее прочихъ добродѣтелей, и какъ не возможно алчущему не вспоминать о хлѣбѣ, такъ и хотящимъ спастися нельзя не поминать о смерти, говорили Отцы. Полезно, пишетъ блаженный Григорій бесѣдовникъ, часто вспоминать намъ различныя смерти, вѣдѣныя и слышанныя во дни наши.

Многіе, не только изъ мірянъ, но и изъ ино-

ковъ, въ благоденствіи возлюбивше житіе въка сего и надясь на долготу дней, еще не достигши старости, вскорѣ были пожаты смертію. Нѣкоторые не могли даже произнести ни одного слова въ часъ смертный, но просто, стоя или сидя, похищены; иные умерли, во время яствъ или питія, или на дорогѣ; другіе же, возлегши на ложахъ своихъ, думали успокоитъ тѣло мало-временнымъ сномъ, и заснули сномъ вѣчнымъ. А инымъ, какъ намъ извѣстно, были великія истязанія и трепеть грозный и бѣдственное устрашеніе, въ послѣдній часъ, такъ что и одно воспоминаніе о томъ не мало должно насъ устрашать.

Все сіе, приводя на память, размыслимъ: гдѣ же други и знаемые наши? и что отъ сего пріобрѣли, если кто изъ нихъ былъ славенъ или властителемъ въ мірѣ семъ, или имѣлъ великое богатство и тѣлесное питаніе! Не все ли сіе обратилось въ тлѣніе и смрадъ и прахъ? Вспомнимъ церковныя пѣсни святаго Дамаскина, которыя поются при погребеніи: «какая житейская сладость пребываетъ непричастна печали, или какая слава стоитъ на землѣ непреложно?—не все ли слабѣ тѣни и обманчивѣ сновидній?—одно мгновеніе и все сіе насладуетъ смертію! По истинѣ, суета въ сей жизни все то, что съ нами не пребудетъ по смерти: что же все мятется? Кратокъ путь, которымъ течемъ; дымъ житіе наше, и персть и паръ; на малое время являетъ и вскорѣ исчезаетъ!»—Когда путникъ, предпринимаетъ странствіе, говоритъ свя-

той Златоустъ, онъ идетъ въ какую страну хочетъ, и остановившись въ гостиницѣ вечеромъ, знаетъ въ какой часъ утромъ хочетъ изъ нее выйти, ибо имѣетъ власть и долге въ ней оставаться или скорѣе ее оставить. Мы же, хотя или не хотя, отходимъ изъ житія сего и не знаемъ когда выйдемъ, и не имѣемъ власти, если бы и хотѣли, пробить здѣсь многіе годы; но внезапно находить страшное таинство смерти и душа исторгается изъ тѣла, разлучаясь по волю Божіей отъ своего естественнаго союза. Что же будемъ дѣлать въ тотъ страшный часъ, если прежде о немъ не озаботились и не обрищемся готовы? ибо тогда уразумѣемъ, какой тяжкій подвигъ имѣетъ душа, разлучаясь отъ тѣла. Увы, сколько тогда слезитъ, и нѣтъ кто бы ее помиловалъ!—къ Ангеламъ, возведя взоры, безуспѣшно молится; къ человѣкамъ простираетъ руки, и никто ей помочь не можетъ, кромѣ добрыхъ по Богу ея дѣлъ. Посему, уразумѣвъ кратковременность жизни, попечемся о часъ смертный, не вдаваясь въ молвы міра сего и бесполезное попеченіе, ибо все мятется всякъ земнородный, говоритъ Св. писаніе; если и міръ весь приобращемъ, то и тогда во гробъ вселимся, ничего не взявши съ собою изъ сего міра, ни красоты, ни славы, ни чести, ни власти, ни нага какого-либо наслажденія житейскаго.

Приникнемъ во гробы и увидимъ созданную нашу красоту, безобразною и безславною. Видя обнаженныя кости, объяснимъ ли себя, кто царь

или нищій, славный или не славный?—не все ли человеческое, какъ цвѣтъ увяло и какъ твѣнь прошло мимо? Подивимся, какое таинство совершилось съ нами! какъ предался тлѣнію, какъ сопряглся смерти?—истинно повелѣніемъ Божиимъ, за преступленіе заповѣди Адамомъ въ раю, когда во весь его родъ вошла смерть, пожирающая человѣковъ. По глубиною мудрости своей, полагага неизреченные предѣлы нашей жизни, Владыка, низшедъ сокрушилъ адъ и даровалъ намъ воскресеніе, пресекая рабовъ своихъ къ иной жизни. И такъ воспріимемъ въ умъ нашъ второе пришествіе Господне и наше воскресеніе и страшный судъ, предлагая себѣ слова Господни въ Евангеліи, какъ засвидѣтельствовала ихъ богогласная Матей: «померкнутъ солнце и луна не дасть свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небеси, и силы небесныя подвижутся, и явится знаменіе Сына человеческого на небеси и восплачутся тогда все племена земныя, и узрятъ Сына человеческого, грядущаго на облакахъ небесныхъ, съ силою и славою многою (Матѣ. XXIII, 29, 30). Возлюбленный же ученикъ Господа, Іоаннъ Богословъ, такъ приводитъ его глаголы: «грядетъ часъ, въ который все сущіе во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и выйдутъ сотворившіе благое въ воскресеніи жизни, а сотворившіе злое въ воскресеніи суда» (Іоан. V, 28, 29).

И что, братія, горше страшнаго и грознаго того отвѣта и видѣнія, когда узримъ всѣхъ согрѣшившихъ и непокаявшихся, отсылаемыхъ къ вѣчнымъ

мукамъ праведнымъ судомъ Божиимъ, трепещущихъ и вопіющихъ безъ пользы и горько плачущихся? Какой страхъ намъ будетъ тогда, когда поставятся престолы и книги разогнуты, и Богъ на судъ сядетъ со славою, и сами Ангелы въ трепетъ предстоятъ будутъ? Что будемъ отвѣчать тогда, когда все дѣла наши предстанутъ намъ на обличеніе, и все наше тайное явлено будетъ, что согрѣшили днемъ или ночью, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ? Какой стыдъ насъ тогда обмытеть, ибо никому уже нельзя будетъ отречься отъ грѣховъ своихъ, при ихъ обличеніи самую истинную. Кто исповдуется, братія, ужасъ втораго пришествія Господня и страшнаго его суда? — Одинъ изъ отцевъ сказалъ: «если бы возможно было тогда умереть, весь міръ умеръ бы отъ такого страха!»

И такъ обонимся и примемъ все сіе въ умъ нашъ, хотя бы и не хотѣло сердце, принудимъ его помышлять о томъ и скажемъ душѣ своей: увя, мрачная душа, приблизилось время къ нехоту твоему изъ дѣла! докожь не отрываешься отъ злыхъ, докожь предаешься унынію? Что не помышляешь о часѣ смертномъ и не трепещешь судилища Спаса? вотъ и дѣла твои предстоятъ, обличая и свидѣтельствуя противъ тебя. Впрочемъ, о душа, докожь еще имѣешь время, отступи отъ дѣлъ срамныхъ и возмись за благое житіе; теки, предвари, и съ вѣрою воскликни: согрѣшила я, Господи, согрѣшила предъ тобою, но знаю благоутробное твое челоуколюбіе и, припадая молюсь тебѣ, да при-

идеть милость твою на меня, Владыко! Смутилась душа моя и болезненно исхождение ея из окалянаго и сквернаго моего тѣла; да не встрѣтитъ ее во тьмѣ лукавой совѣтъ супостата, за невѣдомые и вѣдомые грѣхи въ сей жизни, но да воспримутъ ее свѣтлые твои Ангелы. Когда возлещь на страшномъ твоёмъ судилищѣ творить испытаніе нашихъ согрѣшеніямъ, тогда, о преблагій, не обличь моихъ тайныхъ дѣлъ, ниже посрами меня предъ Ангелами и людьми, но Господи благоутробный, Отче, Сыне и Душе Святый, помилуй меня и избави тогда отъ огня неугасимаго, и сподоби одесную тебя стать. Судія правдивѣйшій!»

Г л а в а VIII и IX.

Если размышляя такимъ образомъ, продолжаетъ Св. Нилъ, можемъ мы по благодати Божіей, обрѣсти и слезы, то подобаетъ плакать, сколько имѣемъ силы и крѣпости, ибо по словамъ Отцевъ, плачемъ можно избавиться отъ огня и вѣчныхъ мукъ; если же не можемъ плакать, понудимъ себя источить хотя малую каплю слезы, ибо все пріемлетъ отъ добраго нашего суди, говоритъ Лествичникъ, и въ слезахъ, какъ и во всемъ, есть своя сила. Видалъ я, говоритъ онъ, и малыя капли, какъ кровь съ болѣзнию изливаема, и видалъ источникъ слезъ, безъ болѣзни текущія; я же судилъ о

труждающихся, болѣе по болѣзни ихъ сердца нежели по слезамъ; — думаю, что и Господь также! Если же не возможемъ обрѣсти хотя и малой слезы, ради слабости и небреженія нашего, да не малодушествуемъ, но да скорбимъ и воздыхаемъ и позаботимся, съ благою надеждою, о възисканіи слезъ; печаль нашего ума исполняетъ миру всехъ тѣлесныхъ дѣлъ, по словамъ Св. Исаака, и благодать слезъ есть великое дарованіе, которое Отцы повѣлываютъ просить у Господа.

Но какъ будемъ просить и о томъ молиться? Поеленку мы сами не въ состояніи что либо вымыслить отъ себя, то будемъ заимствовать себя съ собою изъ полноты богодухновенныхъ писаній Св. отецъ. Андрей Критскій такъ начинаеть свой великій канонъ покаянія: «откуда начну плакать, страстнаго моего житія дѣланіа? какое положу начало нынѣшнему рыданію? по милосердью Господи, даруй мнѣ слезы умиленія, да плачуся тебѣ, Создателю нашему и Богу; исповѣдую тебѣ, Спасе, что согрѣшилъ окаляною моею душею и скверною плотію, дабы укрепляемый твоєю помощію, оставилъ я прежнее свое неразуміе и принесъ тебѣ въ покаяніе слезы!»

Св. Ефремъ Сирійскій молить: «чтобы Господь даровалъ ему всегда слезы сіи, для просвѣщенія сердца въ чистой молитвѣ, дабы малыми слезами смыто было великое написаніе грѣховъ его, и малымъ симъ плачемъ угасился палающій огонь.»—«О Христе, всехъ Царю, восклицаетъ въспомнись, 22»

тучу мнѣ подаждь слезъ божественнаго умиленія, какъ некогда жень грѣшницъ, да омою нечистоту моихъ страстей!»

Нѣкоторые, еще не совершенно получившіе дарованіе слезъ, различно пріобрѣтаютъ оное: одни, отъ тайнаго смотрѣнія и человѣколюбія Божія, другіе отъ чтенія повѣстей и поученій Святыхъ; нѣкоторые отъ одного лишь повторенія краткой молитвы Иисусовой; нѣкоторые же приходятъ въ умиленіе отъ нѣкоторыхъ молитвъ, составленныхъ Святыми, отъ каноновъ и тропарей; другіе получаютъ даръ сей, чрезъ воспоминаніе грѣховъ своихъ, отъ памяти смертной и страшнаго суда, или желаніемъ будущаго наслажденія. Какими бы размышленіями ни пріобрѣтались слезы, въ тѣхъ и должно намъ пребывать и удерживать плачь, доколь не преидеть, ибо это есть путь и плодъ покаянія; хотящіе избавиться отъ грѣховъ, плачемъ отъ нихъ избавляются, и хотящіе отъ нихъ предохраниться, плачемъ сохраняются. Симеонъ, новый богословъ, сравниваетъ весь добродѣтели съ вопиствомъ, а умиленіе и плачь, съ ихъ Царемъ и военачальникомъ, ибо онъ вооружаетъ и укрѣпляетъ ратовать противъ врага мысленнаго.

Если даже не въ похвальныхъ помыслахъ обрящется умъ нашъ, и отъ ненужныхъ для насъ скорбей произойдутъ намъ слезы, должно и ихъ предложить на полезныя, на славословіе Божіе или на исповѣданіе грѣховъ своихъ. Если по благодати Божіей, душа наша, безъ всякаго со стороны на-

шей старанія и усилія, исполнится умиленія слезъ: это есть знакъ посѣщенія Господня, и подобаетъ хранить благочестивыя слезы сии какъ зинцу ока, доколь сами собою не отыдутъ, ибо онѣ имѣютъ болѣе силы для истребленія грѣховъ и страстей, нежели тѣ слезы, которыя извлекаются съ нѣкоторымъ усиліемъ. Когда явится сіе духовное дѣйствіе въ молитвѣ, согревающее сердце, утѣшающее душу, веселящее умъ и расплавающее насъ къ любви Бога и человѣковъ, тогда слезы сами собою изливаются, подобно какъ у младенца, который вмѣстѣ и плачетъ и свѣтло улыбается, и этихъ слезъ да сподобитъ насъ Господь!

Когда же даруетъ намъ Господь, благодатию своею, обрести слезы и плакать или чисто помолитися, тогда вѣчески подобаетъ намъ сохраняться отъ духа гнѣвнаго и прочихъ неподобныхъ помысловъ, потому что тогда особенно старается врагъ смутить насъ внутренними помыслами, или извнѣ навести на насъ мятежъ и брань. Такъ предостерегаеъ насъ преподобный Нилъ, приводя слова соименнаго ему подвижника Синайскаго: «помолися какъ подобаетъ, ожидай того что не подобаетъ, и стань мужественно, охраняя плодъ свой, ибо на то былъ ты поставленъ, чтобы дѣлать и хранить, дабы не утратить свисканное трудомъ, иначе не воспользуешься самою молитвою.» Св. писаніе говоритъ: «сотворилъ Богъ Адама и поселилъ его въ рай, дабы воздѣлывать и хранить рай (Быт. II, 1).» Здѣсь дѣломъ райскимъ называетъ онъ молитву, а

хранениемъ послѣ молитвы — соблюденіе себя отъ неподобныхъ помысловъ, и если посѣтитъ насъ Господь такимъ райскимъ состояніемъ, будемъ соблюдать себя вселчески отъ неприличныхъ помысловъ, словесъ и дѣлъ, и чувства наши станемъ охранять со всею осторожностію, дабы отъ нихъ не подалглась кака-либо на насъ брань. Если же, по неволѣ, душа наша впадетъ въ какия-либо помышленія, немедленно обратимся съ молитвою къ Создателю нашему, и онъ разоритъ весь сн наветы!

Глава X и XI.

Въ десятой главѣ своего устава, преподобный Нилъ говоритъ, объ отъсѣченіи всѣхъ пощеченій и о томъ, чтобы умереть всему житейскому, дабы пребывать въ этомъ чудномъ дѣланіи. Великій Макарій пишетъ: что хотящій приступить къ Богу и сподобиться вѣчной жизни, сълзается жилищемъ Христу и исполнится Св. Духа, чтобы творить заповѣди Господни непорочно, долженъ положить такое начало: прежде всего вѣровать Богу и вполне предать себя его заповѣдямъ и отречься міра, дабы упразднившійся умъ только единого Господа имѣлъ предъ очами, старающъ во всемъ быть ему угоднымъ и пребывать всегда въ молитвѣ, чая помощи и посещенія Божія. Тогда Господь, видя такое

произволеніе, творить милость свою вирующему, избавляетъ его отъ всѣхъ враговъ и отъ живущаго въ немъ грѣха, и исполняетъ его Духа Святаго. Великій Василій говоритъ: что начало чистоты душевной есть безмолвіе, а Лествичникъ предостерегаетъ насъ: что не большой волосъ смущаетъ око и не большая забота истребляетъ безмолвіе. Часто, вкусившій сладость молитвы, однимъ празднымъ словомъ оскверняетъ умъ, и когда потомъ ставетъ опять на молитву, уже не обрѣтаетъ того что возлюбилъ.

Св. Псаакъ Сиривъ такъ совѣтуетъ хотящимъ безмолвствовать истинно и очищать умъ молитвою: «удались отъ виднѣя міра и отъскы бесѣды, и не принимай по обычаю друзей своихъ въ келлію, даже и подъ какимъ либо хорошимъ предлогомъ, кромѣ тѣхъ, которые съ тобою единоправны и тебѣ единопущны; бойся душевнаго смущенія отъ собесѣдованій, которое по неволѣ бываетъ и тогда когда уже отрѣшишься отъ вѣншихъ бесѣдъ, ибо это известно по опыту, что неблаговременныя и излишнія рѣчи, даже къ людямъ намъ приснымъ, растлываютъ храненіе нашего ума и тайное поученіе сердца.» Онъ это сравнивалъ съ суровостію гололедицы, которая, внезапно напавъ на верхи древесныя, засушаетъ ихъ, и съ лютостію инае пожирющаго новья прозябанія: такъ и суетныя бесѣды человѣческія могутъ засушить корень ума нашего и начиниесе ростки добродѣтелей!

Наконецъ, въ послѣдней главѣ, преподобный Нилъ

разсуждает о томъ, какъ подобаетъ не прежде времени и съ благоразумною мѣрою предаваться сему духовному дѣланію. Все должно совершаться съ разсужденіемъ, говорить Св. Василій великій, ибо безъ сего и доброе можетъ быть употреблено во зло; когда же все будетъ и во время и въ мѣру, тогда чудный оттого произойдетъ прибытокъ. И Лествичникъ напоминаетъ слова Св. писанія «что есть время всякой вещи подъ небесемъ» (Еккл. III. 1.) говорить: что есть время для безмолвія и время для безмятежной молвы, время непрестанной молитвы и время для величественной службы; время святъя труда и время пожинать класы — неизреченныя дары благодати. Приводитъ онъ и примѣры: какъ не безопасно неопытному воину, отдѣлившись отъ множества вступать въ единоборство, такъ и опасно иноку, прежде искусства и долгаго обученія въ борьбѣ съ душевными страстями, начинать безмолвіе; воинъ можетъ пострадать отъ сего тѣлесно, а воинъ подвергаетъ опасности душу.» (Слов. 4).

Варсонофій великій сказалъ одному брату, который прочелъ въ Патерикѣ: «что хотящій по истинѣ спастися долженъ сперва понести отъ людей досажденія, поношеніе и безчестіе, по примѣру самаго Господа, и тогда только идти на совершенное безмолвіе, то есть взойти на крестъ и всему умереть въ мірѣ;» — «справедливо изрекли сіе Отцы и иначе быть не можетъ.» (вопр. 108.) А другому совѣтовалъ онъ (вопр. 113,): держаться середины, внимая волю Бо-

жией, чтобы стараясь взойти выше своей мѣры, не утратить и того что имѣетъ; ибо иногда, по причинѣ безмолвія, приходитъ высокоуміе, если человекъ прежде самъ себя не приобрѣтетъ; приобретеніе же сіе состоитъ въ томъ, чтобы сохранить себя непогрѣшимымъ въ смиреніи. Если кто хочетъ прежде времени отстать отъ всякой заботы, то и тогда общій врагъ нашъ приготовляетъ ему смущеніе вмѣсто покоя, такъ что доводитъ его до отчаяннаго восклицанія: «лучше бы мнѣ не родиться!»

Св. Григорій Синаитъ говорить: что памятованіе о Богѣ, то есть умная молитва, свыше всякаго дѣланія и есть глава всехъ добродѣтелей, какъ любовь Божія. Кто хочетъ самонадѣленно и дерзостно взойти къ Богу, бесѣдовать къ нему чисто и стяжать его условіемъ, — тотъ удобно умерщвляется отъ духовъ нечистыхъ, если сіе поущено будетъ: ибо онъ съ величаніемъ взыскалъ дерзновенно столь высокаго состоянія, свыше своего достоинства и прежде времени. Мы же, внимая сему, да сохранимся, чтобы не повредить душѣ своей, но да будемъ держаться средняго пути, который не скользякъ къ паденію: то есть, преобучившись прежде въ обществѣ людей, будемъ жить въ уединеніи, съ однимъ или двумя братьями. Преподобный Ниль свидѣтельствуетъ, что самъ онъ часто видѣлъ такой образъ духовнаго сожительства, на Св. горѣ Афонской, въ странахъ Цареградскихъ и въ другихъ мѣстахъ. Духовные старцы держатъ тамъ при себѣ въ келіи двухъ, а иногда трехъ учениковъ,

и если кто вблизи от них безмолвствует на единь, то въ приличное время сходятся между собою, просвѣщаясь взаимно духовною бесѣдою. И мы, новоначальные и неразумные, другъ от друга вразумляемся и утверждаемся, какъ написано: «братъ братомъ помогаемъ, яко градъ твердь,» (Прит. XVIII, 19), и мы имѣемъ учителя неслестнаго, въ богодухновенномъ писаніи, и такъ, благодатию Божіею, направляемся на дѣла благія.

Мы написали это, смиренно заключаемъ преподобный, съ Божіею помощію, по мѣрѣ худости нашего разума, себя въ напоминовеніе и мнѣ подобнымъ, которые еще обрѣтаются въ чинѣ учащихся; не отъ себя говорилъ я, но извлекалъ изъ богодухновенныхъ писаній Св. отецъ, просвѣщенныхъ разумомъ, ибо все здѣсь засвидѣтельствовано божественнымъ писаніемъ. Если же что либо обрѣтется въ томъ, что я изложилъ, неудобнымъ Богу и полезнымъ для души, ради моего неразумія, да не сохранится;—одна лишь воля Божія, совершенная и благоприятная да исполняется, а я себя прощія прошу. Если же кто лучше и полезнее сего разуметь, тотъ такъ пусть и дѣйствуетъ, и я о томъ радоваться буду; если же кто, отъ сихъ моихъ словъ получить пользу, пусть обо мнѣ грѣшномъ помолится, да и я сподоблюся помилованія отъ Бога.

Преподобный Нилъ оставилъ по себѣ скитскій обиходъ на весь днѣ, въ которые скитяне должны были сходитьсь въ общую церковь, и тутъ есть

нѣкоторая особенность, напоминающая образъ жизни отшельниковъ Афонскихъ, ибо оттуда Нилъ заимствовалъ свои правила, но теперь уже они болѣею частью не соблюдаются. По образцу восточному, во время литургій въ скиту его, лики пѣли только Трисвятую псень, аллилуія, Херувимскую, достойно и причастный стихъ; прочее все говорили а не пѣли, и послѣ каждой обѣдни все братія, сотворивъ взаимное прощеніе въ церкви, расходилась по келліямъ, не выходя изъ затвора безъ благословной вины; собирались въ храмъ не всякій днѣ, а только по субботамъ, воскресеніямъ и праздникамъ, прочее же время безмолвствовали наединѣ. Каждую субботу, какъ и теперь бываетъ это на Афонѣ, все сходились на усыпальницу братскую, въ церковь святаго Еврема, гдѣ совершалась общая панихида, за упокой усопшихъ. Если же случались субботы, въ которыя не положено поминовенія, какъ на примѣръ отъ Рождества до Богоявленія и отъ пятой субботы великаго поста до Троицкой, то собирались только къ вечерни. Всенощная скитекая продолжалась во всю ночь, въ полномъ смыслѣ сего слова, съ многочисленными чтеніями изъ Отцевъ, при каждой канонѣ, и даже съ особенными канонами, и прежде литургій служили акафисты; но между утренни и литургій расходились и не было сплошной службы, какъ теперь на Востокѣ.

Церковь и гробница преподобного

Нила.

Мы приехали уже в скитъ послѣ вечерни и, чтобы не тревожить братіи, прошли мимо пустыни въ отдельную келію бывшаго строителя, который началъ дѣло обновленія и потомъ уединился на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хижина преподобнаго за мельницею. Туда перенесъ онъ и прежнюю деревянную церковь Претечи, со всеми ея древними иконами, снятую имъ съ холма, и соорудивъ себѣ келію въ саду, близь кладезя преподобнаго, подвизается тамъ по мѣрѣ силъ: его руководство-иконопись. Я видѣлъ его лѣтъ за двадцать предъ симъ въ сѣверной столицѣ, когда еще въ полной силѣ возраста, приѣзжалъ онъ ходатайствовать о самобытности своей пустыни: — какъ изумился я, когда теперь мнѣ отперъ двери уединенной церкви, согбенный годами и совсѣмъ изсохшій старецъ, въ одеждѣ схимнической, ибо онъ уже давно облеченъ

въ сей великій образъ, принявъ имя блаженнаго основателя пустыни; истинно слово псаломское: «человѣкъ яко трава, днѣ его, яко цвѣтъ сальный, тако отцвѣте!» (Пс. 102, 15.) Тотъ же человѣкъ встрѣчалъ меня и онъ уже казался мнѣ другимъ; дѣйствительно протекло столько времени, что и по внешности и по внутренности могъ онъ измѣниться. Меня не узналъ онъ и вѣроятно не помнилъ, да и могло ли придти ему на мысль, что мы встрѣтимся въ сей дикой пустынь?

Я просилъ показать мнѣ церковь и древнюю святыню, сколько ея уцѣлѣло. Замѣчательна икона преподобнаго, перенесенная изъ кладбищенской церкви святаго Ефрема Сирина, съ отличительною выпискою изъ твореній сего отца, противъ нерадивыхъ иноковъ, которая начертана на хартіи въ его рукѣ. Самая церковь несовременна Св. Нилу, потому что была перестроена въ 1660 году, при Царѣ Алексѣй Михайловичъ; но грустно было думать что она сдвинута съ мѣста, избраннаго самимъ преподобнымъ! Мнѣ желательно было отслушать молебенъ надъ его ракою въ новомъ храмѣ; по звуку колокола собралась братія. Церковь каменная, весьма обыкновеннаго зодчества; въ лѣвомъ ея придѣлѣ, во имя Св. Николая, временно поставлена гробовая рака, которая будетъ перенесена на самое мѣсто могилы преподобнаго Нила, внутри главнаго собора Успенія, когда онъ приведется къ окончанію. Съ благоговѣйною любовію приложился я къ надгробному лику великаго труженика и наломинка,

обошедшаго Востокъ и оставившаго намъ чистое зеркало подвижнической жизни, въ скитскомъ своемъ уставѣ. Чудное преданіе сохраняется въ обители, о сплещенномъ ликѣ написанномъ на гробовой доскѣ; преподобный изображенъ въ одеждѣ схимнической, въ благолюбомъ покоѣ посмертнаго созерцанія, начатаго изъ еще на землѣ.

Нѣкто богатый человекъ Московскаго государства, захваченъ былъ Турками и многіе годы оставался у нихъ въ плѣну; сильно скорбѣлъ онъ о своемъ семействѣ и призывалъ къ себѣ на помощь угодниковъ Божіихъ. Однажды ночью являлся ему, въ тонкомъ снѣ, святотѣпный старецъ и велѣлъ написать образъ преподобнаго Нила, обѣщая возвращеніе на родину. Воспрянулъ человекъ отъ сна и только что хотѣлъ, поклонившись спросить: какъ можетъ это исполнить? но уже явившійся, какъ молнія скрылся отъ его взоровъ, ослѣпленныхъ яркимъ свѣтомъ. Плыльникъ началъ размышлять самъ съ собою: кто это преподобный Нилъ, о которомъ впервые слышалъ, и гдѣ обрѣтается? Онъ сталъ призывать его на помощь, хотя и не вѣдалъ, изъ какихъ предѣловъ и какъ написать его ликъ? а между тѣмъ горько плакалъ и помышлялъ о избавленіи отъ плѣна. И вотъ опять, въ другую ночь, является ему тотъ же старецъ и говоритъ: «въ предѣлахъ Белозерскихъ Нилъ, за двѣнадцать поприщъ отъ Кириллова монастыря.» Вскочивъ съ постели, плыльникъ ясные хотѣлъ разглядѣть лице явившагося и подробнѣе его распро-

сить, но опять столь же быстро исчезъ старецъ, оставивъ за собою струю свѣта и благоуханія. Тогда уверовалъ человекъ, что дѣйствительно послалъ Господь къ нему своего угодника, и молилъ святаго Нила, дабы явилъ ему ясные ликъ свой; и въ третью ночь является ему преподобный, оставляетъ у его возглавія начертаніе своего лика, и говоритъ ему утѣшительное слово: «человекъ Божій, возьми ликъ сей и иди въ Русскую землю.»

Едва опомнился утѣшенный узникъ и дѣйствительно обрѣлъ, у своего изголовья, начертаніе лика преподобнаго; въ сердца его возникла надежда на скорое избавленіе. Уже онъ начиналъ помышлять о бѣгствѣ, и со слезами молилъ Господа и его угодника, указать ему путь, чтобы избавиться отъ руки неверныхъ; — опять былъ къ нему голосъ: «иди ночью въ стѣну и увидишь предъ собою яркую звезду; послѣдуй за нею и избежишь Агарякъ.» Плыльникъ, укрѣпляемый вѣрою, дерзновенно ночью пустился въ неизмѣримую невѣдомую стѣну, взявъ съ собою немного хлѣба, и дальняя звезда его руководила, по обѣщанію Нила, доколе не возсіяла денница. Тогда услышалъ за собою топотъ копей и крики варваровъ, ищущихъ своей добычи; въ ужасѣ палъ онъ на землю, моля Господа о своемъ сохраненіи, и вилъ его молитвѣ Господь, освѣтивъ его невидимою силою отъ ихъ взоровъ, такъ что они съ воплемъ пронесли мимо.

Со слезами благодарности, поднялся отъ земли

спасенный и, озираясь вокруг себя, продолжать путь, не видя больше враговъ. День и ночь страствовало онъ въ неприютной степи, и вотъ подошло къ рѣкѣ глубокой и быстрой, хотя и не широкой, а перевозчика нѣтъ и течение ея чрезъ всю степь. Варвары знали, что нельзя миновать рѣки, и гнались до ея берега съ твердою увѣренностью, что поймаютъ своего бѣглеца. Увидѣвъ его издали, устремились на него съ дикими воплями и обнаженными мечами; онъ же, не видя себя ни откуда спасенія, оградился знаменіемъ крестнымъ и бросился въ рѣку: быстро понесла его вода, внизъ по теченію, и напрасно стрѣляли въ него съ берега Агаряне, ибо его охраняла благодать Божія. Быстрые ихъ коней мчала его рѣка; они возвратились, почитая его уже утопшимъ, но рѣка, плескомъ волны, выбросила человека на противоположный отлогій берегъ, и оттолкъ безпрепятственно шель онъ чрезъ степь, шатаясь быліемъ травнямъ и непрестанно призывая въ молитвахъ Господа и его угодника Нила.

Рѣка сія, вѣроятно, была Донецъ, которая въ то время служила границею отъ Крымской орды; освобожденный пѣшникъ благополучно достигъ городовъ Русскихъ, гдѣ былъ съ любовію встречаетъ властями и на подводахъ доставленъ въ Москву. Но прежде нежели вошелъ въ домъ отеческій, отыскавъ иконописца и велѣлъ изобразить ему ликъ преподобнаго, съ листа ему даннаго, въ мѣру гробовой доски; тогда только переступилъ

родной пороги; потомъ созвалъ священниковъ и убогихъ и, угостивъ ихъ трапезою, снабдилъ обильною милостынею, разсказывая всѣмъ, какъ избавилъ его Господь отъ плѣна. Когда же написанъ былъ образъ преподобнаго, сдѣлалъ большое торжество, въ честь святаго Нила, и съ вернымъ служителемъ послалъ честную икону въ скитъ его, въ предѣлы Бѣлозерскіе, снабдивъ его многими дарами и церковною утварью. Икона сія и доселѣ лежитъ на ракъ и, молитвами преподобнаго Нила, истекаютъ отъ нея исцѣленія.

Недавнее событіе, совершившееся въ Ниловой пустыни, свидѣтельствуетъ, что и доселѣ не престаётъ преподобный изливать милости свои на любимую имъ обитель. Въ прошломъ году оказалась при строеніи новой церкви трещина, въ сводахъ главнаго купола, и предпринято было разобрать основныя столбы внутри храма; но какъ только коснулись средней большой арки, высотой въ четыре сажени, она вдругъ обвалилась. Изъ трехъ каменщиковъ, двое успѣли схватиться за желѣзныя связи и висѣли на нихъ, доколь не были сняты другими рабочими; а третій, 16-ти-лѣтній юноша, упалъ съ высоты арки, вмѣстѣ съ обвалившимися кирпичами и былъ ими засыпанъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находилась прежде могила преподобнаго. На шумъ его паденія и на крикъ висѣвшихъ на связяхъ, сбѣжалась вся братія; рабочіе кричали, что одного человека задавило, какъ вдругъ изъ подъ груды кирпичей, послышалась стенищій

голость, который просил о скорьейшей помощи. Все бросились разбирать камни, чтобы достать изъ подъ ихъ груди несчастнаго, хотя и не надьвлялись обрести его въ живыхъ, но къ общему всехъ изумленію, нашли его почти невредимымъ; на немъ была только изорвана рубашка и видны на лицъ его рубецъ. Все съ радостію прославили Бога; а молодой каменщикъ, вставъ изъ подъ груди каменной, перекрестился, началъ со слезами молиться и пошелъ въ свое жилище отдохнуть; на другой же день продолжалъ работу вмьстѣ съ товарищами.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ Кирилловъ, и тамъ уже меня ожидалъ посланный отъ доброй игуменьи Маврикіи, съ ея гостинцами, ручьяемъ Горницкимъ и припасами на дорогу, потому что она, какъ заботливая мать, попеклась и о томъ, чтобы путнику было чьмъ прокормить себя въ пустынной дорогѣ. На сльдующее утро, другою посланный явился съ новыми поминками; меня весьма тронуло такое вниманіе добродетельной старицы къ чуждому ей пришельцу, за то лишь что посещать, на ньскольکو краткихъ часовъ, ея пустынную обитель: таково бываетъ любящее сердце, отрешенное отъ земнаго, но тьмъ паче проникнутое любовію къ ближнему.

Признаюсь, когда въ снлхъ гостепримныхъ келлій настоятельскихъ, смотрьдъ я на изображеніе пяти обителей, составляющихъ духовное пятиградіе предъловъ Бьозерскихъ, вокругъ главнаго монастыря Кириллова: Оерапонтовъ, Горницы, Пи-

ловъ скить, другой Кирилловъ Новоозерскій и Филиппо-Ирабскій, — весьма сожальдъ я, что не могъ посетить двухъ посльднихъ. Мнѣ особенно было грустно, что по необходимости лишился я утшшенія видьтъ пустынную обитель Новоозерскую, куда уже давно меня звалъ радушный настоятель. Добрьй инокъ, отецъ О ть, старался замьнить своей обители знаменитаго ея старца, Архимандрита Теофана, которому она обязана своимъ благосостояніемъ, ибо онъ ее вызвалъ изъ долгаго запустыня. Любопытна для меня была бы и самая обитель, на маломъ островѣ посреди Новаго-озера, сооруженная вся на свалхъ, какъ бы одинъ изъ Венеціанскихъ монастырей, такъ что мьстами и самая ограда обмывается волнами изнутри и снаружи; все ея башни господствуютъ надъ водною стихією смирившагося озера. Но время и дорога не позволяли пуститься въ дальнйшее странствіе: какъ ни мало кажется пространство 70 верстъ, но надобно было испытать весеннюю дорогу отъ Ярославля до Вологды и до Кириллова, на разстояніи 300 верстъ, чтобы узнать, чего стоить каждая верста, по непроходимымъ колеямъ и мостовинамъ. Большою Кирилловъ монастырь былъ главною цьлію моего пути и я достигъ желаемаго, хотя не безъ большихъ трудовъ; отсель помышлялъ уже о возвращеніи и потому дорожилъ каждымъ днемъ. Но обитель заточеннаго Патріарха Иконоа, Оерапонтовская, лежала за ньскольکو верстъ въ сторону отъ большой дороги, и я рьшился посетить ее,

чтобы довершить, по крайней мѣрѣ, ближайшій обзоръ монастырей окружающихъ Кирилловъ, и не оставить въ забвеніи память великаго мужа Перкви, съ которымъ давно уже меня сроднилъ Новый его Іерусалимъ.

Преподобный Ферапонтъ.

Прежде нежели посѣтитъ какую либо обитель, должно познакомиться съ тѣмъ, кто положилъ ей начало, дабы не чуждымъ пришельцемъ взойти въ священную ограду и не проходить равнодушно мимо гробовъ основателей; здѣсь же два преподобныхъ могутъ почитаться ктиторами сей обители: Ферапонтъ, преждевременно изъ нея удалившійся, и Мартиніанъ, изъ учениковъ великаго Кирилла, продолжавшій его благочестивое дѣло.

Отъ благородныхъ и боговѣрныхъ родителей происходилъ Ферапонтъ, прозваніемъ Поскоптинскихъ, изъ дѣтей боярскихъ города Волоколамска. Съ юнаго возраста, уже исполненный страха Божія, онъ помышлялъ только: какъ избѣжать

ему суетнаго міра и попеченій житейскихъ. Феодоръ было его мірское имя и часто, въ домъ своихъ родителей, любилъ онъ бесѣдовать о благочестивыхъ предметахъ, непрестанно моля Господа, дабы сподобиться ему иноческаго образа. Избравъ на то благоприятное время, тайно удалился онъ изъ отческаго дома и пришелъ на Симоново въ обитель; тамъ умолилъ архимандрита немедленно постричъ его, и свыше было внушено настоятелю, принять юнаго пришельца, безъ обычнаго испытанія; но его отдали подъ руководство опытному старцу, который научилъ Ферапонта первымъ началамъ иночества.

Съ должнымъ послушаніемъ прошелъ онъ весь искусъ монастырскій, трудясь въ черныхъ работахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, неослабно пребывая на бдѣніяхъ вѣсннихъ и въ келліи на молитвѣ, въ непрестанномъ постѣ укрѣплялся благодатію Божіею; все свои тайные помыслы ежедневно исповѣдывалъ онъ старцу духовному и тѣмъ соблюдалъ чистоту тѣлесную и душевную, ограждаясь отъ стрѣлъ вражнихъ; наипаче же остерегался исполнять въ чемъ-либо свою волю. Смиренино просилъ братій своихъ инокъ Ферапонтъ, чтобы молились о его спасеніи, и радовалась братія такому сподвижнику, который терпѣливо и безпрекословно исполнялъ все послушанія. Хотя не искусенъ былъ онъ грамотъ, но стяжалъ доброту душевную и здравый умъ, и многіе годы провелъ такимъ образомъ, служа въ обители. Настоятель, замѣтивъ его

опытность во всякомъ дѣлѣ, посылалъ его въ ближнія и дальнія мѣста, для potreбы монастырской, и всегда возвращался съ услахомъ Ѳерапонтѣ.

Однажды былъ онъ посланъ на Белоозеро, въ предѣлы отдаленные и мало извѣстные. Пустынно было мѣсто и исполнено болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ, и воды тамъ многія, рѣки и озера. Ѳерапонтѣ, желая лучше распознать страну сію, обошелъ ее всю съ путническимъ посохомъ, и душа его, давно жаждавшая безмолвія, возлюбила сію пустыню. Дивный во Святыхъ своихъ Господь, какъ бы перстомъ указывалъ на сію землю обитованія иноческаго, первому ея соглядату Ѳерапонтѣ, какъ нѣкогда посланнымъ отъ дѣтей Израилевыхъ въ землю точашую медъ и млеко, будущее ихъ наследіе. Богомъ хранимый, возвратился путникъ въ обитель Симонову, гдѣ спасался тогда великій подвижникъ Кириллъ. Ему предназначено было, вмѣстѣ съ Ѳерапонтѣ, поселиться въ сей безлюдной пустынѣ и даже отъ нея заимствовать свое названіе. Онъ уже безмолвствовалъ въ то время, на старомъ Симоновѣ, при церкви Рождества Богоматери, и помышлялъ только: гдѣ бы обрести ему совершенное уединеніе, далеко отъ мятнаго міра? — Съ теплотою томъ молитвенно, обратился преподобный къ пречистой Матери Христа Бога, дабы она наставила его на сей новый путь спасенія.

Мы уже знаемъ, изъ житія Кириллова, о чудномъ гласѣ къ нему бывшемъ, во время аканаст-

наго пнія пречистой Дѣвы, и какъ указано ему было избранное мѣсто въ предѣлахъ Белоозерскихъ, для сооруженія обители, но онъ еще не зналъ, гдѣ и какъ обрести его въ пустынѣ? Не много времени спустя пришелъ посылить его блаженный Ѳерапонтѣ, сверстникъ его по годамъ и постриженію и связанный съ нимъ узами духовной приязни. Кириллъ спросилъ друга: «есть ли на Белоомъ озерѣ мѣсто, гдѣ бы можно было безмолвствовать иноку?» и Ѳерапонтѣ отвѣчалъ, что ихъ тамъ много. По долгимъ совѣщаніямъ, согласились они втайнѣ оставить монастырь и идти въ дальній путь на сѣверъ.

Послѣ многихъ странствованій пришли на Белоозеро и обходили многія мѣста, но ни одно изъ нихъ не полюбилось Кириллу; повсюду искалъ онъ то, которое указано ему было въ тайномъ видѣніи; когда же достигъ сего мѣста, возлюбилъ его душею и сотворилъ тутъ молитву. Оба отшельника водрузили крестъ и, воспѣвши канонъ хвалебный Богоматери, начали копать себѣ землю для жилища. Не много времени провелъ тутъ преподобный Ѳерапонтѣ вмѣстѣ съ своимъ другомъ; ему пришло на мысль отойти въ уединенное мѣсто и онъ собицилъ о томъ преподобному Кириллу, такъ какъ они имѣли обычай повѣрять взаимно тайные свои помыслы и просить другъ у друга совѣта.

«Есть у меня желаніе и оно непрестанно влечетъ меня, идти безмолвствовать на особое мѣсто,» простосердечно сказалъ Ѳерапонтѣ, и столь же искрен-

но отвѣчалъ ему Кирилль: «если воля Божія на то будетъ, можешь и на дѣль исполнить.»—«Мѣсто сіе не далеко отсѣдъ, отче, сказалъ опять Ѳерапонтъ, за 15-ть поприщъ или не много дальше; хочу, если Богъ соизволитъ, тамъ безмолвствовать, и молю твою святыню, дабы ты не оскорбился на меня за такую разлуку; отпусти меня съ любовію и моли Господа и пречистую его Матерь, дабы мнѣ все было на пользу,» и съ любовію отпустилъ его Кирилль, говоря: «воля Господня да будетъ.» Они согласились, однако, по прежнему имѣть во всемъ советъ между собою и такъ разлучились: блаженный Кирилль остался на своемъ мѣстѣ, преподобный же Ѳерапонтъ отошелъ на прекрасное мѣсто, между двухъ живописныхъ озеръ; тамъ во дворился и молитвенно поставилъ себя келлію. Хотя пустынно и дико было мѣсто, но оно казалось ему краше всѣхъ селеній на землѣ. Не много времени спустя, пришелъ возвестить о избранномъ мѣстѣ преподобнаго Кирилла, и благословилъ его отшельникъ тамъ житьельствовать.

Вырубивъ сперва довольно лѣса, вокругъ своей одинокой келліи, Ѳерапонтъ сталъ помышлять о томъ, какъ бы разчистить землю, для разведенія необходимыхъ овощей, ибо не откуда было ожидать себѣ припасовъ въ сей безлюдной пустынь. Прилагалъ труды къ трудамъ, следовала оныя духовнымъ наставленіямъ, которыя преподаны святыми Отцами, для жительства пустыннаго, постомъ, молитвою и бдѣніемъ, отгоняя сонъ и уны-

ніе и помыслы лукавыхъ бьсовъ; когда же утвердился самъ въ своей уединенной келліи, началъ ставить около нея и другія для приходящей братіи. По ихъ настоятельной молбѣ соорудилъ оныя и церкви, во имя Рождества Богоматери, испросивъ на то благословеніе святительское. Однако много пострадалъ преподобный, при началѣ общезжитія, отъ вражнхъ искусеній и нападенія разбойниковъ, которые съ угрозою смерти требовали, чтобы оныя вышелъ изъ ихъ предѣловъ, ибо не могли терпѣть злые люди праведника между собою; но преподобный, уповая на Бога и на пречистую Дѣву, не упалъ духомъ; беззаконные со стыдомъ отъ него отходили, хотя дикое мѣсто сіе, между лѣсовъ и озеръ, благопріятствовало разбойлѣ; самые звѣри, по молитвѣ его, уступали ему свое пустынное наслѣдіе.

Господь, видя терпѣніе раба своего, благословилъ распространяющуюся его обитель, ибо многіе стали приходять къ нему, ради пользы душевной. Особенно обрадовался оныя пришествію одного инока, сана пресвитерскаго, который сталъ у нихъ совершать божественную службу, и Ѳерапонтъ почтталъ его, какъ роднаго отца, а самъ избывалъ великаго старшійшинства и подвизался день и ночь, во всѣхъ тяжкихъ работахъ, не упуская ни церковной службы, ни келлейнаго правила, по примѣру древнихъ отшельниковъ Египта и Палестины. Братія, видя столь великій примѣръ предъ собою, старались во всемъ ему подражать, исполнили

безропотно уставъ общежительный. Отъ времени до времени посещалъ Ѳерапонтъ Св. Кирилла, занимая отъ него свѣтъ духовный, какъ лучъ отъ солнца, и какъ древо жаждущее себя воды текущей, потому что братство его все болѣе умножалось и бояре приходили къ нему просить наставленія, надѣляя обитель обильными подаваніями.

Все сіе принималъ блаженный, не какъ отъ челоувѣковъ, но какъ отъ самаго Бога, и часто говорилъ: «не я оградилъ место сіе святое, но пречистая Богородица; она одна можетъ насъ наставить на полезное, какъ намъ спастися.» Чрезъ несколько времени, братія поставили себя игумена, ибо преподобный отклонилъ отъ себя сію почесть, хотя самъ о всѣхъ заботился и назидалъ словомъ, раствореннымъ божественною солюю; съ утѣшеніемъ духовнымъ каждый выходилъ изъ его келліи, какъ бы окрыленный для новыхъ подвиговъ. Сходились къ нему изъ дальнихъ монастырей рвцы и клирики всякаго чина; всѣхъ принималъ онъ съ любовію, но строго наблюдалъ, чтобы во всемъ подражать чину Кирилловой обители; никто не смѣлъ держать въ келліи особыхъ яствъ или какихъ либо вещей, кромѣ святыхъ иконъ и божественныхъ книгъ и орудій рукодѣльныхъ. Служба церковная совершалась съ глубокимъ благоговѣніемъ, и строгое безмолвіе наблюдалось за трапезою и по келліямъ, гдѣ братія занималась переписываніемъ книгъ, или плетеніемъ мрежей, судя по силѣ и расположенію каждого, и все въ глубокомъ

миръ исполняли возложенныя на нихъ послушанія; мірскимъ же людямъ не было участія въ трудахъ монастырскихъ.

Молва о новой обители дошла до Князя Андрея Дмитріевича Донскаго, и онъ возблагодарилъ Бога, прославившаго такими мужами дальнюю его отчину. Князь послалъ много милостыни и утвари для церквей, предоставляя окрестныя земли и воды въ пользу обители, и прося молить себя и своему роду; такъ исполнилось слово псаломное: «сеіи нищій воззва, и Господь услыша, и отъ всѣхъ скорбей его спасе» (Псал. 33, 7). Случилось однажды намѣстнику Князя придти въ Ѳерапонтовъ монастырь, побесѣдовать съ преподобнымъ, и такъ сладостна показалася бесѣда сія, что всею душею возлюбилъ онъ старца. Возвратившись къ своему Князю, разсказалъ онъ, какое сокровище таятъ въ его отчинѣ, гдѣ все еще тогда было пусто. Много утѣвился Князь сею вѣстію, ибо и самъ былъ чрезвычайно благочестивъ и расположенъ къ иночеству. Давно уже онъ имѣлъ желаніе составить обитель, близъ удѣльнаго своего города Можайска, но не звалъ гдѣ бы найти челоувѣка, могущаго положить ей благое начало. Когда же услышалъ отъ своего намѣстника о блаженномъ Ѳерапонтѣ, пришло ему на мысль, что никто кромѣ его не можетъ совершить сего дѣла. Онъ отправилъ богатую милостыню въ монастырь его, съ однимъ изъ своихъ ближнихъ бояръ, который пригласилъ старца идти благословить Князя, потому что имѣется

до него тайное слово. Услышавъ печальное приглашеніе, Оерапонтъ впаде въ недоумѣніе, и отвѣчалъ только посланному: «воля Господня да будетъ!» Онъ просилъ совета у всей братіи; братія отвѣчала: что не должно оскорблять сильнаго властелина, Бога ради его зовущаго, отъ котораго зависить обитель, потому что на его земля она основалась. Однако еще колебался труженникъ, оставить любимое мѣсто своего подвига и, пригласивъ посланнаго въ соборъ иноческій, умолялъ открыть тайную причину зова княжескаго, потому что не разумѣлъ, какое дѣло можетъ имѣть державный до человека грубаго и невѣжественнаго, тѣмъ паче, что инокамъ подобаетъ у себя безмолвствовать, а не скитаться въ мѣрѣ на позоръ людямъ. Посланный отвѣчалъ старцу, что ему крѣпко заповѣдано, не возвращаться безъ него къ Князю и, падши на землю, умолялъ не ослушаться державнаго; то же повторила и братія, такъ что Оерапонтъ многія пролилъ слезы. «Воля Божія и пречестія Богородицы и ваша любовь, да будутъ со мною,» сказалъ онъ наконецъ и повиновался, хотя вопреки желанія, общему приговору.

На другой день, отпѣвъ молебень Спасу и Богоматери, далъ онъ советъ братіи: какъ довершить строеніе храма и соблюсти уставъ монастырскій, а самъ пустился въ дальній путь, въ сопровожденіи одного лишь инока, не предвидя, что уже ему не суждено возвратиться въ свою обитель. Благополучно достигъ онъ города Можайска,

гдѣ жилъ удѣльный Князь, и встрѣченъ былъ отъ него съ подобающею честью. «Господь да сочтетъ стопы твои, сказалъ ему Князь, и воздастъ тебѣ мзду за твой подвигъ, я же всегда останусь должникомъ твоей святости.» Князь угостилъ его трапезою, отвелъ у себя въ домъ храмину для успокоенія и, чрезъ несколько дней отдыха, съ участіемъ спросилъ его о страхахъ Бѣлозерскихъ и новой его обители, и радовался духовно, что обрѣлъ старца себѣ по мысли, такимъ какъ о немъ возвысили; потомъ спросилъ его: «знаешь ли за чѣмъ былъ призванъ?» — Преподобный отвѣчалъ: «Богъ одинъ въдаетъ тайны сердець человеческихъ.» Недоумѣвая, какъ открыть сію тайну, державный просилъ старца, безусловно обѣщать ему, что исполнитъ одно его теплое желаніе, но ему смиренно отвѣчалъ Оерапонтъ: «я нищій и худой чернецъ; что могу даровать твоему величію, одаренному столькими благами?» Князь наконецъ рѣшился открыть ему тайную мысль и, ласково посадивъ близъ себя старца, умолялъ, чтобы устроилъ ему обитель иноческую близъ роднаго его города Можайска.

Смутился преподобный печальному прошенію, и ни чѣмъ кромѣ слезъ не могъ отвѣчать державному; такимъ образомъ протекло несколько дней, въ безмолвіи съ его стороны, ибо сердце его лежало къ родной его пустыни Бѣлозерской и горько помышлялъ онъ о сиротствѣ чадъ своихъ, собранныхъ въ пустыни и остающихся безъ призрѣнія. Съ теплою молитвою обратился онъ къ Го-

внушилъ его родителямъ привести сына къ преподобному Кириллу. Отрокъ, видя его предъ собою какъ Ангела Божія, ничего другаго не умѣя сказать, какъ только, припадая къ стопамъ его, умоленно взывалъ: «возьми меня къ себѣ, Господице!» Умилосердился преподобный Кирилъ къ детищу и, проразумѣвъ благородство души его, съ радостію его принялъ, какъ бы отъ рукъ Божіихъ.

Жилъ тогда близъ обители, опытный въ грамотѣ діакъ; ему вверилъ святой старецъ юнаго пришельца, чтобы научилъ его и соблюдалъ какъ зеницу ока и, по благодати Божіей, вскорѣ показалъ такіе успѣхи его питомецъ, что все изумились. Преподобный, испытавъ его нравъ и видя чрезвычайное смиреніе и душевную чистоту, возлюбилъ его всею душею и облекъ въ иноческій образъ, нарекиши имя ему Мартиніанъ. Онъ велѣлъ ему жить у себя въ келліи, какъ присному ученику, и читать отеческія книги, самъ за нимъ наблюдая, чтобы совершенствовался на пути иноческомъ; а юный Мартиніанъ, имѣя предъ очами примѣръ великаго старца, который подвизался до глубокой старости въ исполненіи всего устава, ревностно подражалъ ему, пребывая въ совершенномъ послушаніи, и такимъ образомъ, укрощая плоть, просвѣщала свою душу.

Когда блаженный Кирилъ молился въ своей келліи, Мартиніанъ полагалъ поклонны и, вкусивъ не много сна, незадолго до благовѣста, первый являлся на службу соборную; если же смущали его какіе-либо помыслы, со страхомъ исповѣдывалъ ихъ

своему старцу и такъ усердно ему служилъ, что преподобный только радовался о немъ и благодарилъ Бога, поставляя его въ примѣръ прочей братіи. Испытавъ его во всехъ послушаніяхъ, уразумѣвъ Св. Кирилъ, что ученикъ его можетъ и наединѣ обитать въ келліи; онъ отпустилъ его отъ себя и просилъ Святителя Ростовскаго, поставить во діакона Мартиніана, для соборнаго съ нимъ служенія, а потомъ и во пресвитера. Нѣкоторые изъ братіи завидовали благосклонности къ нему своего аввы, но юный труженникъ все съ терпѣніемъ переносилъ, равную являя со всею любовью; когда же представился блаженный старецъ, Мартиніанъ, воздавъ ему съ горькими слезами послѣдній долгъ, началъ еще болѣе подвизаться, призывая молитвенно на помощь усопшаго и, какъ бы на харити, собирая въ сердце своемъ все его изреченія.

Пришелъ ему помыслъ безмолвствовать и онъ, благословившись у гроба своего учителя, уединился на островъ пустыннаго озера Воже, за сто верстъ отъ обители. Не малое время проходилъ онъ тамъ совершенный подвигъ безмолвія, когда начали собираться къ нему братія; онъ создалъ вмѣстѣ съ ними церковь, во имя преображенія Господня. Устроивъ порядокъ у себя въ обители, Мартиніанъ пожелалъ итди помолитись въ Оеропонтовъ монастырь; тамъ игумень и братія стали просить его остаться съ ними; видя ихъ нелицемерную любовь, обещалъ онъ, что если изволитъ Господь и пречистая его Матерь не отринетъ грѣшника,

то, на будущее время, будет житьствовать съ ними, а между тѣмъ возвратился въ основанную пустынь и провелъ тамъ еще десять лѣтъ. Когда же собралось тамъ многочисленное братство, преподобный далъ имъ наставленіе, какъ устроить храмъ и обитель, а самъ пошелъ на свое общаніе въ Оерапонтовъ, гдѣ былъ принять съ особенною любовію. Вся братія видѣла въ немъ будущаго преемника ихъ игумену, когда блаженный Оерапонтъ внезапно отозванъ былъ Княземъ Можайскимъ изъ своей обители.

Осиротѣвшіе ники умолили преподобнаго Мартиніана, принять на себя настоятельство, и долго онъ отрекался, полагая бремя сіе выше силъ своихъ; однако былъ убѣжденъ усильнымъ моленіемъ всего братства. Сынъ Князя Можайскаго, Михаилъ Андреевичъ, жившій въ отчинѣ своей, равно какъ и отецъ его, имѣли большую веру къ преподобному и, утвердивъ его избраніе, съ большею милостынею отпустили въ обитель. Новый строитель забитился наипаче, чтобы все было по чину преподобнаго Кирилла, и молитвами его во всемъ успѣвалъ. Какъ пчелы, ищущія медовыхъ цветовъ, отовсюду стекались къ нему міряне, прося ангельскаго образа и, по собственному опыту, кривоко давалъ имъ начало блаженный ихъ учитель,ставляя ихъ духовному двланію; Господь благовлялъ его труды, ибо ни какое приношеніе не бываесть столь пріятно Богу, какъ забота о душахъ спасающихся; а благовѣрные Князь благодарил

Бога, тамъ за блаженнаго Оерапонта, здѣсь же за Мартиніана, которые оба, какъ два домовитыхъ брата, строино исполняли заповѣди Божіи и приносили плоды добродѣтели.

Не малое время, болѣе двадцати лѣтъ, подвизался на игуменствѣ преподобный Мартиніанъ, когда, по грѣхамъ князей и народа, воздвиглось сильное междобусобіе державныхъ земли Русской. Великій Князь Московскій Василій Васильевичъ, измѣнически схваченъ былъ въ лаврѣ Сергіевоі, братомъ своимъ двоюроднымъ, Княземъ Дмитріемъ Шемякою, ослѣпленъ, сведенъ съ царства и сосланъ со всею семействомъ въ Угличъ. Обличаемый однако въ своей измѣнѣ Святителями, смутился духомъ Шемяка и, вмѣстѣ съ Епископами и Князьями, посѣтилъ Темнаго въ его заточеніи въ Угличѣ; онъ далъ бышему властителю смиренный удѣлъ Вологду, связавъ клятвою, чтобы никогда не искалъ великаго княженія. Но Господь отвратилъ лице свое отъ Шемяки и обратилъ сердца всѣхъ къ законному державну; Христіане и Агаряне пришли къ нему на помощь, и все бывшее его князь и бояре собрались къ нему съ дружинами въ Вологду, чтобы возвести опять на престолъ отеческій. Господь умудряеть слышцевъ, говорить псаломникъ, и даетъ, кому хочетъ, премудрость и силу: — такъ сбылось сіе и съ Великимъ Княземъ Темнымъ.

Прежде нежели вѣдти ратию на измѣнника, благодетельный Князь пошелъ помолиться въ Оерапонтовъ и Кирилловъ, чтобы принять благословеніе отъ ихъ

блаженных строителей. Съ великою честью встрѣтилъ преподобный Мартиніанъ Государя своего, соборно въ монастыря, осыпалъ животворящимъ крестомъ, окропилъ святою водою и, угостивъ трапезою, украсилъ утѣшительнымъ словомъ. Онъ велѣлъ ему идти на супостата, дерзнувшего совершить надъ нимъ такое злодѣйство, и общалъ побѣду, такъ какъ всѣмъ извѣстно было, что не волею Божіею съѣлъ на великомъ княженіи Дмитрій Шемяка, а только надѣлся на свою гордыню, и весь его умъ возмущенъ врагомъ человѣческимъ. Принявъ благословеніе отъ Святаго, возлюбилъ его душевно Великій Князь и сказалъ: «отче Мартиніане, если будетъ надо мною милосердіе Божіе и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ моленіе, и сяду я, твоими молитвами, на своемъ престоле, я упокою монастырь твой и приближу тебя къ себѣ;» это и случилось въ послѣдствіи.

Исполнилось обѣщаніе преподобнаго Мартиніана: враги бѣжали предъ лицемъ державнаго, бѣдственной смертію скончался Шемяка и Великій Князь водворился опять въ Москву, на своемъ отеческомъ княженіи. Случилось тогда скончаться въ Сергіевой лаврѣ игумену, пятому послѣ Сергія чудотворца; Великій Князь, вспомнивъ объѣтъ свой, немедленно послалъ на Бело-озеро за преподобнымъ Мартиніаномъ и, вызвавъ его противъ желанія, изъ любимой имъ пустыни, поставилъ игуменомъ въ лаврѣ, у живоначальной Троицы; много же его въ Черантовѣ занялъ строгій подвиж-

никъ Филоеой, бывшій въ послѣдствіи тридцать лѣтъ Епископомъ великой Перми, гдѣ много окрестилъ язычниковъ, довершая апостольскій подвижъ Святителя Стефана.

Во время игуменства Мартиніанова въ лаврѣ, перешагалъ одинъ именитый бояринъ, отъ Великаго Князя Василія къ Тверскому Великому Князю, и весьма о томъ огорчился Темный, потому что это былъ одинъ изъ близкихъ его совѣтниковъ. Онъ послалъ просить преподобнаго, чтобы какими нибудь средствами возвратилъ къ нему боярина, какъ духовнаго своего сына, обѣщая ему противъ прежняго больше почестей и богатства, и старецъ умолилъ бѣжавшаго возвратиться, взять его себѣ на поручительство; но какъ только пришелъ въ Москву бояринъ, раздраженный Князь велѣлъ его оковать; испуганные средники явились съ жалобою къ преподобному. Сильно оскорбился блаженный старецъ такому нарушенію даннаго слова; немедленно поспѣшилъ онъ въ столицу, ради великой своей печали. Тамъ, помолвившись святымъ державамъ, прямо пришелъ въ храмину велико-княжескую, гдѣ его ни кто не зналъ, и толкнулъ въ двери; дверники возвестили о его пришествіи Великому Князю. Допущенный немедленно Мартиніанъ, сотворивъ молитву, смѣло сказалъ Государю: «такъ ли праведно научился ты судить, Князь Великій, и такъ ли подобаетъ Самодержцу? За чѣмъ продать ты грѣшную мою душу? за чѣмъ приказалъ оковать боярина, призваннаго мною, съ

поручительством моей души, и преступить свое слово? Не буди надъ тобою благословенія моя грѣшного, ни на твоёмъ великомъ княженіи!» Съ гнѣвомъ обратился онъ и быстро вышелъ изъ храмины и, ни мало не медля въ Москвѣ, возвратился въ лавру.

Что же Государь, по истинѣ великій и мудрый, ибо стяжалъ крайнюю добродѣтель смиренномудрія? — Убоился онъ суда Божія и сказалъ самъ себя: «и я человекъ, судимый Богомъ, и правда отъ меня истяжется, хотя и царскую принять я власть, чтобы судить самовластно; но предъ очами Божіими все обнажено и онъ судить Царя какъ и простаго человека!» Позналъ неправду свою державный и не прогивался за обличительное слово, но раскаялся предъ Богомъ. Собрались къ нему бояре; онъ же, какъ бы гнѣвался предъ ними, сказалъ: «вспомните бояре, что со мною сдѣлать тотъ болотный чернецъ! — внезапно пришедши въ мою храмину, обличилъ и сидѣлъ съ меня благословеніе Божіе, и безъ великаго княженія меня оставилъ.» Недоумѣвали бояре, что отвѣчать Великому Князю: онъ же со смиреніемъ продолжать: «виновать я, братія, предъ Богомъ и предъ вами, ибо забылъ слово свое и неправду сотворилъ; и такъ пойдемъ къ живоначалной Троицѣ, — Она насъ разрѣшитъ, и къ преподобному Сергію и къ игумену Мартиніану, и помолемся вмѣстѣ, чтобы получить прощеніе.» Въ тотъ же часъ вельгъ онъ

снять оковы и онаду свою съ боярина и свѣше прежняго поставилъ его въ своей милости.

Когда же пришелъ Великій Князь въ Сергіеву лавру, преподобный съ честію встрѣтилъ его въ монастыря, благодаря Бога и благословляя державнаго, за его доброе обращеніе, великое смиреніе и покаяніе. Не вспомнилъ Князь Василій ни малѣйшаго досажденія, но воспріявъ прощеніе, смиренно помолился у гроба преподобнаго Сергія, осыпалъ милостями его обитель и возвратился радостно въ свою столицу съ благословеніемъ преподобнаго; Господь же благословилъ смиреніе державнаго благополучнымъ царствованіемъ, до конца дней его жизни, и славнымъ преемникомъ — великимъ Иоанномъ, собирателемъ земли Русской.

До восьми лѣтъ потрудился блаженный Мартинъ на игуменствѣ въ лаврѣ у Св. Сергія, и началъ помышлять о приближеніи старости, которая ознаменовала себя частыми недугами, а между тѣмъ, соседство столицы обременяло его посвѣщеніемъ Князя и бояръ. Еще на несколько времени братія умолили его остаться; онъ послушался ихъ ради любви, но у него на мысли безпрестанно воспоминались слова блаженнаго отца его, чудотворца Кирилла: «добро шюку хранить молчаніе и нестяжаніе и избѣгать всего, что можетъ возмутить душевныя чувства.» Много заботила преподобнаго Мартиніана оставленная имъ обитель Ферапонта, и онъ укорялъ себя, что не все довершилъ въ ней на пользу братіи. Эта мысль, какъ остріемъ, разди-

рада его сердце, а между тѣмъ Господь хотѣлъ украсить обитель пречистыя своея Матери въ Оерапонтѣ, сопровѣщая мощей вярнаго своего служителя Мартиниана, какъ бы неотъемлемымъ ея наследіемъ. Созвалъ преподобный весь соборъ Сергіевой лавры и, сказавъ имъ послѣднее поученіе, сдалъ все монастырское управленіе, а самъ, взошедши въ церковь живоначальныя Троицы, призналъ къ мощамъ преподобнаго Сергія и, по взаимномъ прощеніи съ братією, оставилъ стадо свое на великаго пастыря Христа, чтобы съ міромъ удалиться въ предѣлы Бѣлозерскіе.

Съ великою радостію встрѣтили его въ Оерапонтѣ игумень и братія, какъ истиннаго отца, учредивъ большое торжество по случаю его пришествія. Игумень Филоею уступилъ ему свое настоятельство, и какъ на опытнаго корычаго все возлагали на него свои заботы; такимъ образомъ, надвѣявшійся обрести безмолвіе, такимъ образомъ, надѣявшись обрести безмолвіе, вместо того долженъ былъ принять на себя новую обязанность, ради общаго къ нему усердія. Старецъ утѣшался любовію учениковъ своихъ и все сіе приписывалъ молитвамъ брата своего и начальника места сего преподобнаго Оерапонта, какъ онъ его называлъ; сперва отказывался отъ настоятельства, потомъ же, видя ихъ неотступность, смиренно говорилъ: «братія и отцы, недостойныя я принять на себя такое попеченіе, ибо отъ того и вышеть изъ обители преподобнаго Сергія, отъ живоначальныя Троицы, чтобы только плакаться о грѣхахъ своихъ

и обрести моея старости покой и безмолвіе;» наконецъ, тронутый общими слезами, сказалъ: «если такъ угодно Господу и пречистой его Матери и вашей любви, готовъ я изъ послушанія и умереть въ сей обители, ради брата моего господина Оерапонта.» Игумень и вся братія, падши на землю, благодарили святого аву за то, что исполнилъ ихъ пламенное желаніе; Мартиніанъ же, какъ бы окрыляемый юностію орлею, началъ еще паче прежняго заботиться о устройствѣ монастыря; иное заимствовалъ онъ изъ устава Кириллова монастыря, а иное изъ Сергіева, и принималъ съ любовію всехъ, которые притекали къ нему, какъ къ неисчерпаемому кладезю, чтобы утолить жажду духовную назидательною его бесѣдою. О его высокой добродѣтели свидѣтельствовалъ Пахомій Логоветъ, Святогорецъ, который много отъ него заимствовалъ въ свое сказаніе, о преподобныхъ Сергіи и Кириллѣ.

Писатель житія самаго Мартиниана рассказываетъ нечто и объ одномъ юродивомъ Галактіонѣ, присномъ его ученикъ, который служилъ старцу и переносилъ его на себѣ въ церковь, когда по дряхлости не могъ уже самъ туда ходить преподобный. Однажды братія взошли во вновь устроенную трапезу, при теплой церкви, и начали ея хвалить; «добра но не долговѣчна» сказалъ юродивый, и на другой день сгорѣла трапеза. Загорѣлась келлія, у одного изъ братіи, и пламя распространялось по обители; тутъ жилъ на покой, бывшій Святитель Ростовскій Юасафъ, изъ рода Килзей Смо-

ленскихъ, весьма дружный съ преподобнымъ Мартиніаномъ; сильно скорбѣлъ онъ, что въ его келіи погибнетъ одна вещь, весьма драгоценная, по своему извѣстству. Юродивый укорилъ его за такую житейскую скорбь; когда же услышалъ, что это сокровище монастырское, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросился въ пламя и вынесъ оттуда желанную вещь; онъ же поставилъ предъ владыкою Іоасафомъ и сказалъ ему: «вотъ оно, не тужи; ты скорбишь о худомъ дѣлѣ.»

Между тѣмъ, опасность угрожала колокольнѣ; сбѣжавшійся народъ хотѣлъ спасти колокола, но Галактіонъ отогналъ людей съ свѣрами, говоря: «сему не горѣть,» и действительно колокольня не сгорѣла. Мартиніанъ самъ благословилъ ему юродствовать, зная его высокую жизнь и тайные подвиги. Когда одинъ изъ братіи хотѣлъ оставить обитель, обуреваемый уныніемъ, Галактіонъ свѣлъ на прагъ его келіи и сказалъ: «что это братъ умыслилъ ты послушать врага; нельзя будетъ тебѣ избѣжать волненія, хотя бы ты отъ насъ и удалился, а лукавыхъ свѣтъ врага нигдѣ ты избѣжать не можешь.» Провидѣлъ и свое преставленіе блаженный Галактіонъ, за нѣсколько дней предсказавъ о томъ братіи; скорбившему же сотруднику своему Саввѣ, сказалъ, что онъ послѣдуетъ за нимъ чрезъ восемь дней, что действительно и случилось.

Преподобный Мартиніанъ достигнулъ глубокой старости и ожидалъ уже послѣдняго часа, но никакъ не оставлялъ соборнаго пѣнія и келійнаго прави-

ла, какъ наученъ былъ отъ отца своего блаженнаго Кирилла, памятуя, что все Святые въ трудахъ окончили свою жизнь; братія носили его въ церковь, или только поддерживали, ради крайней его драгоцѣности. Онъ призвалъ къ близенному одру своему всѣхъ, вмѣстѣ съ нимъ работавшихъ Богу въ его обители, заповѣдалъ игумену Филовею сохранять преданіе отеческое, ничего не разоряя отъ монастырскаго устава, и съ миромъ предать душу свою Богу, приобщившись святыхъ таинъ Христовыхъ. Больше семидесяти лѣтъ прожилъ онъ въ иночествѣ и послѣдніе года въ великомъ образѣ схимническомъ, скончался же въ 1483 году, Генваря въ 12 день, и, при общемъ плачѣ всей братіи, положенъ былъ въ гробъ, у большой церкви Богородицы, съ правой стороны олтаря.

Тридцать лѣтъ послѣ его кончины, когда хотѣли погребсти подлѣ него друга и ученика его, Архіепископа Іоасафа, долго безмолвствовавшего въ обители Ферапонтовой, совершилось чудное явленіе. Игумень и братія со страхомъ начали разгребать землю, насыпанную надъ гробомъ Святаго, и съ изумленіемъ обрѣли тело его, совершенно не тлѣннымъ, такъ что не повредилась и самая одежда, хотя весь гробъ его наполненъ былъ водою, какъ это случилось и при обрѣтеніи мощей святаго Сергія; вода сія послужила къ исцѣленію многихъ болящихъ, и съ тѣхъ поръ начали истекать чудеса отъ раки преподобнаго, для врачеванія вверующихъ отъ различныхъ недуговъ.

рыя давали ей видъ болѣе готической, нежели византійской. Такъ величава ея наружность и такъ живописно положеніе, что нельзя не пожалѣть о ея запустыніи, потому что мѣсто сіе, какъ будто нарочно создано для монастыря, преимущественно предъ многими другими. Далеко надобно объѣзжать озеро, чтобы приблизиться къ обители; она стоитъ какъ бы на острову и только узкимъ перешейкомъ можно туда подъѣхать.

Вокругъ широкихъ воль, холмы, рощи и поля, имѣли столь веселый и пріятный видъ, что невольно радовались имъ взоры и сердце: таково первое впечатлѣніе Ферапонтова; но оно обращается въ весьма грустное, когда взшедши во святыя врата, увидишь внутреннее запустыніе бывшей обители, развалившіеся келліи и ограду, и дворъ поросшій травою, съ затоптанными могилами, и груду камней тамъ гдѣ было жилье. Никоновыхъ келліи уже не существуетъ; онѣ расположены были вдоль западной ограды и были въ связи со святыми вратами, надъ коими доселѣ возвышается бывшая крестовая церковь Патриаршая; еще цѣлы ближайшіи деревянныя къ ней пристройки, служившія для сообщенія, когда каменные келліи уже скрыты. Не такъ давно однако, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, еще о нихъ упоминалось въ исторіи нашей іерархіи; онѣ были расписаны ликами пустынножителей, коихъ трудолюбивымъ подвигомъ искалъ подражать Никонъ, во время десятилѣтняго своего заточенія въ Ферапонтовѣ, какъ онъ

ФЕРАПОНТОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Когда оставлялъ и обитель Св. Кирилла, настоятель позволилъ своему намѣстнику проводить меня до Ферапонтовой, отстоящей за 15 верстъ, чтобы тамъ поручить опытному руководству мѣстнаго протоіерея, такъ какъ древній сей монастырь обращенъ въ приходскую церковь, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія. Дикая природа начинала оживать, по мѣрѣ того какъ мы приближались къ Ферапонтову; послѣ болотныхъ перельсковъ, открылось между волнообразныхъ холмовъ обширное озеро, замѣствующее имя свое отъ обители, которую обгибаетъ живописною лугою. Майскій солнечный день благоприятствовалъ мѣстной красотѣ; обитель историческая Никона Патриарха издали предстала въ полномъ блескѣ, какъ бы еще не упраздненная, съ своими шатровыми главами, въ видѣ острокопечныхъ башенъ, кото-

это дѣлалъ и въ новомъ Иерусалимѣ, будучи еще Патриархомъ. Самый живописный видъ открывался изъ сѣхъ келій на синюю пучину водъ, посреди коихъ Никонъ, съ келейною своею братією, сложилъ маленькій островокъ изъ громадныхъ камней, въ подножіе знаменательному кресту. На этомъ крестѣ начерталъ онъ ту обличительную надпись, за которую отчасти подпалъ еще болѣе строгому заключенію въ обители Кирилловой: «Никонъ, Божією милостію смиренный Патриархъ, поставилъ крестъ сей въ заточеніи своемъ, за слово Божіе и за Церковь святую, въ Орапонтѣвъ.»

При входѣ въ обитель, нельзя не вспомнить о Никонѣ, потому что его судьба оставила и здѣсь выразительную печать свою. Мы осмотрѣли съ любопытствомъ все то, что пощадило время и осталось достойнымъ вниманія въ монастырѣ. Ревностный протоіерей А....ій, старается всеми средствами, какія въ рукахъ его, хотя они и скудны, соблюсти древность и не только предохранить отъ паденія церкви, но даже обновить что можно. Такимъ образомъ устроилъ онъ, въ нынѣшнемъ году, изъ полуобвалившейся трапезы, обширную теплую церковь Благовщенія, гдѣ можетъ на просторѣ совершаться богослуженіе въ зимнее время, а прежде народъ тѣснился въ малой убогой церкви, пристроенной къ трапезѣ, самая же палата оставалась впасть; усердіе его достойно всякой похвалы.

У входа въ сію церковь изъсѣченъ на камнѣ

годъ первоначального ея строенія 7043, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, Архіепископѣ Вологодскомъ Кириллѣ и игуменѣ Орапонтѣ. Длинная галлерей или паперть, надъ которою возвышается шатровая колокольня, соединяетъ теплый благовщенскій соборъ съ холоднымъ Рождества Богоматери, современнымъ ему по строенію. Высокій иконостасъ рождественскаго храма примѣчательнѣе символическими своими иконами, время Патриарха Никона, который быть можетъ хотѣлъ выразить ими свои душевные помыслы. Такимъ образомъ, сошествіе во адъ Господа для изведенія протѣвца, изображено съ начертаніемъ различныхъ страстей, влекущихъ въ бездну: скорби, отчаяніе, неразуміе, величаніе, сквернословіе, скупость и тому подобное. Все сіе написано на днѣ геены и, въ противоположность погибельнымъ страстямъ, Ангелы держатъ по сторонамъ Господа, хартіи съ надписаніемъ добродѣтелей, возносящихъ насъ къ небу: смиреніе, кротость, терпѣніе, мудрость, милостыня и проч. Достойна также вниманія икона Богоматери, такъ называемая Ангельскій соборъ: вокругъ пресвятой Дѣвы, ликъ Ангеловъ поетъ ей божественный гимнъ псаломщика Іоанна Дамаскина: «о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь, ангельскій соборъ и человѣчскій родъ;» а внизу, подъ ликомъ безплотныхъ, изображенъ весь родъ человѣчскій въ созерцаніи Царицы Ангеловъ; сочинитель же свѣщеннаго гимна святой Дамаскинъ, въ бѣломъ куколѣ, какъ его всегда пишутъ, близъ

Ангела своего Предтечи, подносить ей на хартин другую свою пьсь: «мати убо позналася еси, паче естества Богородице.»

Сохранились еще неприкосновенными, въ древнем ихъ видѣ, нѣкоторыя иконы: храмовая Рождества Богоматери, Троицы съ богатыми цатами, двухъ преподобныхъ Кирилловъ, Оерапонта и Мартиніана. Другую мѣстную икону Одигитрии опалило молніею; въ верхнихъ же ярусахъ иконы, къ сожалѣнію, все уже замѣнены новыми. Внутри алтаря есть тѣсный приделъ Святителя Николая, съ древнею его иконою; съ правой стороны примыкаетъ къ нему ризничная палата, въ которой заслуживаетъ вниманія Греческая плашаница 1650 года; кругомъ ея вышита по Гречески субботняя пьсь: «Ангельскій соборъ удивися, зря тебѣ въ мертвыхъ вѣнчавшася,» а на концѣ: «помяни Господи душу раба твоего, іерея Мануила Амбаратупулю.»—Кто сей невѣдомый, занесшій свое приношение во глубину Россіи? Колокольня, которая стоитъ надъ папертью, въ бронѣ чешуйчатого шатра своего, украшена была некогда боевыми часами, но уже давно пересталъ бой ихъ указывать время въ упраздненной обители: иначе изображается оно тамъ, не мѣрою часовъ, но печальнымъ зрелищемъ разваливъ, и, сквозь зіяющія врата подь колокольню, горько напоминаютъ о мимотекущемъ времени разбросанные памятники бывшего кладбища монастырскаго; — здѣсь уже не нужно боя часовъ: послѣдній пробилъ для обители!

Къ холодному собору пристроена, въ нижнемъ ярусѣ, церковь во имя преподобнаго Мартиніана, надъ самою его гробницею, которая сперва находилась вьрогато сваружи. Священная рака оклана серебромъ и по краямъ ея вычеканено время ея устройства: «лѣта 7151 (1643) 17-е Марта (это день Ангела царскаго, Алексія челоуѣка Божія), при державѣ Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Руси, при святѣйшемъ Патріархѣ Іоасафѣ, и при Митрополитѣ Ростовскомъ Варлаамѣ, и при игуменѣ Оерапонтава монастыря также Варлаамѣ.» Въ четырехъ кругахъ, на ракѣ, изображено время преставленія преподобнаго, Генваря 12-го 6091 года (1483), время его прославленія въ 7022, по случаю кончины Святителя Ростовскаго Іоасафа, изъ рода Князей Оболенскихъ, которая хотѣли положить подь его гроба и нечаянно обрѣли тѣло самаго Мартиніана совершенно нетлѣннымъ. Тутъ же записаны и два исцѣленія, бывшія при его ракѣ, инока Памвы, одержимаго тяжкимъ недугомъ, и женщины села Суслова, по имени Акилины, бьснуемой, которая видѣла какъ преподобный поражалъ духа нечистаго, ее томившаго. Надъ ракою стоятъ древнія складни, образъ Страстной Богоматери, въ богатомъ окладѣ, который быть можетъ принадлежалъ Архіепископу Ростовскому Іоасафу, по его княжескому происхожденію, и знаменовалъ мѣсто его погребенія близъ самой раки.

У входа въ церковь преподобнаго Мартиніана, на вѣчно на камнѣ время ея построенія, въ лѣто 7083

(1495); но кто был строителем неизвестно, или имя его стерлось съ камня. Остроконечный шатеръ, поставленный надъ сею церковію, равно какъ надъ колокольнею и надъ святыми вратами, даетъ оригинальный видъ монастырю. Преподобные Оерапонтъ и Мартиніанъ изображены на святыхъ вратахъ созданной ими обители, съ ликами другихъ пустынножителей, а надъ вратами есть двухъ-придѣльная церковь Богоявленія и преподобнаго Оерапонта, бывшая крестовою Никона Патріарха, и до его времени праздновавшая Предтечи. Сюда были жервованы богатые вклады Царя Алексія Михайловича, тѣмъ болѣе, что она была сооружена при началѣ его царствованія, въ 1645 году, какъ лѣтствуетъ изъ напрестольнаго креста, т. е. въ одно время съ гробовою ракою; но теперь всѣ иконы уже поновлены.

При выходѣ изъ обители Оерапонтовой, равно какъ и при входѣ, невольно встрѣчаетъ и провожаетъ васъ память о Никонѣ, бывшемъ Патріархѣ, потому что онъ ее прославилъ долгимъ своимъ заточеніемъ. Тутъ испыталъ онъ въ началѣ всю его строгость, почти темничную, потому что сперва даже заложены были желѣзными затворами окна его келліи, весьма убогихъ и недавно обгорѣвшихъ, при пожарѣ монастыря; однако въ непродолжительномъ времени получилъ онъ и ослабу отъ незаслуженныхъ томленій; Никонъ даже началъ пользоваться совершенно свободою и многими льготами, по личной къ нему любви кроткаго

Царя, который никогда не шталъ къ нему неприязни, не смотря на происки боярѣ. Искренно желалъ онъ примиренія, хотя и тайнаго, съ бывшимъ своимъ другомъ и крестнымъ отцемъ всехъ своихъ дѣтей, и Никонъ, по его желанію, вскорѣ по приѣздѣ въ монастырь, написалъ миролюбивую грамоту Царю и всему царскому семейству, въ которой однако по прежнему называлъ себя Патріархомъ. Не прекословилъ Царь сему титулу и даже не противился, чтобы приближенные его такъ называли, не смотря на то, что въ самый день приѣзда въ Оерапонтовъ, окончательно были отобраны у Никона архіерейская мантия и посохъ, которые не рѣшались взять у него въ Москвѣ.

Милостыня царская, утварь церковная, деньги и съестныя припасы, въ видѣ поминковъ, то радостныхъ, то печальныхъ, часто посылались къ бывшему Патріарху, который въ началѣ отъ нихъ отказывался. По приказанію Государя, выстроены были для него новыя обширныя келліи, съ 25 жильными покоями и деревянными переходами на стѣны, въ 30 сажень длины, въ надпоротную крестовую церковь. По своему влательскому характеру, можно сказать, Никонъ былъ полнымъ распорядителемъ въ мѣсть своего заточенія; игуменъ монастыря и братія, и даже самые Стрѣльцы, поставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святѣйшимъ, по тому непъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяетъ въ окружающихъ человѣкъ гениальный и твердый волею.

Никонъ всегда любилъ труды подвизническіе, когда еще былъ Патриархомъ, чему служить свидѣтельствомъ скитъ его въ новомъ Іерусалимѣ; еще менѣе оставилъ онъ труды свои, когда заточенъ былъ въ Ферапонтовъ. Самъ онъ, съ своею прислугою и бывшею при немъ братією, разчистилъ по другую сторону озера, лѣснойи участокъ на урочищѣ, называемомъ Лещовъ, развелъ тамъ два обширныхъ огорода и разработалъ поле для хлѣба и овса. Обширное хозяйство осталось послѣ него монастырю Ферапонтову, который домогался получить наставіе патриаршее, при его переводѣ въ Кирилловъ (до 200 четвертей ржи и болѣе 100 овса, кромѣ много хлѣба и овощей). Лошадей и домашній скотъ требовалъ онъ изъ обители Кирилловой и не всегда легко было его удовлетворить; такъ, когда однажды прислали ему изъ Кириллова серую лошадь, для верховой ѣзды по окрестностямъ, онъ возвратилъ ее, какъ слишкомъ цвѣтистую и по масти неприличную для его сана. Иногда, вмѣсто годовыхъ припасовъ, которые ему должно было получать, требовалъ онъ денегъ въ замѣнъ ихъ; не забывала своего ктитора и бывшая его обитель новаго Іерусалима. Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности и тѣмъ умножалъ его вліяніе; народъ къ нему стекался отовсюду, не только за денежными пособіями, на которое былъ весьма щедръ, но и за лекарствами и для его молитвъ, потому что Никонъ читалъ ихъ надъ болящими,

особенно надъ бѣснуемыми, помалывая ихъ елеемъ, и нѣкоторые исцѣлялись, какъ онъ самъ писменно о томъ извѣщалъ Царя.

Никонъ монахъ, уже какъ будто забылъ, что онъ болѣе не Патриархъ; и прежде, не занимаясь дѣлами церковными, съ однимъ лишь титуломъ патриаршимъ, провелъ онъ семь лѣтъ въ новомъ Іерусалимѣ, въ ожиданіи своего суда; также и здѣсь протекло десять лѣтъ въ новомъ его положеніи, и уже узникъ сталъ привыкать къ своей долѣ, не ожидая ничего лучшаго. Но вдругъ печальная кончина кроткаго Царя жестоко ему напомнила о его узахъ; можетъ быть такое тяжкое испытаніе пужило было для великой души Никона, чтобы окончательно отрешить отъ всего земнаго и сдѣлать его достойнымъ той Голгофы, подъ которую избралъ себя мѣсто послѣдняго покоя. Давно уже, слишкомъ привольное его положеніе въ Ферапонтовѣ, приводило въ страхъ недоброжелателей его въ столицѣ; тамъ старались его представить опаснымъ, даже и въ самомъ заточеніи, распускали молву о мнимыхъ его сношеніяхъ съ Волжскимъ атаманомъ Стенькою Разинимъ; не охотно смотрѣли на множество народа, къ нему стекавшагося въ монастырь; келейныя посѣщенія людей, всякаго званія и пола, возбуждали неблаговидное подозрѣніе и, быть можетъ, въ этомъ былъ неостороженъ Никонъ, слишкомъ строгій нравственностью во всю свою жизнь и потому мало внимательный къ людской молвѣ. По смерти Царя, начались навѣты отъ бѣлаго келейни-

ка патриаршаго Юны, который был строго наказанъ за нетрезвую жизнь, впрочемъ по суду монастырскому; Юна разсказалъ о крестахъ, какіе ставилъ Никонъ, съ титуломъ патриаршимъ и съ жалобою на свое заточеніе. Царь Феодоръ Алексеевичъ, по молодости, не могъ сперва вступить за своего крестнаго отца. Последовало новое собраніе опредѣленіе Патриарха Іоакима, о переводѣ Никона монаха, для болѣе строгаго надзора, въ Кирилловъ монастырь. Изъ наставленій, данныхъ архимандриту Чудовскому Павлу и окольничему, посланному съ нимъ, для изслѣдованія доисовъ, въ Оеропонтовъ, видно, какъ еще боялись Никона въ Москвѣ и не доверяли его покорности, хотя и напрасно. Вельно было позвать его къ допросу въ соборную церковь и, въ случаѣ отказа, идти къ нему въ келлію съ приговоромъ; но бывшій Патриархъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, спокойно пошелъ въ церковь и отвѣчалъ на многочисленныя статьи допросовъ.

Не отрекался онъ, что допускалъ къ своей рукѣ и позволяя себя называть святѣйшимъ Патриархомъ, говоря, что о томъ извѣстно было Великому Государю; не отвергалъ и того, что принималъ къ себѣ въ келлію мужей и женъ, молитвенно помазывая ихъ слезамъ; онъ даже присоединилъ таинственное слово: что самъ Господь вручалъ ему чашу исцѣленій, въ чудномъ видѣніи. Клеветы, о мнимыхъ сношеніяхъ съ Стевкою Разиннымъ, его нисколько не смутили; но онъ не скрывалъ, что ког-

да шайки атамана были въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, самъ приставъ царскій допустилъ и привелъ къ нему въ Оеропонтовъ, двухъ казаковъ, которые извѣщали его о силѣ своего атамана, хотя это не имѣло никакихъ послѣдствій и не было тайною. Видно, что совѣсть бывшаго Патриарха была совершенно спокойна и онъ не боялся никакихъ удикъ; касательно же виновнаго и наказаннаго келейника, объявлялъ: что у него не было своей расправы и суда, какъ его въ томъ обвиняли, но что приговоръ надъ нимъ совершился по суду монастырскому.

Не смотря однако на такіе искренніе отвѣты, бывшему Патриарху не позволено было даже возвратиться въ свои келліи, и прямо изъ церкви, былъ онъ отвезенъ въ Кирилловъ монастырь, подъ строгій затворъ; все его имущество келейное описано и отобрано, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей; присные его все разосланы по дальнимъ монастырямъ и приставлены къ нему, болѣе для надзора нежели для услуженія, два совершенно чуждые ему старца въ Кирилловъ, всякое же свиданіе и переписка запрещены и выходъ изъ келліи дозволенъ только въ ближайшую церковь. Поколебалась на минуту твердая душа Никона; самъ следователь архимандритъ Павелъ, сжалившись надъ нимъ, доносилъ Патриарху Іоакиму, что Никонъ заплакалъ, услышавъ о намреніи удалить его присныхъ, и со слезами просилъ оставить ихъ при немъ, ради его старости, обещая впредь по-

мвнать Іоакима святѣйшимъ Патріархомъ, чего прежде не дѣлалъ потому, что почиталъ его причиною всего зла. Онъ даже намекнулъ, что при началѣ своего удаленія въ новый Іерусалимъ, когда дѣло шло о избраніи ему преемника, самъ онъ указывалъ на Іоакима, какъ на человека, могущаго занять его престолъ; но всѣ просьбы престарѣлаго узника остались тщетными, ибо ему надлежало испить до дна всю горькую чашу заточенія. Тутъ же у него былъ отнятъ и послѣдній знакъ его святительства, панагія, которую долговъ могъ у себя удерживать, хотя и въ тайнѣ.

Замѣчательно, какъ постепенно лишали бывшаго Святителя всѣхъ принадлежностей его высокаго сана, будто бы въ предзнаменованіе того, что онъ долженъ былъ ему со славою возвратиться. Сперва отняли у него на пути въ новый Іерусалимъ, еще до суда, посохъ Петра Митрополита, который взялъ съ собою, когда въ послѣдній разъ посетилъ соборъ Успенскій; потомъ Патріархи Восточные, лишая его сана, сняли съ него одинъ лишь клобукъ съ серафимами, не рѣшившись отнять у него мантию и посоха, ради народа; они были отъ него отобраны только впоследствии, въ безлюдной пустынь Оерапонтовой, и вотъ послѣднее лишеніе панагіи совершилось уже въ стѣнахъ Кириллова; но Никонъ, вышедши оттолъ узникомъ и простымъ монахомъ и, въ такомъ смиренномъ образѣ, скончавшійся въ Ярославлѣ на стругъ рѣчнымъ, — съ почестію патріаршему, по волѣ Царя, погребенъ былъ подѣ

избранною имъ Голговою, и всѣ Патріархи Вселенскіе, признавая его церковныя заслуги, грамотами своими разрышили, чтобы имя его было опять включено въ священный ликъ Патріарховъ, ибо сей великій мужъ Церкви всегда былъ достоинъ своего высокаго сана, хотя временно испыталъ своего высокаго сана, хотя временно испыталъ вскушенія и скорби. Съ такимъ впечатлѣніемъ въ сердцѣ оставилъ я скромную обитель его заточенія, гдѣ испыталъ онъ много горя, но гдѣ временно отдохнула душа его отъ заботъ правительственныхъ и отъ постигшихъ его въ началѣ гоненій, до новаго ихъ напора. Благоговѣнно читается его память въ новомъ Іерусалимѣ, которымъ подарилъ онъ Россію.

СНАСО — КАМЕННЫЙ НА ОЗЕРѢ,

ПРЕНОДОВЕННЫЙ ІОАСАФЪ.

Я оставилъ опять предѣлы Новгородскіе и выѣхалъ на прежнюю Вологодскую дорогу. Она пролегла мимо Сямскаго монастыря, основаннаго

во дни Великаго Князя Василія Іоанновича, по случаю явленія чудотворной иконы Рождества Богоматери, и я зашелъ ей поклониться во вновь устроенномъ благолющемъ храмъ. Почти, при самомъ въѣздъ въ Вологодскую губернію, показалось влѣвъ обширное Кубенское озеро, на 70 верстъ длины, оживляющее своими водами всю окрестность, потому что многочисленныя села и деревни выстроились съ обѣихъ сторонъ вдоль его береговъ, на маломъ разстояніи одно отъ другаго. Вечеръ былъ самый благотворный: ни одной тучки на небѣ, ни одной волны на озерѣ, которое разстилалось спинимъ зеркаломъ на необозримую даль, и только легкіе паруса рыбарей на немъ бѣжали.

Еще нѣчто бѣлое видѣлось вдаль, посреди озера, и это уже было не рыбацкое вѣтрило, но пятиглавый соборъ Спасо-каменной обители, цѣль моего странствія. Я долженъ былъ воспользоваться тишиною вечернею водъ, чтобы ея достигнуть, потому что съ разсвѣтомъ обыкновенно поднимаются непогоды на безпокойномъ озерѣ; меня заблаговременно ожидала большая лодка изъ села Кубенскаго, на ближайшемъ разстояніи отъ монастыря; но сколько ни спѣшилъ я прѣхать къ условленному сроку, ночь застигла на дорогѣ и, только послѣ полуночи, могъ я пуститься по озеру; уже сильно оно волновалось, такъ что нельзя было поставить паруса, отъ частыхъ порывовъ вѣтра, и веслами разсѣкали волны, косвенно направляясь къ острову. Вспомнилъ я бурное плаваніе Князя Глѣ-

ба Бѣлозерскаго, который первый открылъ жительство отшельниковъ на дикомъ островѣ. Заря вечерняя еще не совсемъ угасла, а уже востокъ багровѣлъ ожиданіемъ утренней зарни; молодой мѣсяцъ прорывался рогами изъ за тучъ, которыя висѣли надъ пучиной: какалъ разница съ вечернею пезыблемою тишиною! — это какъ бы сонъ младенца, который разыгрался въ жизни бурными страстями юноши.

Однако, хотя и съ трудомъ, достигли мы благополучно желанной цѣли. Предваренный настоятель ожидалъ насъ на берегу; но мы не могли причалить къ настоящей пристани, отъ сильнаго прибола волнъ, и должны были обѣхать кругомъ острова, чтобы выйти на берегъ съ противоположной стороны. Нѣсколько сажень составляютъ всю каменную площадку сего острова, ровно столько, чтобы можно было на немъ помѣстить церковь и келли; волны били въ основаніе настоятельской дома и сильно завывали вѣтеръ въ окна. Утомленнымъ долгимъ путемъ изъ Кириллова и неспокойнымъ плаваніемъ по озеру, пріесть я себя краткаго отдыха до ранней литургіи.

Обитель Спасо-каменная послужила разсаднику иночества въ предѣлахъ Вологодскихъ. Постриженникъ ея, благоговѣйный старецъ Пасей Ірославовъ, бывший некоторое время игуменомъ Сергіевой лавры и возвратившійся на свое постриженіе, послѣ бѣдственнаго ея пожара, собравъ изъ сохранившихся записокъ и уцѣлѣвшихъ преданій,

все что могъ, о ея началъ и подвижникахъ. Не известно, кто именно былъ первымъ ея основателемъ, но какъ повествуегъ Пансій, уже во дни перваго Великаго Князя Московскаго Юанна Даниловича Калиты, влукъ Великаго Князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, Князь Глебъ Васильковичъ, нечаянно обрѣлъ на пустынномъ озере Кубенскомъ давнее населеніе иноческое. Онъ плыль на стругѣ, изъ отчины своей отъ Бьлоозера къ городу Устюгу, рѣкою Порозовицею, и взошелъ въ озеро Кубенское; но волны были такъ велики на озерѣ, что Князь долженъ былъ простоять десять дней у берега, тамъ гдѣ церковь преподобнаго Антонія великаго. Едва утихла пучина и двинулся онъ въ путь, какъ опять настала черная туча, со страшнымъ громомъ и молніею, и княжій насадъ началъ заливаться волнами. Князь, съ людьми своими, стали молиться всемилюстивому Спасу, дабы избавити ихъ отъ належащей бѣды и дали обѣть: гдѣ и въ какой день принесегъ ихъ ко брегу, на томъ мѣстѣ соорудитъ церковь во имя празднела Святаго и устроитъ обители; и вотъ, благоволеніемъ Божіимъ, въ 6 день Августа, на праздникъ преображенія Господня, пришло ихъ бурю на средину озера къ острову, называемому каменнымъ.

Были на томъ островѣ пустынножителн, составившіеся въ подвигахъ духовныхъ, числомъ до 23, уже многіе годы спасавшіеся на дикомъ утесѣ озера, но церкви у нихъ не было, по причинѣ ихъ

убожества и нападенія невѣрныхъ челоувковъ, ибо въ то время не все еще пріяли Св. крещеніе и много жило язычниковъ всеря великаго Кубенскаго озера. Вместо церкви собирались пустынники въ молитвенный домъ, или часовню, и тайнѣ возсылали тамъ теплыя молитвы къ Богу. Причлвивъ къ острову каменному, съ изумленіемъ увидѣлъ Князь собравшіеся тамъ сонмъ пустынножителей; относъ къ промыслу Божію чудное свое прншествіе по бурнымъ водамъ, рѣшилъ тутъ же исполнитъ данный имъ обѣтъ Господу. Немедленно собралъ онъ древодѣлей на пустынный островъ и поставилъ церковь, во имя преображенія Господня, украсилъ ее потомъ иконами и всякою утварью, построилъ вокругъ нея ограду съ келліями и вручилъ старшншнство одному изъ пустынножителей, богобоязливому старцу Феодору, для устроенія обители, которая съ тѣхъ поръ прослыла Спасо-каменною.

Послѣ многихъ лѣтъ, продолжаетъ свое сказаніе Пансій Ярославовъ, уже при Великомъ Князѣ Дмитрїѣ Донскомъ, прншелъ въ Москву изъ Царя-града нѣкто Діонсїй, пострнженникъ Св. горы Аѳонской, которому Великій Князь повелѣлъ дать келлію въ Богояленскомъ монастырѣ, а такъ какъ въ то время прншли къ державному старцу изъ Спасо-каменнаго, проситъ себѣ игумена, то Князь Дмитрїй далъ имъ игуменомъ сего Святогорца. Много лѣтъ пребывъ на игуменствѣ Діонсїей, изнуряя тѣло свое бдѣніемъ и постомъ и про-

ходя всякій путь добродетели; иъ нему стекались отовсюду ревнивашии подражать доброму его житію и собралось множество братій; онъ же, украсивъ благолюбно обитель, предалъ ей и уставъ Св. горы Афонской. Слава о немъ распространялась повсеместно; тогда пришелъ къ нему на послушаніе юноша Дмитрій, изъ селѣнаго города Вологды, и со слезами молилъ постричь его въ иноческій образъ; старецъ же, видя доброе его произволеніе, постригъ и нарекъ ему собственное имя Діонисія, поручивъ его опытному руководителю. Юноша, проживъ многіе годы въ послушаніи, не измѣня возложеннаго правила, испросилъ себя у игумена позволеніе безмолвствовать на уединенномъ мѣстѣ; обходя вокругъ Кубенскаго озера, съ мыслию обрести себя мѣсто безмолвія, онъ пришелъ въ весь, называемую Святая Лука, и тамъ нашелъ церковь во имя Св. Апостола, развалившуюся посреди опустыившаго монастыря, ни къмъ не оберегаемую. Діонисій обновилъ упраздненную обитель и поставилъ новую церковь во имя чудотворца Николая; самъ же, отойдя оттуда за 15 верстъ, соорудилъ еще монастырь во имя Богоматери, честнаго ея покровя.

Пришелъ и другой юноша на островъ Каменный, по имени Алексій, также изъ города Вологды, къ игумену Діонисію, и былъ съ любовію прииятъ старцемъ, провидѣвшимъ его назначеніе духовное, ибо и сей новопостриженный Александръ, провелъ многіе годы въ обители въ посты и послу-

шаніи, сдѣлался, подобно Діонисію, основателемъ многолюдной обители Куштекой: такими свѣтильниками возсіала обитель Спасо-каменная.

Между тѣмъ представилъ Епископомъ Ростовскій, Григорій, а на великомъ княженіи водворился Василій Дмитріевичъ, на мѣсто отца своего Донскаго. Вспомнилъ онъ игумена Діонисія, на пустынномъ его отокѣ, и послалъ звать его къ себе въ престольный градъ; тамъ встрѣтилъ его съ великою честію и, со всемъ освященнымъ соборомъ, молилъ прииятъ епископію Ростовскую. Пустынный житель рукоположенъ былъ Святителемъ Фотіемъ, Митрополитомъ всея Руси, на сію кафедру. Великой моръ былъ въ Ростовъ и во всѣхъ его пределахъ, когда Владыка Діонисій пришелъ въ свой стольный городъ: исполненный вѣры немедленно совершилъ онъ соборный молебень, со всеми настоятелями обителей и пресвитерами Ростова, окропилъ св. водою весь народъ и градскія стѣны и, по неизреченному милосердію Божію, сбылись здѣсь пророческія слова Давида Царя: «Господь сотворить волю боящихся его (Псал. 144, 19);» внезапно престола смертоносная язва.

Діонисій поставилъ вмѣсто себя на Каменномъ, ученика своего Иларіона, мужа сіявшаго добродѣтельно, постриженника той же обители. Тогда къ Святителю Ростовскому пришелъ изъ уединенія своего, прежде бывшій ученикъ его Діонисій, прозванный Глушицкимъ, по мѣсту своего подвига, и прииялъ отъ него, вмѣстѣ съ душеполезною бесѣ-

дою, чудотворную икону Богоматери въ новую свою обитель, гдѣ она источала исцѣленія приходящимъ съ вѣрою къ ея лику. Пришелъ къ нему и другой ученикъ съ Каменнаго, прося устроить новую обитель близъ озера Кубенскаго, на рѣкѣ Куштѣ, и съ благословенія святительскаго устроилась сія пустынь Куштекая, гдѣ просіялъ иноческии подвигами первоначальникъ ея Александръ. Векорѣ послѣ сего преставился благочестивый Епископъ Діонисій, въ 1425 году, послѣ 33-хъ лѣтняго святительства, исполненный дней и дѣяній; онъ былъ на Русѣ первый Епископъ изъ-за-Воложскія земли (то есть вѣроятно Славянинъ), по замѣчанію Пансія Ярославова.

Грѣхъ ради нашихъ, продолжаетъ онъ, въ 1442 году, Князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка изменилъ крестное свое цѣлованіе Великому Князю Василію Васильевичу Московскому и, свелъ его съ великаго княженія, далъ ему удыломъ Вологду. Нѣскольکو времени спустя, слѣвой, развѣчанный Князь, пошелъ на свое богомолье къ Спасу на каменный островъ, желая тамъ утѣшить братію своею милостию, и многія пролилъ слезы предъ Господомъ и пречистою его Матерью и Святителемъ Петромъ чудотворцемъ, во имя коего былъ тамъ приидъ, дабы возвратиться ему въ престольный градъ свой. Игуменомъ былъ тогда преподобный Евѣмій; онъ возвестилъ Великому Князю первую радостную вѣсть, что пришли многіе Князья и болре, готовые служить ему и возвратити на великое княженіе. Дер-

жавный же, въ залогъ своей благодарности, поставилъ въ обители чудотворную икону Спаса Емануила, которая принесена была изъ Царьграда лѣду его, Донскому, и многія чудеса отъ нея проявились въ обители Спасо-каменной, исцѣленіемъ болящихъ; поставилъ онъ въ той же церкви Спасовой и другую икону пречистой Богоматери Одигитрии и просилъ, вмѣстѣ съ Килигеномъ и дѣтьми, игумена Евѣмія, дабы помолился о возвращеніи его на отеческій престолъ. Игумень съ братією отвѣчали: «мы, Государи Великій Князь, твои богомольцы, молимъ о тебѣ Бога вѣсдушно; иди въ желаемый путь твой, на великое княженіе и Богъ устроитъ твое шествіе.»

Оттолъ пошелъ Великій Князь на Белоозеро въ Кирилловъ монастырь и въ Тверь, и дойдя до своего престольнаго града, съѣлъ опять на великое княженіе съ сыномъ своимъ, благороднымъ Княземъ Иоанномъ Васильевичемъ всея Русѣ; Князь же Димитрій Шемяка бѣжалъ изъ Москвы въ Галичъ. Велѣдъ за нимъ устремился Іоаннъ Васильевичъ и поплылъ всю его землю а, на обратномъ пути къ отцу своему, слушалъ божественную литургію у Спаса на каменномъ, и хлѣбъ-соль вкусилъ за трапезою вмѣстѣ съ братією. Пятнадцатилѣтнаго возраста былъ тогда доблестный наследникъ земли Русской и, по его прошею, родитель его Великій Князь, даровалъ обители Спасовой, во исполненіе своего обѣта, село Покровское по своему роду, а Великая Княгиня Марія отписала малую обитель

Николая чудотворца на Святой Лукѣ, обновленную Дионисіемъ Глушицкимъ, отъ Борисоглебскаго монастыря, вмѣстѣ съ деревнями, къ Спасу на каменномъ, вознаградивъ деньгами взятое у одной обители для другой. Послѣ Евоніи поставленъ былъ игуменомъ постриженникъ Каменнаго, Кассіанъ, который прожилъ многие годы въ Кирилловѣ, на Бѣломъ озерѣ, и былъ тамъ еще свидѣтелемъ житія преподобнаго Кирилла. Великій Князь и Митрополитъ Іона послажали его въ Царьградъ, по некоторымъ дѣламъ церковнымъ, къ Патриарху и, когда возвратился онъ въ Москву, державный отпустилъ его, съ честью и дарами, настоятелемъ на мѣсто постриженія въ Спасо-каменной.

При этомъ игуменъ Кассіанъ, пришелъ спастись въ обитель преподобный отрокъ Князь Іоасафъ, будучи только двѣнадцати лѣтъ и, богоугодно проживъ пять лѣтъ въ обители, въ гробахъ постническихъ, свято тамъ скончался. Мирское имя его было Андрей; онъ проходилъ отъ благоверныхъ родителей, Князя Заозерскаго Дмитрія Васильевича, меньшаго сына Великаго Князя Василія Темнаго, и благочестивой Княгини Маріи, изъ знаменитаго дома Князей Ярославскихъ. Едва только началъ разумѣть грамоту отрокъ, какъ уже погрузился умомъ своимъ во глублину божественныхъ писаній и, созерцая въ нихъ богатство благодати Божіей, сталъ чуждаться юношескихъ обычаевъ. Родитель его, Князь Дмитрій,

исполненный благоговѣнія къ вышедшему изъ Спасо-каменной обители, преподобному Дионисію, даровалъ ему обильную милостыню и икусныхъ древодѣлей, для сооруженія храма во имя Богоматери, на урочищѣ называемомъ Глушицы, гдѣ основалъ онъ новую обитель, и въ то же время вспомоествовалъ преподобному Александру къ устроению другой обители на рѣкѣ Кунштѣ. Домъ Князя Дмитрія стоялъ надъ рѣкою Кубеницею и близъ его двора была церковь Ангела его, великомученика Дмитрія Селунскаго, въ урочищѣ называемомъ Чирково. Въ этотъ храмъ часто приходилъ онъ приносить теплыя молитвы Богу, дабы дать ему былъ плодъ чадородія, и Господь даровалъ ему благодатнаго младенца, который просилъ житіемъ иноческимъ. Бѣдственная была тогда година для земли Русской, поущеніемъ Божиимъ иногда былъ голодъ, иногда моръ, иногда же нашествіе иноплемennыхъ Казанскихъ Татаръ, которые часто разорвали города и селенія и убили самаго благовернаго Князя Дмитрія въ Ярославѣ.

Тогда блаженный отрокъ, видя суету свѣта сего, вспоминалъ слова Христовы во святомъ евангеліи: «какая польза человеку, аще миръ весь приобрящетъ, душу же свою отщипитъ?» и «что дастъ человекъ измѣну за душу свою?» (Матѣ. XVI, 26.) Все вмѣнилъ онъ за уметы, подобно Апостолу Павлу, да Христа приобрящетъ, и еще болѣе утвердился въ сей мысли, когда вѣздъ за его родителемъ, отошла въ небесныя селенія мать Княгиня Марія; онъ

остался единственнымъ наследникомъ ихъ удела, ибо не было у нихъ другихъ чадъ, кроме испрошеннаго ими у Бога отрока. Слѣдуя давнему тайному влеченію сердца, приходитъ онъ къ Спасу на каменный и молить игумена Кассіана, чтобы постричь его въ святой иноческій образъ. Устрашился игумень его высокаго рода и колебался принять къ себѣ въ обитель наследника княженія; отрокъ же сказалъ ему: «что смущаешься суетнымъ, помышляя о величїи нашего рода и не внимая словамъ Спасителя нашего: Сынъ человѣчъ не придетъ, да послужитъ ему, но да послужитъ (Марк. X, 45), и аще кто не возненавидитъ отца своего и матеря, и не носитъ креста своего и въ слѣдъ мене грядеть, не можетъ быть мой ученикъ (Лук. XIV, 26, 27).» Склонился наконецъ игумень на моленіе княжескаго сына и, въ свою черду, увещавалъ его, чтобы однажды воспріять на себя благое иго Христово, не возвращая уже любовію мира, или памятью родителей и оставленнаго имъ величїя, но шель бы узкимъ путемъ къ избранной имъ цѣли, готовясь на всякій подвигъ, съ отверженіемъ всего житейскаго, такъ какъ не можетъ человекъ служить двумъ господамъ. Послѣ многихъ назиданій, игумень сократилъ для него урочное время испытанія и облекъ въ иноческій образъ: онъ нарекъ ему имя Іоасафъ, на память Индійскаго Царевича, который также отложилъ царскій санъ и долу влекущее мудрованіе, для спасительнаго ига Христова. Игумень отдалъ отрока

на ученіе старцу духовному Григорію, который впоследствии былъ Епископомъ града Ростова, по кончинѣ Діонисія, но и самъ поучалъ новопостриженнаго терпѣнію и послушанію, съ совершеннымъ отсѣченіемъ своей воли, при нестрашномъ памятованіи страшнаго суда.

Блаженный Князь, какъ древо, посаженное при исходѣхъ водъ, наполнился слезами умиленія и, бодрствуя непрестанно въ церкви, добрымъ своимъ произволеніемъ возбуждалъ общее удивленіе братіи; радуясь, посреди лишений, имѣлъ онъ единую заботу, какъ бы угодить Богу. Пустынню и умирительно было мѣсто иноческаго его подвига, волнами какъ бы стѣнами отраженное; самъ онъ былъ, какъ птица осоящаяся на гнѣздѣ своемъ, и псаломски говоритъ душъ своей: «се покой мой, здѣ всепося.» Съ братією имѣлъ общеніе только въ денныхъ и ночныхъ молитвахъ; прочее же время пребывалъ въ безмолвіи, вооружаясь духомъ противъ врага невидимаго, который старался искусить его помыслами; но отрокъ, какъ некогда Давидъ, прашею молитвы отражалъ мысленнаго Голяаоа. Игумень Кассіанъ ежедневно посещалъ юнаго подвижника, напоминая ему долгъ новаго званія и научая, какъ подобаетъ ему бороться съ лукавымъ искусителемъ, котораго навты безсильны противъ истиннаго воина Христова. Пять лѣтъ пребывалъ такимъ образомъ блаженный Іоасафъ, подъ руководствомъ святыхъ старцевъ Кассіана и Гри-

горя и, как добрый сын послушанія, направлень былъ ими въ царство небесное.

Еще на землѣ сподобился онъ благодатныхъ видѣній и осязлъ его отчасти отрадный свѣтъ лицезрѣнія Господня, который обещанъ для чистыхъ сердцемъ, въ вѣчныхъ селеніяхъ. Самъ Господь и Спасъ нашъ, имя коего непрестанно онъ призывать въ обители, основанной на памяти свѣтлаго его преображенія, явился ему и обещалъ, ради вольнаго его отреченія отъ паслѣдія отеческаго, исполнить всю сію отчину пустыннолюбцами, имъ ющими подражать отроку въ блаженномъ пути его; такимъ образомъ утраченное имъ на землѣ достоиніе, изъ земнаго обратилось въ небесное и сторицею ему возвратилось. Не унизительно ли такое возданіе, по слову евангельскому: «аминь, глаголю вамъ, яко никто, иже оставитъ домъ, или родителей, или братья, или сестры, или жену, или чада, царствія ради Божія, иже не приметъ множицею во время сіе и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный» (Лука XVIII, 29. 30.) Утѣшительнымъ явленіемъ Господа, блаженный юноша не превознесся, но еще болѣе смирился, и повѣдалъ о семъ явленіи игумену, дабы самодовольствіемъ не впасть въ сѣти лукаваго.

Тѣмъ паче вооружился противъ него врагъ человѣческой, видя его внѣ своихъ сѣтей, ради обитавшей въ немъ благодати. Онъ вздумалъ прельстить, стяжаніемъ злата, отложившаго всякое стяжаніе и, въ свѣтломъ образѣ, явился дядѣ Юсафа

Князю Борису Васильевичу Ржевскому, дабы легче обольстить его родственною любовью. Богатому Князю внушаетъ искуситель мнимо-добрый помыслъ, ити на озеро Кубенское къ Спасу на каменный, гдѣ спасается въ убожествѣ родной его племянникъ, украшенный всякими добродѣтелями, и снабдить его золотомъ, дабы вышедши изъ общей обители, могъ онъ себя составить особое свѣтельство иноческое. Подвигса лукавымъ советомъ Князь Борисъ и направилъ путь свой на Кубенское озеро; но Господь открылъ блаженному отроку предстоявшую лѣсть, и еще прежде прішествія родича своего, возвѣстилъ о немъ игумену Юсафъ, неспрашивая разрѣшенія не выдать болѣе въ сей жизни никого изъ еродниковъ, дабы не прельститься любовью міра егого. Но старецъ Кассіанъ, зная духовную твердость его, отвѣчалъ юношѣ: «о пустынное прозрѣтеніе и чадо послушанія, ни о чѣмъ не сомнѣвайся, но иди прямо въ срѣтеніе Князю Борису.» Повиновался юноша и простоуднино встрѣтилъ невѣдомаго ему родича, не знавшаго его въ лицѣ. Князь Борисъ вопросилъ самаго Юсафа, о инокѣ Юсафѣ, и возвѣстилъ о принесенномъ для него златѣ; преподобный же отвѣчалъ дядѣ: «о христороубче, итъ для насъ потребности въ сребрѣ и златѣ, если хотимъ жить въ пустынь; возвратись въ домъ твой и не скорби; Богъ приметъ даръ твой, ты же принесенное намъ раздай убогимъ и многое возданіе получишь отъ Господа Бога.» Благочестивый Князь Борисъ по-

слушался племянника и съ миромъ возвратился въ домъ свой.

Блаженный юноша прилагалъ труды къ трудамъ, какъ бы предчувствуя скорый исходъ свой, и еще на землѣ уподоблялся безплотнымъ; благодать Божія въ немъ обитавшая, вознесла его однажды, въ духу, на крыльяхъ молитвы, въ селенія райскія, гдѣ созерцалъ онъ Церковь первородныхъ, о коей говорить Апостолъ, (Евр. XII, 23.) и, причастившись тамъ невещественной пищи Божовдвнїа, сталъ на землѣ чуждаться пищи вешественной: только однажды въ неделю онъ вкушалъ ее, въ день воскресный, послѣ приобщенїа святыхъ таинъ и опять пребывалъ въ постѣ до слѣдующей недели; многіе были тому свидѣтелями въ обители, по сказанію описателя его житїа, который будучи влекомя вѣрою къ преподобному Іоасафу, собиралъ о немъ свѣдѣнїа, отъ жившихъ издавна старцевъ у Спаса на камешномъ и особенно изъ рукописей благоговѣйнаго старца Пансіа Ярославова.

Послѣ трудныхъ лѣтъ подвига, взнемогъ телесно благовѣрный Князь Іоасафъ, будучи еще 17-ти лѣтъ, но и оскудѣвая силами, благодарилъ Бога за поствившую его болѣзнь. Предчувствуя кончину, призвалъ онъ игумена съ братїею и заклиналъ ихъ, именемъ Божиимъ, ничего не разорять изъ общезнательнаго ихъ устава; при малѣйшемъ облегченїи самъ онъ являлся въ церковь и, когда насталъ праздникъ рождества Богородицы, велѣлъ вести себя къ литургїи, для приобщенїа въ послед-

ній разъ божественныхъ таинъ, отъ руки преподобнаго Кассїана; возвратясь въ келїю, уже не поднимался болѣе съ одра болѣзни. Игумень и братїа скорбѣли, о его колючемъ изнеможенїи, и готовы были, по чрезвычайной къ нему любви, съ нимъ и за него умереть: «ты вась оставляешь, говорили они со слезами умирающему юношѣ, и многіе изъ вась переселятся послѣ тебя изъ мѣста сего.» Преподобный же, утѣшая ихъ, говорилъ: «мнѣ приспѣло время почить о Господѣ; вась же предаю Богу и пречистой Дѣвѣ Богородицѣ, да сохранятъ вась отъ всякихъ искушенїй, и Кассїанъ игумень восполнитъ вась ваши недостатки.» Каждый изъ иноковъ подходилъ принять отъ него напутственное благословенїе, и у каждаго просилъ онъ себя молитвы, обинмая всѣхъ и благословляя, какъ вѣжнїй отецъ дѣтей своихъ, и увѣщавая жить въ мирѣ и любви. Одному изъ иноковъ велѣлъ онъ читать канонъ на исходѣ души; во время чтенїа, внезапно приподнялся и, взявъ кадильницу, податъ ее игумену, повелѣвая окадить овміамомъ всю келїю и пришедшую братїю; самъ же произнесъ молитву челоуколюбивому Богу: да прїиметь его въ вѣчное покоище и проститъ ему всѣ грѣхи, вольные и невольные, и сохранитъ рабовъ своихъ, спасающихся въ обители, отъ всякаго искушенїа дїавольскаго, да прославится въ нихъ имя Господне. Потомъ, преклонивъ колѣна, помолился Богородицѣ: чтобы за него и за братїю была ходатаицею къ Сыну своему и Богу, какъ

крякая поборница всѣхъ на нее уповающихъ. Онъ поручалъ ей молитвенно святую обитель, въ которой сподобила его обрѣсти пристанище; воспоминалъ единокровныхъ себя, державныхъ князей и княгинь, и всѣхъ православныхъ христіанъ и, возлегши опять на одръ, просилъ всѣхъ молиться о мирномъ его отшествіи туда, гдѣ уже вѣтъ печали: такъ отлетѣла душа его къ Богу, возлюбившему его и возлюбленному имъ отъ первыхъ дней жизни. Посреди общаго плача, лице его было светло, какъ будто не умиралъ светло прешедшій непорочное житіе свое; представилъ же блаженный Іоасафъ, Сентября въ 10 день, 1453 года.

Игумень и вся братія, съ подобающею честью и псаломънѣемъ, понесли на одръ блаженнаго Князя въ церковь и едва могли довершить отъ слезъ надгробное пѣніе. Не предавая тѣло земли, поставили его въ теплой церкви Покрова Богоматери, съ правой стороны, ибо много было притекающихъ къ мощамъ преподобнаго и многія потекли отъ него исцѣленія; но въ теченіи первыхъ 85 лѣтъ послѣ его преставленія, никто не записывалъ бывшихъ чудесъ; тогда только подвижея благочестивый писатель житія его вспомнить некоторыя отъ устныхъ преданій и тѣ, какія самъ видѣлъ; между не именитыми, называется онъ и именитыхъ, получившихъ прощеніе у его раки, — Князя Романа, нѣмаго отъ рожденія, сына Князя Іосифа Дорогобужскаго. По кончинѣ родителей, бабка его Княгиня Анна, приняла къ себѣ сироту, снабжала его всѣмъ потреб-

нымъ, какъ подобало дѣтямъ княжескихъ. Услышавъ о чудесахъ преподобнаго Іоасафа, она послала внука своего въ Вологду, съ богатою милостынею къ Спасу на каменной, и молила Господа, чтобы его помилowałъ; сама же, во все время пути любимаго отрока, молебствовала, кормила нищихъ и посылала милостыни по церквамъ. Встрѣтивъ Князя съ подобающею честью, настоятель поставилъ болящаго близъ раки, и самъ служилъ для него молебенъ съ водоосвященіемъ; юный Князь, взирая на иконы Спаса и Богоматери и преподобнаго, слезно имъ молился; когда же приложился къ мощамъ и началъ по немногу вкушать святую воду, при освещеніи честнымъ крестомъ, внезапно проговорилъ, какъ бы никогда не связанный языкомъ, и всѣ, видѣвшіе чудо, прославили Бога. Игумень велѣлъ звонить во все колокола: собралось множество народа изъ окрестныхъ мѣстъ, подивиться бывшему чуду, ибо сей Князь Романъ до 15-ти лѣтняго возраста не владѣлъ языкомъ; онъ оставался еще три дня въ обители и взялъ съ собою въ путь освященную воду, отъ мощей чудотворца, оставивъ тамъ обильную милостыню: съ такою радостію возвратился Князь Романъ къ благочестивой бабкѣ.

Въ 1477 году, 3-го Сентября, 25 лѣтъ послѣ преставленія блаженнаго Іоасафа, поупщеніемъ Божиимъ, загорѣлся Спасо-каменный монастырь и цер-

ковъ его сгорѣла, со всеми украшеніями и чудными иконами, съ трапезою, келліями и казною монастырскою; погорѣли и мощи преподобнаго Князя, въ деревянной церкви, и много живыхъ старцевъ и дѣтей погорѣло въ обители. Нѣкоторые металсь на суда, чтобы избѣжать пламени, но буря была ужасная на озерь и они потонули, а иныхъ сохранилъ Богъ отъ огненнаго заглаенія и потопа воднаго. Старецъ же Мартиніанъ, родомъ изъ Устюжны, прозваніемъ Сокольниковъ, постриженникъ обители Спасо-каменной, собралъ въ ковчегъ остатки мощей блаженнаго Іоасафа; они были потомъ вложены въ позлащенный крестъ и сохранились въ новой каменной церкви Богоматери, продолжая источать исцеленія одержимыхъ отъ различныхъ недуговъ.

Деять лѣтъ спустя послѣ бѣдственнаго пожара, сынъ Василія Темнаго, Князь Андрей Углицкій, соорудилъ на пеленищѣ пятиглавый каменный соборъ Спасовъ, который въ то время былъ благолѣпнѣйшимъ изъ всѣхъ окрестныхъ храмовъ и едва ли не первымъ каменнымъ зданіемъ въ Вологодскихъ предѣлахъ. Ничего не щадилъ для его прочности, чтобы оградить отъ наводненія и пожаровъ, и самый кирпичъ для кладки возилъ изъ Старицы и Торжка; соборъ сей устоялъ и до нашихъ временъ, хотя и не разъ съ тѣхъ поръ опустошаемый огнемъ. Нѣсколько позже, въ 1541 году, при державѣ Великаго Князя Василія Іоанновича, сооружена была въ обители тѣсная трапезная цер-

ковъ, во имя успенія Богоматери; которая теперь совершенно перестроена, а при сынѣ его, Царѣ Іоаннѣ, воздвигнута надъ святыми вратами церковъ, во имя ангела его, Предтечи. Странно однако, что Іоаннъ, столько разъ бывшій въ Вологдѣ, ни разу не посетилъ сей замѣчательной обители, хотя и усердствовалъ къ ней, приславъ туда колоколь.

При Царѣ Алексѣй Михайловичѣ, Спасо-каменный монастырь, по его древности, почтенъ былъ архимандріей; первый настоятель, посившій митру, Маркеллъ, устроилъ въ 1650 году благолѣпную раку для священныхъ останковъ преподобнаго Князя Іоасафа. Послѣдній же архимандритъ, Мельхиседекъ, пережилъ свою обитель, будучи переведенъ въ Вологду, послѣ страшнаго пожара въ 1773 году. Странная судьба Спасо-каменнаго!—Окруженный отовсюду водою на утесѣ, имѣющемъ не болѣе 60 сажень въ длину и 20 въ ширину, гдѣ едва могли только помѣститься монастырскія зданія, онъ болѣе другихъ обителей пострадалъ отъ пожаровъ, когда казалось такъ легко можно было погасить ихъ на водѣ, и дважды былъ истребляемъ почти до основанія, такъ что совершенно запустѣлъ. Последний пожаръ произошелъ отъ одного безумнаго, который тутъ содержался; спасли только нѣсколько иконъ съ остатками Св. мощей, все прочее сгорѣло. Самый монастырь былъ упраздненъ и, съ переводомъ братіи въ Духовъ монастырь, даже и названіе Спасо-каменнаго перешло туда вмѣ-

еть съ ними; въ такомъ запустѣнн дреннля обителъ оставалась около 30 лѣтъ. Но въ послѣдннй годъ минувшаго столѣтн, Вологодское дворянство и особенно купечество ссуднаго уаднаго города Каднкова, съ начальннками волостей, окружающнхъ озеро Кубенское, двнжнмъ усерднмъ къ древнему свнтннцу, ходатайствовали предъ Св. Синодомъ о восстановленн обителн; она возобновлена въ 1801 году, повелннмъ Императора Павла Петровича, хотя и не подъ своимъ прежнмъ именемъ, но подъ названнмъ Блвнннской пустыни, которой штатъ былъ переведенъ въ бывшнй Спасо-каменннй; такимъ образомъ возникла изъ развалинъ обителъ преподобнаго Юасафа.

Усерднмъ окрестныхъ жителей возобновлены были по возможности древнн зданн, два собора и настоятельскня келлн; но церковь надворотная Предтечн, слшхомъ пострадала и потому оставлена была внустъ. Обителъ процвѣла опять, въ 1812 году, когда нашли въ ней пристанище иноки, бѣжавше изъ различныхъ монастырей Московскнхъ, послѣ разгрома столицы: такимъ образомъ одно бѣдствн послужило къ исправленню другаго. До 40 человекъ братн, подъ начальствомъ строителя Феодосн, изъ иеромонаховъ Пясношскаго монастыря, обнталн болѣе трехъ лѣтъ на пустынномъ острову и привели обителъ въ самое благоустроенное состояние, строгостню жизни и церковнаго порядка. Милостнння обнльно текла отовсюду, ради ихъ благочннн, такъ что они могли обновнть все храмы,

въ краткое свое пребыванн. Разобравъ клонившуюся къ паденню церковь Предтечн, они надстроили настоятельскня келлн подъ одну крышу съ темнымъ соборомъ, и устроили придѣлъ во имя трехъ Свнтителей Московскнхъ, въ нижнемъ ярусѣ холоднаго собора, и самый соборъ ими благолѣпно украснть; отъ тѣсноты помѣщенн принуждены были даже устроить келлн подъ соборомъ, котораго нижння арки закладены для болѣея прочннн послѣ пожара. Съ удаленнмъ Московскаго братства, опять началъ оскудѣвать монастырь и, по странной его участи, въ 1850 году, едва опять не истребился пожаромъ, отъ загорѣвшихся деревяннхъ его службъ; однако каменное зданн уцѣлело, хотя и обгорѣли двѣ соборныя главы;—такова краткая лѣтопись обителн.

Я всталъ къ ранней обѣдн, которая совершалась въ нижней церкви трехъ Свнтителей, устроенной въ гробовой палаткѣ блаженнаго юродиваго Васлн; она была нкоторое время упразднена, но недавно опять обновлена усерднмъ нынѣшняго настоятеля А.; послѣ пожара 1850 года, сооружена въ ней мѣдная позлащенная рака блаженному, коего память особенно чувствуется въ Спасо-каменномъ и по всей окрестности, хотя неизвѣстны время и подвнги его труженнческаго жнтн; свидѣльствомъ ихъ служатъ тяжкня вернги и желѣзныя колапакъ надъ его гробомъ. Достоинно вниманн, что въ бѣдственнй пожаръ 1773 года, когда погорѣло внутри монастыря все, что только

могло сгореть, бывшая деревянная рака и образ на ней сего угодника Божія остались неприкосновенными, хотя вся его гробовая палатка была наполнена дымомъ и пламенемъ. Онъ почтѣть съ верхней стороны собора, а съ южной, настоятель указалъ мнѣ гробовой камень Другаго блаженнаго труженика сей обители, игумена Кассіана, ученика Св. Кирилла Бѣлозерскаго, при которомъ спасался здѣсь преподобный Кирилъ Іоасафъ. Прилично было бы и тутъ устроить приделъ, чему благопріятствуетъ самая палатка.

Настоятель ввелъ меня въ верхній соборъ Спасовъ и я полюбовался внутреннимъ его расположеніемъ и стройностію размѣровъ. Старинное зодчество нашихъ храмовъ особенно было приспособлено ко всемъ потребностямъ богослужебнаго чина, а между тѣмъ и молящемуся можно себя найти, за столбами или въ паперти, уединенное место для молитвы. Ни главный соборъ, ни два его придела, во имя преподобныхъ Іоасафа и Василія, и всѣхъ Вологодскихъ чудотворцевъ, не были освящены и ожидали для сего посвященія архіерейскаго. Бывшій предъ снѣгъ строитель передѣлалъ иконостасъ въ новомъ вкусѣ, хотя старшій вѣроятно болѣе соответствовалъ древнему собору. Рака преподобнаго Кирилла стоитъ съ правой стороны у алтаря, во упряднена во время пожара, съ 1773 года, вмѣстѣ съ обителью. Теперь, можетъ быть, уделится часть Св. мощей изъ Духова монастыря, ибо и самъ преподобный, по жительству своему, принадлежалъ Спасокаменному,

и большое къ нему усердіе всѣхъ окрестныхъ мѣсть. Надъ ракою изображено утѣшительное явленіе отроку Господа Іисуса, общающаго поселить, ради его подвига, всю бывшую его область пустынными подвижниками, дабы такимъ образомъ сторицею ему возвратилось то, что онъ пожертвовалъ Богу.

Изъ собора холоднаго мы перешли въ теплый, чрезъ ризницу, устроенную въ бывшемъ приделѣ Василія блаженнаго. Два престола въ этомъ храмѣ, который примыкаетъ къ келліямъ настоятельскимъ и болѣе походить на домовую церковь. Оба устроены Московскими иноками: одинъ во имя святителя Николая, другой, который былъ посвященъ успенію Богоматери, теперь, послѣ пожара 1850 года, празднуетъ ея чудотворной иконой неутолимая печаль. Частые сіи пожары много потребили и еще болѣе измѣнили въ древній обители, но утѣшительно и то, что она, всегда возрождалась изъ своего пепелища; грустно было бы видѣть на пустынномъ острову, какъ бы остовъ сего древнѣйшаго изъ всѣхъ святинь Вологодскихъ; кругомъ великаго озера Кубенскаго до 30 богатыхъ селъ благоговѣнно взираютъ на Спасокаменный, величественно возстающій изъ пучины, какъ путеводительный фarosъ, спасающій пловцевъ ихъ на волнахъ, отъ частыхъ непогодъ.

Весьма скудно братство оставшейся обители, такъ что едва есть достаточно іеромонаховъ для ежедневной службы, но надобно вспомнить и о томъ, что они претерпѣваютъ въ зимнее время, когда почти нѣтъ богомольцевъ. Настоятель мнѣ

разсказывалъ, что напоръ весеннихъ льдовъ съ западной стороны, т. е. почти во всю длину озера, такъ великъ, что даже стерь значительную часть берега и ежегодно вынуждены укрѣплять его булыжниками и новымъ тыномъ. Иногда ледъ подымается до такой высоты, что какъ стѣною окружаетъ со всѣхъ сторонъ настоятельскія келліи и даже ихъ превышаетъ своимъ хрустальнымъ гребнемъ. Въ 1833 году, льдами заброшенъ былъ огромный камень, въ тысячу пудовъ веса, на самую крышу, и большаго труда стоило его сбросить; и до сихъ поръ можно его видѣть между грудою камней монастыря; а въ 1837 году, въ страшную бурю, пробило кусками льда стекла въ настоятельскихъ келліяхъ. Насыпью камней и кирпичами свалии стараются разбить напоры льдовъ, но когда, отъ времени до времени, заревутъ весенніи бури и грозятъ разрушеніемъ обители, иноки ея спасаются только теплою молитвою; собравшись въ храмъ, они возжигаютъ лампады предъ св. иконами и всю ночь проводятъ въ благии молитвенномъ. Въ такое время, недели по двѣ, не бываетъ сообщенія съ берегомъ, такъ что иногда можетъ случиться недостатокъ въ припассахъ; но за то лѣтомъ бываютъ годы, когда совершенно пересыхаетъ озеро, между восточнымъ его берегомъ и островомъ, гдѣ разстояніе не такъ велико и есть много отмелей; такимъ образомъ случилось однажды и преподобному Инокентію, при обзорной своей паствы, сухимъ путемъ достигнуть до Спасокаменной обители.

Куштинская пустынь Преподобнаго Александра.

Буря не утихала и бѣлые валы высоко подымались съ запада, а между тѣмъ время было дорого. Не смотря на непогоду, мы рѣшились плыть въ пустынь преподобнаго Александра Куштинскаго, приписанную къ Спасокаменному, которая находится на восточномъ берегу озера, при устьѣ рѣчки Кушты; плаваніе туда было менее опасно по отмелямъ, а иногда доводилось проходить между островками, поросшими тростникомъ, и отъ того напоръ волнъ менее чувствителенъ. После часоваго хода на веслахъ, мы благополучно достигли малаго залива Кушты и, вышедши на мирный берегъ, забыли о непогодахъ озера; солнце сіяло въ полномъ блескѣ, день былъ весьма жаркій, благоухало весной. Скромная пустынь преподобнаго Алек-

сандра произвела на меня впечатлѣніе самое приятное, такъ какъ она сохранила свой первобытный характеръ безмолвія скитскаго.

Посреди смиренной деревянной ограды, мѣстами обвалившейся и замѣненной даже простымъ заборомъ, на широкомъ привольи зеленого луга, нешрешеннаго майскими цвѣтами, возвышалась старинная дубовая церковь, съ шатровою главою и широкими крыльями, висящими на столбахъ. Съ одной стороны пристроена къ ней небольшая каменная церковь и, хотя она выходитъ изъ характера первобытнаго зданія, однако главный соборъ покрываетъ ея новизну своимъ древнимъ старческимъ видомъ. Сами преподобные Александръ и Евимій, съ ученикомъ своимъ Харитоніемъ, и другіе пустынножители здѣсь подвизались, священнымъ своимъ ликомъ встрѣтили насъ во святыхъ вратахъ убогой ихъ обители, и отрадегъ былъ пустынный привѣтъ ихъ на прагъ мирнаго пріюта. Вокругъ ограды разросся частый сосновый лѣсъ, хотя и невысокій, но мрачностью соотвѣтствующій ликому удивленію, въ которомъ, какъ малый оазисъ, открывалась обитель. Нѣсколько монастырскихъ службъ, мельница, братскія келліи и лѣтній домикъ настоятеля, куда призываетъ онъ подышать на свободѣ изъ каменнаго своего острова, — вотъ все, что составляетъ нынѣ обитель Кушитскую, въ свое время многолюдную. На противоположной оконечности пространнаго двора монастырскаго стоитъ еще одно деревянное зданіе,

весьма древнее: это была некогда церковь Святителя Николая, но она запустѣла и отломаны наперть ея и олтарь, такъ что только по преданію можно узнать о предѣмъ ея назначеніи.

По неутопанному бархату густаго луга, ибо и въ кому пролагать по немъ учащенныхъ стезей, подошли мы къ древнему собору, обращенному олтарями къ святымъ вратамъ. Между двухъ престоловъ каменной и деревянной церкви, произрастаетъ дерево, какъ бы изъ самой гробовой раки преподобнаго, и сія отрадная второсль ограждена по благоговѣнію настоятеля. По ветхому крыльцу, уже чувствующему тяжесть ноги человѣческой, отъ въковаго хожденія многихъ поколѣній, взошли мы сперва въ холодный соборъ Успенія, который сохранилъ извнѣ и внутри древній священный видъ свой, хотя и почернѣвшій отъ времени. Внутреннее его расположеніе крестообразно и, къ счастью, ничего въ немъ не измѣнилось съ половины XVI вѣка, когда сооружена была сія церковь, послѣ опустошительнаго пожара, истребившаго въ 1539 году всю пустынь, современную преподобному Александру; и такъ уже три столѣтія совершается священнослуженіе въ этомъ святилищѣ; древній его дубъ измѣтъ прочностью камня, хотя требуетъ поддержки. Въ высокомъ иконостасѣ сохранились старыя иконы: храмовая, Успенія и Святителя Николая, перенесенная изъ упраздненной церкви, Святой Троицы и Воскресенія Господня, въ видѣ сомнѣнія во адѣ, ибо такъ всегда писалась въ старину

сія икона. Тутъ и Воздвиженіе честнаго креста, съ двѣянами, икона Одигитріи и Ангельскій Соборъ, съ человѣческимъ родомъ воспевающимъ пресвятую Дѣву, и преподобные Куштскій и Новозерскій. Царь пророкъ и благоразумный разбойникъ, на алтарныхъ дверяхъ, открываютъ входъ во внутреннее святилище, скромно обитое тесомъ, гдѣ еще нѣсколько древнихъ иконъ и крестовъ разставлено по полкамъ; все носитъ отпечатокъ пустыннаго убожества давно минувшаго времени.

Каменная двухъярусная церковь пристроена на мѣсто южнаго отвѣчнаго крыла соборнаго, надъ самою гробницею преподобнаго, которал сохранилась неприкосновенно, ибо тутъ и прежде былъ приделъ. Верхній престолъ во имя святаго Александра Куштскаго; тамъ съ лѣвой стороны иконостаса, поставлена мѣдная позлащенная рака съ его священнымъ ликомъ на гробовой доскѣ. Надъ ракою чудотворная икона Печерскія Божіей Матери, быть можетъ его келейная, ибо къ ней иконы питаютъ особенное усердіе, и тутъ же приписаны, вроятно уже впоследствии, преподобные: Александръ, Зосма и Савватій и священномученикъ Антипа. На стѣнъ поверхъ раки изображены всѣ пустынножители дремучихъ лѣсовъ и лѣбрей Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, общимъ молитвеннымъ сонмомъ, припадающіе къ ногамъ Спасы; умилительн братскій соборъ ихъ, въ такомъ ликомъ уединеніи, надъ гробомъ ихъ сподвижника, какъ бы во свидѣтельство взаимной любви и памя-

тованія другъ о другѣ, каждаго на мѣсть ихъ подвига, предъ общимъ ихъ Господомъ. Съ сердечною любовію припасть я къ ракъ преподобнаго и просить благодѣтеля его гроба отслужить молебень, предъ ликомъ всѣхъ его чудотворныхъ собратій.

Хотя рака блаженнаго Александра стоитъ вверху, но гробница его собственно находится въ нижней церкви, ибо онъ почиваетъ подъ спудомъ, и огражденъ старыми иконами. Здѣсь, по настоящему, должна бы стоять и сама рака, тѣмъ болѣе, что ежедневная служба совершается болѣею частью въ нижней теплой церкви. И тутъ есть также нѣсколько древнихъ иконъ, хотя отчасти и поновленныхъ: Святителя Николая, похвалы Богоматери, Господа сядячаго на престолъ, съ припавшими къ ногамъ его, преподобными Юсафомъ и Александромъ Куштскимъ, и еще одна страннаго суда, въ паперти, замѣчательная по своему древнему рисунку. Я упоминаю о сихъ иконахъ, какъ памятникахъ давно минувшаго въ полуоставленной пустыни; но лучшее ея сокровище есть самый гробъ преподобнаго, положенный въ неизбѣжное основаніе обители, ибо конечно однѣ только его молитвы могли спасти мѣсто его подвига отъ совершеннаго разоренія, подобно тому, какъ и сокровище мощей Діонисіевыхъ охранило Глушицкую обитель отъ разрушенія, тогда какъ Покровская его лавра и столько другихъ знаменитыхъ обителей, запустѣли въ предѣлахъ Вологодскихъ.

Невѣдомый юноша Алексій, родомъ изъ Вологды, пришелъ однажды на пустынный островъ Кубевскаго озера, въ обитель Спасокаменную. Увидѣвъ монаховъ, стоящихъ предъ святыми вратами, онъ поклонился имъ до земли и просилъ благословенія. «Богъ да благословитъ тебя, чадо, отвѣчали они, чего ты хочешь?»—Юноша просилъ видѣть игумена, и они возвестили о немъ игумену Дионисію. Съ радостію взшелъ въ ограду блаженный и, припавши къ ногамъ игумена, со слезами просилъ, чтобы одѣлъ его въ иночскій образъ. Умиллся старецъ такою ревностію невѣдомаго юноши и, провидя шлюющую въ немъ открыться благодать, говорилъ ему: «чадо, видишь ли, что мѣсто сіе весьма скорбно и требуетъ подвига, а ты еще юнъ и не можешь перенести его.» Но блаженный со смиреніемъ отвѣчалъ: «о честный отче, Богъ хотицій взять человекомъ спасенія, привелъ и меня, спасенія ради, къ твоей святынѣ; все, что повѣлиши, исполню, только спаси меня,» и уже игумень ему болѣе не возражалъ; онъ возблагодарилъ Бога за такое усердіе пришельца и велѣлъ ему со смиреніемъ служить братіи; вскорѣ потомъ постригъ его, нарекиши имя ему Александръ, и поручилъ руководству опытнаго старца; новый инокъ совершенно предавъ себя Богу, исполняя всякія послушанія, изнуря плоть свою постомъ, востанно пребывая въ молитвѣ, и сонную лѣность отгоняя рукодѣліемъ, такъ что всѣ братія дивились его крайнему смиренію и взирали на него, какъ на Ангела Божія.

Преподобный Александръ, не любя славы чело­веческой, началъ помышлять, какъ бы ему выйти изъ монастыря и провести прочее время жизни въ совершенномъ незнаніи міра; тайно оставилъ онъ Спасокаменный и обошелъ многія пустынные мѣста, ища себѣ мѣста уюкоенія, гдѣ бы наединѣ работать Богу. Имя наставляемый пришелъ онъ на рѣку Сляжмю, гдѣ еще существуетъ монастырь, называемый Евониміевымъ, но не было тогда церкви на томъ мѣстѣ, а только болото и непроходимая дѣбрь; онъ тамъ поставилъ себѣ малую кельицу и провозжалъ въ ней молитвенно многотрудное житіе; мало по малу начали къ нему собираться люди изъ окрестныхъ странъ, благословляя Бога за тако­го подвижника, и опять ужаснулся молвы чело­веческой любитель безмолвія; взявъ себя въ грѣхъ всякое прославленіе, бежалъ онъ изъ одной пустыни въ другую, насломеки чая Бога, спасающаго его отъ малодушія и отъ бури. Слышалъ онъ о преподобномъ отцѣ Евониміѣ и о святой его жизни, какъ водворился онъ за 85 поприщъ отъ рѣки Сляжмы, близъ великаго озера Кубевскаго, на восточной его сторонѣ, близъ рѣчки называемой Кушта, посреди непроходимыхъ дѣбрей, и тамъ въ малой кельи работать Богу, въ постѣ и молитвѣ, не давая себѣ успокоенія отъ труда.

Туда пришелъ Александръ къ отшельнику Евонимію и взаимно обрадовались они другъ другу; оба имѣя единую волю, вмѣстѣ подвизались

въ духовной любви, и возлюбилъ мѣсто сіе инокъ Александръ. Онъ исповѣдалъ тайное свое помышление Евѣмію и отшельникъ, принявъ его, какъ посланника Божія, смиренно уступилъ ему мѣсто свое, а самъ рѣшился удалиться на то, которое прежде избрано было Александромъ: таково было взаимное смиреніе обонхъ подвижниковъ. Въ послѣдній разъ побесѣдовавъ между собою, на томъ мѣстѣ, гдѣ довольно долго обитали вмѣстѣ, и евангельски поучивъ другъ друга, они разлучились на долго, сохранивъ однако духовное общеніе во Христв. Евѣміій благословилъ при отшествіи, животворящимъ крестомъ своего сподвижника и, получивъ отъ него взаимно миръ и благословеніе, водворилъ его въ своей убогой келліи, а самъ пошелъ далѣе къ северу, поселиться въ той, которую соорудилъ своими руками преподобный Александръ, и тамъ основалъ обитель;—не умилительна ли такая мына, основанная на христіанской любви!

Не долго оставался преподобный Александръ въ своемъ уединеніи; онъ подошелъ ближе къ озеру и, водрозивъ крестъ, который всегда носилъ съ собою, преклонилъ колѣна и помолчился Господу Іисусу, чтобы благословилъ мѣсто сіе и, молитвами пречистой своей Матери, позволилъ соорудить тутъ храмъ во имя славнаго ея усенія; не исполненія своей воли желалъ онъ, но воли Божіей, дабы подлѣ покровомъ пресвятой Дѣвы, хотяще на этомъ мѣстѣ работать Господу, утвердились во спасеніи и безмятежно возсылали свои молитвы къ Богу,

о христоролюбивыхъ князьяхъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ.

Тутъ поставилъ себя другую келлію Александръ и началъ еще болѣе изнурять плоть свою постомъ и молитвою; много потерпѣлъ онъ отъ духовъ нечистыхъ, доколе не одолѣлъ ихъ силою крестною; одинокій копалъ онъ землю лопатою и съялъ жито ему потребное, питался же сухимъ хлѣбомъ, мало вкушая и самой воды. Спустя нѣкоторое время пришелъ въ его уединеніе нѣкій старецъ и обрадовался ему преподобный, какъ посланному отъ Бога; плѣзъ лѣтъ пробыли они двое въ пустынь, а потомъ присоединились къ нимъ и третій братъ. Александръ однажды сказалъ имъ: «братія, возлагаю надежду мою на Бога и, если ему угодно, можетъ онъ привести въ исполненіе мой тайный помыслъ: желаю на этомъ пустынномъ мѣстѣ соорудить церковь,» и братія ему отвѣчали: «воля Господня да будетъ, честный отче, да прославится на этомъ мѣстѣ имя Господа и пречистой его Матери.»

Тогда преподобный пошелъ въ городъ Ростовъ, къ бывшему своему игумену Діонсію, который занималъ уже тамъ кathedру епископскую, и добрый пастьыръ, благословилъ возлюбленнаго сына своего на строеніе пустынное, давъ ему для сего все нужное. Утѣшенный Александръ, возвратилъ въ свою пустыню, соорудилъ тамъ церковь во имя усенія пречистой Дѣвы. Въ то время отицною своею Заозерскою, вокругъ великаго Кубенскаго озера, владыи Кня-

зя Дмитрій и Симеонъ, изъ рода Ярославскихъ. Возрадовался христоролюбивый Князь Дмитрій, что близъ его державы хочетъ соорудитъ себѣ обитель преподобный, и повспышилъ дать ему отъ себя все нужное для ея сооруженія; а Княгиня его Марія, имѣя большую вѣру къ святому старцу, послала ему жизненные припасы, которыми кормилъ онъ немущихъ, поучалъ братію, что многими скорбями подобаетъ вiniti въ царствіе небесное. Спустя нѣсколько времени, Князь Дмитрій пошелъ далеко отъ своей отчины воевать съ суностатами, а между тѣмъ пришли полчища Татарскія и опустошили села его близъ монастыря и на устьѣ рѣки Кубены; пять Татаръ засакали въ самую пустынь: — спокойно встрѣтилъ ихъ преподобный, осѣнилъ крестомъ и они пали какъ мертвые; много часовъ пролежали они такимъ образомъ, доколѣ не возбудилъ ихъ отъ мертвеннаго нечувствія самъ пустынножитель, именемъ живоначальный Троицы.

Послѣ кончины Князя Дмитрія, супруга его Марія пришла на поклошеніе въ обитель и печально увидѣла преподобнаго, когда онъ стихословилъ псалтырь внутри церкви, будучи обнаженъ до персей и терзаемъ насѣкомыми. Огорчился святой тайною ея пришествію, нарушившему его молитву, и сказалъ: «не подобаетъ тебѣ, Княгиня, наблюдать въ тайнѣ наше странничество, поеланку я нищѣ и убогъ.» Созналась въ своей погрѣшности Княгиня и просила прощенія у огорченнаго старца; онъ же смиренно простилъ ее, но велѣлъ ей свою ни-

щету кормить у себя въ домѣ. Возвратясь, она вскорѣ занемогла и послала просить молитвъ преподобнаго; старецъ, прозрѣвъ духомъ скорую ея кончину, предвѣрилъ ее о томъ за 20 дней, дабы могла приготовиться къ мирному отшествію.

Въ обители Кунтской народилось довольно пшеницы, посѣянной трудами преподобнаго и братіи; однажды работавшіе на гумнѣ, выгребли пшеницу и разошлись отдыхать; пришелъ поселенникъ и вздумалъ воспользоваться чужимъ добромъ; онъ насыпалъ полный мѣшокъ пшеницы, но никакъ не могъ приподнять его; печально засталъ его Александръ и съ кротостію сказалъ: «для чего сынъ мой, берешь ты не по своимъ силамъ?» Облеченный тать бросился къ ногамъ его, но незлобивый старецъ велѣлъ ему еще насыпать пшеницы, сколько было можно вмѣстить ее, и внушивъ, чтобы впредь не похищали чужаго, разрешилъ взять мѣшокъ; прощенный поселеникъ легко поднялъ его, какъ только обшачалъ испривиться и, не чувствуя никакой тягости, возвратился въ домъ свой, благословляя великодушнаго старца.

Преподобный достигъ уже глубокой старости и началъ крайне изнемогать; при немъ было только два брата, Савватій и Симеонъ; онъ говорилъ имъ: «изнемогаю, братія, вы же, сколько вамъ Богъ благоволитъ, терпите на этомъ мѣстѣ и любите другъ друга, какъ самихъ себя; Богъ вамъ помощникъ и прибежище отъ сѣтей вражійхъ. Украшайте смиреніемъ и чистотою, страннолюбія не

забывайте и ни во что вменяйте славу житія сего, озирайте вместо сего воздаянія отъ Бога, вѣчныхъ небесныхъ благъ.» Огорчилисѣ братья, слыша о скоромъ отхожденіи своего старца, и со слезами ему говорили: «ты оставляешь насъ въ скорбяхъ и страстяхъ и кому же поручаешь пещицы о душахъ нашихъ?»—«Оставляю васъ Богу, отвѣчать имъ старецъ, и пречистой Богородицѣ, и святому чудотворцу Николаю; соорудите церковь во имя Святителя на томъ мѣстѣ, гдѣ я вамъ укажу, и миръ Божій да пребываетъ съ вами, направляя васъ на путь истинный.»

Предчувствуя близкое свое преставленіе, предподобный Александръ, въ день воскресный, самъ совершилъ божественную службу и въ последній разъ приобщился св. таинъ Христовыхъ; потомъ, поднявши взоры къ небу и съ глубокимъ сокрушеніемъ ударяя себя въ грудь, со слезами на козляхъ молилъ Господа человеколюбца, дабы принялъ его въ вѣчныя свои обители, не поманулъ его прегрѣшеній, и сохранилъ бы обитель его отъ великихъ искушеній лукаваго, враговъ видимыхъ и невидимыхъ. И пречистую Матерь Иисусову, упованіе всѣхъ Христіанъ, умолялъ онъ, дабы освѣтила своимъ покровомъ обитель, созданную во имя ея; а братію свою о Христѣ просилъ, чтобы помнили душу его въ молитвахъ, и такъ, съ цѣлованіемъ мира, предъла праведную свою душу Богу, 68 лѣтъ, Іюня 9-го 1439 года. Роста былъ онъ средняго, лице имѣлъ круглое, но тѣломъ былъ сухъ, до

персей спускалась борода, полная, темнорусая и до половины съдая, глаза же имѣлъ тихіе и кроткіе.

Ученики погребли тѣло своего блаженнаго учителя тамъ, гдѣ онъ самъ указалъ, близъ церкви съ полуцѣнной стороны олтара; тамъ и донынѣ почиваетъ и, какъ неискъзаемый источникъ, потекли ислакаго рода исцѣленія отъ его гроба; особенно, одержимые духами нечистыми, облегчались отъ тяжкаго своего недуга, когда молитвенно прикасались къ ракъ преподобнаго. Годъ спустя послѣ его кончины, пронзилось само собою малое деревцо рябины надъ самымъ его гробомъ. Случилось въ день праздника успенія Богоматери, при многомъ стеченіи народа, отрочъ изъ поселенъ, по имени Матвѣей, отломилъ ветку отъ сего дерева и внезапно разболѣлась его рука; родители, съ молитвою къ пречистой Дѣвѣ, повели сына своего на гробъ преподобнаго, и онъ исцѣлился также внезапно какъ и заболѣть. Съ тѣхъ поръ народъ сталъ собирать ягоды съ этой рябины себѣ на исцѣленіе; ученики же Александровы соорудили подлѣ теплую церковь во имя Святителя Николая, и освятили ее въ день памяти блаженнаго своего учителя. Многимъ болящимъ, которыхъ приносили въ церковь сію къ его гробу, являлся онъ вмѣстѣ съ Святителемъ, въ молитвенномъ образѣ, или калящимъ святилицѣ, и посреди сего дивнаго благоуханія, боляціе разрывались отъ болизины. Въ 1519 году, при игуменѣ Наваналѣ, на память великомученика Димитрія Селунскаго, погорѣли оба храма и весь монастырь;

но опять возведено было новое деревянное строение и, после столь тяжкаго испытанія обители, первымъ утешительнымъ чудомъ надъ громомъ преподобнаго, было исцеленіе разслабленнаго, за котормъ послѣдовали многія другія исцеленія, во утвержденіе братіи и во славу святаго основателя сей мирной пустыни.

Пользуясь временемъ, мы, вмѣстѣ съ настоятелемъ, осмотрѣли ближайшую окрестность, доходили по лѣсу до первоначальной келліи отшельника Евонія, гдѣ обиталъ сперва и самъ Александръ; но отъ устья рѣчки Кушты не успѣли однако дойти до устья Кубены и большаго села, которое процвѣтаетъ торговлею и богатствомъ. Тамъ, на урочищѣ Чирковѣ, стоитъ часовня, сооруженная на мѣстѣ княжеской усадьбы родителей преподобнаго Іоасафа Спасо-каменнаго. Мнѣ хотѣлось дойти и далѣе, на истокъ изъ озера рѣки Сухоны, гдѣ на мѣстѣ, называемомъ Святая Лука, еще осталась отъ древней обители, основанной Діонисіемъ Глушицкимъ, уединенная церковь святаго Николая, и въ ней гробница Пахомія, ученика Діонисіева; но время не позволяло отлучиться такъ далеко, потому что погода утихла и гребцы настанавали плыть немедленно, пока опять не разыграется озеро. Мы повѣхали опять по тихимъ заливамъ, палимыя знойнымъ солнцемъ, доколѣ не вышли на самое озеро, гдѣ оживили насъ не совсемъ утихшіи вѣтеръ. Дорогою спрашивалъ я настоятеля, который за-

вѣдуетъ тремя пустынями: Спасо-каменную, Куштскою и Бѣлавицкою, о началѣ сей послѣдней. Она также на острову, но меньшаго озера, въ 20 верстахъ отъ Кубенскаго, и основана была въ 1630 году, при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и Архіепископѣ Вологодскомъ Варлаамѣ, во имя Богоявленія Господня, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде келлія отшельника Марка; при посѣщеніи же обновленія Спасо-каменнаго, была упразднена и теперь въ ней одинъ только іеромонахъ, какъ и въ Александровой пустыни, съ несколькими послушниками, для церковной службы. Въ пріятной бесѣдѣ мы не видали, какъ быстро пронеслись черезъ широкое озеро, съ попутнымъ вѣтромъ; на берегу, простившись съ добрымъ настоятелемъ, поспѣшили я въ Вологду, черезъ село Кубенское и Прилуцкій монастырь, котораго еще достигъ прежде захожденія солнца.

ПРИЛУЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

ПРЕПОДОБНАГО ДИМИТРИЯ.

Большое движеніе было въ слободѣ Прилуцкой, народъ толпился около монастыря и въ оградѣ, потому что это былъ второй день лѣтняго праздника сей обители, — память перенесенія иконы преподобнаго, которую прислалъ Великій Князь Іоаннъ, по случаю бывшаго ему видѣнія въ походѣ Казанскомъ. Наканунъ служилъ Епископъ Вологодскій въ Прилукахъ, и городекіе жители во множествѣ стекаются въ обитель, такъ что и внутренній садъ ея былъ наполненъ гуляющими. Хотя не совсѣмъ удобно было осматривать древности монастырскія, однако, такъ какъ уже три раза я это откладывалъ и не надѣялся болѣе быть въ Прилукахъ, то рѣшился осмотрѣть все достойное вниманія въ обители, сколько сіе позволяло время и стеченіе народа.

Настоятель, ректоръ Семинаріи, былъ такъ снисходителенъ, что самъ вызвался показать мнѣ древніе храмы вървенной ему обители; прежде всего привелъ онъ меня въ нижній ярусъ соборной церкви, празднующей преподобному, гдѣ стоитъ его цѣлебная рака и рядомъ съ нею другая, Князя узника и схимника, Игнатія Углицкаго. При вѣнчѣ тронаря преподобнаго, поклонился я ихъ священнымъ гробамъ и сердечно призывалъ молитвенный покровъ ихъ пришельцу, постыгнутому ихъ обитель. Ихъ тяжкія вериги, повѣшанныя надъ гробницами, предъ ихъ ликами, свидетельствовали о ихъ земномъ подвигѣ и небесной награды.

Отъ благочестивыхъ и богатыхъ родителей, званія купеческаго, родился Димитрій въ Переславѣ Зальскомъ, и отъ юнаго возраста возлюбилъ небесную мудрость, которую почерпалъ въ божественныхъ писаніяхъ, пренебрегая благами міра и купленю житейскою своихъ родителей, хотя и во всемъ имъ повиновался. Блаженный помышлялъ только о будущемъ вѣкѣ, о судѣ и царствіи Божіемъ, и ни во что вмѣялъ все временное. Влекомый жаждою безмолвія, совершенно оставилъ онъ міръ и постригся въ иноки въ родномъ Переславѣ, въ Горничкой обители. Не одинъ только власы отсыкъ онъ при постриженіи, но и всякую привязанность къ міру, дабы пріобрѣсти единого Христа и, служа братіи, совершенно отрেকся отъ своей воли, поучался въ законѣ Господнемъ день и ночь и, въ непрестанной молитвѣ, проводя ангельское житіе:

духовные и мірляне, всь любили Димитрія за его многую добродѣтель, и какъ не можеть укрыться, по евангельскому слову, градъ стоящій на верху горы, такъ и высокая добродѣтель Димитрія возвела его на степенъ священства.

Въ то время преподобный Сергій основалъ свою лавру въ лѣсахъ Радонежскихъ; Св. Димитрій имѣлъ обычай часто приходить къ нему для собесѣдованія: какъ бы лучше устроить между иноками общекитіе? и съ любовію взаимно подавали они другъ другу духовные совѣты; по истинѣ Господь просвѣтилъ землю Россійскую столь великими своими угодниками. Блаженный Димитрій вскорѣ соорудилъ свой монастырь, во имя святителя Николая, у озера Перелевскаго, и тамъ съ любовію поучалъ стадо свое, водворяя общекитіе, по примѣру Сергіеву.

Расказываютъ, что одаренный необычайною красотою, любилъ онъ, отъ юнаго возраста, библейскую повесть о цѣломудрїи Іосифа, и даже предпринималъ суровое житіе постническое, чтобы увяла сія тлѣнная красота; но чѣмъ болѣе подвизался, тѣмъ болѣе просвѣщалось лице его, процвѣтала самымъ постомъ, какъ нѣкогда у трехъ отроковъ Вавилонскихъ; носему закрывалъ онъ лице свое куколемъ иноческимъ и не позволялъ себѣ бесѣдовать съ мірянами, особенно съ женщинами, такъ что немногіе могли видѣть лице его. Одна изъ именитыхъ жель Перелевскихъ, слышавшая о чрезвычайной красотѣ и цѣломудрїи сего новаго Іосифа, полюб-

пытствовала видѣть сокровенный ликъ его, и ей это случилось однажды въ церкви, когда онъ готовился къ богослуженію; но внезапно напалъ на нее ужасъ и расслабленіемъ изнемогло все ея тѣло; братія, увидѣвъ ее едва живую предъ дверьми обители, молили преподобнаго подать ей разрѣшеніе; тронутый ея слезами и поканіемъ, онъ только сказалъ: «для чего хотѣла видѣть ты грѣшника, уже умершаго міру?» и крестнымъ знаменіемъ возвратилъ ей здравіе.

Слава преподобнаго простиралась за предѣлы его родины и достигла Великаго Князя Донскаго; онъ призвалъ его къ себѣ въ столицу, для благословенія, и просилъ воспріять отъ купели дѣтей своихъ, потому что уважалъ его наравнѣ съ другимъ столпомъ Россіи, чудотворцемъ Сергіемъ. Смутился смиренный Димитрій похвалою человѣческою и пожелалъ отъ нея укрыться; онъ взялъ изъ своей обители ученика, ему единоправнаго, по имени Пахомія, (который въослѣдствїи засвидѣтельствовалъ о его добродѣтельномъ житїи), и съ нимъ вмѣстѣ устремился къ странамъ полуночнымъ, къ морю студеному, дабы тамъ въ безмолвіи угодить Богу. Обходя дремучіе лѣса и пустынные дебри, въ предѣлахъ Вологодскихъ, номыслилъ онъ основаться на великой рѣкѣ, близъ селенія Авнеаскаго, и тамъ соорудилъ церковь во имя воскресенія Христова; но, по лести діавольской, окрестные жители возроптали на Святаго, опасаясь, что со временемъ принуждены будутъ подчиниться по-

вой обители, и просили его удалиться из них предъловъ.

Тогда пришелъ въ Вологду, уже украшенную святыми церквами и обителями; онъ не нашелъ въ ней однако общаго житія иноческаго, которое не было тогда известно въ сихъ предълахъ, начная отъ Волги до самаго океана. Поправилось преподобному мѣсто уединенное, за три версты отъ города, при луцк, образуемой кольцомъ рѣки Вологды, и тамъ пожелалъ онъ основаться. Благонамѣренные владѣльцы мѣста сего, Плія и Исидоръ, съ любовію пожертвовали ему нужное пространство земли для обители и даже сами затоптали озимыя, зеленѣвшія свои нивы, чтобы только не отлагать построения церкви. Такое же усердіе возгорѣлось и въ граждавахъ, когда достигла до нихъ радостная вѣсть, что Господь посетилъ ихъ великимъ чудотворцемъ; малый и великій, богатый и убогий, устремляясь въ Прилуки принять благословеніе преподобнаго, какъ бы вѣкій драгоценный бисеръ, и жертвовали ему, каждый по силѣ своей, что могъ, для сооруженія церкви. Такъ, общими силами, въ скоромъ времени она воздвиглась, деревянная вначалъ, во имя Господа и пречистой его Матери, и происхожденія честнаго древа животворящаго креста, празднуемаго 1-го Августа.

Сюда стеклось много братіи изъ обители Переяславля, когда пришла вѣсть о водвореніи въ Прилукахъ любимаго ихъ наставника; такимъ обра-

зомъ составила близъ Вологды первая общежительная обитель. Обрадовался Великій Князь Димитрій Донской, когда услышалъ, что великій старецъ возвратился изъ невѣдомыхъ предъловъ; онъ послалъ ему много милостыни для устройства новаго монастыря, потому что хотя и отдаленъ былъ мѣстоу, но близокъ къ преподобному вѣрою и любовію. Такую же духовную пріязнь питалъ къ Князю и соименный ему Святой и, по сей духовной близости, прозрѣвъ часть его отшествія къ Богу. Однажды, когда вмѣстѣ съ братією, занимался на дворѣ монастырскомъ устройствомъ некоторыхъ церковныхъ вещей, внезапно воздохнувъ, сказалъ имъ: «мы, братія, строимъ сіи земныя тлѣнныя вещи, а благовѣрный Великій Князь Димитрій Иоанновичъ, уже отъ сего дня не печется вмѣстѣ съ нами о суетномъ семь житіи.» Хотя странными показались братіи слова сіи, однако преподобный началъ поминать, съ того часа, Князя Димитрія между представлявшимися; черезъ несколько же дней пришла изъ Москвы печальная вѣсть, что действительно Великій Князь скончался, въ тотъ день и часть, когда сіе проводилъ Св. Димитрій.

Однажды братія жаловались ему, что мало у нихъ книгъ духовныхъ; онъ отвѣчалъ: «довольно будетъ для насъ, братія, и обычныхъ книгъ, утѣшительныхъ душамъ нашимъ, если безъ лжести будемъ хвалить Бога, отъ чистаго сердца, какъ труба, вопіющая къ нему на всякій день и на всякую ночь.» Онъ велѣлъ оградить для себя досками

особое место, съ лѣвой стороны алтаря, и тамъ со слезами возносилъ Богу, втайнѣ, уединенныя молитвы, съ сокрушеннымъ духомъ. Никогда не изменялъ онъ своего правила молитвеннаго, хотя обитель его стояла на распутии многихъ дорогъ, отъ столицы въ Пермь и къ великому морю; молитву и постъ соединялъ съ милостынею, кормилъ нищихъ, принималъ странствующихъ, былъ нагимъ одященіе и печальнымъ утѣшеніе, больныхъ исцѣлялъ молитвами, выкупалъ должниковъ и самъ отпуская долги, призывая грѣшныхъ на покаяніе. Иногда, втайнѣ отъ братіи, подавалъ онъ милостыню, чтобы не возбудить ихъ ропота, и не рѣдко избавлялъ, однимъ своимъ словомъ, невинныхъ отъ насилія судей; самъ же до такой степени любилъ убожество, что всегда одну и ту же одежду носилъ, и въ лѣто и въ зиму, изъ грубыхъ овечьихъ кожъ, претерпѣвая и зной и стужу, и пѣшій далеко обходилъ земли монастырскія, заботясь о благовременномъ снабженіи братіи нужною пищею, хотя самъ не пользовался избыткомъ ихъ трапезы; онъ вкушалъ только одну теплую воду съ просфорою, когда даже по уставу были разрешаемы вино и рыба; такова была его строгость къ самому себѣ.

Одинъ изъ окрестныхъ жителей принесъ въ обитель лѣсты и питіе; но преподобный не велѣлъ принимать ихъ, чтобы тѣмъ внушить пришесшему быть милостивѣе къ другимъ. «Отнеси то, что ты принесъ намъ, въ домъ свой, сказалъ онъ пришесшему, и напитай рабовъ и сиротъ у тебя обрѣ-

тающихся, чтобы они не страдали отъ голода и наготы, а потомъ уже избытки отъ нихъ принеси нашей нищетѣ.» Едва могъ умолить пришесшій, чтобы позволилъ взять братіи, хотя что либо изъ его пожертвованія на свою трапезу, во славу Божію.

У Дмитрія былъ родной братъ, который, занимаясь торговлею въ Переяславѣ, обвинялъ и пришелъ къ нему въ монастырь, просить благословенія идти для купли въ земли язычниковъ, Югры и Самодовъ. Преподобный разрешилъ ему дальній путь сей, ради крайняго убожества; братъ его ходилъ туда, съ даниками Великаго Князя, и возвратился съ прибыткомъ, такъ что могъ уплатить долги свои. Вторично просилъ онъ благословенія на это странствіе и, получивъ опять, возвратился съ большимъ богатствомъ. Когда же пришелъ въ третій разъ просить о томъ же, старецъ не благословилъ ему, говоря: «не ходи болѣе къ звѣроподобнымъ людямъ, да не погибнешь отъ нихъ, ибо довольно съ тебя и того, что ты уже собралъ;» но братъ его, снѣдаемый корыстолюбіемъ, не послушался и сбилось надъ нимъ предсказаніе.

Многіе годы провелъ въ своей обители, блаженный Дмитрій, скорбнымъ и тѣснымъ путемъ, достигъ мастигой старости и украсился постническими сѣдинами; чувствуя изнеможеніе тѣлесное, собралъ онъ братію и возвѣстивъ имъ скорое свое отшествіе, благославляя быть вместо себя игумен-

номъ, сотруднику своему Пахомію, пришедшему вмѣстѣ съ нимъ изъ Переяславлѣ; самъ же началъ молитвенно уединяться. Однажды братія почувствовали благоволеніе оумианъ по всему монастырю; они посѣщали къ блаженному своему старцу, но нашли его уже преставльшимся и какъ бы спящимъ; келія же вся была исполнена чуднаго благоуханія. Плача о своемъ горькомъ лишеніи, вспомнили они слова кроткаго пастыря, когда однажды спрашивали его: гдѣ положить его тѣло?—«извлеките грѣшное мое тѣло въ болото и тамъ затопчите ногами.» Не такъ однако же поступили ученики его, но съ умиленнымъ плачемъ, поднявъ честныя его мощи, съ псаломнымъ пѣніемъ погребли въ той церкви, которую соорудилъ въ своей обители. Скончался онъ 11 Февраля 1392 года, при державѣ Великаго Князя Василія Димитріевича, сына приснаго ему Князя Донскаго, и при Св. Митрополитѣ Кипріанѣ.

Многія чудеса скоро ознаменовали святость его; нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины, судьбами Божиими, тяжкая болѣзнь посетила Вологду: отъ такихъ жестокихъ корчей страдали люди, что имъ влагали въ руки палцы, дабы они не истерзали себя ногтями. Много такихъ страдальцевъ принесено было ко гробу преподобнаго и, какъ только съ вѣрою къ нему прикоснулись, внезапно оставила ихъ болѣзнь; — палцы ихъ остались при гробѣ во свидѣтельство исцеленія. Много также бѣснуемыхъ и разслабленныхъ приносимы были къ

ракъ мощей его, и все они возвращались здоровыми, прославляя Бога и его угодника.

Пришла однажды на Вологду рать мятежныхъ Вичагъ, отдѣлившись отъ Московской державы, и ограбала городъ и обитель, не огражденные еще стѣнами. Нѣкоторые изъ числа ихъ взошли въ самую церковь; одинъ болѣе дерзновенный, отважился даже отрывать пелены отъ святыхъ иконъ и съ невѣриемъ коснулся покровъ, лежавшаго на гробѣ преподобнаго. Внезапно, въ тотъ же часъ, повергнуть былъ онъ, невидимою силою, на помятую церковный и, въ страшныхъ мученіяхъ, извергъ нечистую свою душу. Воеводы Вятскіе, услышавъ о томъ, ужаснулись и отпустили всѣхъ монастырскихъ пльшниковъ, но не многіе изъ нечестивыхъ вопителей возвратились здоровыми въ свою землю. Даже спустя довольно времени, жители Вятской области, памятуя бывшее чудо, отпустили большую милостыню въ обитель, съ однимъ изъ ея клириковъ, по имени Закхеетъ, который случился въ странѣ ихъ.

Между тѣмъ преподобный Димитрій, послѣ своего преставленія, не преставаля ограждать молитвенно присный свой городъ отъ воинскихъ ратей. Въ зимнее время наступилъ на Вологду Князь Димитрій Шемяка, вражда противъ родича своего, Великаго Князя Василія Темнаго; но по заповѣди Князя, не смѣли воины его чего либо коснуться въ обители. Трениатагъ осажденный городъ, не имѣя довольно силы противиться врагу, по бла-

годать Божія его покрывала. Въ наступившую ночь, благочестивая инокиня одного изъ монастырей Вологды, удостоилась чуднаго видѣнія: какъ будто великая заря осіяла окрестъ всего города и, въ этомъ необычайномъ свѣтѣ, шелъ къ нему святой старецъ, отъ той страны гдѣ стояла обитель Прилуцкая. Въ то же время вышли къ нему на встрѣчу, изъ дома скудельничаго гдѣ погребали странныхъ, два свѣтовидные бѣлоризца и каждый изъ нихъ на раменахъ несъ большія дерева. Стѣны города колебались, какъ бы готовыя пасть; бѣлоризцы же, вмѣстѣ со старцемъ, котораго называли они Димитріемъ, обошли кругомъ города и, укрупивъ всѣ четыре стѣны его, стали невидимы. На другой день, молитвами преподобныхъ, укрупилъ Господь гражданъ Вологды; тучею стрѣлъ и камней, отразили они приступъ ратныхъ отъ своихъ стѣнъ и побили множество враговъ, такъ что войско нечестиваго Шемяки, простоявъ напрасно многіе дни подъ стѣнами города, принуждено было возвратиться въ Галичъ, но и тамъ постигло его поражение.

Двѣ церкви, одна послѣ другой, сгорѣли надъ гробомъ преподобнаго, но надгробная его рака осталась невредимою; скудное было время для обители; игუმень съ большою заботою началъ строить третью церковь, недоумывая, гдѣ добудеть дерево для ея строенія и пищи для работниковъ, числомъ болѣе 200; но Господь, молитвами своего угодника, съ избыткомъ удовлетворилъ всѣмъ ихъ нуждамъ.

Случилось одному болящему изъ братіи, въ сильномъ жару лежать у себя въ келліи; внезапно онъ видитъ себя, какъ бы предъ вратами монастырскими, и благозвѣщающаго старца, посягающа на раменахъ своихъ цѣлыя дерева, отъ рѣки на гору къ церкви; стоявшіе тутъ будто бы говорили между собою: «посмотрите, самъ преподобный Димитрій посылтъ намъ лѣсъ для церкви,» и съ того дня успѣшно пошло дѣло строенія. По совершеніи же церкви, тотъ же инокъ видѣлъ опять, какъ бы во снѣ, что внутри оной всѣ иноки, стоявшіе вокругъ стѣнъ, облечены были святостию; онъ же, взирая на нихъ, помышлялъ самъ въ себя: тутъ прилично быть и Димитрію чудотворцу, но внезапно послышался изъ олтаря громоносный гласъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ гробъ преподобнаго: «Димитрій ли ищешь? нынѣ онъ въ Казани.» Воспрянулъ инокъ и почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ болѣзни.

Въ тотъ годъ благозвѣрный Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ ходилъ ратно на невѣрныхъ Татаръ, и Господь даровалъ ему победу въ самый день, когда было видѣніе иноку. По возвращеніи изъ Казани, державный вспомнилъ бывшее ему явленіе преподобнаго, въ часъ победы, и прислалъ въ обитель Вологодскую, икону Св. Димитрія, написанную такъ, какъ онъ ему видѣлся, и богато украшенную, съ большою милостынею для братіи: это было въ 1503 году. Когда пришла о томъ вѣсть Епископу Вологодскому Стефану, пошелъ онъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ, къ тому мѣсту, гдѣ икона

поставлена была въ городѣ, и съ молебнымъ пѣніемъ перенесъ ее въ обитель; съ тѣхъ поръ день сей, 3 Іюня, навсегда ознаменованъ крестнымъ ходомъ изъ города въ обитель.

Подлѣ преподобнаго Димитрія поконилъ другой великій труженникъ, не въ его обители подвизавшійся, но въ ней обрѣтшій себя послѣднее упокоепіе отъ 36-ти лѣтнихъ темничныхъ узъ. Это Князь внокъ Игнатій, въ мѣрь Іоаннъ, сынъ Князя Андрея Угличскаго и внукъ Василія Темнаго, страдавшій всю свою жизнь за то лишь, что былъ пресхожденія княжескаго. Это жертва того же Іоанна, который столько почтилъ память преподобнаго Димитрія, когда собиралъ во едино Русь, упичтожая удѣлы. Игнатій былъ какъ бы приготовленъ, кротостію своего права и глубокимъ изученіемъ Св. писанія, отъ юныхъ дней, къ перенесенію горькой своей участи, ибо, чуждаясь суеты міра и почестей княжескаго званія, онъ непрестанно имѣлъ въ умѣ своемъ память смертнѣю. Ему было не больше тринадцати лѣтъ, когда возникло неудовольствіе Великаго Князя Московскаго Іоанна Васильевича на брата своего роднаго, Князя Андрея Угличскаго. Онъ велѣлъ посадить его въ оковы, вмѣстѣ съ малолѣтними детьми, князьями Іоанномъ и Димитріемъ, и заключилъ ихъ въ Переславскую темницу; оттуда заточилъ на Белоозеро; потомъ, по смерти родителя, перевелъ юныхъ сыновей въ Вологду, не выпуская ихъ однако изъ темницы; тамъ, не зная ничего краснаго изъ міра сего, отъ

юношескаго возраста достигли они мужества и савмой старости, и старшій изъ нихъ даже скончался въ узлахъ.

Блаженный Князь Іоаннъ, исполненный благоразумія христіанскаго, утѣшалъ брата своего Димитрія, когда малодушествовалъ онъ въ темницѣ. «Не скорби, братъ мой, о своихъ узлахъ, говорилъ онъ ему, Богъ вынулъ дядѣ нашему, Государю Великому Князю Іоанну Васильевичу, позаботиться о пользѣ нашихъ душъ, ибо онъ такъ устроилъ, чтобы отнять отъ насъ всякое попеченіе о суетномъ этомъ мѣрѣ; мы же должны молить Бога о Государѣ нашемъ и дядѣ, и дѣтяхъ его, потому что они сдѣлались ходатаями нашего спасенія и, приготовивъ намъ мѣсто покойное, пекутся о душахъ и тѣлахъ нашихъ. Помолимся, чтобы Господь и намъ послалъ свою милость, дабы съ радостію претерпѣли мы затворъ сей, во имя Господа нашего Іисуса Христа, и тѣмъ избавились отъ вѣчной муки. Не скорбнымъ ли путемъ шествовали святые отцы, вводящимъ въ царство небесное? — Претерпѣвая и голодъ, и стужу, и жаготу, въ темницахъ и ранахъ и во всякомъ лишеніи, они однако проводили жизнь свою во псалмахъ и пѣніяхъ и въ чтеніи божественныхъ книгъ. Такъ и намъ подобаетъ, уничижая самихъ себя, поревновать имъ благою ревностію, чтобы безропотно подражать ихъ злостраданіямъ, терпѣнію и болѣзні.»

Такъ умилительно утѣшалъ онъ брата, и Господь даровалъ ему въ подлѣгъ благодать слезъ и

ангельское терпѣніе. Тридцать два года провести онъ въ узакъ темничныхъ и, разболѣвшись, началъ изнемогать; почувствовать близость кончины, пожелалъ онъ монашескаго образа. Игуменъ Прилуцкаго монастыря Михаилъ призванъ былъ къ одру умирающаго и, видя его пламенную вѣру, облекъ его въ схиму, съ именемъ Игнатія. Возрадовался ангельскому своему образу стяжавшій его на землѣ труженникъ и, причастившись божественныхъ таинъ, освятилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ последнее слово: «въ руки твои, Господи, предаю духъ мой.» Такъ представилъ онъ въ вѣчныя обители, Мая 19, 1522 года, 45 лѣтъ отъ рожденія, уже при державѣ двоюроднаго брата своего, Великаго Князя Василія Ивановича.

Безутѣшный братъ его Князь Дмитрій, горько рыдалъ надъ усопшимъ, взывая къ нему какъ бы къ живому: «о другъ и братъ мой, нынѣшнее наше разлученіе горше мнѣ всего бывшаго со мною, ибо когда лишился я родителя, тебя имѣлъ утѣшеніемъ въ сей темницѣ; горе мнѣ, кто нынѣ утѣшить и наставить меня и облегчитъ мою печаль? Отче преподобный, ты оставилъ меня одинокимъ плакать о грѣхахъ моихъ въ темницѣ!» Но когда плачущій взиралъ на свѣтлое лице усопшаго, не имѣвшее на себѣ никакого признака мертвенности, и обонявъ запахъ благоуханія, разливавшійся отъ его тѣла, сердце его облегчалось отъ тяжкой печали, ибо предчувствовала райское блаженство своего брата. Весь городъ собрался къ темницѣ, услы-

шавъ о преставленіи блаженнаго Князя, котораго все уважали въ его невинныхъ узакъ; игуменъ Михаилъ, со всемъ освещеннымъ соборомъ и съ великою честью, перенесъ тѣло страдальца въ свою обитель, къ Всемилоостивому Спасу; тамъ похоронилъ его подъ олтаремъ, полъвъ преподобнаго Дмитрія.

Еще прежде погребенія, уже начались исцѣленія отъ нетѣльныхъ мощей усопшаго. Одна разслабленная жена Вологодская, по имени Александра, многіе годы лежавшая на болѣзненномъ одрѣ, услышавъ о кончинѣ благоговѣрнаго Князя, начала молитвенно призывать его имя и почувствовала облегченіе; она велѣла вести себя велѣвъ за погребальнымъ ходомъ и, какъ только прикоснулась къ его гробу, совершенно открыла всеми членами. И другою челоювѣкъ, по имени Михаилъ, близъ обители Прилуцкой, изнемогавшій смертною болѣзнію, услышавъ о погребеніи блаженнаго Князя, велѣлъ нести себя въ церковь и тамъ получилъ исцѣленіе надъ его гробомъ; многіе другіе, прибывшіе къ нему съ вѣрою, получали отъ него разрѣшеніе болѣзней.

Рассказываютъ еще замѣчательный случай при мощахъ преподобнаго Князя: каменщикъ, по имени Давидъ, жившій въ слободѣ Прилуцкой, призванъ былъ въ обитель, чтобы устроить каменную гробницу надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ положены свѣтлыя мощи его, и по невѣжеству своему съѣлъ на сѣю гробницу; но въ ту же минуту былъ пораженъ

болванію, которою страдалъ нѣсколько дней, до-коля, познавъ свое согрѣшеніе, не пришелъ просить себя прощенья надъ гробомъ преподобнаго.

Братъ Князя инокъ Игнатій, Дмитрій, еще нѣсколько лѣтъ послѣ него оставался въ темницѣ, но скончался на свободѣ и погребенъ былъ, по своему желанію, въ обители Прилуцкой, при ногахъ брата, утѣшителя его въ узкахъ темничныхъ. Замѣчательно, что самая икона Богоматери, бывшая келейною обонхъ Князей въ темницѣ, единственное наслѣдіе и благословеніе родительское, которое имъ осталось, досель сохраняется не въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ, кромѣ какъ въ темницѣ, на память страдальцевъ, хотя тюрьма сія нѣсколько разъ перемѣняла мѣсто; граждане съ вѣрою притекаютъ къ сему чудотворному образу, въ острогъ Вологодскій, какъ и къ гробовой ракъ Князя Игнатія въ обители Прилуцкой.

Нижняя церковь, въ которой почиваютъ оба угодника Божіи, посвященная ихъ имени, устроена только за два столѣтія, въ 1641 году, по благословенію Вологодскаго Епископа Варлаама, хотя самый соборъ, съ верхнею его церковію Всемилоствиваго Спаса, сооруженъ гораздо прежде, при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ. Его началъ строить, по благословенію Митрополита Данила, въ 1517 году, игумень Мисаилъ, тотъ самый, который погребалъ Князя Игнатія, а довершилъ игумень Аванасій, пять лѣтъ спустя, уже при Митрополитѣ Макаріи:

такъ свидѣтельствуемъ надпись на наперти. Внизу есть еще нѣсколько приделовъ, постепенно устроенныхъ благочестіемъ гражданъ, и въ числѣ сихъ престоловъ самый древній Радонежскаго Сергія, собѣдника Дмитріева, съ правой стороны его олтара; а по лѣвую есть каменная палатка, пристроенная на мѣстѣ того молитвеннаго покоя, гдѣ любилъ уединяться преподобный во время божественной службы; ее также хотятъ обратить въ малый приделъ, и это будетъ весьма прилично. Верхи преподобнаго Дмитрія, его черныи деревянныи костыль, фелонъ съ оплечьемъ рытаго бархата и крашениною подкладкою, образъ его, принесенныи по видѣнію въ даръ обители, Великимъ Княземъ Иоанномъ, и запрестольный деревянныи крестъ самаго преподобнаго, съ разными украшеніями изъ кости, который былъ при Царѣ Иоаннѣ въ его походѣ подъ Казань и прозванъ Киликскіимъ, неизвѣстно по чему:—вотъ то, что осталось самаго древаго и священнаго въ этомъ храмѣ.

Верхній соборъ Всемилоствиваго Спаса, имѣвшій также нѣсколько приделовъ, выгорѣлъ совершенно въ 1811 году и долго оставался въ запустѣніи; достойно вниманія, что въ это бѣдственное для него время, онъ служилъ сокровищницею для другихъ обителей, пострадавшихъ въ общемъ заревѣ первопрестольной столицы. Сюда вывезены были, въ 1812 году, всѣ драгоценности Патріаршей ризницы, Сергіевой лавры, Московскихъ соборовъ, Чудова и прочихъ обителей, подъ надзоромъ Перервинскаго

архимандрита, и здесь они оставались до совершенного изгнания Французов из нашего отечества. И так обитель Прилуцкая должна быть близка сердцу каждаго Русскаго, какъ вѣрная хранительница его святыхъ въ годовы бѣдствій.

Сама она много ихъ испытала на молитвенной стражѣ Вологды, которая всегда почитала ее за свою духовную твердыню. Въ 1613 году, Поляки и Литовцы, подъ предводительствомъ гетмана Шелководокаго и казацкаго атамана Баловля, напали 18 Декабря на Прилуцкій монастырь, сожгли въ трапезной церкви Введенія Богоматери 59 шюковъ, перерубили на монастырскомъ дворѣ 32 человекъ и вообще до 200, всякаго званія, во всей обители: три дня безнаказанно грабили они монастырское имущество и сожгли все жалованныя грамоты. Въ слѣдующемъ году обитель потерпѣла разореніе уже отъ своихъ, отъ Царевича Сибирскаго Арслана, пришедшаго съ Татарами Мурзы Кутумова, съ казаками и дѣтьми боярскими, какъ бы для обереганія Вологды. Они разорали монастырь своимъ хищничествомъ, такъ что игуменъ Кирилль вынужденъ былъ просить Царя Михаила Феодоровича забыть его отъ такихъ защитниковъ. При томъ же игуменъ Кирилль, самою несчастною изъ всехъ настоятелей Прилуцкихъ, обитель сія подверглась третьему разоренію опять отъ Литовцевъ, которые, въ 1619 году, вмѣстѣ съ Русскими мятежниками, еще разъ выжгли трапезу, съ ея службами, и целую треть монастырскихъ зданій, угнали

скоть, пожгли отчины и умертвили многихъ крестьянъ.

Такія бѣдствія побудили Царя Алексѣя Михайловича и Патриарха Никона, по просьбѣ архимандрита Юны, оградить обитель Прилуцкую кирпичными стѣнами, въ 1656 году, которыя донныя существуютъ, съ широкими башнями и бойницами по угламъ. Надъ святыми вратами возобновлена была церковь Феодора Стратилата, сооруженная Царемъ Юваномъ, во имя Ангела сына своего, которая, послѣ пожара, недавно переименована во имя Вознесенія Господня. Несколько прежде сооружена была вновь трапезная церковь Введенія, которая дважды пострадала отъ пожаровъ Литовскихъ и досель служитъ теплымъ соборомъ; прочія церкви, Всехъ Святыхъ и Великомученицы Екатерины, позвѣйшаго строенія. Минувшее столѣтіе было самымъ цвѣтущимъ временемъ для обители, потому что ея архимандриты: два Арсенія и Пиннокентій, все три уроженцы Вологодскіе, управляя каждаго весьма долго, съ особеннымъ усердіемъ украшали свою родную обитель; лучше въ ней каменное зданіе, настоятельскія и братскія келліи, принадлежатъ къ сему времени. При второмъ Арсеніи сооружена была, подлѣ молитвенной палатки преподобнаго, каменная часовня, освѣщаящая кладь, имъ ископанной, и тотъ высокій деревянный крестъ, который водрузилъ онъ въ основаніе своей обители. Сею священою часовнею окончили я осмотръ Прилуцкой обители, и благосклонный ея настоятель, видя мое

усердіе къ памяти преподобнаго, отдѣлилъ мнѣ малую частицу древа отъ сего креста, чтобы со-
путьствовало мнѣ благословеніе святаго Димитрія.

КОМЕЛЬСКІЙ ЛѢСЪ И ОТШЕЛЬНИКИ ИННОКЕНТІЙ, СТЕФАНЪ И АРСЕНІЙ.

Я обозрѣлъ, сколько мнѣ позволяли время и погода, пустынные обители, лежащія къ северу и на востокъ отъ Вологды; теперь еще мнѣ предстояли, на обратномъ пути въ Ярославль, такъ называемыя Комельскія и Обнорскія, въ юго-западной части епархіи, но неблагоприятная погода не позволила ихъ все посетить; тѣ, которыя лежали въ сторону отъ почтовой дороги, были мало доступны, среди своихъ болотъ, въ дождливое время, и я принужденъ былъ довольствоваться воспоминаніемъ о подвигахъ ихъ основателей. Впрочемъ одна только обитель собственно уплыла: это Арсеніева, за 20 верстъ къ югу отъ первой стан-

ціи; прочія же все упразднены, по штатамъ 1764 года, и обращены въ приходскія церкви, въ конхъ почиваютъ подъ спудомъ основатели бышихъ монастырей: таковы Печенгская, на половинѣ дороги отъ почтовой стціи къ Арсеніевой обители, и Перцова, на пути отъ сей обители къ городу Грязовцу; еще Иннокентіева и Озерская, иначе Никольская Стефана, въ окрестностяхъ сего города и недалеко отъ Арсеніевой.

Но сохранилась память смиренныхъ подвижниковъ сихъ пустынь и лѣсовъ, хотя описанія житія ихъ отчасти утрачены, потому что первоначальныя обители погорѣли во время ужасныхъ опустошеній Татарскихъ, еще непокореннаго тогда царства Казахскаго. Устныя о нихъ преданія были въ послѣдствіи записаны иноками, возвратившимися на свое пеналище, но не о всехъ, и только однѣ гробовыя раки свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ надгробными ликами, къ коимъ притекаютъ чествующіе ихъ память; таковы наиримѣръ Авраамій и Копрій Печенгскіе и, въ бывшей Перцовой пустынь, Авксентій и Онуфрій. Какое благословенное Богомъ мѣсто было этотъ необъятный Комельскій лѣсъ, простиравшійся во всю южную полосу Вологодской страны, разсыкаемый пустыннымъ теченіемъ Нурмы и Комелы и безвѣстныхъ въ нее впадающихъ рѣчекъ! Казалось онъ только былъ созданъ для витанія дикихъ зверей, но въ него стремились ангело-подобные люди, чтобы сперва по краямъ его, гдѣ только позволяла мѣстность,

а потомъ даже и въ самой дремучей глуши его, съ большимъ дерзновеніемъ, ставитъ свои духовныя твердыни.

Преподобные Сергій Пуромскій и Паве́ль Обпорскій, въ началѣ XV вѣка, съ южной стороны коснулись только сихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, и едва ли тогда не впервые застучала ихъ иноческая скира на вѣковыхъ соснахъ, не выдавшихъ долготы руки человеческой. Нѣсколько позже ихъ, въ половинѣ столѣтія, другъ и собесѣдникъ Нила Сорскаго, преподобный Инокентій, изъ боярскаго рода Охльбининныхъ, долго странствовавшій по Востоку, вмѣстѣ съ блаженнымъ своимъ учителемъ, но его предсмертному завѣщанію, оставляетъ основанный имъ скитъ въ пустыняхъ Бѣлозерскихъ, чтобы идти составитъ общеніе въ дремучемъ лѣсу Комельскомъ. Погрузившись во глубину его, долго подвизался ошъ наединѣ, по обычаю скитскому, и мало по малу собралъ вокругъ себя пустынное стадо, которое подчинилъ строгому уставу блаженнаго отца своего Нила. Тогда соорудилъ и церковь, во имя Ангела пустыни Претечи, и долго процвѣтала его обитель, доколѣ не опустошилъ ее мечъ Татарскій, въ 1536 году; три ученика его, кровію запечаталъи въру свою на мѣстѣ подвига, ибо не хотѣли оставить гроба своего наставника, но тогда утратилось его жизнеописаніе. Впоследствии была поставлена каменная церковь надъ его гробницею, во имя Благовѣщенія; — она пережила вновь собранную и опять упраздненную обитель.

Инокентій представился въ 1491 году, а въ послѣднихъ годахъ того же XV столѣтія, со всѣхъ сторонъ уже начали проникать иноки въ глубину недоступной дотолѣ дебри Комельской: — это духовные дѣти Кирилла Бѣлозерскаго и Діонісія Глушицаго; но двое идуть они на свой иночскій подвигъ и оживляютъ мертвую пустыню. Сперва преподобные Авраамій и Коврій, ближе къ Вологдѣ, основываютъ убогую церковь во имя преображенія Господня, на рѣкѣ Печенгѣ, отъ которой замѣтуютъ свое названіе; — впоследствии образовалось около ихъ пустыни цѣлое село Спасское, замѣнившее ихъ упраздненную обитель. Нѣсколько лѣтъ спустя, преподобные Авксентій и Онуфрій, подражаютъ ихъ примѣру и ставятъ также деревянную церковь во имя живоначальныхъ Троицы, которая теперь замѣнена каменною. Не много позже, преподобный Корниій наследуетъ ихъ иноческому достоинству; чрезъ 80 лѣтъ обѣ ихъ пустыни приписаны ко вновь основанной по ихъ сосѣдству обители преподобнаго Корнилія, въ западной части Комельскаго лѣса, и ей, по преимуществу, сохранилось доннынъ названіе Комельской, какъ главному средоточію иночества въ сихъ пустынныхъ предѣлахъ.

И вотъ, на самомъ истоку пустыннолюбивой Комелы, на томъ озерѣ, откуда выходитъ она, чтобы смиренно протекать мимо келлій иноческихъ, къ югу отъ Вологды, преподобный Стефанъ Озерскій, игомѣць лавры Діонісевой, ставитъ сперва свою

удиненную хижину и часовню, съ иконою Святителя Николая, которая обращается потомъ въ его обитель. Отецъ его служилъ при дворе потомковъ Князей Ярославскихъ; научившись грамотъ въ домѣ родительскомъ, Стефанъ постригся въ монастырь Глушицкомъ; оттоль странствовалъ по севернымъ предѣламъ и на время останавливался въ Тихвинской обители, но любовь къ безмолвной жизни привела его опять въ родные предѣлы Вологодскіе; онъ водворился на восточномъ берегу озера Кемельскаго, посреди мховъ и львовъ, подъ сѣнію двухъ чудотворныхъ иконъ: Одигитріи и Мирликійскаго Святителя. Не много хлѣба принесъ онъ съ собою въ запасъ и одну лишь сыкиру, чтобы соорудить себѣ пустынную келлію, и тамъ сталъ подвизаться, невѣдомый людямъ, знаемый единымъ Богомъ. Много искушеній претерпѣлъ онъ отъ врага душъ человеческихъ, который хотѣлъ пгнать его изъ пустыни, различными страхованіями дикихъ звѣрей; онъ возбуждалъ, противъ отшельника и непріязненныхъ людей, — грубаго рыболова, который опасался, чтобы пришелецъ не овладѣлъ водами пустыннаго озера, жестоко надъ нимъ ругался и, неприличными пѣснями, хотѣлъ возмутить мирную его душу; но все одолевъ терпѣніемъ смиренный отшельникъ, искавшій наипаче быть въ мирѣ съ своею совѣстію, съ Богомъ и людьми, и не смотря на козни діавольскія, утвердился на пустынномъ озерѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, нечаянно его тамъ обрѣли два звѣролова, болѣе милостивые

нежели рыбарь, и раздѣлили съ нимъ дорожный запасъ хлѣба. Такъ давно уже оставилъ все мірское отшельникъ и такъ далеко зашелъ въ свою безвыходную дѣбрь, что онъ началъ спрашивать сихъ ловчихъ, опытныхъ скитальцевъ по лѣсамъ: далеко ли хижина его отъ жилищъ человеческихъ? чтобы, въ случаѣ необходимости, обрести къ нимъ доступъ; ловчіе указали ему едва приметную стезю до Бьлозерской дороги, которая вела къ Государевымъ деревнямъ. Съ тѣхъ поръ начали они поещать Стефана, а чрезъ нихъ и другіе узнали о его пустынножествѣ.

Между тѣмъ дивныя видѣнія утѣшали отшельника, доколь онъ еще находился въ совершенномъ отчужденіи отъ міра и человековъ. Однажды, въ лѣтнюю ночь, стоялъ онъ на молитвѣ въ своей часовнѣ, предъ иконами Матери Божіей и Святителя Николая, и вотъ, въ чудномъ свѣтѣ, внезапно ему являюся тѣ, комъ возносилъ тенѣя свои молитвы. Объятый священнымъ ужасомъ, палъ онъ предъ ними ницъ и услышалъ, какъ Святитель умолялъ пречистую Дѣву благословить место сіе для обители; она же, какъ милосердая мать, внемлющая всякой молитвѣ, сказала отшельнику, чтобы соорудилъ въ своей пустынѣ храмъ, во имя угодника Божія Николая, и самъ былъ бы начальникомъ сей новой обители. При этомъ словѣ стали невидимы дивные посетители, оставивъ Стефана въ радостномъ восторгѣ.

Мало по малу начали къ нему собираться дру-

гіе любители безмолвія и сооружать свои келліи близь его хижины; они пожелали иметь свою церковь на мѣстѣ столь отдаленномъ, чтобы не быть лишеными божественной службы. Стефанъ созвалъ ихъ всѣхъ для совѣщанія въ свою часовню, и они единодушно избрали его своимъ наставникомъ, умоляя ити въ столицу, чтобы тамъ испросить благословеніе у Митрополита на сооруженіе церкви. Съ однимъ изъ братій пошелъ въ дальній путь отшельникъ и принять былъ съ особою милостію Митрополитомъ Данииломъ, который уже слышалъ прежде о его высокой добродѣтели; онъ далъ ему келлію у себя въ домѣ, и представилъ его Великому Князю Василію Іоанновичу, расположенному ко всему иночеству; послѣ многихъ духовныхъ бесѣдъ съ Княземъ и Святителемъ, Стефанъ былъ рукоположенъ въ санъ священства и поставленъ игуменомъ во вновь открывавшуюся его обитель Никольскую. Митрополитъ далъ ему благословенную грамоту и всю нужную утварь, а державный снабдилъ обильною милостынею, и съ полнымъ утѣшеніемъ возвратился преподобный въ свои дремучіе лѣса.

Тамъ встрѣтила его, съ духовнымъ торжествомъ, пустынная братія; прямо къ часовнѣ направился Стефанъ и самъ отслужилъ первый благодарственный молебень Богоматери и Святителю, за благовременно возвестившимъ ему радостное сіе событіе. Братія принадала къ ногамъ своего игумена и цѣловала принесенное евангеліе, а онъ молитвенно

освящалъ ихъ крестомъ; немедленно приступили къ очищенію мѣста для церкви. Сперва соорудилъ онъ весьма небольшую, только для помѣщенія братіи не многочисленную; одинъ изъ числа ихъ, по имени Гурій, помогалъ ему своимъ художествомъ для украшенія церкви святыми иконами; не оставались праздными и прочіе сподвижники, трудясь каждый по своей силѣ, чтобы устроить полную обитель иноческую, со всеми ея службами, хотя и въ маломъ видѣ.

Дальнѣйшія дѣянія святаго старца Стефана, которыя были записаны въ особомъ житіи, утрачены, при разореніи его обители Татарами, и только немного сохранилось въ устномъ преданіи. Известно однако, что до старости маститой достигъ преподобный и только за недѣлю до преставленія изнемогъ силами; на канунъ блаженной кончины, съ помощію учениковъ своихъ, облекся онъ въ ветхія погребальныя ризы, которыя заблаговременно для себя приготовилъ, и приведенный въ церковь, приобщился отъ руки литургисавшаго пресвитера; потомъ опять возвратился въ келлію, на своей болѣзненный одрѣ, и на другой день, во время утреняго славословія, предалъ чистую свою душу въ руки Божіи; братія, пришедши изъ церкви, уже нашли его свято почившимъ въ келліи, исполненной благоуханія, и погребли въ тотъ же день близь алтаря, устроивъ надъ его гробницею часовню. Годъ спустя, многіе изъ благочестивыхъ людей начали видѣть тутъ горящіе огни и побудили бра-

тию написать, по свежей еще памяти, на гробовой доскѣ, ликъ усопшаго своего настоятеля; святость его ознаменовалась многими исцѣлениями и чудесами.

Одинъ изъ купцевъ Вологодскихъ, человекъ богобоязненный, по имени Гавріилъ, посѣтивъ обитель еще при жизни преподобнаго, принять былъ имъ съ особенною ласкою и съ тѣхъ поръ постоянно ей благодѣтельствовать. Случилось ему, уже послѣ кончины Стефановой, плыть водою, по дѣламъ торговымъ; внезапно возсталъ великая буря и волны грозилъ затопить утлюю его ладью. Не видя ни отколы спасенія, Гавріилъ началъ призывать себя на помощь святыхъ угодниковъ Божіихъ, обратился молитвенно и къ преподобному Стефану, напоминая ту любовь, которую имѣлъ къ нему во время своей жизни, и умолялъ предстоящаго уже на небесахъ предъ Господомъ, избавить его отъ страшной смерти. Едва только произнесъ онъ сію молитву, какъ увидѣлъ у себя въ ладѣ святольпнаго старца, стоящаго при кормѣ, и слышалъ тихій его голосъ: «не бойся, сынъ смиренія, видялъ Господь твоей молитвѣ и послалъ меня избавить тебя отъ потопленія.»—Кто ты? спросилъ въ ужасѣ обуреваемый пловецъ, и явившійся отвѣчалъ: «развѣ ты позабылъ, сколько милостыни подавалъ въ обитель Святителя Николая, что на озерѣ Комельскомъ, и мнѣ, ея смиренному строителю, Стефану?» При сихъ словахъ онъ сталъ невидимъ, буря утихла и благополучно достигъ берега пловецъ; онъ

посвятилъ въ пустынную обитель, отслужилъ молебень Святителю Николаю и панихиду надъ гробомъ преподобнаго, которую освятилъ богатымъ покровомъ; игумень и братія благоговѣйно записали бывшее чудо, и съ тѣхъ поръ возрасло усердіе къ памяти угодника Божія. Послѣ бѣдственнаго разоренія Татарскаго, въ 1542 году, опять собралась братія и обновила пустынь, но уже вмѣсто часовни, соорудила церковь надъ гробомъ основателя. Впослѣдствіи деревянная была замѣнена каменною, болѣе великольпною, въ 1753 году, и тамъ доселѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобнаго Стефана, въ нижнемъ придѣлѣ, устроенномъ во имя его, а въ день его памяти, 12 Іюня, продолжаетъ стекаться, по древнему обычаю, множество народа въ его обитель, хотя и упрядищенную въ концѣ минувшаго столѣтія.

Позже всѣхъ, пришедъ въ сію пустыню, на Комельскій лѣсъ, какъ ее тогда называли, преподобный Арсеній, замѣстившій отъ нея также свое имя, бывшій игумень лавры Сергіевой, во дни Великаго Князя Василія Іоанновича, и его обитель удержался доселѣ, хотя существовавшій окрестъ нея уже опустыян. Арсеній былъ уроженецъ Московскій, боярскаго рода Сухарусовыхъ, и въ юныхъ лѣтахъ постригся въ обители Пресвятыя Троицы; тамъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иночества и занимался съ усердіемъ переносываніемъ священныхъ книгъ; собственноручное его евангеліе доселѣ осталось залогомъ его усердія въ созданной имъ оби-

тели. Снискавъ себѣ общую любовь послушаніемъ, взошелъ онъ на степень начальственную, будучи избранъ игуменомъ великой лавры; добрый примѣръ его жизни былъ еще назидательнѣе его поучительныхъ словъ, для многочисленной братіи.

Часто посещалъ онъ Махрицкую обитель, которая и тогда уже зависла отъ лавры. Тамъ однажды, игуменъ Іона возвысилъ ему свое видѣніе надъ гробомъ преподобнаго Стефана, основателя Махры: огонь, изшедшій изъ его гроба, осіялъ чуднымъ святымъ мѣсто его упокоенія. Уразумѣвъ Арсеній сіе тайное указаніе божественной благодати, велѣлъ поставить гробницу надъ могилою преподобнаго Стефана и осіялъ ее богатымъ покровомъ; совершивъ соборно божественную службу, оставилъ онъ, чтобы съ тѣхъ поръ ежегодно чувствовали память преподобнаго въ его обители.

Благовѣрный Великій Князь Василій Іоанновичъ, пришедшій на богомолье въ лавру Сергіеву, изумился, увидя игумена ея въ странномъ образѣ: рызы на немъ были раздранны и многочисленны. Державный спросилъ о немъ братію, и братія отвѣчала: «наставникъ нашъ, рабъ Божій, живетъ истинно по Богу и только о томъ и мыслитъ, чтобы удалиться въ пустыню, ибо возлюбилъ паче всего безмолвіе.» Огорчился Великій Князь и весь единодушно стали просить его, чтобы умолялъ ихъ блаженнаго учителя еще остаться съ ними, ради ихъ душевнаго спасенія. Исполнилъ ихъ усердное прошеніе Самодержецъ и увидѣлъ преподоб-

наго Арсенія, остаться на нѣкоторое время въ обители, ибо не дерзнулъ онъ отказать столь великому просителю; но, проживъ еще нѣсколько лѣтъ въ лаврѣ, рѣшился наконецъ послѣдовать давнему влеченію своего сердца. Тайно оставилъ онъ свою паству и углубился въ невѣдомыя ему добри лѣсовъ Вологодскихъ, отыскивая себѣ мѣсто, гдѣ бы могъ окончательно уединиться отъ мірской молвы, далеко отъ себя отринувъ все человѣческое; пламенно молилъ онъ о томъ Господа и Господь услышалъ его молитву.

Пришелъ Арсеній на Олоновъ конецъ, неизмѣримаго Комельскаго лѣса, на рѣчки Кохтыши и Леску, не далеко отъ того мѣста, гдѣ утвердилъ свое жителство преподобный Иннокентій Сорскій, и не больше какъ за 20 верстъ къ югу отъ Вологды.—Болотно и непроходимо было то мѣсто, такъ что во время труднаго пути, самъ собою ужалъ съ плечь труженика тяжкій деревянный крестъ, который всегда на себѣ носилъ для большаго смиренія, и въ ту же минуту лучъ небеснаго свѣта осіялъ предъ нимъ темную дѣбрь.—Остаившись преподобный и тутъ же воздвигъ крестъ свой, съ теплою молитвою къ Богу и пречистой Дѣвѣ; тутъ утвердилъ себѣ пустынную келлію и долго боролся противъ враговъ невидимыхъ, которые насылали на него видимыхъ, въ лицѣ окрестныхъ жителей, наносившихъ ему многія скорби, такъ что даже умертвили его келійнаго старца. По слову Апостольскому (Римл. XII, 19), дать мѣсто гниву

емиренный отшельник и, оставив на время дикій лѣсъ Комельскій, пошелъ далѣе въ Шилегодскій, на рѣчку Нигоръ, гдѣ сталъ опять подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Онъ соорудилъ тамъ молитвенную хранину и къ нему начали стекаться духовные и мірле, ради пользы душевной; всѣхъ съ любовью принималъ Арсеній, поучая ихъ любить Господа, пролишаго за насъ кровь свою на крестѣ, и ближнихъ какъ самихъ себя.

Уже довольно времени подвизался тамъ Арсеній, когда нашла рать безбожныхъ Татаръ на прѣлѣяхъ Вологодскіе, все предавая огню и мечу въ окрестности Комельской. Толпами бѣжали жители изъ селеній въ Шилегодскій лѣсъ, куда хотѣли проникнуть вълѣдь за ними и варвары, но были удержаны молитвою человека Божія, и всѣ тѣ, которые искали себя убижища подъ его кровомъ, спаслись отъ меча Татарскаго; но въ дикой пустынь составилось цѣлое поселеніе и уже невозможно было тамъ безмолвствовать. Тогда пришло ему на мысль идти опять въ Комельскій лѣсъ, на мѣсто перваго своего подвига, и терпимѣе одолѣть всѣ препоны; онъ тамъ подворился съ однимъ инокомъ, по имени Герасимомъ; уже не люди, но звери стали тревожить его дикое уединеніе; молитвою смирилъ преподобный суровость медвѣдей и они уступили ему свои берлоги. Арсеній сталъ разчищать лѣсъ и разводить огороды; потомъ, когда собралось къ нему довольно братіи, испросилъ благословеніе, у Святителя Пермскаго Алексія, поста-

вить церковь въ пустынь и составить обитель общежительную, во имя положенія честныхъ ризъ Богоматери во Влахернахъ.

Это было уже въ царствованіе Іоанна Васильевича, при Митрополитѣ Юрасаѣ; бывшій игуменъ великой лавры благолетно украсилъ и малую свою обитель, снабдивъ ее святыми иконами и книгами. Не оставилъ онъ однако и Шилегодской своей пустыни, отстоявшей за 30 верстѣ отъ новаго монастыря, ибо и тамъ собралось много народа. На пути, изъ одной пустыни въ другую, имѣлъ онъ обычай бесѣдовать со всеми, кто ему встрѣчался, наставляя каждаго душевному спасенію и заходя въ дорогую въ селенія, останавливался тамъ даже на несколько дней, чтобы назидать словомъ простыхъ людей. Если замѣчалъ, что кто-либо трудится въ полѣ, во дни церковныхъ торжествъ, строго запрещалъ такое нарушеніе благочинія, и когда однажды ослуживалъ его поселене, внезапно поднявшійся втреть разметалъ всѣ ихъ снопы. Останавливался въ убогихъ избахъ, не позволяя имъ, чтобы для него готовили особую пищу, довольствуясь тѣмъ что находилъ, и укорилъ однажды ученика своего, который, думая угодить ему, самъ изготовилъ для него пищу въ чужомъ домѣ, какъ бы отъ лица хозяина; прозорливый обличилъ неправду его и человекоугодливость.

Послѣ долгихъ лѣтъ жительства въ пустынь, на Комельскомъ лѣсу и въ Шилегодскомъ, почувствовалъ преподобный изнеможеніе тѣлесныхъ силъ

сповихъ и близкую кончину: онъ собралъ братію, заповѣдалъ имъ взаимную любовь и храненіе уставовъ церковныхъ и монастырскихъ, и, съ теплою молитвою приобщившись Св. таинъ, предалъ душу свою Богу, котораго возлюбилъ отъ юности своей. (Августа 24, 1550 года). Братія съ плачемъ погребла блаженнаго отца своего, близъ алтара построенной изъ церкви Богоматери, и многія исцѣленія надъ его гробомъ ознаменовали его святость. Къ сожалѣнію, подробное описаніе житія его створило въ 1596 году, вмѣстѣ съ церковью преподобнаго Сергія, которую онъ самъ началъ строить, и сохранилось одно только устное о намъ преданіе, записанное братією; но и сего достаточно было для прославленія угодника Божія, который оставилъ по себѣ благую память въ лѣсахъ Комельскихъ. Сто лѣтъ послѣ его кончины, сооружена была каменная церковь игуменомъ Іоасафомъ, съ придѣлами во имя Св. Сергія и самаго преподобнаго Арсенія, на томъ мѣстѣ гдѣ онъ почиваетъ.

ОБИТЕЛЬ ПРЕПОДОБНАГО ПАВЛА ФЕНОРСКАГО.

Мимо всехъ сихъ упраздненныхъ пустынь, не заезжая даже и въ обѣ Комельскія, еще существующія, Арсенія и Корнилія, направился я прямо въ обитель Обиорскую преподобнаго Павла и блаженнаго его наставника Сергія Нурмскаго. Я только остановился на большой дорогѣ, въ часовнѣ Корниліевой, чтобы издали помолиться на благолепные храмы его монастыря и послать отъ себя прощальное приветствіе настоятелю, и продолжалъ путь, въ надеждѣ еще застать вечерню у преподобнаго Павла. Но хотя не болѣе четырехъ верстъ, въ сторону отъ почтовой дороги, лежитъ его пустынь,—съ большимъ трудомъ можно было до нея добраться, промезъ кустарниковъ и мѣстами черезъ пашню, гдѣ изрѣдка слѣды колесъ обозначали путь. Наконецъ, на опушкѣ лѣса, мы увидѣли предъ собою такую кру-

тую гору и, внизу у мельницы, столь тьсную платину, до половины занутую водою, что я не рѣшился спустаться въ колыскъ, и пѣшимъ долженъ былъ идти въ монастырь.

Живописно представлялся онъ съ вершины горы, въ лѣсной своей доли, на берегу смиренной Пурмы, которой воды были тутъ собраны въ обширномъ прудѣ. Мельница и монастырская слобода давали совершенно сельскій видъ сему тихому приюту, но самая обитель посила на себя отпечатокъ пустынный. Нельзя было избрать лучше мѣста для уединеннаго жительства; оно и теперь еще дико, хотя и населено. Что же было въ то время, когда еще тутъ ничего не стояло, кромѣ пустынной хижины отшельника, нынѣ обращенной въ часовню на пригоркѣ, и несколькихъ келлій иноческихъ, разсыпанныхъ въ лѣсу, по другую сторону рѣки? — Эти келліи, мало по малу, собраны были во едино, и соорудились церкви, сперва деревянная, а потомъ каменная; во ограда, деревянная досель, съ ея башенками, подъ свѣию древней рощи, и самыя церкви, не великолѣпныя, во вкусь стараго зодчества, придаютъ особенную пустынную красу обители, которая еще будто дышетъ воздухомъ первоначальныхъ временъ иночества. Такое впечатлѣніе произвела она на мое сердце, не только при первомъ на нее взглядѣ съ вершины горы, но и посреди ея святилищъ, ибо внутренняя смиренная ея красота не уступаетъ наружной.

Никого не встрѣтилъ я въ пустынной оградѣ,

какъ будто бы не было тамъ и души человѣческой, и эта мертвенная тишина соответствовала понятию о пустынной обители.—Вѣдъ братія, хотя и не многолюдная, до послѣдняго послушника, соединена была въ церкви; вечерня уже отошла и оканчивалось правило, когда взошелъ я въ соборную церковь Живоначальной Троицы; пѣли умиленную стихирю честному кресту:

«Господи, оружіе на діавола крестъ твой дагъ еси намъ: трепещеть бо и трясется, не теряя взираніи на силу его, яко мертвыя возставляетъ и смерть упраздни; сего ради поклоняемся погребенію твоему и восстанію.»

Служившій іеромонахъ, въ мантіи и эпитрахили, стоялъ посреди церкви съ крестомъ въ рукахъ; рядомъ съ нимъ настоятель, котораго благоговѣнный видъ, съ первой минуты, располагалъ уже къ нему сердце. Братія, одинъ за другимъ, поклонились сперва предъ честнымъ крестомъ, которымъ освялять ихъ священнослужившій и, поцѣловавъ распіятіе Господне, смиренно припадали къ ногамъ своего настоятеля, испрашивая у него прощенія греховъ своихъ, содѣланныхъ ими въ теченіи дня; настоятель, въ свою очередь, смиренно кланялся каждому изъ нихъ, взаимно испрашивая себя прощенія, и знаменовалъ его большимъ крестомъ на чело, персяхъ и раменахъ, и братія расходились одинъ за другимъ.

Такъ умирительно и благоговѣнно совершалось сіе вечернее, Христіанское прощеніе пастыря съ его

паствою, что никто даже не заметил присутствия чуждаго лица, хотя я былъ одинъ только пришелецъ въ церкви, совершенно пустой; признаюсь, это благочестивое зрѣлище тронуло меня до слезъ, напомнивъ мнѣ Афонскіе пустынные скиты. Велѣдъ за братією, подошелъ и я къ честному кресту и потомъ къ настоятелю, прося себѣ благословенія; тогда только обратилъ онъ на меня вниманіе, занятый доглубь присною своею братією. Въ эту минуту онъ мнѣ представился совершенно другимъ человекомъ: постинческое лице его просиялось улыбкой; уже это былъ не строгій настоятель обители, а только привѣтливый хозяинъ, который радужно встрѣчалъ своего гостя, радуясь ему, какъ бы давнему знакомцу. Но когда попросилъ я, чтобы отслужили молебенъ преподобнымъ Сергію и Павлу, опять явился прежній настоятель, въ полномъ своемъ величьи, и въ примѣрномъ благочиніи представилась ввѣренная ему обитель. Все сколько было въ обители, іеромонахи и діаконы, облеклись въ святлыя ризы; прочая братія стала по клиросамъ около священной раки, и стройное пѣніе ликовъ было изумительно въ такой пустынной и скудной обители. Благочестіе на все полезно, говоритъ Св. Апостолъ Павелъ, (1. Тим. IV.) и здѣсь видимо было исполненіе словъ Апостольскихъ, потому что одно только благочестіе настоятеля могло содержать братію въ такомъ благочиніи, утѣшительномъ для взора и сердца.

Нельзя было, безъ особеннаго умиленія, слышать

тропарь преподобнаго, выражающей въ краткихъ чертахъ, его пустынное служеніе Богу, посредилъсовъ, гдѣ всякое дыханіе хвалило вмѣстѣ съ нимъ Господа:

«Божественною любовію отъ юности распаляемъ, Павле преподобне, вся яже въ мѣрѣ красная возненавидѣвъ, Христа единого возлюбилъ еси, и сего ради во внутреннюю пустыню вселился еси, со звѣрьми, жити весь Христу; отъонуду же и Всевидящее Око, твоя труды видѣвъ, даромъ чудесъ и по преставленіи обогати тя; тѣмъ же вопіемъ ти: моли испрестанно о всѣхъ насъ, честную память твою присно въ пѣсняхъ почитающихъ.»

Послѣ молебна, настоятель взялъ съ гробовой раки мѣдный осьмиконечный крестъ и, оснивъ меня, сказалъ: что это лучшее сокровище ихъ обители, потому что этимъ крестомъ благословилъ некогда преподобный Сергій Радонежскій ученика своего Павла Обнорскаго, когда отпускалъ его въ дальнія пустыни Вологодскія, и оттого крестъ сей всегда лежитъ на возгавніи его раки. Мнѣ пришлось на мысль: не опасно ли оставлять древнюю святыню, такъ открыто, на гробѣ преподобнаго? Но настоятель отвѣчалъ: «хотя цѣлый день бывають у насъ открыты двери церковныя, чтобы наиболее привлечь молящихся, и расположить ко храму Божію окрестныхъ раскольниковъ, однако мы постоянно на стражѣ нашей пустыни, которая сама себя и насъ охраняетъ, да и благочестіе народа ручается за сохраненіе достоянія церковнаго.»

Отъ богатыхъ и благородныхъ родителей пре-
стошной Москвы происходилъ преподобный Павелъ
и, отъ первыхъ дней юности, возненавидѣлъ суету
міра сего, ибо сердце его возлюбило единого Хри-
ста; ему одному хотѣлъ онъ служить во все те-
ченіе жизни: потому и усердствовалъ ко святымъ
церквамъ, упражнялся въ молитвѣ, соблюдая стро-
гій постъ и чистоту душевную и тѣлесную. Но от-
личительною его добродѣтельною было милосердіе и
такую любовь питалъ онъ къ нищимъ, что ни еди-
наго не пропускалъ безъ подавня; часто, не имѣя
денегъ, дѣлился съ ними даже одеждою и возвра-
щался домой въ одной срачицѣ; родители его, ми-
лостивые и сами, радовались такому нищелюбію
своего дѣтша, не щадя временнаго богатства для
пріобрѣтенія благъ вѣчныхъ. Они желали однако,
чтобы сей единственный сынъ ихъ, достигнувъ
совершеннолѣтія, вступилъ въ бракъ, для поддер-
жанія ихъ дома, и часто ему тѣмъ докучали; но
любитель безмолвія постоянно отвергалъ лестныя
ихъ предложенія, которыя бы привязали его къ міру;
22 лѣтъ, тайно оставилъ онъ домъ родительскій и
укрылся въ обитель Рождества Христова, на бере-
гу рѣки Волги, гдѣ никто не могъ о немъ прове-
дать.

Суровое житіе началъ онъ проводить въ стѣнахъ
монастырскихъ, питался только хлѣбомъ и водою,
изнуряя тѣло непомерными трудами, при блѣднѣи
ночномъ и строгомъ исполненіи всего правила ино-
ческаго; прежде всѣхъ являлся онъ въ церковь и

послѣ всѣхъ выходилъ, и былъ слугою каждаго
изъ братій, такъ что пріобрѣлъ себя общую лю-
бовь; благодать слезъ даровалась ему отъ Бога и,
въ ихъ потокъ, изливалось его сердечное умиленіе.
Желая большаго подвига, искалъ онъ себя опыт-
наго наставника и не лишилъ его Господь сего
духовнаго блага. Тогда, какъ солнце, сіялъ въ ль-
сахъ Радонежскихъ, великій Сергіи; къ нему сте-
кались, въ глубокую его пустыню, жаждавшіе
спасенія душевнаго, ибо далеко о немъ распро-
стилась молва. Пришелъ съ береговъ Вожежскихъ
и юноша Павелъ, въ обитель живоначальныхъ Трои-
цы, чтобы предать себя совершенно великому
пустынножителю, и принять быть съ любовію,
ибо уразумѣлъ духомъ прозорливый Сергіи, какой
избранный сосудъ готовился Богу въ преподобномъ
Павлѣ. Онъ научилъ его совершенному отреченію
отъ своей воли и всѣмъ добродѣтелямъ иночскимъ,
и провелъ его по всѣмъ послушаніямъ монастыр-
скимъ, отъ поварни до трапезы, дабы во всемъ
пріобрѣлъ опытность будущій учредитель общежи-
тія. Видя его усовершенствованіе, позволилъ ему
удалиться на безмолвіе въ пустынную келлію, и
тамъ провелъ еще 15 лѣтъ подвижникъ Павелъ,
прилагая къ дѣятельности созерцаніе божественное,
которымъ старался побѣдить все земное и одолѣть
искушенія духовныя.

Но и въ уединенной келліи докучало иногда
отшельнику посѣщеніе братій, которыхъ зрѣніе и
беседа не могли быть полезны его душѣ; онъ рѣ-

шился отойти во внутреннюю пустыню, чтобы избежать молвы, потому что уединение, в котором находился, казалось не разнствовало для него отъ градскаго мятежа. «Быги, молчи, безмолвствуй, сказано было некогда великому пустынножителю Арсенію, ибо это есть корень къ несогрѣшенію, и бѣгая людей спасешся.» Такой советъ данъ былъ совершенному, потому что молва бываетъ виною умнаго помраченія, а богоугодно живущій хранилъ языкъ свой. Непрестанно о томъ размышлялъ, блаженный Павелъ, и наконецъ пришелъ просить великаго Сергія, чтобы благословилъ его совершенно жить въ пустынь; преподобный, зная его чистое стремленіе къ Богу, послѣ многихъ душеспасительныхъ наизданій, совершилъ надъ нимъ молитву и благословилъ на новый подвигъ; онъ вручилъ ревностному труженнику непобѣдимое оружіе, крестъ Господень и, съ этимъ знаменіемъ победы Христовой надъ міромъ, отшельникъ Павелъ обиталъ многие годы въ пустыняхъ безлюдныхъ, охраняемый благодатію Божіею, себѣ внимая въ безмолвіи и бесѣдуя съ однимъ лишь Богомъ.

Сперва водворился онъ въ Комельскомъ лѣсу, надъ рѣчкой Грязовицей, и келіюю ему служило дупло устарѣвшей липы, въ которой прожилъ три года, непрестанно молясь и воспявая гимны Богу, вмѣстѣ съ пернатыми; онъ одинъ лишь вторили отшельнику въ безлюдныхъ лѣсахъ, куда не проникалъ до него голосъ человѣческой. Тамъ бо-

лве и больше очищали умъ свой для созерцанія божественнаго, насыщаясь плодами молчанія, въ безвыходной и безутышной пустынь, гдѣ уже ничто земное не могло потревожить его душу. Но милосердый Богъ хотѣлъ многихъ другихъ спасти его примѣромъ, съдѣлавъ и ихъ подражателями ангельскаго его житія. По внушенію Божію, оставилъ Павелъ липовое дупло свое, гдѣ долго жилъ по подобію птицъ, чтобы опять обрѣтись ему съ челоуѣками. Скитаясь изъ дебри въ дебрь, пришелъ онъ наконецъ на рѣку Нуру и на берегу ея возлюбилъ мѣсто, которое казалось ему удобнымъ для безмолвія, тамъ гдѣ теперь его обитель. «Се покой мой, здѣ вселюся,» молитвенно сказалъ онъ, и устроилъ себѣ гутъ листовенную хижину, ископавъ себѣ и кладезъ въ полугорѣ. Въ бдѣвіи и молитвѣ опять потекла его жизнь, вмѣстѣ съ неизжаемыми благодатными слезами; никогда не былъ онъ празденъ отъ славословія Божія, предупреждая присныхъ ему пернатыхъ, до восхода зари и на закатъ солнца, и не умокала всю ночь сладостною своею пѣснію къ Богу, творцу всея твари. Какъ призракъ, являлась и исчезала предъ нимъ рать бѣсовская, ибо крестнымъ знаменіемъ ограждалъ онъ, какъ крепкою стѣною, отъ прелестей духовъ злобы поднебесной; отъ нападенія же людей непріязненныхъ, хотѣвшихъ удалитъ его отъ избраннаго имъ мѣста, ограждался долготерпѣніемъ и молитвами. «На Бога уповаю, что сотворитъ мнѣ

человѣкъ?» псаломски говорилъ онъ самъ себя (Псал. 55, 12) и укрывался въ пустынь. Пять дней въ недѣлю совершенно воздерживался отъ пищи и питія, и только въ субботу и воскресенье вкушалъ немного хлѣба и воды, жительствова по образу безплотныхъ; дикіе звѣри и ядовитыя гады не вредили ему, видя его возвратившимся къ первобытной невинности и владычеству Адама надъ созданною для него тварью, и даже принимали отъ него пищу.

Когда же благоволилъ Богъ проявить свѣтло сіе требующимъ его просвѣщенія, пронеслась о немъ молва по всей окрестности и многіе стали приходить къ нему за душеспасительнымъ словомъ, которое было исполнено духовной мудрости и благодатнаго утѣшенія; на него уже смотрѣли, не какъ на человека, но какъ на Ангела Божія, и просили его руководства; но онъ долго отрекался, почитая себя, по крайнему смиренію, худшимъ изъ всѣхъ; однако, побуждаемый братолюбіемъ, началъ по немногу принимать къ себѣ входящихъ и наставлять ихъ ангельскому житію, дабы, оставивъ тленное міра сего и широкій путь ведущій къ гибели, искали прежде всего царства Божія и подвизались подвигомъ добрымъ, угождая постоянно Богу, въ надеждѣ неосужденно встрѣтить часъ смертный и насладиться вѣчныхъ благъ. Онъ предлагалъ братѣмъ, спасительнымъ примеромъ, житія святыхъ Отецъ, еще на землѣ уже достигшихъ небеснаго, и лучшимъ для нихъ образъ-

цемъ могло служить собственное его жительство, тихое и чуждое всему земному.

Еще не было обители въ пустынь Обнорской, но уже она выдѣлась преподобному въ молитвенномъ восторгѣ; не рѣдко слышался ему зовъ благовѣста въ безмолвіи ночи, на канунъ воскресныхъ дней и въ большіе праздники, и зовъ сей казался ему громче или тише, смотря по торжественности дня. Однажды, въ свѣтлую ночь Пасхи, воздвигнутый громкимъ звукомъ воздушныхъ колоколовъ, открылъ онъ оконцо своей келліи и увидѣлъ яркій свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь живоначальная Троицы; по сему уразумѣвъ что есть благоволеніе Божіе соорудиться на этомъ мѣстѣ обители, и возвѣстилъ о томъ братѣмъ, усугубивъ свои ночныя молитвы. Прежде еще, нежели блаженный Павелъ сдѣлался наставникомъ другихъ, обрѣлъ онъ себя въ сей пустынь наставника духовнаго, изъ собратовъ Сергіевыхъ, и быть можетъ ему приснаго еще въ лесахъ Радонежскихъ.

Равнѣ отшельника Павла, водворился на той же рѣкѣ Нурмѣ, нѣсколько выше, другой великій любитель безмолвія, именемъ Сергій, прозваніемъ Нуромскій, по имени рѣки, который имѣлъ начало и корень отъ Св. горы Авонской, и пришедши съ Востока въ предѣлы Московскіе, искалъ себя также просвѣщенія духовнаго отъ Радонежскаго свѣтила. Не малое время провелъ онъ подлѣ его спасительнымъ кровомъ и не мало дивился высокой добро-

дателя Сергія Греческаго, Русскій нашъ Сергій, возлюбившій духовную его беседу; сердца ихъ, какъ многолюдная земля, приемиа взаимно духовныя съмена добродетели, орошали ихъ дождемъ раннихъ благодатныхъ слезъ и приносили Богу сторицейный плодъ. Но Аѳонскій безмолвникъ помышлялъ удалиться псаломски и водвориться въ глубочайшей пустынь, и со слезами отпустилъ его отъ себя великій нашъ Сергій. Обойдя многія безлюдныя дебри, въ Обиорскихъ предълахъ, утвердился онъ на красивыхъ берегахъ Нурмы, когда еще отшельникъ Павелъ обиталъ во внутренней пустынь, въ дуплѣ липы, какъ птица, обрѣтшая себѣ хранилище, и горлица гнѣздо свое. Возлюбилъ мѣсто пустынное Сергій, молитвенно его благословивъ, водрузилъ тутъ крестъ, поставилъ малую часовню и келлію, и сталъ подвизаться въ глубокомъ безмолвіи, доколь не собрались къ нему ученики. Побѣждаемый имъ духъ злобы, дважды возвѣгнулъ противъ него разбойниковъ, когда видѣлъ, что собственныя его страхованія, какъ дымъ, разсылаются молитвами преподобнаго. Въ первый разъ, безъ милосердія напали хищники на святаго старца и оставили его едва живаго отъ жестокихъ ранъ, но онъ воззвалъ къ Богу, въ изнеможеніи тѣлесныхъ силъ, и Господь исцѣлилъ его отъ лютыхъ язвъ, ибо Христа единого пришелъ искать онъ въ пустынь и Христомъ въ ней утвердился, не страшась убивающихъ тѣло но не могущихъ убить души. Въ другой разъ опять хотѣли напасть на него разбой-

ники, во время полуночной его молитвы, и какъ дикіе звѣри, устремились въ его келлію, но онъ со слезами воззвалъ: «Боже, въ помощь мою воими, не отступи отъ мене Господи спасенія моего!» и ужасъ объялъ его враговъ; они бѣжали, не смѣя къ нему прикоснуться, и уже болѣе не возвращались; въ рукахъ ихъ было смертоносное оружіе, а у преподобнаго одиъ лишь четки, и симъ духовнымъ оружіемъ побѣдилъ онъ враговъ. Вскорѣ потомъ Господь поставилъ на свѣтликъ сей новый свѣтликъ, дабы не оставался долге подъ спудомъ; отъяеоду начали къ нему собираться иноки и селиться около него въ кущахъ, ибо не было тутъ ни келлій, ни церкви, хотя уже собралось ихъ числомъ до 40; блаженный началъ помышлять о сооруженіи церкви и, съ помощію братіи, поставилъ малый деревянный храмъ во имя Всемилостиваго Спаса. Въ то время узналъ онъ, что новое пустынное свѣтло, Павелъ, возсіяло на тѣхъ же молчаливыхъ берегахъ Нурмы, не болѣе какъ за 4 поприща отъ его обители; онъ пошелъ посылить его и обрѣлъ пустышника Павла въ своей келліи, кормящаго изъ собственныя рукъ множество птицъ; много вѣныхъ малыхъ птицъ сидѣли на головѣ его и на плечахъ, потому что и самъ преподобный птичье житіе избралъ для себя, въ дуплѣ липы, и привыкъ обращаться съ лѣсными своими собесѣдниками. Тутъ же стоялъ медвѣдь, не страшный жителю пустыни, и, не враждуя между собою, бѣгали лисцы, зайцы и другіе

звѣри; пустынь Павла казалась малымъ Эдемомъ, ибо райская его жизнь какъ будто возвратила и райскіе нравы самой твари, такъ какъ она, вмѣстѣ съ нами, стѣнаетъ отъ нашего паденія и жаждетъ освободиться въ свободу славы чадь Божіихъ, по слову Апостола (Римл. VIII, 21. 22).

Съ духовною радостію познали другъ друга оба великіе подвижника; они сдѣлались собесѣдниками во всѣхъ своихъ духовныхъ предпріятіяхъ и часто посвящала одинъ другаго, утверждался взаимно на высокіе подвиги. Павель избралъ себя духовнымъ отцемъ Сергія, облеченнаго въ санъ пресвитерскій еще на Св. горѣ Авонской, и часто пріобщался, изъ святыхъ его рукъ, тѣла и крови Христовыхъ въ его обители, исповѣдуя ему все свои помышления; но и Сергій ничего не таилъ отъ Павла, что было у него на сердцѣ, ибо они были оба близкіе служители единого Бога и, въ пустынныхъ скорбяхъ, помогали другъ другу. Случилось однажды Павлу выйти изъ келліи и походить по пустыни; когда же возвратился, увидѣлъ келлію свою разметанною до основанія; страхъ человѣчскій внезапно объялъ его и онъ бѣжалъ къ преподобному Сергію рассказать ему свою печаль; но Сергій, болѣе опытный въ дѣлѣ духовномъ, уразумѣлъ, что это было только мечтаніе бѣсовское и сказалъ Павлу вселомское слово: «Богъ намъ приближиге и сила (Псал. 45, 2), иди, братъ мой Павель, ты обрѣтешъ келлію свою неразрушенною.» Повѣряя ду-

ховному отцу своему отшельникъ и, возвратясь, дѣйствительно нашелъ келлію неповрежденною.

Когда случалось преподобному Сергію посещать сына своего духовнаго, Павель, исполненный къ нему глубокимъ уваженіемъ, провожалъ его болѣе нежели на двѣ трети разстоянія до его обители, и мѣсто сіе досель обозначено часовнею, во свидѣтельство взаимной ихъ любви. Уже преподобный Сергій, удручаемъ болью глубокою старостию и отъ многихъ трудовъ изнемогающъ; пріенный ученикъ пришелъ въ послѣдній разъ посетить его, ибо уже ожидалъ скорого его отхожденія въ вѣчную жизнь; тягостна была для него разлука съ отцемъ и собесѣдникомъ многихъ лѣтъ пустынной жизни и, обливаясь слезами, просилъ онъ себя прощенія и благословенія умирающаго старца. Когда оба умоляли нѣсколько отъ слезъ, великій Павель разсказалъ великому Сергію, какъ на одномъ мѣстѣ его пустыни, въ подгоріи на рѣкѣ Нурмъ, слышался ему звонъ благовѣста и видѣлся дивный свѣтъ. Блаженный Сергій принялъ сіе за указаніе Божіе и, въ духѣ пророческомъ, предсказалъ другу своему: что на томъ мѣстѣ соорудится обитель во имя Пресвятыя Троицы и многие въ ней спасутся. Такъ, воздавши другъ другу послѣднее цѣлованіе, они разошлись во временной жизни, для свиданія въ вѣчной, и Павель возвратился во внутреннюю свою пустыню, чтобы тамъ озаботиться устроеніемъ обители, а Сергій сталъ готовиться къ отшествію въ вѣчныя обители.

Онъ собралъ братію и возвѣстилъ ей о предстоявшей разлукѣ, ибо самъ уже долженъ былъ воздать общій долгъ смертный; послѣднимъ назиданіемъ старался онъ утвердить учениковъ своихъ во взаимной любви и въ исполненіи правилъ церковныхъ, общая имъ отъ Господа будущее блаженство, если исполнять заповѣди отца своего. Приобщившись Св. таинъ, посреди общаго плача, Сергій предалъ чистую свою душу Богу, Октября 7-го 1413 года, въ день своего Ангела, мученика Сергія, и тѣло его было погребено, близъ созданной имъ церкви Провсхожденія честныхъ дровъ. Ученикъ и постриженникъ его Алексій, котораго уступилъ онъ собесѣднику своему Павлу, въ новую его обитель, сохранилъ намъ описаніе подвиговъ великаго своего учителя, передавъ оное будущимъ настоятелямъ обители Обнорской. Много лѣтъ спустя послѣ кончины, явился Сергій одному благоговѣйному иноку своей обители, ночью, когда тотъ находился въ тонкомъ снѣ, и велѣлъ сказать игумену съ братією: чтобы очистили гробъ его, ибо не хочетъ Господь долге оставлять его въ неизвестности. «Кто ты?» спросилъ смятенный инокъ, и явившійся отвѣчалъ: «я грѣшный Сергій, бывший некогда начальникомъ сего мѣста,» и указалъ самый гробъ свой. Дважды и трижды являлся онъ иноку, который сперва принималъ явленіе сіе за неприязненное мечтаніе, доколь наконецъ не былъ пораженъ болѣзнію; тогда только рѣшился, со слезами покаянія, открыть видѣніе

свое и ослушаніе настоятелю и указать мѣсто гроба Сергіева, подлѣ напертію церкви: тутъ надъ гробомъ получилъ онъ и внезапное исцѣленіе отъ приключившейся ему болѣзни, и когда поставлена была надгробная рака, съ иконою преподобнаго Сергія, многія потекали отъ нея исцѣленія расслабленнымъ, бѣснующимъ и одержимымъ всякаго рода болѣзнями.

Между тѣмъ преподобный Павелъ сталъ приводить въ исполненіе завѣщаніе духовнаго отца своего Сергія, объ устройствѣ обители: взявъ съ собою одного изъ братіи, пошелъ онъ въ столичный градъ просить благословенія у Митрополита Всероссийскаго Фотія, на сооруженіе церкви во имя живоначальныя Троицы. Митрополитъ не показалъ сперва никакого вниманія къ просьбѣ пустышника и даже принялъ его нѣсколько сурово; но Павелъ сказалъ ему: «не по твоему слову все исполнится, а какъ угодно будетъ Пресвятой Троицѣ.» — Въ слѣдующую ночь страшное видѣніе видѣлъ Святитель и слышалъ голосъ: «за чѣмъ оскорбилъ ты человека Божія? не знаешь ли, что оскорбляешь самаго Христа, благоволившаго, чтобы исполнилось дѣло сіе? поспѣши найти старца и, признавъ къ себѣ, все исполни по его волю, какъ тебѣ скажетъ; если же сего не слышишь, много за то пострадаси.» Одержимый страхомъ, безъ сна провелъ всю ночь Митрополитъ, и утромъ разослалъ многихъ людей отыскать преподобнаго; его нашли въ одной изъ обителей. Владыка

встретил его съ особенною честью, въ дверяхъ своей храмины, и, испросивъ прощенье своему неведъшию, пожелалъ подробно слышать о начаткахъ пустынной жизни его и обители. Блаженный, съ полною откровенностію, разсказалъ ему все, и Святитель Фотій, возлюбивъ его за кроткій нравъ, благословилъ соорудить церкви и составить общежитіе. Много далъ онъ ему милостыни и даже собственную одежду, которую сперва не хотѣлъ принять любитель нищеты, но принужденъ былъ обмѣнять ее на свою худую ризу, которою дорожилъ Митрополитъ. Съ такимъ успѣхомъ возвратился онъ въ свою Обиорскую пустыню; тамъ соорудилъ церковь во имя Пресвятыя Троицы и около нея устроилъ обитель общежительную.

Собранной братіи предалъ онъ древніе общежительные уставы Св. отецъ, Пахомія великаго и Феодосія Кинсїарха, и строго наблюдалъ, чтобы все исполнялось по заповѣдямъ отеческимъ, ничто ничего не называлъ бы своимъ, а все было общее; совершеннаго безмолвія требовалъ Павелъ отъ братіи, и въ церкви, и за трапезой, и на работахъ монастырскихъ, говоря, что лучше пасть съ какой либо высоты, нежели отъ своего языка; онъ внушалъ любовь къ нищимъ, напоминала о собственномъ убожествѣ; наконецъ же запрещалъ сдѣловать въ чемъ либо своей волѣ и подавать соблазны другимъ, предавался невоздержанію; рукодѣліемъ изгонялъ праздность и содержалъ въ обители миръ, ибо отчетливо распределено было вре-

мя каждому дѣлу, церковному и келейному. Ученика своего Алексія, облебеннаго въ санъ пресвитерскій, поставилъ начальствовать и священнодѣйствовать въ своей обители, а самъ, любя молчаніе, уединился въ прежней своей келліи на пологорь, приходя только къ церковнымъ службамъ; оттого, наблюдая молитвенно братію, съ утѣшеніемъ видѣлъ уже тѣлесными очами то, что некогда прозрѣлъ духовными:— устроение обители живоначальныхъ Троицы въ Пуромекой юдоли.

«На кого воззрю, говоритъ Господь чрезъ Пророка Исаію, какъ только на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ монахъ?» (Ис. 66, 2.) Возвратъ онъ и на угодника своего Павла, за его тихій и смиренный нравъ, и прославилъ его даромъ прозорливости, мудраго совѣта и чудестъ, ибо онъ умѣлъ различать тайные помыслы учениковъ своихъ и исцѣлялъ благодатнымъ словомъ, не только душевныя ихъ болѣзни, но и тѣлесныя; все къ нему прибѣгавшіе, съ душевною печалію, отходили послѣ его бесѣды съ духовнымъ утѣшеніемъ, ибо слово его было растворено солю евангельскою. При изнеможеній тѣлесныхъ своихъ силъ, не оставляя онъ монашескаго подвига, хотя ученики просили его дать отдыхъ ослабляющему тѣлу, и строго соблюдать все келейное правило, не позволяя плоти своей одолять духъ. Въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ всегда являлся въ обитель, въ субботу и воскресенье, чтобы встрѣтить праздникъ съ братією, какъ некогда великіе Отцы пустыни

Палестинской, Евонимій и Савва, присутствовали при трапезѣ, показывая видъ будто отъ нея вкушаютъ, когда пищу его были только хлѣбъ и вода и су-ровое зелье, и потомъ опять возвращался на без-молвіе въ свою нагорную келью. Такъ достигъ онъ глубочайшей старости, 112 лѣтъ, ихъ конхъ 50 провелъ въ различныхъ пустыняхъ, послѣ сво-его постриженія на 22 году возраста, и 40 лѣтъ во вновь устроенной имъ обители Обнорской; но видъ его былъ свѣжъ и бодръ до самой кончины, тахѣ и свѣтлыя очи, седая окладистая борода и несогбенный станъ.

За нѣсколько времени до блаженнаго преста-вленія, чувствуя скорое свое разрѣшеніе отъ тѣ-ла, пачалъ онъ еще болѣе безмолвствовать и уединяться, приготавливая себя къ таинственному исходу отъ времени въ вѣчность. Въ день Бо-гоявленія, когда пришла къ нему братія преже литургіи, внезапно вздохнулъ онъ изъ глубины ду-ши и прослезился; ученики спросили о причинѣ слезъ? и старецъ сперва не хотѣлъ имъ открыться, но потомъ, убѣжденный ихъ мольбами, сказалъ: «въ сей день и часъ, безбожные Татары пленили градъ Кострому, предали его огню и мечу, и многихъ увели въ плѣнъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ, ибо мы оставили путь правды и ходимъ въ во-ляхъ сердецъ нашихъ и плотскихъ мудрованияхъ.» Дѣйствительно, въ тотъ самый день, совершилось разореніе Костромы отъ Татаръ, которые впослед-ствіи разорили и собственную его обитель, по уже

послѣ его преставленія, ибо Господь не хотѣлъ посылить его сею новою скорбію на исходъ жизни. Нѣсколько дней спустя, совершенно изнемогъ бла-женный Павелъ и, чувствуя приближеніе смерти, созвалъ къ себѣ всю братію; съ молитвою завѣ-щала онъ ей, соблности отеческое преданіе и уставъ общаго житія, о которомъ столько заботился, и призвалъ во свидѣтели Бога прогнѣвъ нарушителей оного, повелевая изгонять ихъ изъ обители; устроеніе ея поручилъ онъ присному ученику своему Алек-сію и обѣщала: если соблюдутъ его заповѣди, бо-гоугоднымъ житіемъ, и самъ онъ обрѣтетъ благо-дать предъ Господомъ, — молиться, чтобы прощала обитель и да не постигнуть ихъ бѣдствія за нару-шеніе закона. «Любите не лицемерную имѣйте между собою, сохраняйте преданіе и Богъ мира да будетъ съ вами, и утвердитъ васъ въ любви сво-ей.» Это были послѣднія прощальныя его слова; въ самый часъ исхода пожелалъ онъ еще однаж-ды пріобщиться божественныхъ таинъ; потомъ благословилъ братію и, пролившись на одръ своемъ, осыпалъ себя знаменіемъ крестнымъ; въ тихой мо-литвѣ предавъ онъ святую свою душу Богу, оставивъ по себѣ добрую память хотящимъ слѣдовать по его стопамъ.

Лице усопшаго было свѣтло и ясно, ибо Го-сподь прославилъ своего угодника: съ надгробнымъ вѣнцемъ, поднявъ тѣло блаженнаго своего учителя изъ уединенной кельи, братія понесла его на гла-вахъ своихъ, чрезъ пустынные воды Нурмы, и

погребла близъ храма живоначальныя Троицы, въ 10 день Января 1429 года, на 40 году существованія созданной имъ обители. Достойный ученикъ Алексѣй заступилъ его мѣсто, стараясь подражать его подвигамъ и утѣшить братію о лишеніи такого отца. Послѣ долгаго управленія обителью, онъ поручилъ ее преемнику своему Николу, при которомъ начали сооружаться каменные храмы на мѣсто деревянныхъ, соборъ живоначальныя Троицы и трапезная церковь Успенія Богоматери, потому что, ради многихъ чудесъ и исцеленій, истекавшихъ отъ гроба преподобнаго Павла, милость Державныхъ земли Русской обратилась къ его обители; самъ благочестивый Великій Князь Василій Иоанновичъ, на пути своемъ въ Кирилловъ, поестилъ Обнорскую пустыню и далъ богатую милостыню для сооруженія ея храма. Но несколько спустя, при четвертомъ игуменѣ Протасіи, постигло ее бѣдствіе предвидѣнное блаженнымъ основателемъ: разореніе отъ Татаръ Казанскихъ, которые въ послѣдній разъ опустошили землю Русскую, предъ самымъ паденіемъ своего царства. Бѣдственное сіе разореніе трогательно описано, въ сказаніи о жизни преподобнаго Павла, и напоминаетъ умилительную повесть, о избіеніи святыхъ Отецъ въ пустыняхъ Синайской и Раиеской, которыхъ память чувствуется Православною Церковію.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1538 года, толпы Казанскія устремились въ предѣлы Вологодскіе, все предавая огню и мечу; проникнувъ въ Комельскіе лѣса, не-

чаянно напали они на Иннокентіеву пустынь, сожгли въ ней церковь Юанна Предтечи и келліи, умертвили трехъ старцевъ и захватили много пленныхъ. Некоторые однако, покрытые ранами, спалились отъ ихъ рукъ, и бѣжали возвестить о томъ въ соседнюю обитель преподобнаго Павла; смутились пустынные отцы и сами разбѣжались, одни въ городъ Вологду, другіе по окрестнымъ мѣстамъ, ничего не захвативъ съ собою, кромѣ одной одежды, а все что было общекельной казны оставили въ монастырѣ. Не болѣе десяти человекъ братіи остались въ обители, удрученные старостию, а нѣкоторые, по вѣрѣ къ преподобному, не хотѣли бросить святаго мѣста. Обрѣкли себя на смерть, они все сошлись въ одну келлію и со слезами начали молить живоначальную Троицу, призывая на помощь пречистую Богоматерь и преподобнаго отца своего Павла, дабы умилосердился Господь и отвратилъ отъ нихъ праведный гнѣвъ свой, и не допустилъ варваровъ до святаго мѣста. Всю ночь провели они въ слезахъ и молитвѣ, и только къ разсвѣту мало коснулася ихъ сонъ. Одинъ изъ братіи, старецъ Ефремъ, пребывавшій 80 лѣтъ въ постѣ и подвигѣ и уже послѣдніе годы безвыходно сидѣвшій въ келліи, въ великомъ безмолвіи, сведенъ былъ отъ чрезвычайнаго утомленія въ тонкую дремоту, которую нельзя было назвать ни бдѣніемъ, ни совершеннымъ сномъ; и вотъ онъ внезапно видитъ столѣтняго старца преподобнаго Павла, который входитъ къ нему въ келлію и, взявъ его за ру-

ку, говорить из глубины сердца: «братъ мой Ефремъ, многая скорбь васъ ожидаетъ отъ безбожныхъ варваровъ; тебѣ самому быть отъ нихъ ущеишимъ и инымъ двумъ вмѣстѣ съ тобою, но одинъ изъ нихъ, поболѣвъ, исплъветъ, другіе же спасены будутъ. Не скорби о томъ, ибо смерть сія будетъ тебѣ въ животъ вѣчный; а монастырь вашъ, хотя и будетъ сожегъ и разграбленъ, но послѣдствіи еще болѣе распространятся и исполнятся многихъ благъ.» Сказавъ сіе, вышелъ изъ келліи старецъ; Ефремъ же, восприявъ, разсказалъ братіи то, что видѣлъ и слышалъ; бывшіе съ нимъ много скорбили о предстоявшей погибели; тѣ, которые еще могли, ускользнули изъ обители, но которые не могли остаться, чая неминуемой смерти отъ звѣрскихъ враговъ.

Уже былъ четвертый часъ дня, а варвары не приходили, и потому братія, вышедшая изъ монастыря, надѣясь провести еще спокойно тотъ день, опять возвратилась къ оставшимся инокамъ, и все собрались въ трапезу пять часовъ. Одинъ изъ нихъ, Даниилъ, выйдя изъ окна трапезнаго, съ ужасомъ увидѣлъ конную толпу Татаръ, выезжавшихъ изъ лѣса, и горько вздохнувъ, сказалъ: «братія, нынѣ умираемъ; тѣ, отъ которыхъ чаяли спастись, уже приближаются къ монастырю!» Объятые ужасомъ, отцы начали молитвенно налагать на себя схимы, сълезно прощаясь другъ съ другомъ, при последнемъ постриженіи въ великій ангельскій образъ. Какъ только инокъ, по имени Діонисій, вышелъ

изъ трапезы, хищники, обнаживъ его, покрыли ранами и отсекли голову. Другіе два брата скрылись: одинъ подъ печью, а другой въ трапезной трубѣ; третій же, по имени Ферапонтъ, силою Господа Иисуса Христа и молитвами преподобнаго, невидимо прошелъ посреди враговъ. Еще пять человекъ братіи вбѣжали въ церковь и со слезами тамъ молились; варвары же, ворвавшись въ трапезную, устремились вслѣдъ за ними, сорвали съ нихъ не только схимы, но и до последней ризы, и узавивъ многими ранами, оставили полуживыми въ храмѣ; сами же, какъ лютые звѣри, разсыпались по келліямъ, ища себѣ добычи. Такъ вошли они въ келлію, гдѣ пребывалъ Ефремъ, и съ нимъ два брата Мина и Митрофанъ; хищники стали мучить старца, послѣ многихъ истязаній, съвирую сзади пересѣкли ему шею, но не совсѣмъ до горла, и бросили его замертво; другому инокъ, Минъ, пробилъ голову и плечи, узавивъ такими ранами, что едва держалась голова его на плечахъ; кого изъ мирянъ встрѣтили въ монастырь, всехъ изсекли. Ужасно было видѣть святолюбныхъ старцевъ, столько лѣтъ подвизавшихся въ обители, облитыхъ кровію по сединамъ своимъ и поверженныхъ у себя въ келліяхъ, или на дворѣ церковномъ: такъ исполнилось предсказаніе преподобнаго. Старецъ Ефремъ оставался еще въ живыхъ десять дней и, причастившись божественныхъ таинъ, предалъ душу Богу; Мина же, его келейникъ, исплъвалъ послѣ долгой болѣзни, а другіе отцы, Герасимъ и

Исаакій, всѣ изъязвленные, спустя несколько времени, также отошли къ Господу.

Варвары, разграбивъ все что могли, зажгли монастырь, въ которомъ уцѣлѣли только одна каменная церковь. На обратномъ пути встрѣтили они монастырскаго служителя, по имени Иоанна, пронзили его копьями, до половины пересякли шею мечемъ и, обнаживъ совершенно, бросили его на снѣгу; такъ пролежалъ онъ пять часовъ за мертво и только къ вечеру очнувшись, какъ бы отъ сна, всталъ и дошелъ до соседней избы; дыханіе его исходило уже не естественнымъ образомъ, черезъ горло, но изъ просвѣченныхъ язвъ, и едва держался въ немъ духъ жизни. Лежалъ онъ и стоналъ, ожидая смерти, какъ вдругъ слышитъ человека, говорящаго ему въ окно, «иди отсюда въ домъ свой, иначе здѣсь погибнешь.» — «Куда пойду? отвѣчать изъязвленныи не могу, не только встать, но и поднять ноги; уже изъ меня душа моя исходитъ;» но тотъ же приходившій сказалъ ему опять чрезъ окно: «встань и помолися живоначалной Троицѣ, призови на помощь преподобнаго Павла и онъ тебѣ поможетъ; приложи къ ранамъ твоимъ бумагу.» — «Гдѣ же взять мнѣ бумаги? возразилъ болящій и, почувствовавъ въ себѣ несколько силы, осмотрѣлся и нашелъ подлѣ себя бумагу; человекъ же съ нимъ говорившій у окна, съязвлася невидимъ.»

Съ изумленіемъ и радостною молитвою, Иоаннъ началъ прилагать бумагу къ язвамъ своимъ, думая самъ въ себѣ: кто былъ сей таинственный

пришелецъ и какъ дойти до своего жилища на разстояніи трехъ верстъ, въ морозъ и ягель, покрытому одними лишь ранами, безъ всякаго даже рубища? Такъ размышляя и проливая слезы о предстоявшей ему гибели, внезапно всталъ онъ въ легкое забвеніе, и увидѣлъ предъ собою благоуханнаго старца, который сказалъ ему: «еще ли не видишь надъ собою человеколюбія Божія? посмотри, сколькими ранами ты пронзѣнъ. Кто могъ въ такой морозъ согрѣть твое тѣло и дать тебѣ довольно силы, чтобы совершенно не изнемочь, тотъ укрѣпитъ тебя и на пути; только ты не сомнѣвайся, но вѣруй, что можетъ Богъ и мертвыхъ воскресить: онъ хочетъ нынѣ явить надъ тобою славу свою.» — Проснуся Иоаннъ и почувствовалъ въ себѣ силу, какъ бы его посланію; съ вѣрою устремился въ путь и, достигнувъ хижины, нашелъ въ ней жену свою, которая едва узнала мужа: такъ измѣнился образъ его отъ ранъ. Несколько дней, безъ голоса и почти безъ движенія, пролежалъ Иоаннъ, хотя какъ бы на крыльяхъ перенесенъ былъ до своего жилища; уже начинали отчаяваться о его жизни; но онъ призвалъ мысленно на помощь преподобнаго Павла, и внезапно опять увидѣлъ предъ собою того же старца, который однажды взнесъ въ окно пустынной хижины, гдѣ онъ лежалъ. Ему показалось, что старецъ, съ ножомъ въ рукахъ, началъ вырывать его внутренность изъ глубокихъ ранъ, и въ страхъ онъ воскликнулъ: «я хотѣлъ, чтобы ты испильлъ меня, а ты парвалъ всю мою

утробу!» но старец тихо отвечалъ ему: «я только отымаю твою болѣзнь» и съ этимъ словомъ вышелъ изъ его храмыни; большой, желая удержатъ его, внезапно устремился въ слѣдъ за нимъ, какъ бы никогда не болѣвшій, и, провожая его взорами, изъ окна увидѣлъ, какъ поднялся онъ на воздухъ, къ обители Обнорской, и тамъ сокрылся. Въ ту же минуту совершенно исцѣлился Юанши; припавши предъ иконами Божіей Матери и преподобнаго Павла, прославилъ онъ угодника Божія, возвратившаго его отъ вратъ смертныхъ.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ разоренія Татарскаго, пришло на мысль игумену Протасію: поставить надъ гробомъ преподобнаго церковь каменную во имя его, съ придѣломъ надъ нею во имя блаженнаго учителя Сергія Радонежскаго, и онъ началъ копать рвы для основанія. Тогда обрѣтены были шесть мощей совершенно нетлѣнныхъ, и одинъ изъ болѣвшихъ братій, по имени Пансіи, исцѣлился отъ прикосновенія къ нетлѣннымъ тѣлесамъ. Копавшіе землю дошли до гроба преподобнаго Павла и хотѣли оставить его въ сторонѣ, но внезапно осыпалась земля и открылась часть гроба, совершенно невредимаго, какъ бы вновь сооруженнаго. Игумень посоветовался со старцами своими, чтобы, съ постомъ и молитвою, открыть гробъ преподобнаго и святыхъ его мощи; бесѣда ихъ о томъ была въ храмъ послѣ воскресной утрени; когда же возвратился въ келлію и прочиталъ правило, отъ утомленія не много задремалъ, и вотъ онъ видитъ

что отворились двери его келліи и входитъ самъ преподобный Павелъ. Съ гнѣвомъ сказалъ онъ игумену: «за чѣмъ помышляешь ты осматривать мои мощи? огонь изыдетъ изъ нихъ и пожжетъ васъ; вели скорѣе обдѣлать гробъ мой.» Въ ужасѣ воспрянулъ игумень и призвать къ себѣ мастера, по имени Григорія, рассказала ему страшное свое видѣніе, повелѣвая скорѣе исполнить волю Святаго: каменщикъ, исполненный самъ благоговіемъ, немедленно приступилъ къ дѣлу, послѣ чего въ скоромъ времени сооружена была самая церковь. Такимъ образомъ открылось сокровище его цѣлебной раки для обители; съ тѣхъ поръ неоднократно явленія преподобнаго, братіи своей и болящимъ, и частыя исцѣленія всякаго рода недуговъ надъ его гробомъ, еще болѣе прославили священное мѣсто подвиговъ великаго пустынножителя Обнорскаго.

Послѣ молебна преподобному Павлу, просилъ я радушнаго настоятеля показатъ мнѣ все достойное вниманія въ его обители, хотя немногое въ ней уцѣлѣло отъ бѣдственнаго пожара 1767 года. Въ придѣльной церкви, гдѣ стоитъ самая рака, сохранились только четыре древнія иконы высокаго Греческаго письма. Одигитріи и Святителей: Григорія, Василія и Николая чудотворца; но иконостасъ, благолюбно украшенный вышившимъ настоятелемъ, еще удержалъ характеръ старины. По трудной, крутой лѣстницѣ, взойди мы въ верхній ярусъ, гдѣ устроенъ, въ осьмиугольной палаткѣ, небольшой

придѣлъ Радонежскаго Сергія; тамъ мы нашли трехъ молящихся женщинъ.

«Двери нашей обители всегда бывають отверсты днемъ для богомольцевъ, сказали мнѣ игумень; но эти бѣдныя женщины суть несчастныя жертвы раскола, который существуетъ въ окрестности. Онѣ не смѣють явно отстать отъ мнѣнія своихъ родственниковъ и тайно приходятъ молиться въ сію верхнюю церковь, надъ самую ракою преподобнаго, гдѣ никто не можетъ ихъ видѣть. По возможности я стараюсь входить въ собесѣдованіе съ людьми, зараженными расколомъ, не въ качествѣ учителя; но они остерегаются насъ духовныхъ и говорятъ только, что каждый долженъ оставаться при своемъ; а между тѣмъ имъ кажется не совсемъ неприятнымъ нашъ порядокъ церковнаго богослуженія, и есть у нихъ усердіе къ преподобному.»

Слушавшись опять въ нижнюю церковь, мы по порядку вошли въ ризницу, которая находится подъ колокольнею между церковью и соборомъ, но и тамъ нашли мало примѣтельнаго: все истребиль пожаръ. Самый соборъ Пресвятой Троицы, который былъ прежде весьма великолѣпенъ своими украшеніями, представляетъ теперь одни слабые остатки бывшаго величія. Изъ древнихъ образовъ уцѣлѣли только двадцать четыре, въ верхнихъ ярусахъ весьма убогаго иконостаса, а нижніе два наполнены новыми.

«Послѣ пожара 1767 года, сказали мнѣ игу-

мень, не болѣе какъ чрезъ десять лѣтъ, постигло и другое бѣдствіе нашу обитель: она была совершенно ограблена разбойниками, которые печально на нее напали ночью и унесли то, что пощадило пламя. Но прежде пожара, особеннымъ великолѣпиемъ славился соборъ; весь иконостасъ горѣлъ среброкованными иконами; внутри самый алтарь былъ ими украшенъ, а поверхъ иконъ, на сводахъ, сияли золотомъ и серебромъ, изваянія крылатыхъ Серафимовъ и Херувимовъ: это должно было представлять для глазъ чудное зрѣлище. Теперь же вотъ что осталось намъ отъ древняго богатства и святости, продолжалъ игумень, указывая на икону въ ростъ преподобнаго, которая еще была украшена по вышну и патамъ драгоценными камнями. Но у насъ есть болѣе дорога икона въ трапезной церкви, не по богатству оклада, а по другому ея достоинству, потому что преданіе монастырское гласитъ, что это есть подлинный образъ нашего великаго основателя, писанный съ него преподобнымъ Дионисіемъ Глушицкимъ, врантно въ то время, какъ онъ поселился близъ его лавры.»

Осмотрѣвъ северный придѣлъ во имя Претечи, престола коюго, какъ Ангела пустыни, встрѣчаются въ большей части Комельскихъ обителей, мы вошли въ темную трапезную церковь Успенія Богоматери, довольно пространную и примыкающую къ кельямъ настоятельскимъ. Она также украшена усердіемъ нынѣшняго игумена, и въ ней есть двѣ древнія иконы: храмовая Успенія Богоматери

и Одигитри, къ которой имють особенное усердіе окрестные жители; обѣ сіяють драгоценными камнями и жемчугомъ. Но все мое вниманіе привлекаетъ небольшой аналойный образъ самаго преподобнаго Павла, о которомъ говорилъ мнѣ настоятель. Утѣшительно было смотреть на этотъ старческой благоуханный ликъ, какъ бы обновленный юностію орлею, отъ самаго подвига высокой столѣтней жизни; тихіе взоры и седая окладистая борода свидѣтельствовали о вѣрности списка, сходно съ тѣмъ, какъ былъ описанъ наружный видъ преподобнаго въ его житіи.

Тутъ же, предъ иконою, хранился его льное жилище въ дубравѣ, — остатокъ того липоваго дупла, въ которомъ обиталъ три года по подобію пернатыхъ, какъ птица особищаяся на гнѣздѣ своемъ. Нельзя было безъ удивленія смотреть на эту необычайную пустынную келію чуднаго отшельника, въ которой не болѣе четырехъ аршинъ въ окружности, а въ высоту уцѣляло отъ нее только аршинъ съ четвертью: такими тѣсными дверьми подвизался онъ взойти въ царствіе небесное, взиралъ на птицъ небесныхъ, въ обществѣ коихъ обиталъ, и надвѣясь, подобно имъ, получить себѣ пищу отъ небеснаго Отца. Благоговѣнно приложился я къ сему священному дуплу и просилъ удѣлить мнѣ хотя малѣйшую частицу отъ его древа, какъ бы въ благословеніе отъ самаго преподобнаго Павла.

Мнѣ хотѣлось воспользоваться остаткомъ вечера, чтобы посѣтить бывшую обитель Нуромскую, за че-

тыре версты выше Обнорской, и я просилъ добраго игумена проводить меня туда, для поклоненія гробу преподобнаго Сергія, учителя его блаженнаго Аввы; отецъ А*** уже предупредилъ мое желаніе и все было готово для поѣздки. «Это моя забота, говорилъ онъ, чтобы преподобному воздано было должное чествованіе и вы бы не лишились такого утѣшенія, ибо блаженные отцы наши Сергіи и Павелъ связаны были между собою столь тѣсно духовною любовію, что и молитвенно не должно раздѣлять ихъ.»

Малопрѣзжая дорога пролегала по оврагамъ, вверхъ по теченію рѣки Нурмы, и два селенія встрѣтились намъ на пути; жители съ любовію подходили къ благословенію уважаемаго ими настоятеля и онъ ласково приветствовалъ каждаго изъ нихъ. Въ перелѣскѣ, не доѣзжая Нуромскаго села, игумень указалъ мнѣ уединенную часовню. «Здѣсь разставались преподобные, сказалъ онъ, и сюда выходятъ крестные ходы въ день ихъ памяти; драгоценно для насъ такое преданіе.»

Мы подъѣхали къ обширной оградѣ монастырской, которая теперь обозначаетъ обширное кладбище кругомъ пустынной церкви; она возвышалась въ два яруса, весьма благоуханно, на скатѣ холма къ смиренной Нурмѣ, которая живописно извивается по своей пустыннолюбивой долинкѣ, нѣкогда поросшей дремучими лѣсами и какъ бы созданной для житія иноческаго; еще и доселѣ разсыпаны тѣлныя рощи по прибрежнымъ высотамъ. При-

ходский священник былъ въ отсутствіи; покаместъ сторожъ ходилъ за церковными ключами, мы любовались красотой местности, которая могла напомнить пришельцу Афонскому, преподобному Сергію, икоторыя изъ лѣсистыхъ юдолей родной ему Св. горы, гдѣ быть можетъ стоялъ его уединенный скитъ.

Отворили церковь; мы вошли сперва въ верхній храмъ Спасовъ, еще украшенный многими древними иконами и достойный обители; потомъ спустились въ нижній придѣлъ во имя самаго преподобнаго, гдѣ подъ деревянною сѣнію стоитъ его гробовая рака; съ любовью поклонился я старшему изъ пустынножителей Вологодскихъ, пришедшему съ Востока освятить молитвою безлюдныя нѣкогда дебри и огласить дремучіе лѣса церковными гимнами. При его ракъ прошался я и со всеми послѣдователями святой его жизни въ сихъ пустыняхъ, ибо это уже была крайняя обитель угодниковъ Божіихъ, здѣсь прославленныхъ, на рубежѣ Вологодскомъ; душа жаждала молитвы и настоятель понималъ мою тайную мысль, когда тихо произнесъ надъ гробомъ преподобнаго Сергія тропарь и кондакъ его, проникнутые дыханіемъ пустыни:

«Желаніемъ духовнымъ разгараясь, пребогате, слезъ твоихъ теченіемъ душу свою напоилъ еси и аже изъ глубины въздыханій узлявшаея сердце твое, и, бодренными молитвами и всенощнымъ предстояніемъ Владыцѣ Христу, многодобротеленъ плодъ принесть еси самъ себе; — сего ради, яко

Божій угодникъ, свѣтло міру показался еси, сія чудеса, Сергіе отче нашъ, теплый молитвенниче къ Богу всегда о насъ; того моли, да спасетъ души наша.»

«Яко звезда пресвѣтлая, отъ Святыхъ горы превозшедши, доброты чудесъ твоихъ весь міръ просвѣтилъ еси; Христовъ бо крестъ вземъ, послѣдовалъ еси ему въ пустынномъ озлобленіи, въ молитвахъ же и пощеніихъ, во бдѣніихъ же и злостраданиихъ изурнувъ плоть свою; тамъ же и Христосъ даромъ чудесъ одари тебе. Ему же о насъ молясь, посещай чадъ своихъ, да зовемъ ти: радуйся Сергіе отче нашъ, пустынный жителю.»

Мы возвратились въ обитель Обнорскую только на краткій часъ; радушный игуменъ предлагалъ мнѣ гостепріимный кровъ свой на ночь, потому что уже свечерялъ день, и не хотѣлъ отпустить меня, не проводивъ до большой дороги. Тамъ, на берегу Нурмы, въ той часовнѣ, гдѣ впервые поклонился я ликамъ блаженнаго Павла и другихъ преподобныхъ Вологодскихъ, дотолъ мнѣ неизвестныхъ, мы разстались; та же чаша студеной воды стояла у входа, для освѣженія мимоходящихъ, и на сей разъ я зачерпнулъ ее для утоленія своей жажды; тѣ же священные лики встрѣтили меня въ молитвенной хранищѣ, но на сей разъ они были болѣе близки моему сердцу, потому что я уже посетилъ ихъ пустынную обитель и принадлежалъ къ цѣлебнымъ ракамъ сихъ Ангеловъ пустыни и небесныхъ людей; тѣ, которые были мнѣ прежде, какъ бы

чужды, потому что о них не ведалъ, сдѣлались
теперь пріисными моему сердцу. Съ этимъ сладост-
нымъ чувствомъ оставлялъ я мѣста, исполненные
ихъ иноческихъ подвиговъ, и вотъ, на краю сей
пустынной области, одинъ изъ преемниковъ и блю-
стителей уединенныхъ обителей, разсыпанныхъ въ
лѣсу Комельскомъ, какъ бы отъ лица ихъ, благо-
словлялъ меня въ дальнейшій путь по жизненной
многомятежной дорогѣ.

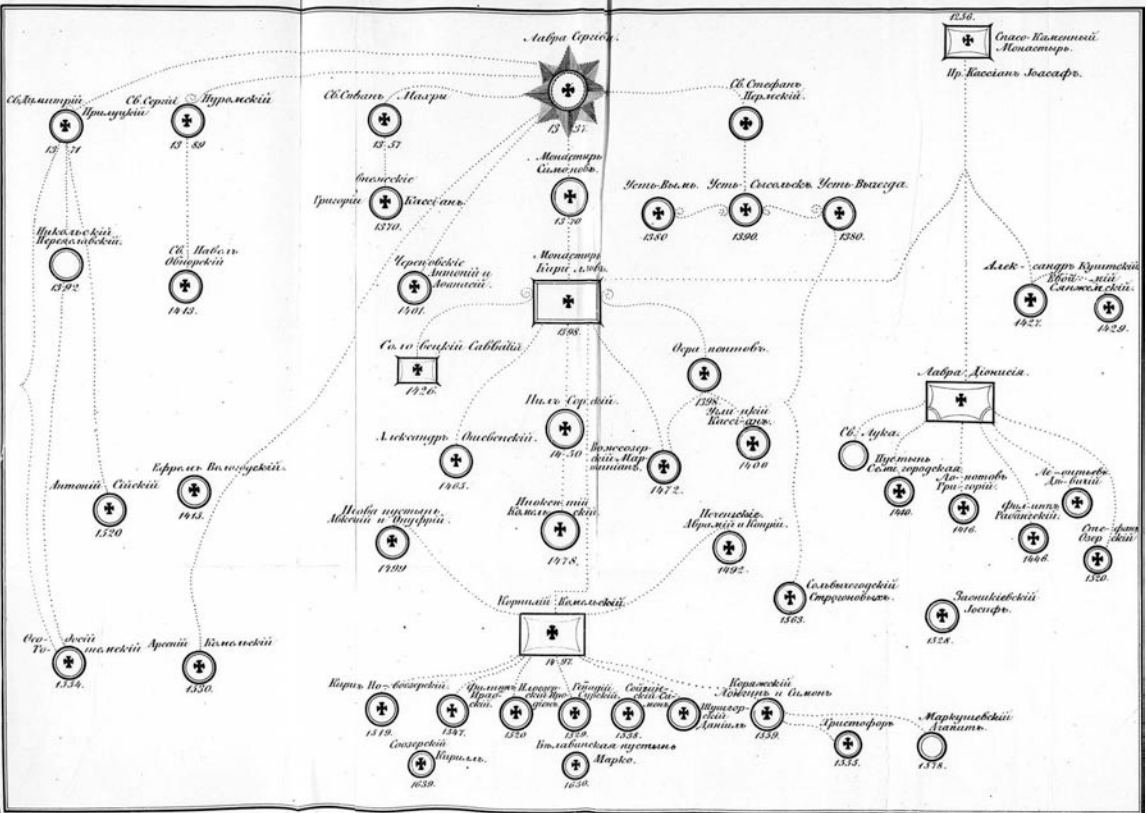
ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:		Должно читать:
<i>Стр. строкъ</i>		
66.	4 снизу болѣе извѣстныя	большую извѣстность
119.	1 свер. суровкое	суровое
212.	18 — иѣсколько	иѣсколько.
	21 — ся	его
214.	15 — сказавъ	сказавъ
282.	8 — было	было
370.	11 снизу. большюю	большюю
380.	2 свер. оставялъ и	оставялъ я
393.	5 снизу Спасокаменный на озерѣ,	Спасокаменный монастырь на озерѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Вступление	4.
Обитель Комельская	20.
Уставъ преподобнаго Корнилія	48.
Вологда	65.
Лопотовъ монастырь преподобнаго Григорія	74.
Глушницы преподобнаго Діонисія	89.
Аменлохій и другіе ученики пр. Діонисія; его Лавра и Сосновець	115.
Преподобный Галактіонъ Вологодскій	132.
Кирилловъ монастырь	141.
Св. Кириллъ Бѣлозерскій	147.
Послания и ученики преподобнаго Кирилла	172.
Церкви Кирилловой обители	189.
Келліи Патриарха Никона	207.
Ивановскій монастырь	222.
Ограда, оружейная и ризница	250.
Горны	275.
Пустынь Нила Сорскаго	285.
Послания преподобнаго Нила	294.
Скитскій уставъ Глава I.	303.
— — Глава II.	307.
— — Глава III и IV.	317.
— — Глава V и VI.	321.
— — Глава VII.	332.
— — Глава VIII и IX.	338.
— — Глава X. и XI.	342.

	<i>Стр.</i>
Церковь и гробница преподобнаго Нила	348.
Преподобный Ферапонтъ	356.
Преподобный Мартинианъ	280.
Спасокаменный монастырь на озерѣ, преподобный Юасафъ . 393.	393.
Куштская пустынь преподобнаго Александра	419.
Прилуцкiй монастырь преподобнаго Димитрія	434.
Комельскiй дѣсь и отшельники Пиннокентiй, Стефанъ и Арсенiй	454.
Обитель Обнорская, преподобнаго Павла	469.

Царство Архангеловъ Свѣтлѣ